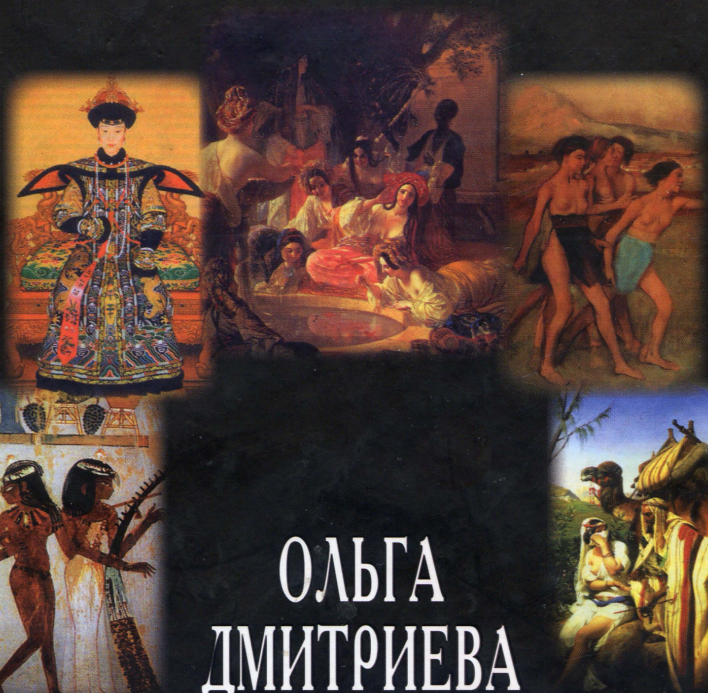


ОЛЬГА
ДМИТРИЕВА

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГАРЕМОВ

ОЛЬГА ДМИТРИЕВА

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГАРЕМОВ

Ростов-на-Дону
Феникс

Краснодар
Неоглори

2010

УДК 613.8(091)
ББК 63.3(0)
КТК 036
Д53

Scan By Vitaulus & Kali

Дмитриева О.
Д53 Тайная жизнь гаремов / О. Дмитриева. — Ростов н/Д : Феникс ; Краснодар : Неоглори, 2010. — 251, [5] с.: [64] л. ил.

ISBN 978-5-222-17447-0 (ООО «Феникс»)
ISBN 978-5-903877-06-5 (ООО «Неоглори»)

Полигамия имеет давнюю историю. Когда-то она была нормой жизни практически во всех общественно-политических формациях, затем господствующей формой брака стала моногамия, но у огромной части населения Земли, и, в частности у мусульман и индуистов, по сей день допускается многоженство.

В данной книге рассказывается о полигамии в разных странах, у разных народов и в разные периоды истории: в затерянных диких племенах, у американских мормонов, в императорском Китае, крепостях индийских рыцарей-раджпутов и, разумеется, в султанском Великом Серале, ибо полигамия в сознании западного человека — это прежде всего гаремы, в которых со всех сторон света императоры, султаны и принцы собирали прекраснейших женщин. Плотная завеса тайны окружала эти закрытые, сложно организованные мирки, и лишь познакомившись с их повседневной жизнью, можно понять, почему именно институт гаремов стал основной причиной падения Османской и Китайской империй и как из-за высоких стен сералей и запретных городов их обитательницы «управляли Вселенной».

УДК 613.8(091)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-222-17447-0
(ООО «Феникс»)
ISBN 978-5-903877-06-5
(ООО «Неоглори»)

© Дмитриева О., 2010
© Оформление.
ООО «Неоглори», 2010
© ООО «Феникс», 2010

ВВЕДЕНИЕ. МНОГОБРАЧИЕ — РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ?

Полигамия* имеет давнюю историю. Когда- то она была нормой жизни практически во всех общественно-политических формациях, затем господствующей формой брака стала моногамия**, но у огромной части населения Земли, и, в частности у мусульман и индуистов, по сей день допускается многоженство. У обоих институтов брака есть свои сторонники и противники, причем в последнее время в защиту полигамии стали раздаваться голоса в традиционно моногамных христианских странах, а за ее запрет — в мусульманских.

Сторонники многоженства утверждают, что оно является средством выхода из демографического кризиса, возникающего в результате войн, когда смерть буквально «выкашивает» мужчин на полях сражений. Называют полигамию также актом милосердия для женщин, не имеющих возможности найти себе мужа в мирное время, ибо в большинстве человеческих обществ слабый пол численно преобладает над сильным. Так, в афро-американской общине США не имеет никакого шанса выйти замуж каждая четвертая темнокожая американка, а российская специфика — сверхсмертность мужчин, среди которых основную группу риска составляют россияне двадцати — сорока пяти лет. И именно в России, где преобладающее количество населения составляют православные христиане, в октябре 2001 года в Думу — высший Законодательный орган страны — был внесен на рассмотрение запрос «об внесении изменений в семейный кодекс РФ». За этой деликатной формулировкой скрывалось предложение ввести в России наряду с традиционным моногамным браком институт полигамных семей, где один муж сможет иметь четыре жены. Эта поистине революционная идея чрезвычайно оживленно обсуждалась депутатами, была отвергнута подавляющим большинством голосов и получила неожиданное освещение в Интернете. Как известно, в полигамной семье муж

** Полигамия (от поли — много и греч. gamos — брак) (многобрачие) — термин, обозначающий групповой брак, полиандрию, чаще — полигинию: здесь и далее примечания автора.*

Полигиния (от поли ... и греч. gupe — жена) (многоженство) — форма брака, свойственная преимущественно патриархату. Сохранялась в классовых обществах у некоторых народов, главным образом мусульманских, но широкому читателю этот термин мало известен, и обычно, когда речь идет о многоженстве, употребляется слово «полигамия».

*** Моногамия (от моно ... и греч. gamos — брак) (единобрачие) — историческая форма брака и семьи. Возникнув из парного брака в эпоху распада первобытно-общинного строя, моногамия стала господствующей формой брака.*

обязан содержать всех жен и их потомство, но россиянки, вряд ли знакомые с арабской пословицей: «Женщина — это верблюдица, которая должна пронести мужа через пустыню жизни», выразили свое отношение к многоженству со славянской прямотой, написав, «что, разумеется, четырем бабам прокормить одного мужика легче, чем одной!»

Запрос о полигамном браке, обсуждаемый в Думе, несмотря на всю свою эпатажность, был вызван серьезнейшей проблемой, а именно — демографической ямой, в которую стремительно падает Россия. Ее население при существующих темпах рождаемости уменьшится через пятьдесят лет на треть, и, по прогнозам, та же участь ожидает бывшие республики СССР: Эстонию, Латвию, Украину и Грузию. Впрочем, демографический кризис — проблема всей западной цивилизации, и катастрофическое падение рождаемости во всех развитых странах мира — еще один довод сторонников полигамии в ее пользу. Ибо, как говорят на Востоке, «пусть женщина хоть десять мужей имеет, но плод будет вынашивать в течение девяти месяцев, а муж, имеющий четырех жен, может за то же время стать отцом четырех детей». Так или иначе, но в Африке и на Ближнем Востоке за последние пятьдесят два года население увеличилось в четыре раза, и, по прогнозам ЮНЕСКО, в богатых странах через полвека оно останется стабильным, а в беднейших — увеличится вдвое. Абсолютным лидером, значительно опередив Китай, станет Индия. Вдвое снизятся темпы роста населения в Латинской Америке, а в США ожидаются изменения в национальном составе. Число американцев латиноамериканского происхождения вырастет в два раза, азиатского — в три. Доля белых жителей страны снизится с 69 до 50%.

Разрешение демографического кризиса — не единственный довод сторонников многобрачия, утверждающих, что на Западе широко распространена скрытая полигамия, выраженная в том, что многие мужчины и женщины, не порывая брачных уз, состоят одновременно в одной или нескольких длительных связях (по статистическому опросу, проведенному в России в 2005 году, каждый седьмой мужчина имеет кроме жены еще одну женщину на содержании). Полигамию рассматривают и как эффективное средство решения многих социальных проблем современного общества. Видный американский антрополог Филипп Килбрайд, набожный католик и примерный семьянин, написал об этом в своей сенсационной книге «Многобрачие в наши дни: возвращенное право выбора?». В ней говорится, что в переживающем кризис семьи обществе многобрачие (термин, который Килбрайд предпочитает «полигамии», поскольку это слово может ассоциироваться с неупорядоченными, сексуальными отношениями) способно дать стабильность и во многих случаях стать потенциальной альтернативой разводу. По Килбрайду, подобный брак — лучший выход для родителей-одиночек, работающих женщин с малыми детьми, людей преклонного возраста и для тех национальностей, где наблюдается явный дефицит

мужчин или женщин, ибо «трое или более родителей — лучше, чем один, и единобрачие — блестящий выход для многих, но не для всех, и потому для кого-то одна из форм многобрачия и есть тот якорь спасения». Проблемы общества Килбрайд объясняет ограниченностью представлений об идеальной семье: «Стопроцентная моногамия и семейная ячейка в составе мужа, жены и детей, несмотря на свою непреходящую, доказанную историей рода человеческого ценность, ни в коем случае не может и не должна считаться единственной и даже лишенной каких-либо изъянов формой семейной жизни». При этом Килбрайд, отвечая на вопросы феминисток, выступает не только за многоженство, утверждая, что «есть масса ситуаций, когда и женщине лучше иметь не одного, а нескольких мужей».

Но если на Западе стали обсуждать введение института полигамии, то не монолитен с точки зрения семейных устоев и мусульманский мир. В последние десятилетия в нем созрели экономические и социальные предпосылки, подтолкнувшие восточных мужчин к бракам «западного образца». Институт полигамии почти не претерпел изменений в богатых странах, таких как Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Малайзия. Там живут большими семьями, и каждая жена с детьми имеет свой собственный бюджет, дом или отдельную квартиру, где она может встречаться с подругами, а глава такой семьи либо преуспевающий бизнесмен, либо чиновник, занимающий высокое положение в обществе. В большинстве же мусульманских стран многоженство — довольно редкое явление. Кто-то уже не хочет, кто-то не может взять на содержание несколько жен, а огромному количеству холостяков не удается жениться даже один раз. Причина вынужденного безбрачия — невозможность удовлетворить соответствующие статусному уровню семьи невесты требования (калым, жилье). В некоторых странах Ислама (Тунис, Турция) многоженство запрещено, в других — предпринимаются попытки объявить ему войну, и неуклонно растет число противниц полигамных браков. Они мотивируют свои требования неправильной трактовкой Корана, где, по их мнению, не провозглашается право мужчины на многоженство. В Коране говорится: «Женитесь на женщинах, которые приятны вам, на двух, на трех, на четырех, а если боитесь, что не можете быть равно правдивы ко всем, то на одной», то есть надо обеспечить равное отношение с материальной, эмоциональной и сексуальной стороны ко всем женам. Но если материальное равенство достижимо, то возможно ли любить одинаково всех сразу?

Меняется ситуация и в Африке, где общие жены — давняя традиция. Из-за СПИДа в некоторых племенах отказываются от обычая обмениваться женами, пренебрегать обычаями стали даже монархи, сокращающие количество своих супруг. Мсвати Третий, свазилендский король, отец которого имел сто жен и семьсот детей, женат «всего лишь» на чуть более десятка женах, хотя по правилам он должен ежегодно вступать в брак с семью девушками из разных

районов. В некоторых африканских странах наблюдается и вовсе парадоксальная ситуация. Даже в Кении, где, по проведенному опросу, более половины жительниц страны одобряют многоженство, африканки активизировались настолько, что кенийцы были вынуждены создать общественную организацию «Мужчины за равенство полов». Каждую неделю в этот комитет обращается не менее полдюжины мужчин с жалобами на женские побои, а в Найроби прошел конгресс пострадавших мужей, на который приехали их коллеги из других африканских стран.

Какая форма брака восторжествует и в состоянии ли общество будет отказаться от традиций, определявших на протяжении веков семейные отношения, неизвестно. Не стоит также спешить с выводами и выносить категорические суждения по поводу той или иной культуры и нормы жизни. Значительно разумнее познакомиться с ними. И в данной книге рассказывается о полигамии в разных странах, у разных народов и в разные периоды истории: в затерянных диких племенах, у американских мормонов, в императорском Китае, крепостях индийских рыцарей-раджпутов и, разумеется, в султанском Великом Серале, ибо полигамия в сознании западного человека — это прежде всего гаремы*, в которых со всех сторон света императоры, султаны и принцы собирали прекраснейших женщин. Плотная завеса тайны окружала эти закрытые, сложно организованные мирки, и лишь познакомившись с их повседневной жизнью, можно понять, почему именно институт гаремов стал основной причиной падения Османской и Китайской империй и как из-за высоких стен сералей и запретных городов их обитательницы «управляли Вселенной».

*Гарем (от араб. Харам — запретное), женское помещение в мусульманском доме. В переносном смысле — жены и наложницы хозяина дома.

А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

А. Ахматова

БИБЛЕЙСКИЕ МНОГОЖЕНЦЫ

Библия не запрещает полигамию, и Ветхий Завет, повествуя о случаях многоженства патриархов, не осуждает их за это открыто. Единственным ограничением, касающимся многоженства, являлся запрет брать в жены двух сестер одновременно.

Богопослушный Авраам имел двух (или трех) жен, из которых полноправной считалась только одна, а другие являлись наложницами. Две жены и две наложницы были у праотца Иакова, и две — у Моисея. Жены соперничали между собой, и, дабы соблюсти справедливость, были созданы законы о том, как следует распределять имущество мужчины между детьми, рожденными от разных матерей. Закон защищал также права нелюбимой жены перед более счастливой соперницей и преимущества первородного сына, и *ктуба* — документ, который подписывают на иудейской церемонии бракосочетания в наше время, напоминает о временах, когда у мужа было несколько жен. Строгие еврейские мудрецы, с чрезвычайной серьезностью относящиеся к ктубе и запрещающие находиться с женой без нее «даже мгновение», выступали как самые ярые защитники прав женщины, которую можно было взять замуж лишь при условии ее полного согласия, а развестись — вовсе без оного. И ктуба, жестко обозначающая сумму, которую должен выплатить муж жене при разводе, а попечители — вдове (в древние времена — вдовам) после его смерти, создавала экономическую основу существования женщин в новой самостоятельной жизни. Она же гарантировала старшей, обладающей огромным «стажем», весьма немолодой и имеющей мало шансов устроить свою жизнь жене определенную обеспеченность. Основная сумма выплат считалась по тем временам весьма солидной. Она составляла 200 зузов (динаров), тогда как в популярной еврейской песне «Хад гадья», упоминается о козлике, которого купили всего за два зуза.

КТУБА

Начинается ктуба с того, что два свидетеля, подписи которых стоят под этим документом, заявляют: «Мы свидетельствуем, что жених такой-то, сын такого-то, сказал невесте такой-то, дочери такого-то: «Будь моей женой по закону Моше и Израиля. И, с помощью Б-жьей, я буду работать,

уважать тебя, кормить тебя, заботиться о тебе, одевать тебя так, как обычно это делают мужья в народе Израиля, по-настоящему заботящиеся о своих женах. Я дам тебе сумму денег, равную двумстам динарам (в случае, если невеста — вдова или разведенная, она получает сто динаров, так как уже получила когда-то по ктубе от прежнего мужа) и причитающуюся тебе, и я обязуюсь кормить тебя, одевать и обеспечивать тебе удовлетворение других нужд, равно как супружескую близость в положенное время» В продолжении ктубы уточняются суммы приданого, которое невеста приносит в дом жениха, и прибавки, которые жених обещает ей за это, гарантируя выплату ктубы стоимостью всего своего имущества — как движимого, так и недвижимого — которое есть у него сейчас и которое может появиться у него в дальнейшем. Он обязывается позаботиться о том, чтобы в случае его смерти или развода с нею она получила всю сумму этих денег.

Полигамия была узаконена, и все же примеры патриархов свидетельствуют о том, что вторую жену брали, если у первой долго не было детей, а идеалом семьи, по-видимому, в те древние времена считалась моногамная. Об этом можно судить уже потому, что первому человеку Адаму Бог дал только одну жену, Ной, второй праотец всего человеческого рода и его сыновья также состояли в моногамных браках, а первым двоеженцем, обладателем Циллы и Ады стал Ламех, потомок убийцы — Каина.

Библия полна сюжетов, описывающих проблемы, возникающие в полигамных семьях и приводившие иногда к трагическим последствиям: когда муж любил одну жену и пренебрегал другой, жены ревновали друг к другу, а их дети враждовали между собой. Решение Сары дать свою служанку красавицу — египтянку Агарь Аврааму в наложницы привело к раздору и изгнанию последней. Две жены Исава были в тягость Исааку и Ревекке. Сводные братья Иосифа вначале хотели убить его, а затем продали в рабство. Сын Давида Авессалом убивает своего сводного брата Амнона за то, что тот обесчестил свою сводную сестру Фамарь, и так далее. Существует даже толкование современной войны между арабами и израильтянами как некое логическое продолжение вражды между праматерями этих народов — Сарой (евреи) и Агарью (арабы).

Ссора между Сарой и Агарью была типична для полигамной семьи, где отношения между бездетной женой и плодовитой служанкой, которую предпочитал муж, складывались почти всегда сложно. И по одному из древнейших кодексов предписывалось: «Если рабыня возомнит себя равной госпоже и станет говорить ей дерзости, пусть госпожа натрет ей рот мерой соли». Но все же существование обычая, по которому сын, рожденный от наложницы, признавался законным, был выходом для жены, которая не могла дать наследника. В этом случае несчастную отправляли домой, и предусмотрительные отцы, чтобы избавить дочь от столь печальной участи, давали ей (на всякий случай) служанку, которая могла бы родить вместо госпожи. Мудрые жены,

дабы избежать конфликтов, усыновляли этого ребенка, но решение самой привести к мужу соперницу, видимо, давалось не просто. И это учитывалось законом, по которому муж мог войти к наложнице только с разрешения главной жены. Рождение ребенка наложницей давало ей определенные права, но поле битвы чаще оставалось за главной женой. Ибо многие мужчины, не желая вмешиваться в семейные склоки, поступали подобно Аврааму, сказавшему Саре: «Служанка твоя в твоих руках — делай с нею, что хочешь».

И все же положение рабынь-наложниц в Израиле было лучше, чем в других восточных странах. Господин, которому не нравилась рабыня-еврейка, проданная своим отцом в качестве наложницы, не мог перепродать ее в рабство чужому народу. Если же господин определял ее в качестве наложницы сыну, то рабыня обретала права дочери и жены, которые нельзя было отнять, даже если муж брал себе другую. В этом случае рабыня делалась свободной без выкупа. Нельзя было перепродать и пленниц, попавших в жены в качестве военного трофея. Если они переставали быть желанными своему господину, то обретали свободу.

Полигамия сохранялась у иудеев еще очень долго, оставаясь обычным явлением, о котором писал Иосиф Флавий:* «Существует у нас традиционный обычай иметь несколько жен одновременно». Впрочем, многоженство могли позволить себе только богатые люди, а бедняки были вынуждены довольствоваться одной женой. Цена невесты в эпоху, когда монет еще не чеканили, а денежной единицей служил скот, колебалась от одной до двадцати овец или коров. Позднее земледельцы стали расплачиваться плодами своего урожая, и девушку могли отдать за мешок ячменя. Затем от обмена натуральными продуктами перешли к расчетам посредством благородных металлов, куски серебра стали отрезаться на вес. Такая единица называлась «сикль» (от слова «отвешивать»). Один сикль равнялся 11,4 грамма серебра. И в Вавилоне за девочку от девяти до двенадцати лет платили 30 сиклей. В невестах не засиживались, так как по еврейскому закону отец, чья дочь осталась после двенадцати лет незамужней, обязывался отпустить на свободу одного из своих рабов и дать его дочери в мужья.

В древнейшем библейском рассказе о покупке невесты за красавицу и умницу Ревекку дали уже не скот, а необычайно высокий выкуп, показывающий, насколько ценится эта девушка, — два золотых браслета и толстую золотую серьгу весом 6,5 грамма (серьга имела у древнейших народов особое значение: она должна была защищать от дурного глаза).

Положение израильской жены было иным, чем у многих восточных народов того времени, оно не являлось положением рабыни, и влияние, которое супруга

** Иосиф Флавий (лат. Iosiephus Flavius, род. в 37 г. в Иерусалиме, умер около 100 г. в Риме), писатель-историк, происходивший из иудейского священнического рода.*

оказывала на своих домашних, было немалым. Женщина участвовала в делах семьи и сохраняла относительную независимость. Круг обязанностей был широк. Кроме основного — воспитания и выращивания детей, на нее возлагалось приготовление пищи, раздача продуктов слугам и шитье необходимой одежды. Если при этом обнаруживались определенные способности, то муж доверял ей изготовление поясов и покрывал для продажи купцам, за что жена, являвшая собой пример прилежания, уподоблялась купеческому кораблю, издалека доставляющему в свой дом богатства. Труд в Палестине, где в отличие от других стран не имелось большого количества рабов и «было больше камней, чем хлеба», ценился очень высоко, и идеальная хозяйка, женщина-работница, получала достойную оценку. В библейской хвале добродетельной хозяйке говорится: «Добродетельная женщина, как найти ее: она драгоценней кораллов, ей доверяет свое сердце супруг, и не знает он недостатка в доходах. Усердно, как пчела, хлопочет она с шерстью и льном, и руки ее радуются работе. Еще сумерек час ночной, а она уже встает и готовит еду для своей семьи и назначает работу служанкам. На деньги за свою работу она покупает виноградник. Неустанно снуют ее руки у ткацкого станка, и ночью еще долго не гаснет ее светильник, в пальцах ее прялка и веретено. Ни холод, ни снег не пугают ее людей, ибо носят они одежды из полотна и пурпур, которые она сама соткала и сшила. Наверху у городских ворот, где ее муж восседает в совете старейшин, его уважают ради нее, и счастливые сыновья ее славят свою мать».

Дом богатого еврея, управление которым должна была взять на себя жена, был обширен и имел несколько внутренних дворов. Снаружи жилище имело довольно неприглядный вид, но это впечатление было обманчиво. Внутренние дворы, выложенные разноцветной плиткой, окруженные колоннадами, с фонтанами и роскошными растениями не только давали отдохновение взору, но и дарили определенный комфорт. От палящего солнца в них защищали натянутые сверху тенты, воздух освежался водой, бьющей из фонтанов, и благоухал ароматами рассаженных вокруг роскошных растений. Во дворах принимали гостей, и они являлись парадными покоями, но сердцем дома были крыши. По их плоским кровлям можно было пройти вдоль всей улицы. На крышах раскладывали для просушки фиги и виноград; они служили для отдыха и молитв, а также местом всенародных объявлений и демонстраций. Именно по кровле, чтобы было известно всему народу, прошел Авессалом в гарем отца своего Давида для овладения его наложницами, и именно на кровли выбежали любопытные горожане, чтобы подивиться (и ужаснуться) происходящему. На крышах имелись маленькие комнаты, так называемые прохладные горницы, а внутренние покои делились на женские комнаты и спальни. Убранство зависело от достатка. У богачей оно украшалось роскошными диванами и постелями с одеялами и подушками.

Приготовление еды, возложенное на жену, несколько облегчалось богатыми «готовыми» продуктами, которые дарила природа — овощами и фруктами,

обильно и щедро употребляемыми в пищу. Ежедневно пекли хлеб. Ели баранину, телятину и дичь, но все же мяса употребляли меньше, чем в холодных странах. Любимой пищей были сушеные и жареные пшеничные зерна, а в рацион бедняков входила саранча, которую жарили или сушили. Еду запивали вином, разведенным водой, трапезы совершались два раза в день, и время после захода солнца, когда спадал утомительный зной, считалось наиболее удобным для пиршеств. Забот у «добродетельных женщин» было немало, и их вклад в семейный бюджет являлся значительным, но все же уважение к супруге-пчеле, благодаря которой «не знали недостатка в доходах» мужья, не простиралось настолько, чтобы избежать присущего древности неравноправия полов. Развод был допускаем без приведения тому каких-либо оснований, лишь с одним условием: разведшемуся со своей женой нельзя было вторично взять ее замуж после того, как второй муж (если она снова вышла замуж) тоже развелся с нею или умер. Это делалось во избежание излишне легкомысленного отношения к разводу. Таким образом мужу давалось понять, что он не получит обратно ту, с которой расстается. Если же развод все же состоялся, то жена получала разводное письмо, то есть свидетельство о разводе, где очень кратко и предельно ясно говорилось об отказе от жены. В одном из самых древних разводных писем (100 г. н. э.), найденном в пещере у Мертвого моря, было записано: «*Я даю тебе свободу и изгоняю по собственной воле (дата), и я, Иосиф, сын Наксана, тебя Мариам, дочь Ионатана, которая прежде была моею женой, так что ты можешь свободно уйти и стать женой любого другого мужчины... Свадебные деньги, как и все приданое, я отдаю тебе*». Далее стояла подпись мужчины и трех свидетелей.

Запрещался развод и в тех случаях, если муж после брака необоснованно возвел обвинение в утрате девственности на свою невесту. Если при расследовании оно оказывалось неосновательным, клеветник уплачивал отцу чрезвычайно внушительный штраф в сто сиклей серебра и оставлял девушку у себя как жену, чтобы уже никогда не разводиться.

Также никогда не мог оставить жену мужчина, обесчестивший необрученную девицу. Он был обязан заплатить штраф в тридцать сиклей серебра ее отцу, взять в жены «порушенную» девицу и уже никогда не расставаться с ней.

Девственности невесты придавалось чрезвычайно важное значение, и для проверки невинности, в которой возникали сомнения, одним мудрецом был предложен весьма оригинальный способ. Вызвавшая подозрения невеста должна была сесть на корточки над отверстием винной бочки. Если обвинение справедливо и она утратила девственность, то запах вина должен был проникнуть в нее. Если невинна — не проникал.

Потеря девственности после обручения каралась с неимоверной жестокостью: невеста до смерти побивалась камнями. Даже изнасилование не всегда являлось оправданием. Если мужчина обесчещивал обрученную девицу и

она при этом не сопротивлялась, то побивались камнями оба. Оправданием для девушки могло служить только место преступления: если насилие было совершено на поле (вероятно, считалось, что в этом случае ей было некуда скрыться), то казнили одного мужчину. Расследование проводилось у городских ворот, как у самого открытого места, и приговор исполнялся немедленно, причем первыми бросали камни свидетели.

Доказанное прелюбодеяние с замужней женщиной также жестоко наказывалось, оба участника преступления побивались камнями. Но все же с женщины взыскивалось строже и каралось малейшее подозрение в неверности, а мужчина мог помимо жены (жен) иметь наложниц. Впоследствии, когда нравы стали мягче, смертная казнь для прелюбодеек применялась реже и ее заменили разводом.

Доказательство неверности обставлялось торжественно и могло произвести большое впечатление даже на обвиненную несправедливо. Муж, на которого «находил дух ревности» (а объективных свидетельств вины жены не имелось), приводил ее к священнику вместе с жертвенным даром. Священник ставил женщину перед Богом, снимал с ее головы покрывало и вручал сосуд с наводящей проклятие горькой жидкостью, которая состояла из освященной воды и подобранной с пола земли. Затем он приступал к заклятиям, говоря, что если подозреваемая невиновна и «никто не спал с нею… и не осквернилась, то невредима будет от воды, наводящей проклятие». В противном случае живот ее опухнет и лоно опадет. Женщина должна была после каждой формы проклятия говорить: «Аминь! Аминь!», а затем выпить страшный напиток. Реакция в основном зависела не от виновности испытуемой, а ее выдержки. Случалось, что ложно подозреваемые, но наиболее впечатлительные и нервные женщины тут же, на месте умирали от потрясения, и это расценивалось как Божья кара за измену. Другие же (иногда действительно прелюбодейки) твердой рукой брали сосуд, храбро глотали отвратительный напиток и поднимали бестрепетный взор на судей. Отсутствие последствий воспринималось как доказательство их невиновности, и оспорить результат этого «следственного эксперимента» было невозможно.

Сексуальная жизнь героев Ветхого Завета, хоть и имела определенные запреты, но все же была гораздо более свободной, чем позднее в христианстве, где рекомендовалась умеренность удовольствия, а пределы супружеского долга перед женами ограничивали, дабы «не быть служителями их сладострастия, а только помощниками в их надобности». В иудейском же мировоззрении аскетизм решительно отрицается, так как заповедь «плодитесь и размножайтесь» ставится во главе всего ряда многочисленных заповедей, и удовольствие от физических отношений имеет самостоятельную ценность (но сексуальная активность уместна только в браке, поскольку семье придается «высший смысл»). В человеческом теле и его детородных органах иудеи не

видели ничего непристойного, так как Бог, сотворивший Адама и Еву по своему образу и подобию, высоко оценивал свои творения. А жены, несмотря на то, что в семье, несомненно, доминировали мужчины, могли проявлять в сексе активность и при желании сами инициировать сексуальный контакт. Для мужчин существовали некоторые сдерживающие рекомендации — не более десяти актов любви в месяц, а в дальнейшем сексуальная жизнь была регламентирована еще более изощренно. Ремесленникам рекомендовалось два половых акта в неделю, ученым — всего один раз, а погонщикам верблюдов и того меньше — один раз в месяц. Морякам же, вероятно, вследствие их долгого пребывания на кораблях приходилось терпеть: секс два раза в год.

Строгость нравов, тем не менее, не мешала существовать «блудницам» и «блудникам», то есть мужчинам и женщинам, занимавшимся профессиональным развратом. Услуги «жриц любви» предлагались как при храмах богини Астарты, служению которой они себя посвятили («плата за блуд» приносилась в дар храму), так и на дорогах, вдоль которых сидели проститутки, прикрывшие свои лица покрывалами. И никакие запреты не могли помешать предаваться греху, и притоны, или «блудилищные дома», были даже при самом храме господнем, где женщины пряли одежды для Астарты.

Первые израильские цари, подобно своим ветхозаветным праотцам, состояли в полигамных браках. Царь Саул имел наложницу и несколько жен, у царя Давида в Хевроне их было шесть, позже добавилось еще несколько, и в том числе Вирсавия, мать царя Соломона, превзошедшего всех будущих властителей как до, так и после него. По преданию, Соломон имел от трехсот до тысячи жен из разных стран, что, впрочем, не одобрялось Библией, так как царю по закону иметь слишком много жен запрещалось, но дозволяемое число все же предоставляло некоторое приятное разнообразие в любви. Пророк Нафан, обращаясь к царю Давиду, у которого на тот момент было шесть жен, и, вероятно, снисходя к его заслугам, сказал: «А если мало тебе — прибавлю тебе еще столько же и еще столько же» (то есть восемнадцать).

О женах библейских царей известно немного. Но не вызывает сомнений, что огромное влияние имела среди них *гебира*, то есть «верховная властительница», которой отводилось официальное место в государстве, а положение было настолько значительно, что при вступлении на престол иудейских царей почти всегда называлось имя их матери. И часто создавалось впечатление, что могущественная, властная гебира замещала малолетнего сына, сохраняя свое влияние и после его вступления на престол. Статус гебиры уважался не только в Израиле, но и в других государствах — в Ассирии, у хеттов и сирийцев. Гебирой у царя Давида была умная и честолюбивая Вирсавия, для которой даже был принесен личный трон. А ее сын Соломон, ставший правителем огромной империи, созданной Давидом, был назван преемником в обход старших братьев еще при жизни отца, который явно находился под влиянием умной и честолюбивой жены.

Личность Соломона (X в. до н. э.), третьего и величайшего царя древнего Израиля, многогранна. Он вошел в мировую историю как носитель великой Мудрости, обладатель несметных богатств и строитель Иерусалимского храма. Он рассказал три тысячи притчей, сложил тысячу пять песен и написал знаменитую «Песнь песней». Был удивительно терпим и открыт чужим культурам и религиям. Соломон снискал себе славу также как врачеватель, который лечил не только «традиционно» — травами и зельями, но и внушением. Прославился он и как великий Возлюбленный.

Два имени было дано этому сыну царя Давида: пророк Нафан назвал его Иедидиа («по слову Господа»), а отец нарек Соломоном (миролюбивым). И магия имени сказалась на его царствовании, которое на все последующие века сделалось синонимом мира и народного благоденствия: «И жили Иуда и Израиль спокойно каждый под виноградником своим и под смоковницей своею во все дни Соломона».

В отличие от других владык того времени Соломон всегда «ставил» на мир, а не на войну. Вместо нее он опирался на дипломатию и торговлю, и его огромный гарем с женами-чужестранками свидетельствовал не о сластолюбии и неуемном темпераменте восточного царя, а о хорошо продуманной и мудрой политике. Обычай использовать «брачную дипломатию», связывая заключение мира с заключением брака, был с древних времен известен во многих государствах, и Соломон искусно использовал его, придерживаясь девиза, который тысячелетиями позже подхватили Габсбурги: «Пусть другие воюют, ты, счастливый Израиль, женись!» Каждый раз, заключая союз с какой-либо страной, этот миролюбивый царь брал в жены дочь ее царя. Он женился на царевнах из стран, которые покорил его отец Давид. (Моава, Аммона и Эдама). Заключал Соломон браки для поддержки дружеских отношений с хеттами и финикийцами.

И все же пережившая тысячелетия репутация Соломона, как чрезвычайно искусного любовника, позволяет предположить, что в гареме царя были не только дочери влиятельных лиц и царствующих соседей, но и женщины, которых царь избрал по зову сердца или плоти: «*Семьсот жен было у царя и триста наложниц, не считая рабынь и танцовщиц. И всех их очаровывал своей любовью Соломон, потому что бог дал ему такую неиссякаемую силу страсти, какой не было у людей обыкновенных. Он любил белолицых, черноглазых, красногубых хеттеянок за их яркую, но мгновенную красоту, которая так же рано и прелестно расцветает и так же быстро вянет, как цветок нарцисса; смуглых, высоких, пламенных филистимлянок с жесткими курчавыми волосами, носивших золотые звенящие запястья на кистях рук, золотые обручи на плечах, а на обеих щиколотках широкие браслеты, соединенные тонкой цепочкой; нежных, маленьких, гибких аммореянок, сложенных без упрека, — их верность и покорность в любви вошли в пословицу;*

женщин из Ассирии, удлинявших красками свои глаза и вытравливавших румянец на щеках; образованных, веселых и остроумных дочерей Сидона, умевших хорошо петь, танцевать, а также играть на арфах, лютнях и флейтах под аккомпанемент бубна; желтокожих египтянок, неутомимых в любви и безумных в ревности; сладострастных вавилонянок, у которых все тело под одеждой было гладко, как мрамор, потому что они особой пастой истребляли на нем волосы; дев Бактрии, красивших волосы и ногти в огненно-красный цвет и носивших шальвары; молчаливых, застенчивых моавитянок, у которых роскошные груди были прохладны в самые жаркие летние ночи; беспечных и расточительных аммонитянок с огненными волосами и с телом такой белизны, что оно светилось во тьме; хрупких голубоглазых женщин с льняными волосами и нежным запахом кожи, которых привозили с севера, через Баальбек, и язык которых был непонятен для всех живущих в Палестине. Кроме того, любил царь многих дочерей Иудеи и Израиля» (А. Куприн. Суламифь).

Любил царь, вероятно, действительно многих, чувства его были сильны, и страсти в гареме разыгрывались немалые, ибо именно Соломону приписывают слова: «*И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею*». Он же говорит о женщине: «*Не блуждай по стезям ее, потому что многих повергла она ранеными и много сильных убиты ею*».

О страшной силе любви, в том числе толкающей на преступление, много говорится и в Библии. Подобная страсть подвигла на убийство и прелюбодеяние отца Соломона царя Давида — национального героя, победоносного полководца и создателя великолепных псалмов. Мать Соломона, Вирсавия, была отнята у военачальника Урии — хеттянина, погибшего в результате коварного заговора, организованного влюбленным царем в его красавицу-жену.

Последняя жена Давида, Абисаг из города Сунам, явилась причиной гибели его сына Адонии. Когда Давид одряхлел, к нему по обычаю была приставлена красивая девушка, которая должна была согревать слабое тело царя. Юная Абисаг находилась в его постели неотлучно, знала много дворцовых тайн, в том числе и об интригах по унаследованию трона и предсмертных распоряжениях Давида будущему царю Соломону, для которого, по некоторым данным, она стала первой женщиной.

Гарем имел и некоторое «идеологическое» значение: считалось, что берущий жен царя-предшественника потом сам становится царем. И именно поэтому мятежный сын Давида, Авессалом, делает всенародным факт захвата гарема своего отца, наложниц которого он насилует. Другой сын, Адония, после смерти царя, дабы получить право на царство, сватается к последней жене Давида Абисаг и добивается согласия у матери Соломона Вирсавии. Но

Соломон разоблачает интригу брата и приказывает убить его. Исполнителем казни становится Ванея, который позже по приказу Соломона устранит других врагов царя, а их жены традиционно пополнят его гарем.

О гареме царя известно очень немного. Он представлен только числом. Браки, преследующие политические цели, обычно не предполагают наличия сильных чувств, они же способствуют и тому, что в памяти остаются только названия царств, из которых прибыли жены, и даже имена их не сохраняются. Только о двух женщинах гарема Соломона известно. Одна из них — Наама Аммонитянка, которая родила наследника Соломона Ровоама и, вероятно, являлась гебирой, другая — таинственная дочь фараона, для которой он выстроил отдельный дом в своем великолепном дворце.

«С давних времен царских дочерей Египта не отдавали никому» — это высокомерное высказывание фараона Аменофиса (1417–1377 г. до н. э.) полностью соответствовало действительности, так как неизвестно ни об одном браке дочерей фараона с иноземными владыками. Единственным исключением стал Соломон, и это (как и многое другое) говорит о его выдающемся государственном таланте. За египетской принцессой израильский царь получил великолепное приданое — город Гизер, имеющий серьезное стратегическое значение, и две великие державы вступили в дружеские отношения.

Об отношении к этой жене также ничего неизвестно, но у египтянок имелась репутация самых красивых и изящных женщин в мире, и получить их в жены безуспешно мечтали многие восточные властители. Царь Кадашман, Эллиль (XIV в. до н. э), сватался к дочери фараона Аменхотепа III и, получив отказ, писал разочарованно : «Почему ты так со мной поступаешь? В Египте есть достаточно прекрасных дочерей. Найди мне красавицу по своему вкусу. Здесь (в Вавилоне) никто не заметит, что она не царской крови».

Возможно, что прекрасная египтянка заняла достойное место не только в гареме, но и в сердце любвеобильного царя, а другие его женщины, переняв у царевны присущее жителям страны пирамид изящество и умение искусно употреблять косметику, сумели доставить царю еще большую радость. Впрочем, в стремлении украсить себя древние еврейки ничем не отличались от прочих женщин, что было учтено и зафиксировано в законах. По Торе, десятая часть денег, предназначенных на хозяйство, могла быть истрачена на одежду и украшения. Насколько умело использовали еврейские дамы эту возможность засвидетельствовано Иосифом Флавием, который писал, что жительницы Иерусалима появлялись на представлениях столь великолепно одетые, что зрители-мужчины больше смотрели на них, чем на арену, где происходила борьба, и это вызывало немалое раздражение состязающихся.

Одежда евреек была широка и имела много складок. Различие между мужскими и женскими нарядами было очень небольшое и заключалось лишь в более тонких тканях или украшениях. Нижним бельем служила узкая рубашка,

иногда с рукавами, которая доходила до колен и опоясывалась поясом. Верхняя одежда ли мантия представляла собой большой четырехугольный кусок материи, который перебрасывался через голову. Между нижней и верхней одеждой иногда носили еще третью — длинную одежду без рукавов, называемую *меиль*. Верхняя одежда отличалась цветом, тонкостью материала и роскошью, а пояса украшались серебром и золотом. Большой гардероб считался богатством, и в царских домах были специальные служащие, приставленные следить за ним. Платья же часто использовали в качестве подарков, и они могли быть поистине великолепны, так как в богатых домах шились из драгоценных узорчатых материалов, тончайшего льна или шерсти. При этом носить эти ткани одновременно воспрещалось. Обувь составляли сандалии, которые развязывали, снимали и носили в руках рабы. Иногда на сандалии нашивали кожу, и они имели вид туфель. Волосы, как и во все последующие времена, служили украшением (для мужчин иметь лысину считалось постыдным), их искусно завивали и заплетали, а ношение покрывала не было особенно распространено. Не пренебрегали и украшениями, и косметикой.

Не чуждались жительницы Иудеи и Израиля любовной магии и зелий, вызывающих любовь и дарующих плодовитость. Плод граната считался средством, стимулирующим половую активность (как таковой он упоминается в Библии), его терпкий сок служил любовным напитком, а аромат нежных цветов, символизирующих пробуждение весны, возбуждал желание: в «Песне песней» тело любимой «благоухает, как гранатовый сад». Чрезвычайную, сохранившуюся на тысячелетия популярность имела мандрагора (любовное яблоко). В Библии его корень, напоминающий человеческую фигурку, упоминается в рассказе о двух женах Иакова — некрасивой, но плодовитой Лии и прекрасной, но бездетной Рахили — и их борьбе за расположение мужа: «Рувим пошел на поле во время жатвы и нашел мандрагоровые яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей. И Рахиль сказала Лии: дай мне мандрагоров сына твоего. Но она сказала ей: неужели мало тебе завладеть мужем моим, что ты домогаешься мандрагоров сына моего? Рахиль сказала: так пусть он ляжет с тобой на эту ночь за мандрагоры сына твоего...» Любовные яблоки не помогли Рахили родить тогда (а Лия в ночь, уступленную за них, как раз зачала своего пятого сына), но репутация мандрагоры оставалась непоколебимой. Была она популярна и в Египте. Об этом свидетельствует изображение на драгоценном ящике в гробнице Тутанхамона. Там царица Анхесенамон протягивает мужу два букета из лотоса, папируса и мандрагоры. Бездетная царица таким образом выражала желание получить детей от любимого мужа в той, потусторонней жизни.

Вероятно, ее соотечественница, дочь фараона, также использовала различные снадобья и колдовские зелья, чтобы добиться любви своего великолепного мужа. Борьба за его расположение, безусловно, в гареме

велась, но египтянка была на особом положении (об этом свидетельствует отдельно выстроенный дворец). О свадьбе же этой царевны с Соломоном ничего неизвестно. Возможно, именно о ней, справленной с чрезвычайной пышностью и торжественностью, говорится в одном из псалмов. Невесту ведут к жениху, и «одежда ее шита золотом, в испещренной одежде ведется она к Царю; за ней ведутся... девы подруги, приводятся с весельем и ликованием, входят в чертог Царя». Там же невесте настоятельно рекомендуется забыть народ свой и дом отца своего. Но царь Соломон не требовал этого от своих жен, проявляя редкостную для Древнего Востока терпимость. Он позволял им чтить богов своей родины и даже распорядился построить для них с этой целью святилища у ворот Иерусалима. Небывалая терпимость царя тем более удивительна, что в его времена отношение к женщинам определялось фразой, которую ежедневно повторяли в молитве благочестивые евреи, считавшие себя выше женщин, и звучала она так: «Благодарение богу, что не сотворил меня язычником, непросвещенным и женщиной».

Соломон же, возможно, опирался на высокую оценку женщин и их религиозности в древнеизраильском обществе, когда жены и девицы могли не только свободно участвовать в житейских делах и развлечениях, но и занимать официальные должности, как пророчицы Мариам, Олдана и Ноадия. И в ранней истории евреев встречается множество достойных восхищения женщин. Дебора, официально исполняющая обязанности судьи, возглавила войско, которое привело израильтян к победе над хананеями, Иаиль Киненянка убила военачальника Сисару, жена Моисея Сепфора проявляла высокую религиозную активность. Высоко оценили даже Раав из Иерихона, содержательницу питейного заведения: она спрятала в нем израильских соглядатаев и, «хотя ослабила тысячи мужчин своим распутством и плохим вином, но две души она спасла, и потому ее надо причислить к святым».

По Библии, Соломон стал допускать чужеземных богов и поэтому, состарившись, утерял свою мудрость. Именно тогда его начинают часто замечать на Маслиничной горе, где находились капища богов Хамоса и Молоха (впоследствии из-за этого она получила название Горы Поругания). Там царь вместе со своими женами отправлял языческие культы, что авторами Библии было расценено как отход от веры своих отцов и идолопоклонство: «*И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин... Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок... из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: "Не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам"; к ним прилепился Соломон любовью... и развратили жены его сердце его. Во время старости Соломона, жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу, Богу своему... И делал Соломон неугодное пред очами Господа, и не вполне последовал Господу...*

И разгневался Господь на Соломона... И сказал Господь Соломону... Я отторгну от тебя царство».

Историки считают иначе, утверждая, что царь Соломон стал допускать культы жен в рамках своей матримониальной политики, пребывая «в здравом уме и твердой памяти», то есть в молодых годах, сразу же после вступления в браки с принцессами-чужестранками. И, по одной из версий, действия царя определялись не только его открытостью к чужим культурам, но и стремлением «дополнить старую строгую религию сурового Господа женскими чертами и смягчить поклонение Ему... Это глубочайшее стремление Соломона надо понять верно: представлять религию, которая направлена не на фанатичное отделение, а на слияние и дополнение другим божественным опытом...» (Р. Бейер. Царь Соломон).

Терпимость царя Соломона к женам все же не простиралась настолько, чтобы не позволять хитрости со слабым полом. Что и произошло при встрече со знаменитой царицей Савской — Шебой (или Балкис), третьей женщиной, чье имя упоминается рядом с именем великого царя. Впрочем, слабым полом жительниц Сабы можно назвать с большой натяжкой. Царством Савским (страной Саба в Юго-Западной Аравии) нередко правили царицы — жрицы и предводительницы войска. Женщины этой страны, как и во времена матриархата, составляли высший слой, а на их полях трудились только рабы-мужчины, жизнь которых помимо тяжкого труда отягощалась и суровым воздержанием. Они должны были «жить в чистоте, ни иметь, ни отношений с женщинами, или участвовать в погребениях. И все это для того... чтобы повысить религиозную стоимость товара» (греческий писатель и путешественник Страбон).

Товаром же являлся ладан, которому была обязана Саба своим богатством. Историческая Балкис, являвшаяся в соответствии с древней арабской традицией военачальницей, сопровождала через пустыню свои караваны с отрядом всадников на верблюдах, чтобы обезопасить важный торговый путь. Через вассальные Израилю территории проходила Дорога благовоний — путь из Сабы в Египет, Финикию, Сирию. Прибыла ли в Иерусалим Балкис для того, чтобы загадать загадки царю Соломону, или хотела военной силой принудить царя позволить сабским караванам проходить через его земли в обмен на часть прибыли, осталось неизвестным.

Легендам о царице Савской нет числа. По иудейской версии, она косолапая, волосатая женщина-дьявол; по мусульманской — верная слуга Аллаха. В христианской легенде царица выступает пророком креста Иисусова, в эфиопской — становится символом мудрости, дивной возлюбленной и родоначальницей славной, трехтысячелетней династии императоров Абиссинии.

О внешности Соломона известно мало, но если учесть, что отец его, смуглый Давид, был хорош собой, а мать Вирсавия необычайно красива, то, вероятно, их сын унаследовал привлекательность родителей и произвел

впечатление на гостью не только мудростью, но и исполненным благородства обликом. На прощание царица одарила Соломона бесценными сокровищами — сто двадцатью талантами* золота, великим множеством благовоний и драгоценностей, а царь в свою очередь преподнес царице, сверх того, чем он обычно одаривал являвшихся к нему царей, все, что она пожелала. И возвратилась царица Савская в свою страну довольная безмерно. Одарил ее Соломон, по эфиопской версии, и еще одним бесценным сокровищем — сыном. «*Также разделял он ложе с Балкис-Македа, царицей Савской, превзошедшей всех женщин в мире красотой, мудростью, богатством и разнообразием искусства в страсти» (А. Куприн).* Тонкий и искушенный любитель женщин, Соломон не мог не оценить экзотическую красоту воинственной чернокожей царицы и с помощью хитрости овладел ею. От этой яркой и короткой любви родился сын Менелик, от которого пошла династия Негусов, правившая с XIII века по 1974 год в Эфиопии. Об этом говорится в «Кебра Нагаст», национальном эпосе эфиопов, где повествуется о царствующих династиях, данный факт зафиксирован конституцией страны 1955 года: «Верховная власть отныне закреплена за линией Хайле Селассие I... которая, не прерываясь, происходит из династии Менелика I, сына царицы Эфиопии и царя Соломона Иерусалимского». По одной из версий, принадлежал к династии императоров Эфиопии и род Абрама Ганнибала, прадеда Александра Пушкина.

Соломон умер в Иерусалиме после сорока лет царствования, конец которого был омрачен начавшимся распадом государства. Предания об этом великом и мудром правителе сохранились в трех величайших мировых религиях — иудаизме, христианстве и исламе, а «Песнь Песней», авторство которой приписывается ему, тысячелетиями вызывает споры и, по словам одного из иудейских мудрецов, может быть, никогда от сотворения мира не было сказано столь великих слов. Но даже если «Песнь Песней» была написана не царем-поэтом, а кем-то другим, в ней все равно чувствуется свободный дух его просвещенного, мирного и толерантного царствования.

В средние века в Европе начались серьезные гонения и на конкубинат**, которые отразились на брачных отношениях евреев, сохранивших традиции полигамии. Запрет на нее под страхом анафемы был принят специальным постановлением в XI веке в Вормсе. В порядке исключения разрешалось брать вторых жен, если первая жена уклонялась от исполнения своего долга, а также если брак десять лет оставался бездетным. Запрет на полигамию сперва соблюдался лишь в прирейнских местностях. В Восточную Германию и другие страны он проник позднее, но еще в первой половине XIII столетия

Талант — денежная единица, равная 3000 сиклей.

** Конкубинат — здесь незаконное сожительство.*

еврейские богословы Франции сообщали: «... в нашей стране и в граничащем с ней Провансе чаще всего видим, что набожные и ученые люди и прочие берут себе жен при жизни первой жены». В Испании среди евреев преобладала моногамия даже в те времена, когда запрет на многоженство не был общеизвестен. Это объясняли более высоким культурным уровнем испанских евреев, в глазах которых многоженство считалось безнравственным. И все же моногамия имела место не во всей Испании, в Каталонии, в Кастилии бигамия сохранялась вплоть до начала XIV века, а в Наварре светской властью евреям дозволялось иметь столько жен, сколько каждый в состоянии прокормить и содержать. При этом каждый еврей, имеющий больше чем одну жену, должен был уплатить определенную сумму в казну королевства.

Случаи полигамии у живущих в Европе евреев совершенно исчезли, отчасти благодаря тому, что она стала запрещаться там светской властью, а также серьезным наступлением на конкубинат, начавшимся в XIV веке.

БУКЕТ ИЗ ЛОТОСОВ И ВАСИЛЬКОВ (ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ)

В Египте моногамия была наиболее распространенной формой брачных отношений, но в царских семьях практиковалось многоженство, которое использовалось как средство международной дипломатии. При этом фараоны старались «замыкать на себе» династическую линию и брали в жены также родных сестер и дочерей. Таким образом они старались избежать неравных браков и сохранить чистоту своей божественной солнечной крови, ибо считались потомками бога солнца Ра по прямой линии, а дети от подобных кровосмесительных союзов — законными наследниками богов. Впрочем, если род истощался, то сыновья или дочери царя брали себе супругов не божественной крови, а простые египтяне не вступали в браки с ближайшими родственницами.

Гарем фараонов традиционно пополнялся принцессами из варварских стран, чье присутствие в фиванской столице служило египтянам залогом верности их отцов — царей. Иногда азиатские владыки медлили с согласием, но в результате все же давали его, сломленные желанием получить богатейшие дары. Так Аменхотеп IV, будучи еще наследным принцем, писал одному колеблющемуся царю: «То, что я тебе посылаю, — ничто, а если ты дашь мне жену, которую я желаю, то подарки последуют в большем количестве».

За фараона Аменхотепа III (1408–1372 гг. до н. э.) были выданы две вавилонские царевны, три митаннийские* и одна из Анатолийского государства.

Доля этих жен была незавидна. Оторванные от родного дома и перенесенные в Египет, где обычаи, язык и нравы отличались от царящих при их варварских дворах, они чувствовали себя заложницами. Правда, будущие царицы увозили с собой большую свиту слуг, и фараон Аменхотеп III не без хвастовства сообщал о том, что одна из его жен, митаннийская царевна Тадухепа, дала ему помимо значительного приданого также триста семнадцать служанок в женский дом. Но богатое приданое не гарантировало счастья, и жизнь некоторых царевен заканчивалась загадочно, они... исчезали. Сохранилась дипломатическая переписка вавилонского царя Кадашман-Эллиля с Аменхотепом III, который вновь пожелал получить в свой гарем вавилонскую царевну и уведомлял об этом своего «брата», вавилонского царя. Тот не торопился удовлетворить просьбу египетского владыки, и вовсе не потому, что его дочь Зугарти станет соперницей собственной тетки. Его беспокоила судьба родной сестры, которую со дня ее вступления в гарем фараона не смог

---

* *Митанни — государство, созданное в Верхней Месопотамии в XVII–XVI гг. нашей эры.*

увидеть ни один вавилонский посланник. Царь обеспокоен и вопрошает: «Что же такое мог сделать фараон со своей женой?»

О том, что в действительности произошло с царевной, осталось неизвестным. Аменхотеп III отвечает весьма туманно, а действия послов, пытающихся встретиться с вавилонянкой, не заканчиваются успехом. Фараон приказывает выстроить перед ними всех своих женщин и говорит: «Вот, ваша госпожа перед вами!» Несчастные азиаты, оказавшиеся перед оживленно гудящим ульем сверкающих украшениями, почти нагих в своих кисейных одеяниях красавиц, теряются и не могут найти среди них сестру своего царя. Возможно, что на это и рассчитывал хитроумный фараон. Но так или иначе, Кадашман-Эллиль сдался и согласился отправить свою дочь в его гарем, желая получить в благодарность за это египетскую царевну в жены, золото и подарки. «Что касается золота, — пишет царь, — шли мне золото, много золота, шли его до прибытия посольства. Пришли его теперь же, как можно скорей, в эту жатву». Золото он получил, но царевен своих фараоны ценили дороже драгоценного металла и в жены за пределы Египта не отдавали (исключением явился царь Соломон). Вавилонский царь был возмущен: «Почему не отдаешь мне ее? Если бы я еще отказал тебе, это было бы понятно, но мои дочери были в твоем распоряжении, и я ни в чем тебе не отказывал». Но фараоны считали, что девушки божественной крови слишком хороши для азиатских царей и оставляли их матримониальные просьбы без внимания. Возможно, что и сами дочери Нила, привыкшие к независимости на Родине, не стремились в супруги к восточным владыкам.

Жены фараона занимали высокое и почитаемое положение, что, с одной стороны, объяснялось близостью к его обожествляемой личности, а с другой — влиянием религии. Это же относилось к женщинам Древнего Египта в целом. Они также занимали высокое место в обществе, и их равенство с мужчинами (прежде всего в имущественных правах) выгодно отличало эту древнюю цивилизацию от других. Египтяне жили по древним религиозным установлениям, многие из которых сохранились еще со времен матриархата, и народ почитал главным образом Исиду, верную супругу Осириса. Миф об Исиде и Осирисе утверждал, что лишь женщина может обеспечить воскресение, возрождение и вечную жизнь. И отношение к великой Богине коснулось женщин. Если в других восточных странах мужья никогда не появлялись на людях с женами, то в Египте супруги все делали вместе, а неписаные законы обязывали не только жен, но мужей хранить верность как до, так и после смерти. Вечную жизнь египтянин хотел продолжить именно с той, с которой счастливо прожил короткую земную.

Знатные женщины свободно распоряжались своим имуществом, управляли выделенными на помин землями, сооружали памятники умершим и жречествовали в храмах. Они могли состоять на государственной службе и подвязались

на научном поприще, в том числе и в медицине. Известно, что одна придворная по имени Песемет состояла распорядительницей «женщин-врачей».

Древнеегипетские царицы могли разделять жизнь своих супругов до «размеров немыслимых» как для античных греков, так и для большинства ближневосточных стран того времени. Они были весьма состоятельными дамами, владея собственным имуществом, в том числе дворцами. Царицы могли занимать к тому же высокие храмовые должности и получать за их отправление натуральную, иногда огромную плату.

Некоторым из цариц посвящались храмы, культ других посмертно обожествленных, поддерживался столетиями. В отдельные эпохи древнеегипетские царицы могли занимать исключительно высокое положение при своих супругах-фараонах и оказывали на них значительное влияние, секрет которого объяснялся не происхождением и государственными способностями, а скорее личными качествами женщин, их красотой, обаянием и умом. Последнее иногда было важнее красоты. Любимая жена Аменхотепа III, его обожаемая Тэйя, была некрасива, не знатна, но чрезвычайно умна. И этого ума оказалось достаточно, чтобы затмить красавиц и возвыситься до категории богини. Так во всяком случае почитали царицу в посвященном ей в Эфиопии храме.

Гарем фараона отличался от классических гаремов восточных владык, которые появятся позднее. Каждая из жен-цариц имела свой собственный дом, в котором жила она, царевны, штат придворных и слуги. Дворцы фараона и его жен были сказочно великолепны. Они находились в тенистых, напоенных благоуханием цветов садах, а внутреннее убранство было таково, что позволяло говорить: «У фараонов золота, как песка в пустыне». Этим драгоценным металлом, слоновой костью и бирюзой отделывались даже наличники дверей. На полу переливалась мозаика, а стены и потолки украшали яркие росписи. Богатая мебель, занавеси из тончайшего полотна, изумительной красоты утварь — все вместе создавало изысканный ансамбль и радовало глаз утонченных хозяев и их приближенных. Покоев было множество, и коридоры облегчали переход из одних апартаментов дворца в другие. Фараоны были весьма довольны своими дворцами, выражая это в их выразительных названиях «Дом ликования» или «Дом радости» (тысячелетия спустя так назовут свой гарем турецкие султаны).

Но жизнь цариц и их дочерей не замыкалась стенами их домов. Они сопровождали фараона на прогулках, вместе посещали храмы, присутствовали при раздаче наград, помогали принимать послов и совершали вместе долгие путешествия.

В гареме бурлила жизнь, не смолкали детские голоса, кроме царских отпрысков там жили и подкидыши, самым известным из которых стал библейский Моисей, найденный в нильских камышах египетской царевной.

Надзор за женским домом осуществляла главная жена с многочисленным штатом служителей. Придворные должны были уметь музицировать, петь и

танцевать, но кроме развлечений своих господ у них были и более прозаические дела, в том числе и руководство кухнями, а это — серьезная работа, так как при дворе любили и умели хорошо и со вкусом поесть. Египтяне поглощали в больших количествах мясо, птицу, были на столах овощи, о которых, и в частности об огурцах, о луке и чесноке с тоской вспоминали евреи на пути к Земле Обетованной. Из фруктов были известны только виноград, финики, фиги. Истинным лакомством считалось молоко, а самым изысканным — кокосовые орехи. Национальным напитком египтян было пиво, которое делалось из ячменя, пшеницы и фиников, но к столу фараонов подавалось сладчайшее вино.

Египтяне любили не только поесть, но и наряжаться. Кроме кухни и трапезных придворные дамы руководили ткацкими мастерскими, красильнями и «мастерской волос». Часть продукции шла на продажу и приносила весьма значительную прибыль. «Стражей ложа», евнухов, в домах цариц не имелось.

Сам фараон проводил время у себя дома весьма приятно. Наложницы развлекали его пением, танцами и музыкой, нежное звучание которой не смолкало, и во всех комнатах гарема почти всегда стояли арфы, цитры и лютни. В минуты покоя фараоны охотно играли в шашки со своими дамами, а на пирах и приемах с удовольствием наблюдали за впечатлением, которое производили на гостей их женщины. На иностранцев красота египтянок действовала ошеломляюще, не менее сильную реакцию вызывала и одежда, вернее отсутствие оной у юных рабынь, которые прислуживали гостям совершенно нагими.

Репутация египтянок как самых красивых женщин в мире была справедлива, но для того, чтобы заслужить ее, они прилагали немалые усилия. Слова «быть вечно молодой» понимались ими буквально, ибо вечности придавался особый смысл. Они желали сохранить красоту даже в ином, потустороннем мире, и горшочки с косметикой, притирания, румяна, карандаши для глаз и ручные зеркальца, найденные в захоронениях, недвусмысленно свидетельствуют об этом. Вечную юность египтянки старались сохранить и во временной, земной жизни, что подтверждал древний египетский косметический рецепт, который оптимистично обещал «превратить старуху в молодую».

Египтянки пленяли не только красотой, но и редкостным изяществом, которое подчеркивала одежда, остававшаяся неизменной тысячелетиями. Внешний облик дочерей Нила был тщательно продуман, не допускал ни одной случайной детали. Первоначально они носили легкие полотнища «без верха», просто обернутые вокруг бедер. Затем появилось одеяние, которое шилось «точно по мерке», представляя тесно облегающий, четко обрисовывающий фигуру футляр. Он доходил до половины икры, а высокий пояс подчеркивал стилизованную женскую фигуру. Юбка плотно облегала икры, не позволяя делать широкие шаги, что жестко регламентировало походку. Жилет состоял из двух бретелек, оставляя обнаженной грудь, что совсем не выглядело вызывающе (хотя, вероятно, смущало гостей из Междуречья, где женщины носили

неуклюжие, похожие на мешок платья). Легкие же одеяния египтянок не только соответствовали жаркому климату, но и свидетельствовали об их свободном положении. Идеалом считалась высокая, стройная, плоскогрудая брюнетка с тонкой талией и широкими плечами, о красоте которой слагались песни:

Отроковица, подобной которой никогда не видели,
Волосы ее чернее мрака ночи.
Уста слаще винограда и фиников.
Ее зубы выровнены лучше, чем зерна.

Простота одежды компенсировалась украшениями. На мягком, гладком, белом материале одежды необычайно эффектно выделялись рельефные цветные полосы бус (чаще всего синих и зеленых цветов), которые как бы образовывали воротник и идеально дополняли платья. Египтяне умели виртуозно обращаться с драгоценными камнями и их заменителями и создавали истинные шедевры. Именно в Египте возникли все виды украшений: перстни, броши, серьги, браслеты, диадемы, а его ювелирное искусство ни со стороны техники, ни по художественной выразительности не превзойдено до сих пор.

Ухоженные, элегантные и утонченные египтянки, казалось, сошли с ярко расписанных стен дворцов, где с неизменным достоинством, спокойно и невозмутимо занимали место рядом с мужчинами. Но удавалось ли сохранить это спокойствие в огромных семьях фараона?

Рамсес II (1300–1230 гг. до н. э.) был велик во всем. Этот покоритель Сирии, Эфиопии и части Аравии царствовал шестьдесят семь лет, имел, по некоторым сведениям, сто шестьдесят два отпрыска, и на примере его огромного гарема можно увидеть, как складывались полигамные брачные отношения в царских семьях. Рамсес взял в жены двух хеттских* царевен, брак с которыми был заключен только из дипломатических соображений, супругами фараона были также его младшая сестра Хенутмира и три дочери от двух жен. И браки эти осуществились, поскольку в одном из них был рожден ребенок.

Свой гарем Рамсес получил в знак нового статуса, когда стал соправителем отца — фараона Сети I. Именно тогда ему были даны собственные апартаменты с «женской челядью, подобной красавицам царского двора», и выбранными для него по всей стране наложницами, «женщинами гарема и спутницами». Среди этого обилия красавиц Рамсес особо отличал одну — восхитительную Нефертари, к обычным титулам которой был добавлен еще один — «жена царева любимая». Остальным шести или семи царским женщинам достался только титул царицы, и ни пришедшие на смену Нефертари жены, ни даже ее

** Хетты — заимствованное из Ветхого Завета название племен и народов, населявших Сирию и юго-восток Малой Азии в первом тысячелетии до н. э. Основали большое государство, грозившее Египту и распавшееся в XII в. до н. э. Впоследствии часть хеттов жила на западе от Мертвого моря и была покорена Соломоном.*

собственные дочери не занимали столь высокого, исключительного положения. Любовь фараона простерлась настолько, что к титулу «жены любимой» был добавлен еще «жена бога», связанный с культом государственного божества Амона Фиванского, практическое значение этого титула выражалось в том, что за потомством его носительницы закреплялось преимущественное право на престол. О прелести и обаянии Нефертари можно судить по ее изображениям, а сам фараон увековечил их в дополнительной титулатуре: «сладостная любовью» «доставляющая удовольствие каждой мыслью своей и словом каждым» и «сияющая руками».

И все же гарем, в котором жило много женщин, принадлежащих одному единственному мужчине-повелителю, не мог изменить своей сути, жены соперничали и враждовали между собой, и выражалась эта ревность порой свирепо. Престол мог занять (из-за высокой детской смертности) ребенок не любимой жены фараона, а другой супруги, и тогда месть не заставляла себя ждать. Трон Рамсеса II перешел к сыну некой Исетнефрет, которая, даже заняв место Нефертари, так и не удостоилась титула «жены любимой». При ее жизни она оставалась «теневой» великой царицей, и, видимо, люто ненавидела свою соперницу. Ее сыну царевичу Мерентптаху в полной мере передалось это чувство и, воцарившись, он приказал стереть имя Нефертари со всех изображений, дабы истребить даже память о ней.

Жизнь гарема могла омрачаться не только ссорами жен, их интригами и борьбой за титул «жены любимой». Случалось, что действия его обитательниц были направлены против божественной персоны самого фараона. Подобное произошло с Рамсесом III. Этот царь ограничился только тремя женами и десятком детей, но именно против него был устроен заговор. К концу царствования Рамсеса, одна из его жен по имени Тии попыталась свергнуть мужа и посадить на трон своего сына. Действия Тии были на удивление успешны: главный управитель дворца, чиновники и все женщины гарема перешли на ее сторону. Столь мощную оппозицию фараону потом приписали грозному искусству магии, которое помимо интриг использовала царица. Но хотя количество придворных, присоединившихся к заговору, было велико, он был разоблачен. Фараон приказал арестовать всех участников и тех, кто знал о преступных замыслах, но не сообщил об этом, а в качестве судей должны были выступить самые близкие ему люди. И случилось невероятное. Либо обаяние Тии и ее подруг было чрезвычайно велико, либо фараон чем-то очень сильно досадил своему окружению, но заговорщицам дали сбежать, а вместе с ними дворец покинул начальник охраны и двое будущих обвинителей на процессе. Преступников разыскали, схватили, и их кара была традиционной и ужасной. Для начала им отрезали носы и уши, а затем, как сообщает летопись, главные злодеи были оставлены на месте и сами лишили себя жизни. В описании казни допущено лукавство, которое потом подтвердили раскопки. Судя по всему, преступников

замуровали заживо, без погребения. А это, по египетским понятиям о вечной жизни, являлось самой страшной карой.

Преступление Тии, зафиксированное документами, дошло до наших дней, но неизмеримо больше сохранилось свидетельств нежной любви фараонов и их жен. Самое трогательное — маленький букетик из веток оливы, цветов лотоса и васильков, найденный в гробнице Тутанхамона. Его положила туда на прощание жена фараона прекрасная Анхесенамон, тоскующая по своему юному мужу и желающая продолжить их счастливую супружескую жизнь в другом мире. Мужья-фараоны выражали свою любовь более внушительно, и лучше всего это удалось великому Рамсесу II. Он велел воздвигнуть в далекой Нубии храм, посвятительные надписи которого гласили, что построен «храм этот великий для жены царевой великой Нефертари-Меритенмут, из-за любви к которой восходит солнце».

Между тех, кто дышит и кто мыслит,
нас женщин, нет несчастней...
Еврипид. Медея

ГИБЕЛЬ ГЕРАКЛА (ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ)

УЗДЕЧКА, НАМОРДНИК И ПЕТУХ

В Древней Греции символом женщины-хозяйки была никогда не покидающая своего домика черепаха, а примером идеальной жены — верная Пенелопа, ожидающая в уединении за пряжей возвращения своего вечно блуждающего Одиссея, или самоотверженная Алкестида, пожертвовавшая ради мужа жизнью.

И если на надгробии эллинки были изображены уздечка, намордник и петух, это означало, что она вполне соответствовала идеалу: «держала в узде» служанок, «молчала» в мужском обществе и вставала «с первыми петухами». К главным женским добродетелям относились верность, скромность и героическая защита чести. Но самой лучшей была та, о которой меньше всего говорили посторонние, о недостатках или достоинствах — значения не имело.

Жизнь эллинок протекала очень замкнуто. В греческих полисах для всех женщин, независимо от их возраста, существовали особые женские покои, гинекеи, на верхнем этаже дома, которые для надежности запирались на засов. Девушку до вступления в брак строго охраняли, предъявляя самые строгие требования к ее нравственности. Потеря девственности каралась жесточайшим образом, и та, кто «не сохраняла девственной крови», замуровывалась вместе с жеребцом, отчего эти зловещие места в народе получили названия «У жеребца и девушки». Замужние эллинки также обладали весьма ограниченной свободой. Их жизнь была скучна, однообразна и являлась собственно жизнью полурабыни, которая не смела выходить одна из дому, не имела прав на имущество, не принимала никакого участия в общественной жизни и все свое время, посвященное хозяйственным заботам, проводила в гинекее. Замужняя жизнь гречанки начиналась, когда она была еще ребенком, и зачастую, в день свадьбы ей приходилось сжигать на алтаре Артемиды свои игрушки и куклы. Заключение брака происходило без официального заявления и какой-либо публичной и религиозной церемонии — только особые ритуалы, узаконивающие союз. Чувства и физическая привлекательность молодых людей не играли никакой роли, и выбор супругов был лишен даже намека на романтику. В браке видели возможность союза двух равных семей и вытекающие из этого материальные выгоды.

О главном предназначении жены давалось понять уже на свадьбе, когда она вступала в свое новое жилище. Само свадебное шествие выглядело весьма торжественно, с флейтистами, барабанщиками и факельщиками, но новое жилище было украшено весьма прозаически и сразу же указывало будущей жене на ее обязанности. Дверные косяки обвивали не пышные гирлянды цветов, а пряди шерсти. Перед порогом стояла ступка, чтобы молоть зерно. Имелись, впрочем, и знаки радостей супружеской жизни. За дверью новую невестку встречали родители мужа, которые вручали ей гранат, яблоко или айву, символ нежности и наслаждения. И все же, несмотря на прозаичность мотивов заключения браков, многие семьи были счастливы, но положение женщин резко отличалось от положения мужчин. По закону грек мог иметь только одну жену, но как истинный эллин, ценящий жизненные удовольствия, восполнял «недостатки» законодательства всеми возможными способами. А их было немало. К браку богатые греки относились как к скучной и неизбежной формальности, и, зачав детей, считали свой долг перед обществом выполненным. Все свободное время они проводили с образованными и искусными в любви гетерами, а их верные жены-затворницы не только никогда не присутствовали на пирах, им даже не разрешалось пить вино, и нарушение запрета могло послужить поводом для развода, получить который было несложно. Эллин имел право в любое время просто отослать жену из дома, и удержать его от этого мог только внушительный размер приданого, вернуть которое он был обязан, если жена себя не запятнала изменой. Связи мужчин с другими женщинами не имели для него никаких юридических последствий. Если жена хотела отплатить мужу той же монетой и изменяла, то обнаружение прелюбодеяния заканчивалось для нее трагически. Изменницу жестоко карали. Плутарх рассказывает, как одну женщину, только заподозренную в измене и прощенную собственным мужем, посадили на осла, вывезли на рыночную площадь в назидание другим и поставили на помост, чтобы граждане, выказывая свое возмущение, могли оплевывать ее. Афинский закон гласил: «Если женщина уличена в измене, мужу не позволено жить с нею дальше. Если он так поступает, то бесчестит себя и лишается всех прав гражданина». Даже в случае прощения со стороны мужа, по тому же закону, изменнице не дозволялось больше посещать храм. Если она все же являлась туда, с ней можно было делать что угодно, не боясь наказания.

Моногамия трактовалась эллинами чрезвычайно вольно и существовала только для женщин, герои Гомера кроме законных жен имели внебрачных. А к услугам простых смертных были проститутки, рабыни и служанки, которым зачастую отдавалось предпочтение. Выбрать среди них женщину по вкусу не представляло труда, так как житель Афин среднего достатка в эпоху расцвета этого города имел от двадцати до пятидесяти рабов, богатый — от ста до ста пятидесяти, а владелец рудников — даже до тысячи рабов.

Рабство играло в греко-римской античности гораздо большую роль, чем на Древнем Востоке, а само слово «раб» — *dulos* (греч.) означало человека, над которым собственник обладал абсолютной властью. Рабов можно было кастрировать, отдать в публичный дом, заставить выступать гладиатором или бросить на растерзание зверям. По определению Аристотеля, рабы были одушевленным орудием или, по другому определению — instrumentum vocale (Теренций Варрон), то есть инструментом, умеющим говорить, и темпераментные потомки Одиссея с удовольствием превращали его в инструмент любви. Рабов покупали на невольничьих рынках, куда они попадали в результате войн, похищения или за долги, и их количество было столь велико, что в 413 г. до н. э. двадцать тысяч бежали в Спарту. В том же году семь тысяч свободных афинских граждан попали в плен сиракузянам, где им пришлось в качестве рабов трудиться на каменоломнях до самой смерти. А их жены и дочери, пройдя через руки перекупщиков, которые, подобно коршунам, следовали за воюющими армиями, попадали на Делос или Родос — главные перевалочные пункты в продаже рабов. Просвещенные эллины не чурались выгодного дела работорговли, но в основном ею занимались финикийцы, и самым дорогим товаром были белокожие светловолосые девственницы или молодые умелые уже рожавшие женщины, ценились и искусные ткачихи. Впрочем, иногда красота счастливо совмещалась для хозяина с владением ремеслом, и он получал двойное удовольствие: выручку за дневной труд невольницы и наслаждения от ее «ночной работы».

Ценились и красивые мальчики-рабы, с которыми было меньше хлопот, чем с женщинами, и стоили они иногда дороже. К любовным шалостям с ними в античном мире относились терпимо, о чем можно судить из стихов, посвященных подготовке к свадьбе молодого человека:

Ткут покрывало уже для супруги, деву готовят.
И новобрачная брить мальчиков будет твоих…

Далее, при описании способов овладения девушкой, жениху без особого возмущения напоминается:

Это тебе повторять ни мать не позволит, ни нянька,
Скажут оне: «Ведь жена — это не мальчик тебе!..»
Марциал. На женитьбу Виктора

Но если мальчиков, которых собиралась «брить» ревнивая юная супруга, можно поставить на место, то справиться с рабынями-фаворитками было намного сложнее.

Греческое определение *tetradora, andradora* — четвероногое, человеконогое дает представление о принципе подсчета военной добычи, и из огромного числа «человеконогих» предводители войск могли выбрать весьма достойный трофей — молодую, красивую рабыню благородного происхождения. Нередко из-за этих несчастных игрушек судьбы возникали жестокие ссоры, описанные

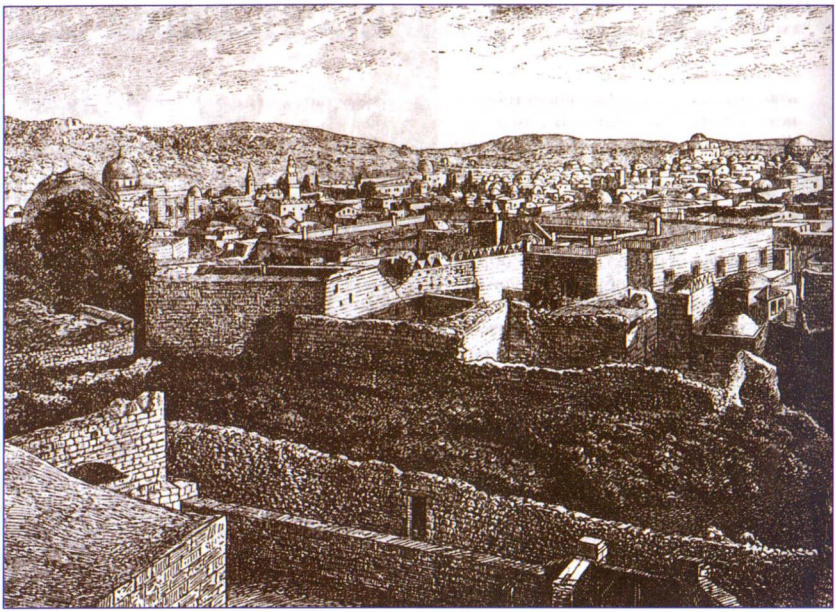
у Гомера. Именно из-за молодых рабынь иногда зависели исходы сражений на поле битвы и разгорались настоящие домашние войны. Верховный предводитель греков в троянской войне царь Агамемнон предлагал Ахиллу за рабыню Брисеиду свою собственную дочь (!), ибо, по словам Гомера, «сладострастие двигало им», и, когда Ахилл отказался, силой увел от героя понравившуюся ему девушку. Впоследствии царь был убит собственной женой Клитемнестрой, которая имела множество причин для своего жестокого поступка, в том числе и месть за дочерей (дочь Ифигению принес в жертву богам) и собственное унижение.

То, что ценность царской дочери оказалась ниже, чем рабыни, показывает, какое значение могла иметь молодая красивая наложница в жизни своего хозяина, и что ее появление в доме могло означать для его жены. Новая фаворитка освобождалась от работы, ей оказывалось внимание, а женой пренебрегали. Все домочадцы должны были демонстрировать почтительное отношение к избраннице господина, которая, злоупотребляя своим положением, давала понять, что она значит в этом доме. Законная же супруга на глазах у всех была вынуждена молча терпеть, и, делая вид, что ничего не замечает, оказывать фаворитке уважение. И жены, подобно Андромахе, жене Гектора из трагедии Еврипида, могли сказать: «Жена, которая действительно любит своего мужа, должна терпеть соперницу, делая вид, что ничего не замечает».

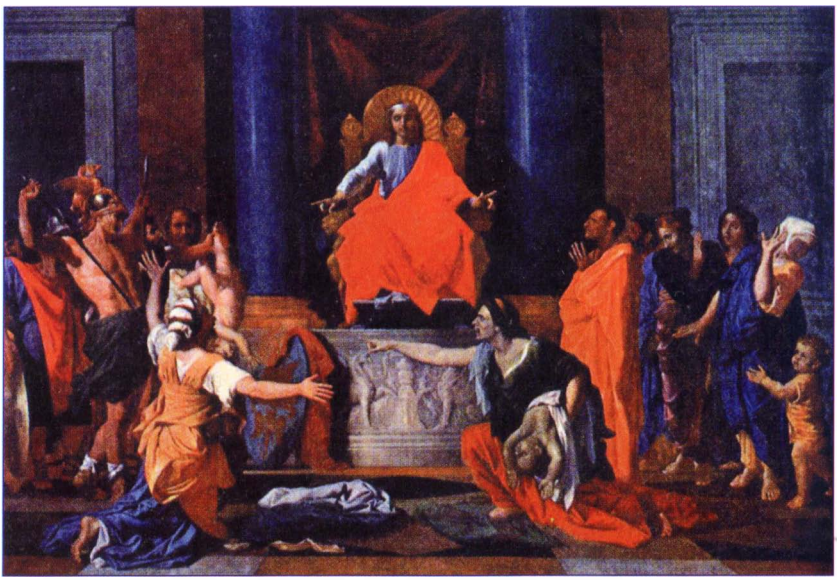
Двойная мерка в морали позволяла грекам вести жизнь, не отягощаясь опасениями какой-либо кары со стороны оскорбленных жен, закона или общественного мнения, но страсти и ссоры между рабынями и хозяйками накалялись, превращаясь в настоящие войны, и выплескивались за пределы дома. Некий знаменитый оратор, софист Горгий из Леонтины (V в. до н. э.), произнесший речь «О согласии эллинов», имевшую большой общественный резонанс, получил справедливый упрек от Плутарха. Великий писатель заметил: как же оратор, достигший таких высот красноречия, не мог добиться согласия среди крайне ограниченного круга людей, а именно — в собственной семье, состоявшей из самого знаменитого риторика, его жены и рабыни. Впрочем, ответа на вопрос, как добиться согласия между соперницами, не мог дать никто. И самая искусная речь не могла убедить женщин мирно делить мужчину. Особенно страдали те, которые были незаурядны, имели развитое чувство собственного достоинства и остро ощущали несправедливость. Видимо, таких женщин среди эллинок было немало, и иногда ситуация в доме с рабыней-фавориткой заканчивалась трагически. Подтверждением этому служит история величайшего героя Греции Геракла, в доме которого сложился безнадежный любовный треугольник. Геракл был женат на Деянире, дочери царя Ойнея. В юности она научилась владеть оружием и править колесницей и была достойной подругой великому герою. Деянира родила Гераклу четырех сыновей и дочь, и, когда было надо, сражалась с ним рядом. Верная, терпеливая и любящая супруга

БИБЛЕЙСКИЕ МНОГОЖЕНЦЫ

Орас Эмиль Жан Верне. Иегуда и Фамарь

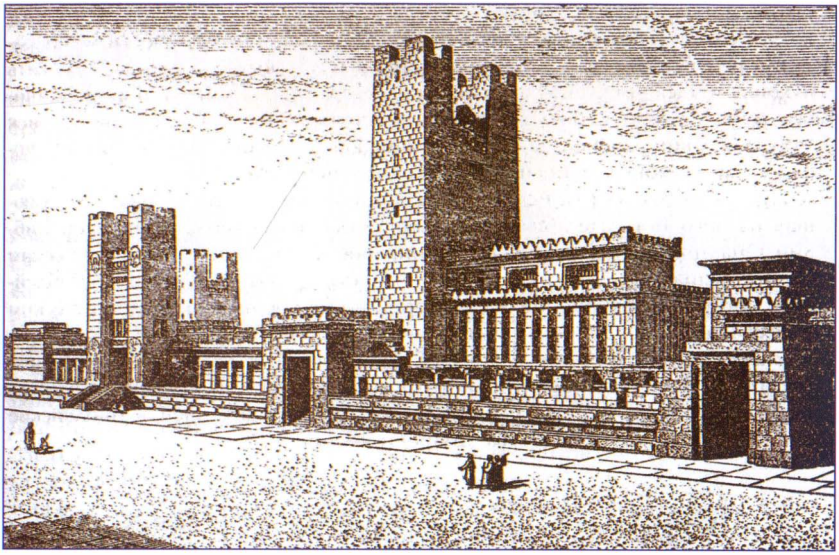


Иерусалим. Общий вид

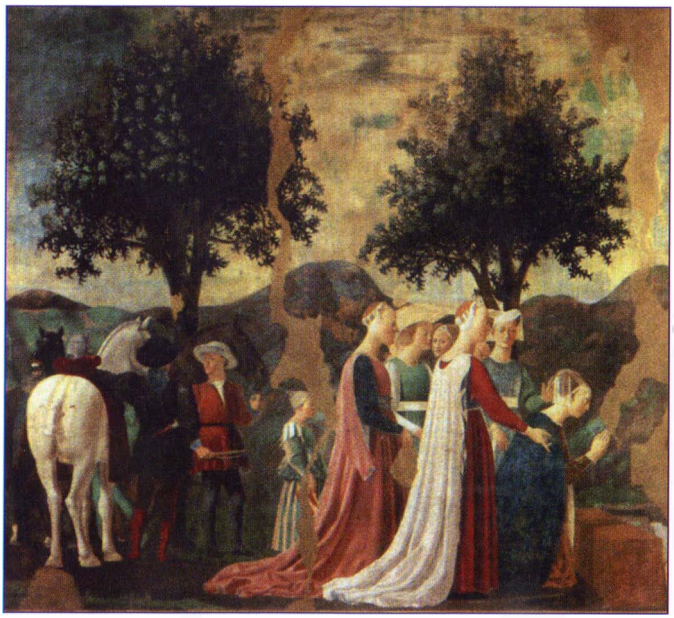


Н. Пуссен. Суд Соломона

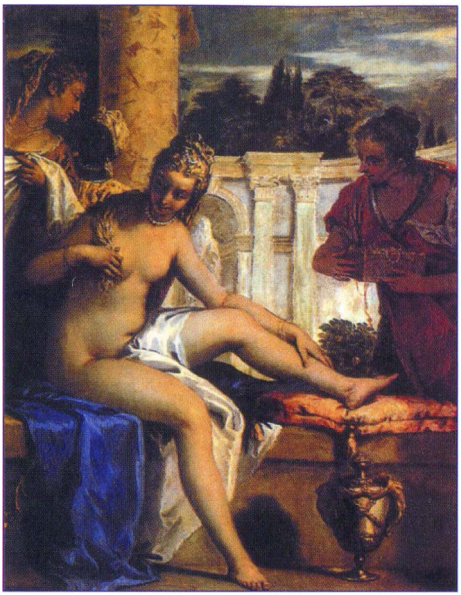
Шарль Глейр. Царица Савская



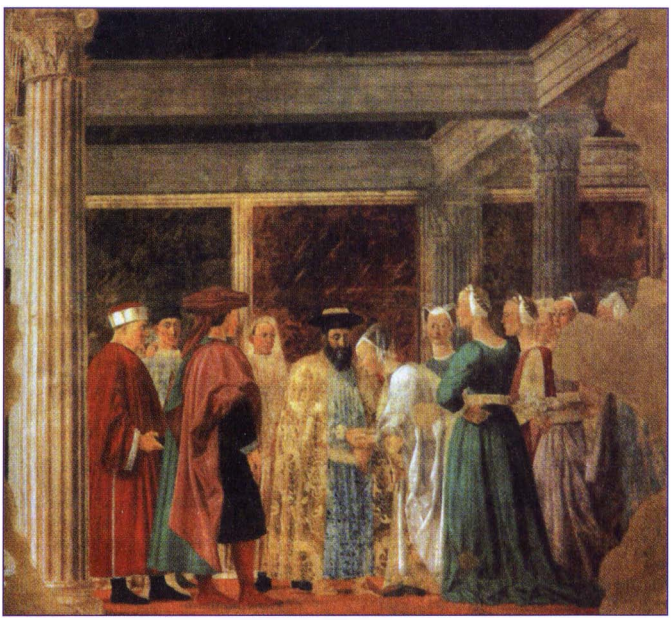
Храм в Иерусалиме. Боковой фасад



Пьеро делла Франческа. Поклонение царицы Савской священному дереву. Левая часть фрески «История царицы Савской»

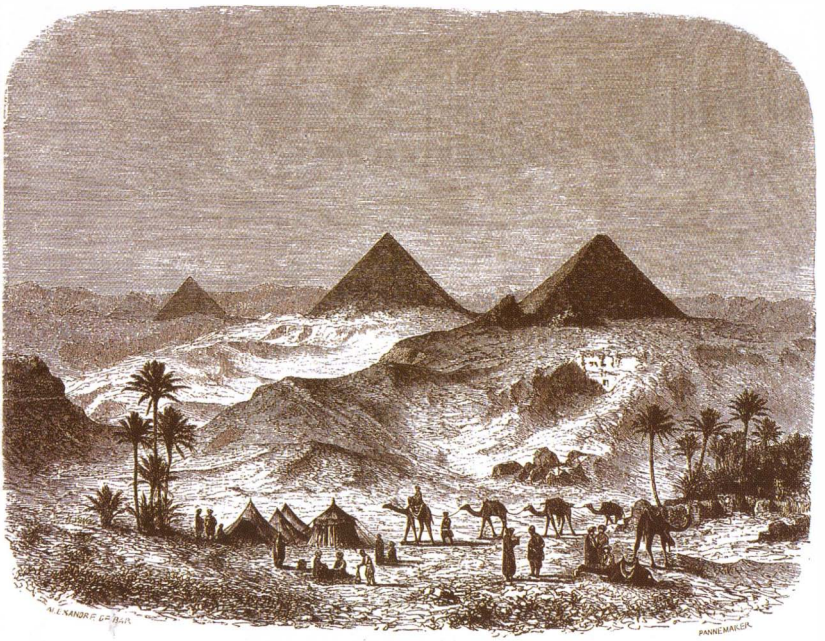


С. Риччи. Купание Вирсавии (туалет Венеры)



Пьеро делла Франческа. Встреча царя Соломона с царицей Савской. Левая часть фрески «История царицы Савской»

БУКЕТ ИЗ ЛОТОСОВ И ВАСИЛЬКОВ (ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ)



Пирамиды

Парадный трон фараона, середина XIV в. до н. э.

Тутанхамон с женой в саду.
Рельеф на крышке ларца, XIV в. до н. э.

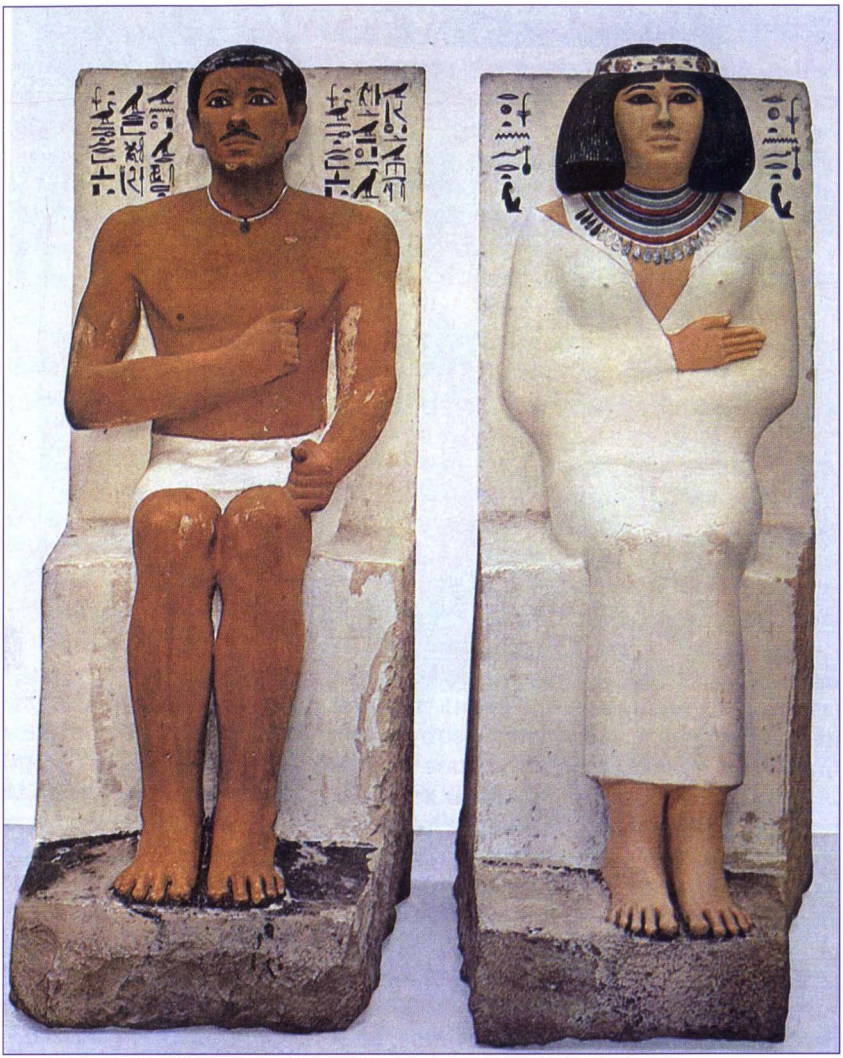
Эфиопская принцесса и ее свита

Дочери Эхнатона и Нефертити. Фрагмент росписи дворца в Амарне. XVI в. до н. э.

Сцена пира. Роспись гробницы в Фивах. XV в. до н. э.

Остракон (черепок с изображением акробатки). XII в. до н. э.

Музыканттши. Фрагмент росписи гробницы в Фивах. XV в. до н. э.

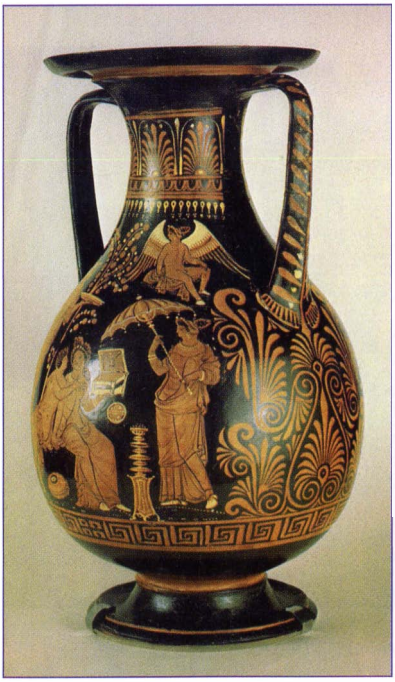


Статуи царевича Рахотепа и жены его Нофрет.
Первая половина 3-го тысяч. до н. э.

ГИБЕЛЬ ГЕРАКЛА (ГРЕЦИЯ)

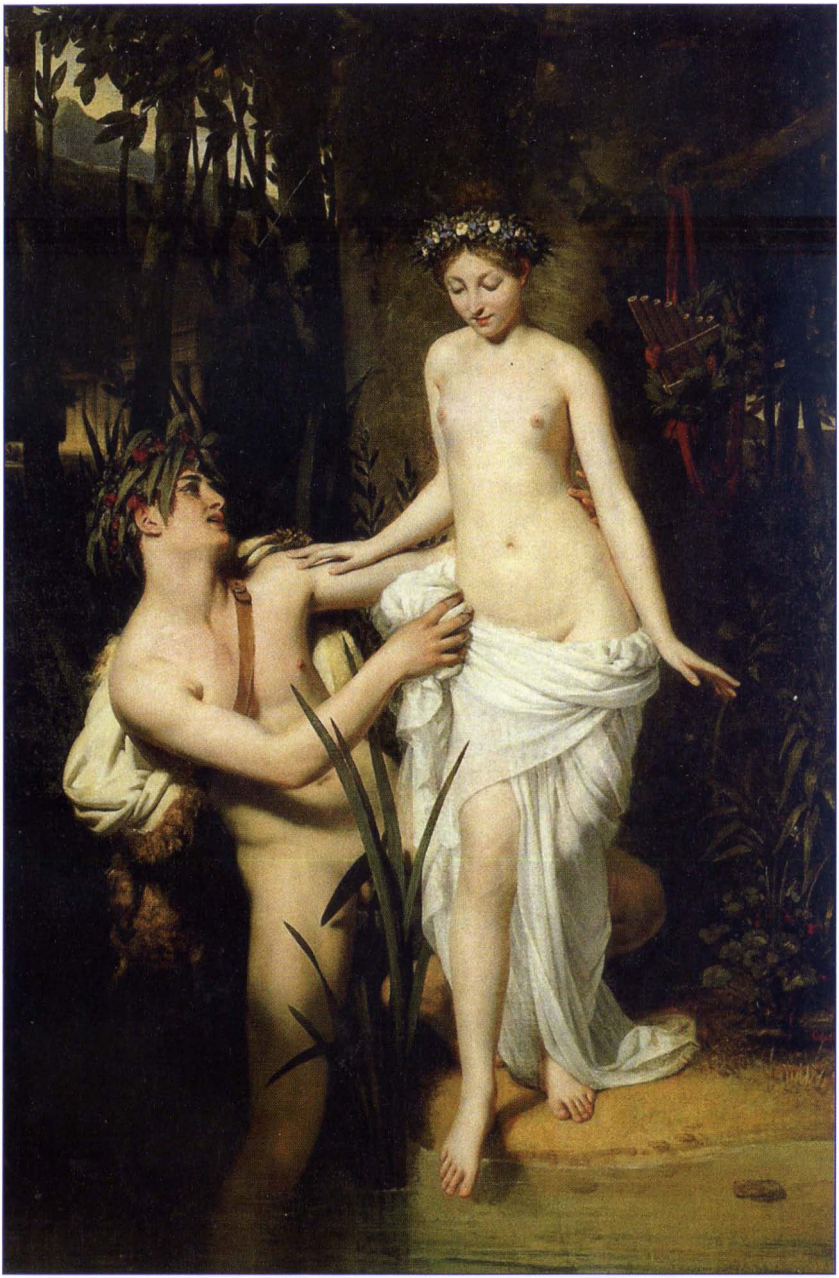
Г. Рени. Деянира и кентавр Несс

Лео фон Кленце. Афинский Акрополь



Пелика краснофигурная с изображением группы женщин и юноши

Э. Дега. Спартанские девушки, вызывающие на состязание юношей



Ж.- Д. Кур. Молодая девушка, которая ищет реку

мирилась с приключениями своего любвеобильного мужа, подвиги которого не ограничивались военными, простираясь и на любовное поприще, но вот Геракл привел в дом юную рабыню Иолу, и ситуация стала невыносимой. Иола была дочерью царя Эврита, который обещал руку своей красавицы дочери тому, кто победит в стрельбе из лука. Однако, когда Геракл одержал победу в состязании, Эврит попытался не выполнить обещания. И Геракл, убив его, силой захватил царевну, сделал своей возлюбленной, и, приведя к себе домой, потребовал от жены, чтобы она приняла ее как равную и относилась к ней с уважением. Софокл, явно сочувствуя Деянире, описывает страдания этой достойной женщины: «Жить вместе с ней — какая женщина позволила бы это, разрушив узы брака!» — восклицает Деянира и решает прибегнуть к тайному волшебному средству. Когда она была столь же молода и красива, как Иола, кентавр Несс посягнул на нее, но был убит Гераклом. Умирая, Несс посоветовал Деянире собрать его кровь, она якобы поможет сохранить любовь мужа. И отчаявшаяся Деянира, пытаясь вернуть любовь мужа, пропитывает кровью кентавра хитон, который посылает Гераклу. Однако кровь Несса, погибшего от смазанной желчью ларнейской гидры стрелы Геракла, превратилась в яд, и герой погибает в жесточайших мучениях, а Иола, злосчастная пленница, передается его сыну.

Гибель не на поле сражения, а в результате домашних войн настигает и других прославленных своими боевыми подвигами героев. Убит в результате предводитель греков царь Агамемнон, гибнет под обломками своего обветшавшего корабля похититель Золотого руна герой Ясон (по другой версии, он покончил жизнь самоубийством). Смерть их бесславна, но общественное мнение осудило жен-мстительниц. Клитемнестра умерла от руки собственного сына «ибо боги так решили», Медея в мифологии превратилась в злобную ведьму, ночное страшилище, а Деянира, узнав о том, что стала невольной виновницей гибели мужа, закололась мечом. Так античный мужской мир карал за непокорность. И все же было в Элладе место, где женщинам позволялось быть свободными, и они широко пользовались этим правом.

СДЕЛАЙ СПАРТЕ ХОРОШИХ ДЕТЕЙ, АКРОТАТ!

В суровой Спарте — брак носил совсем иной характер. Свобода спартанок, в том числе и в любви, возмущала жителей других греческих государств, как мужчин, так и (вероятно не без оттенка зависти) женщин. Поведение спартанок, их социальная активность и независимость расценивались политиками как вызов закону и порядку, господствующих в других греческих полисах. Афинянки называли спартанок похотливыми женами легкого поведения, плодящими тупых воинов, а в ответ получали — «безмозглых кукол, заключенных гинекей, как на Востоке, без всякого понимания дел мужа». Не правы были ни те ни другие,

но бесстыдство жительниц Спарты было притчей во языцех, и объясняли его, прежде всего, воспитанием, которое они получали.

«…А впрочем, спартанке как скромной быть, когда /с девичества, покинув терем, делит она палестру с юношей и пеплос/ ей бедра обнажает на бегах…/ Невыносимо это …Мудрено ль, что вы распутных растите», — ворчал о прекрасной Елене, из-за которой началась Троянская война, отец Ахилла Пелей (Еврипид. Андромаха). И не случайно, вероятно, была спартанкой Клитемнестра, осмелившаяся убить своего мужа Агамемнона.

Впрочем, выражать свои чувства в лицо не решались. Наравне с мужчинами участвовали спартанки в атлетических упражнениях, были спортивны и сильны физически. Одной из таких спартанских могучих замужних дам, по имени Лампито, героиня комедии Аристофана «Лисистрата» делает комплимент, говоря, что та «быка задушит», на что спартанка без ложной скромности бесхитростно отвечает: «Ну, еще бы нет! Не зря ж борюсь, я бегаю и прыгаю!» Вступить в дискуссию с подобной дамой интеллектуально, но не физически развитому афиняну было просто опасно. Кроме того, он мог потерпеть поражение и в споре. Спартанки славились исключительным остроумием. Парируя упрек одной афинянки, что они «единственные из женщин, которые правят мужами», некая Горго, ответила: «Но ведь мы единственные и рождаем мужей!»

Возмущало добропорядочных афинян и то, что спартанские девушки (кстати на редкость хорошо сложенные) показывались во время процессий обнаженными. Но законодатель Ликург дал исчерпывающее объяснение этих шокирующих выступлений. Он сказал: «Это для того, чтобы девушки, следуя обычаям мужчин, нисколько не уступали им ни силой тела, ни здоровьем, ни твердостью души, ни честолюбием. Мнение же толпы они презирают». Все было верно, но женщины, кроме того, превосходили своих выросших в казарме мужей-воинов и духовно, что также объяснялось их воспитанием, так как в его программу наряду с физическими упражнениями входили и какие-то элементы обучения музыке, а, возможно, также чтению и письму. Самым же парадоксальным являлось то, что свобода спартанских женщин была закономерным порождением тоталитарного милитаристского спартанского государства с его предельно мускулинизированной, брутальной культурой. Этот парадокс, не укладываясь в стройную логику мышления античных философов, порождал различные версии, в том числе и о порочной природе, ненасытном темпераменте спартанок и патологической терпимости их мужей. Имелись и поклонники поведения спартанок, которые считали их послушными рабынями государства, ради высших интересов которого они превратились в «рожающие машины». Правда же, как всегда, находилась где-то посередине.

Жизнь спартанки была не похожа на замкнутое и безрадостное существование прочих эллинок, отличаясь не только неслыханной свободой в отношениях с мужчинами. В отличие от афинских девушек-подростков, которые могли стать

матерями в четырнадцать лет, спартанки выходили замуж уже в зрелом, по античным понятиям, возрасте — между восемнадцатью и двадцатью годами, и не были послушным материалом в руках своих мужей. Существуют сведения и об их довольно свободной добрачной половой жизни.

Спартанки могли распоряжаться своим имуществом, некоторые были очень богаты, социально активны и имели влияние на политическую жизнь государства. Круг их домашних забот ограничивался лишь общим попечением о домашнем хозяйстве и воспитании детей. Тяжелую работу, в том числе обязательное для афинянок ткачество, выполняли домашние рабыни, и у спартанок оставалось достаточно свободного времени, которое они посвящали занятию атлетикой.

Но главной их функцией было «рождение мужей», и мужей здоровых, которые пополнили бы ряды воинов. Этому была подчинена вся политика ориентированного на войну милитаристского государства, где безбрачие осуждалось как предательство, а для холостяков были установлены унизительные меры: среди зимы они должны были обнаженными обойти общественную площадь, распевая обидные для них песни. Идеал казарменного равенства, господствующий в Спарте, расценивал семя здорового мужчины-воина как общественное достояние. Оно не должно было оставаться без достойного применения и подлежало утилизации среди возможно большего числа молодых и здоровых женщин. То же самое касалось и лона женщин, которые должны были дать как можно больше здоровых детей. Собственническое же отношение и «пустая бабья ревность» со стороны мужей порицались.

О мужском господстве, имеющем место в остальных государствах Греции, напоминал только странный свадебный обряд. Плутарх писал, что в Спарте существовал обычай, по которому жених-спартанец обязательно должен был похитить невесту, которую «встречала так называемая прислужница, снимала с нее тонкие одежды и надевала грубую из мешковины, укладывала в темноте на мешок с соломой и оставляла одну в темноте». «Жених подкрадывался к ней скрытно и насильно развязывал пояс. Причем не только один раз, не только в первую ночь, но долгое время. Это подстегивало желание: постоянно оживляя любовь, он овладевал ею вновь и вновь, вместо того, чтобы, насытившись официально дозволенным удовольствием, ослабеть», — писал историк. Пожалуй, это был единственный случай, когда муж мог проявить абсолютную власть над женой. В дальнейшем все определяла демографическая политика государства, ориентированная на получение здорового потомства. И этим объяснялись некоторые щекотливые аспекты сексуального поведения спартанцев. Старому мужу молодой жены дозволялось допускать к ней молодого человека безупречной репутации, и детей, родившихся от этого союза, он потом мог воспитать как своих собственных. Существовал и другой обычай: молодую, плодовитую и «непременно благоразумную» женщину мог попросить на время,

чтобы она родила ему детей, другой «порядочный человек», которому эта женщина понравилась.

Афинский историк и писатель Ксенофонт (V–IV вв. до н. э.), пытаясь объяснить, что заставляет спартанцев вступать в эти противоестественные союзы, писал, что в таких случаях «женщины желают распоряжаться двумя домами, мужчины же присоединить к своим сыновьям братьев, которые могли бы разделить с ними благородство происхождения и телесную крепость, не претендуя, однако, на их имущество».

Другую версию этого обычая излагает историк Полибий (ок. 200–120 гг. до н. э.): «У лакедемонян было заведено издавна, чтобы трое или четверо мужчин имели одну общую жену, иногда (даже) и большее их число, если они были братьями, причем их дети считались общими; а для того, кто произвел на свет уже достаточно детей, отдать (свою) жену кому-нибудь из друзей считалось делом прекрасным и согласным обычаю».

По словам Полибия, в Спарте было распространено многомужество, или полиандрия. Но, судя по тому, что официальной формой брака там все же являлась моногамия, эти союзы были ничем иным, как поочередное сожительство одной женщины с несколькими мужчинами, которые могли быть с собой связаны узами дружбы или родства, хотя соблюдение этого условия вовсе не считалось обязательным. Дети же от этих союзов «левой руки» воспитывались не сообща. Они либо усыновлялись предполагаемыми отцами, становясь их законными наследниками, либо пополняли ряды незаконнорожденных. В любом случае выигрывало государство.

Союзы ради потомства вовсе не означали, что мужья могли заставить своих независимых жен вступить в связь с непонравившимся ей мужчиной. Спартанки могли сами определять свой выбор, и часто внебрачные союзы завязывались исключительно по их воле, что не осуждалось, так как адюльтер был привычен, оправдан интересами государства и освящен обычаем. Здоровое потомство, рожденное в его результате, оправдывало все. Не подвергалась общественному порицанию и та спартанка, которая оставляла мужа ради более достойного. Подтверждением тому служит история Хилониды и Акротата. Прекрасную Хилониду выдали замуж за Клеонима, претендента на спартанский престол, но она была влюблена в его политического соперника Акротата. Потерпев поражение в политической борьбе и супружеской жизни, Клеоним привел в Спарту полководца Пирра, рассчитывая с его помощью вернуть царскую власть. Пирр потерпел поражение, а Акротат, проявивший в сражении с ним редкостное даже для спартанца мужество, был встречен в родном городе приветственными криками старцев: «Ступай Акротат, возьми Хилониду и сделай для Спарты хороших детей!»

Принятые нормы морали заставляли обманутого супруга смотреть сквозь пальцы на любовные связи своей супруги, а в иных случаях вступать в полю-

бовное соглашение с ее избранником. Подобная терпимость объяснялась не только свободой нравов. Ненормальная ситуация, сложившаяся в спартанских семьях, обуславливалась также полным равнодушием спартанца к семье, как к таковой. В Спарте в результате сегрегации полов, роль мужа, проводящего все свое время в сисситиях*, сводилась исключительно к деторождению. Спартанец не знал родительской ласки, не принимал никакого участия в воспитании детей и ведении хозяйства, а поэтому не имел и вкуса к семейной жизни. Он был воин, живший среди воинов и ради войны, — остальное было вторично и незначительно. Немаловажную роль в отчуждении мужа от семьи играла, несомненно, и педерастия, имевшая в Спарте организованную форму и не только не вызывавшая нравственного осуждения обществе, но и санкционированная государством. Пользу сексуально- эротических связей между мужчинами спартанцы видели как в их признанной античной традицией воспитательно-образовательной функции (ученики в Спарте, как правило, были любовниками своих наставников), так и в объединяющей силе любви, связывающей соратников на войне (воины Леонида, героически павшие в битве при Фермопилах).

Но как бы ни были сильны гомосексуальные традиции в Спарте, ее граждане-мужчины нуждались и в том, что в других греческих полисах именовалось институтом гетер. Профессиональным же служительницам любви не нашлось места в военном государстве, где мужчины жили отдельно от женщин, однако прагматичный общественный разум Спарты решил эту задачу, и функции блудниц, служительниц Афродиты — всенародно были возложены на свободных женщин. И в этом еще одна из причин узаконенного моралью и законом распутства. Спартанки успешно справлялись с возложенными на их могучие плечи задачами, совмещая, казалось, несовместимое. Они были равноправными партнерами мужчин в свободной любви и, достойно ведя дом, рожали Спарте здоровых детей. Все это в полной мере служило интересам государства, которое оказывало спартанским женщинам почет и уважение, немыслимые для добродетельных афинянок. Справедливости ради следует отметить, что смерть от руки врага эти спартанки встречали столь же доблестно, что и мужчины.

КРАСОТА, СЕКС, ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ

Лисистрата:

Вот в этом-то и сила, и спасение,
В шафрановых платочках, в полутуфельках,
В духах, румяна, и в кисейных платьицах.

Аристофан. Лисистрата

---

* *Сисситии — небольшие замкнутые от внешнего мира товарищества для совместных трапез, выезд из которых был возможен лишь по особому разрешению.*

Все эллинки — свободные от супружеских уз гетеры, обремененные домашними заботами афинянки и атлетки-спартанки — уделяли своей внешности большое внимание. Красота в Греции рассматривалась, прежде всего, как признак культуры, косметика и уход за телом (по Платону) — как предпосылки для достойного человеческого существования, а тело — как зеркало, отражающее единство и совершенство мира. В одежде следовали девизу «Все в меру», не позволяя увлечь себя модной эксцентричностью, которая нарушила бы ее пропорции и гармонию. Греческий философ Ксенофон сказал: «Весьма приятно видеть хорошо подогнанную обувь... и одежду, удовлетворяющую потребностям владельца». Ласкать взор, удовлетворяя этим требованиям, женщины старались, прежде всего, правильно, «в соответствии с потребностями» выбрав ткань и цвет.

Изящные хитоны из тонкого полотна, красиво подчеркивали линии тела, а более грубая одежда из шерсти — пеплос, которую надевали в холодную погоду, украшалась вытканными полосами и орнаментами с геометрическими и фигурными мотивами.

Цвета имели свое символическое значение. Белый был закреплен за аристократией, черный, пурпуровый, темно-зеленый и серый означали печаль. Сельские жительницы (как, впрочем, и в последующие века) носили неброские серые и коричневые цвета, горожанки предпочитали разнообразие цветов, придавая большое значение оттенкам: гиацинтовым, «лягушачьим», аметистовым и шафрановым, которые подбирались к глазам. Огромное внимание уделялось волосам. «Пышноволосых и пышнокудрых» красавиц воспевали в гимнах, посвященных богиням, и в лирической поэзии. Предпочтение отдавалось именно светловолосым женщинам, вероятно, из-за того, что в Греции преобладали брюнетки и шатенки. И божественным блондинкам — Афродите, Деметре, Афине и Гере — пытались подражать смертные женщины, пытаясь изменить цвет волос. Окраска волос не считалась чем-то необычным, носили и парики, что в античности осуждалось и порождало эпиграммы:

1

Лгут на тебя, будто ты волоса себе красишь,
Никилла,
Черными, как они есть, куплены в лавке они.

2

Мед покупаешь ты с воском, румяна и косы, и зубы.
Стало б дешевле тебе сразу купить все лицо.

Лукиллий. На женщин, 1-2

Только спартанкам не нужно было прибегать к каким-либо ухищрениям. Их густые гривы вошли в поговорку и служили предметом зависти других гречанок, а одежда — пеплосы, полностью раскрытые на бедрах, — позволяла любоваться великолепным телом. Свое физическое совершенство гордые

атлетки объясняли «сорока поколениями предков, которые ходили голобедрыми круглый год в полотняных хитонах», и тем, что у нас назвали бы здоровым образом жизни. Но покорные обитательницы гинекеев не хотели и не имели возможности вести его, прибегая вместо этого к различным ухищрениям.

Именно в античной Греции появились основные типы причесок, которые потом неоднократно повторялись. Вначале волосы, завитые в легкие локоны, свободно падали на плечи, затем их стали укладывать в сложные узлы или косы, положенные вокруг головы и укрепленные гребнями.

Следили и за белизной кожи, предохранить которую от солнца помогали зонтики из полотна, позднее из шелка. Гардероб аристократок был весьма обширен, а украшения изысканны и богаты. В него помимо одежд входили пояса из драгоценных металлов, булавки из слоновой кости и золота, ожерелья, браслеты, перстни. Греки понимали толк в камнях и из военных походов посылали в подарок возлюбленным темные, как кровь, рубины, золотистые хризолиты, ярко-фиолетовые гиацинты, розовые и черные жемчужины.

На ноги надевались сандалии из переплетенных ремешков на кожаной подошве, дома же ходили по большей части босиком. Стремление казаться выше и стройнее заставляло носить обувь на высокой подошве, которую раскрашивали в разные цвета.

Красивая и ухоженная внешность являлась для эллинок залогом успеха у противоположного пола. Мужчины античного мира были гедонистами*. Но чувственное наслаждение они предпочитали получать без усилий со своей стороны. Совершенство в области секса было исключительной прерогативой женщин, и те достойно исполняли возложенную на них обязанность. Существовала целая наука о том, как сделать из своего тела искусный инструмент любви, используя специальную гимнастику, ванны, возбуждающие средства и главное — тонкое знание особенностей мужчин, их физических и психологических особенностей. «Расслабиться» нельзя было даже во время жарких любовных утех. Зоркий взгляд античного эстета — и греческого, и римского — требовал, чтобы женщина не только дарила физическую радость, но и услаждала взор:

Женщины, знайте себя! И не всякая поза годится –
Позу сумейте найти телосложению под стать.
Та, что лицом хороша, ложись, раскинувшись навзничь;
Та, что красива спиной,
Спину подставь напоказ.
Миланионовых плеч Аталанта касалась ногами —
Вы, чьи ноги стройны,
Можете брать с них пример.
Всадницей быть — невеличке к лицу,

* *Гедонизм — учение о наслаждении как высшей цели жизни.*

а для рослой нисколько:
Гектор не был конем для Андромахи своей.
Если приятно для глаз очертание плавного бока —
Встань на колени в постель
и запрокинься лицом.
Если мальчишески бедра легки и грудь безупречна —
Ляг на постель поперек,
друга поставь над собой,
Кудри разбрось вокруг головы, как филейская матерь,
Вскинься, стыд позабудь,
дай им упасть на лицо.
Если легли у тебя на живот морщины Луцины —
Бейся, как парфский стрелок, вспять обращая коня…

Овидий. Наука любви. Книга 3

Жрицы любви, обычные проститутки и гетеры, вне всякого сомнения, лучше удовлетворяли жестким требованиям античного любовника. Искусство дарить наслаждение было их профессией, они посвятили ему жизнь, в которой наиболее умелые очень неплохо устраивались.

Но и остальные эллинки, «непрофессионалки», не сдавались. «Отодвинь от нас подале старость, Афродита!» — пели в молитвенных песнях женщины и боролись за молодость и красоту всеми доступными им средствами. А их в распоряжении эллинок было немало, в том числе к услугам стареющих красавиц были густые волосы белокурых рабынь и зубы рабов-детей. Упоминаются у Аристофана также красители для волос, румяна (анхус), мирра, пемза, косметические средства из морских водорослей, аттический мед, косметические мушки и многое другое. В изобилии представлены были и различные благовония, полюбоваться же собой можно было в зеркале, в качестве которого использовались полированные серебряные и бронзовые пластины, считавшиеся предметами необычайной роскоши. Но необходимость иметь при себе зеркало постоянно была столь велика, что уже в V в. до н. э. изобрели складное. Чтобы кожа была «глаже лощеных зеркал», использовали ослиное молоко, маски из теста, сложные смеси из ячменных зерен, оленьих рогов, луковиц нарцисса, меда и аравийской камеди. Но недолговечная красота ускользала, и, чтобы удержать своих возлюбленных, женщины обращались к грозному искусству магии.

«…Я колдунью-фессалианку
Найму, и месяц в час ночной с небес сведу,
И в круглом сундуке запрячу крепко,
Как зеркало, и буду сторожить его.

Аристофан. Облака»

Магией древние греки называли совокупность таинственных обрядов, связанных с астрологией, гаданием и народной медициной. Идентичной колдовству магия стала только в III веке (это значение она сохранила до нашего времени), а свое название получила по имени жрецов-магов в древнем Вавилоне и Иране. В Древней Греции были известны все виды колдовства: заколдовывание и расколдовывание, обереги и наговоры. В качестве магических средств использовались растения (зелья), животные и части их тел, человеческая кровь и семя, различные металлы, оливковое масло и вино. Имелась обширная литература, заимствованная в Вавилоне, где содержались сведения по колдовству, а его родиной считалась Фессалия, чьи жительницы слыли искусными и недобрыми волшебницами. Полностью обнаженные бродили эти колдуньи по ночам, собирая в медные сосуды ядовитые соки трав, которые срезали медным же серпом, а затем хранили в потаенных ларцах, чтобы использовать для каких-нибудь вредоносных целей, возможно и для устранения соперниц или соперника.

Любовная магия была широко распространена в античном мире, и при совершении магического ритуала обращались к трем языческим богиням: богине луны Селене-Артемиде, богине-матери — Гекате и богине подземного мира Персефоне. Они выглядели довольно зловеще, но женщины, преодолев страх, исполняли все магические ритуалы. Они ходили в полнолуние, ночью на распутье (перекресток трех дорог), где обычно ставилось изображение Гекаты и приносили там жертвы этой богине мрака, ночных видений и чародейства. Излюбленным местом прогулок Гекаты, страшной богини с пылающим факелом в руках и змеями в волосах, были кладбища, где она бродила среди могил, вызывая призраки. Ее сопровождали собаки, так как Геката, подобно Артемиде, считалась охотницей, но ее охота — это мрачная ночная охота среди мертвецов, могил и призраков преисподней. Гекаты страшились, но она помогала покинутым женщинам, а те уже не боялись ничего, кроме утраты любви. К Селене, богине луны, обращали слова заклятий, также желая вернуть возлюбленного, и считалось, что колдовские манипуляции особенно действенны при полном лунном сиянии. Персефона — богиня царства мертвых, похищенная его владыкой Аидом, — проявила себя мудрой и справедливой повелительницей. Но, однако, именно она уничтожила, в буквальном смысле слова растоптав своих соперниц, возлюбленных ее супруга Аида, нимфу Кокитиду и нимфу Минту, и, возможно, эта жестокая и скорая расправа определила ей место среди других богинь, покровительниц покинутых женщин.

В колдовских книгах эту жутковатую триаду символизировал знак треугольника. Главная его вершина соответствовала богине луны, так как полный, круглый и прибывающий месяц играл, как считалось, большую роль в ритме женской жизни. И соответственно каждый рецепт волшебства, приведенный

в книге, делился на три части: первая — призыв к богам, вторая — изложение магических предписаний, третья — волшебные заклинания.

Для устранения соперниц прибегали и к приворотам, заговорам и амулетам. В одном из древних античных погребений среди женских украшений нашли золотую овальную пластинку-амулет, на которой был начертан греческий текст, заимствованный из Анакреонта: «Вы, люди, говорите, что хотите: меня это ничуть не беспокоит — люби меня и будь счастлив». На другом амулете, камее из темно-синего агата, была изображена мочка уха, место пребывания памяти, по представлениям древних, и правая рука, держащая ее, а по кругу вырезана надпись со словами «Помни меня». На другой камее было вырезано изображение двух соединенных рук и начертано слово «Согласие». Иногда для того, чтобы вернуть себе возлюбленного, применялась буквенная магия, состоявшая в том, что его имя писали перевернутыми буквами. Считалось, что так можно повлиять на судьбу того, кто носит амулет. И написав «перевернутое» имя мужа или любовника, обращались к подземным богам, которых просили поскорее привести его назад. Тексты выводили на медных пластинках и, возможно, учитывая частоту подобных обращений, честно подписывали их своим именем, а затем зарывали в землю. Таким образом, послание должно было дойти до подземных богов.

Для мужчин античности также существовали свои «волшебные» рецепты. При импотенции, в частности, прописывалось использовать шерсть, шкуру, молоко ослицы, ее навоз и кровь. Насколько верили в эти средства, доказывает случай из времен правления императора Валентиниана, когда по обвинению в похищении священного осла из императорских стойл был приговорен к смерти его секретарь Фаустин. Несчастный защищался, говоря, что использовал осла не как средство против импотенции, а против выпадения волос. Но все же женщины прибегали к любовной магии несравненно чаще, их не могли запугать ни угроза наказания, ни боязнь всемогущих богов, и не иссякал поток паломниц, пугливо бредущих лунной ночью на перекресток трех дорог.

БОЛЬШОЙ СЕРАЛЬ (ТУРЦИЯ)

«ДОМ РАДОСТИ»

История гарема османских* султанов началась в 1365 году, когда Мурад I (1359–1389) решив иметь дворец, достойно отражающий блеск и могущество власти, построил его в Эдирне (Адрианополе) — тогдашней столице Османской империи. Во время войн Адрианополь становился верховной ставкой, в мирные времена привлекал прекрасным климатом и охотничьими угодьями, и дворец Мурада вполне соответствовал тогдашнему статусу султана. Однако гарем, в его классическом понимании, как система полной изоляции женщин от остального мира, возник позднее, в результате объединения византийского обычая с исламской практикой многоженства. Это произошло после взятия османами Константинополя в 1453 году, когда Мехмед II Завоеватель (1451–1481) перенес свою резиденцию на берега Босфора. Там на мысе Сераль, отделяющем Мраморное море от залива Золотой Рог, он заложил свой новый дворец Топкапы, известный в Европе как Большой Сераль или Блистательная Порта.

Султанский двор, чья фантастическая пышность и великолепие поражали воображение современников, сложился не сразу. Обиход первых правителей османов отличался суровой простотой, и об ее основателе султане Османе I бытовала легенда, согласно которой он оставил после себя лишь чашку, ложку, солонку, знамена из красной материи, несколько лошадей и стада баранов. Его наследники не могли позволить себе подобный аскетизм, даже если бы и питали к нему склонность. Завоевание Константинополя невольно сделало их преемниками византийских императоров, с которыми они вступили в вынужденное соревнование, и Мехмед II решил его новая столица, названная им Стамбулом, должна быть богаче и прекрасней прежнего Константинополя.

Он повелел султанше-матери устроить свой дом по образцу греческого гинекея последней византийской императрицы, вдовы императора Константина XI, павшего при защите своей столицы. Гинекей, в котором изолированно жили женщины, был расположен в самой дальней части дворца за внутренним двором. Переняв обычай обособленного образа жизни императорской семьи, Мехмед реорганизовал и дворцовое хозяйство, учредив дворцовые школы и армию домашних рабов. В нее попадали дети, которых набирали по системе «девширме» (организованный набор христианских детей Девширме). Так называемый «налог кровью» был учрежден в XIV–XV вв. для создания армии янычар — «нового войска» из иноплеменных. Раз в пять лет особые

---

* *Османы — название турок по имени первого турецкого султана Османа (1299–1326).*

уполномоченные отбирали у родителей-христиан, подданных турецкой империи, мальчиков пяти — двенадцати лет, которые навсегда прощались с близкими, чтобы стать «львами султана». Подход к формированию корпуса «лучших из лучших» осуществлялся с учетом военного опыта и наследственности. Детей тщательно отбирали, принимая во внимание происхождение, внешность (не брали ни слишком высоких, ни низких, ни женственных) и даже выражение лица. Однако, в янычары попадали не все. Наиболее красивые и способные, пройдя обучение в одной из школ, пополняли «очаг рабов врат», или корпус слуг. Они могли занимать разнообразные должности — от самых незначительных до великого везира. Лишь глава духовенства — шейх-уль-ислам — выбирался обязательно из мусульманской семьи (отобранные у родителей-христиан дети, разумеется, также принимали ислам). Из капыкулу оджагы формировалась и охрана, а нести постоянное дежурство поручалось янычарам.

Топкапы (по-турецки — пушечные врата), ставший официальной резиденцией Османской империи, был построен в 1472–1478 годах, являясь, по существу, огромным дворцовым комплексом, состоявшим из множества зданий и павильонов, соединенных между собой террасами. Попасть в эту окруженную глухой каменной стеной резиденцию можно было только лишь через массивные ворота с высокими башнями, у которых собирались жители средневекового Стамбула, чтобы посмотреть на головы казненных, выставляемые у этих ворот. Место, выбранное для дворца, было удивительно красиво, он был построен на одном из холмов Стамбула, возвышающемся над Мраморным морем и бухтой Золотой Рог, а в погожие дни оттуда были видны горы древней Винифии и Олимп.

Топкапы занимал огромную площадь, напоминая густо населенный город с бурно кипящей жизнью. В нем жили и трудились тысячи султанских чиновников (даже стены дворца, удивляющие современников своей толщиной, использовались: внутри них помещались кладовые, караульные помещения, комнаты для прислуги и мастерские), но гарем, или «Дом радости» (Дар'юс Сааде), самая изолированная часть резиденции, был открыт только для султана и евнухов, и проникновение в него каралось смертью. Он казался земным воплощением рая, наполненного самыми красивыми женщинами мира. Единственный обладатель этих дивных сокровищ, султан, являлся предметом зависти мужчин не только в огромной империи, но и за ее пределами, а султанский гарем — одно из самых загадочный явлений в османской культуре — был окутан тайной.

«Дом радости», просуществовавший четыре столетия, находился в самой дальней части Топкапы. Прежде чем попасть в него, нужно было пройти «внешний» двор, где рос знаменитый «янычарский платан». Здесь собирались мятежные янычары, не расходившиеся до тех пор, пока не выставлялась у ворот голова сановника, казни которого они требовали, а однажды их ожидания простерлись до выдачи на расправу одной из самых высоких персон

в государстве — матери султана, «зловредной старухи, гнусной султанши Баффы». В этом же дворе находился еще один наводящий на мрачные мысли предмет — каменная ступа, в которой по приказу султана могли «истолочь» неугодного улема (мусульманского священнослужителя), кровь которого по закону нельзя было проливать. По правой стороне двора располагались различные финансовые учреждения, лимонный сад, пекарня и больница, обслуживающая весь Сераль. По левой стороне — церковь святой Ирины, которая во все времена оставалась христианской, арсенал, налоговое и монетное ведомства и прочие службы. Первый двор был общедоступным. В него впускали всех, независимо от звания и вероисповедания, а заканчивался он у Центральных ворот, перед которыми лежали два Камня назиданий, на которых до XIX столетия выставлялись головы провинившихся сановников. Рядом с этими страшными камнями тихо журчала вода в Фонтане палача, где главный палач султана и его помощники смывали с рук кровь. Во втором дворе находилась государственная казна, откуда выдавалось жалованье янычарам. День его раздачи старались совместить с приемами послов, дабы продемонстрировать богатство державы. Для этого мешки с монетами, на которых были написаны названия мест, откуда они присланы, выкладывались прямо на землю. Столь небрежное отношение к деньгам объясняли тем, что сокровищница их уже не вмещает. Здесь же устраивались различные праздники, и этот двор назывался Алай мейданы — Площадь парадов, но европейцы нарекли его Дипломатическим, так как в нем принимали послов. В правой части двора находилась кухня, а в левой — важнейшее государственное учреждение империи — диван (совещательный совет). Во втором дворе было множество выходов и различных потайных ходов, но особое внимание и самое жадное любопытство вызывали богато изукрашенные Ворота блаженства перед третьим, самым недоступным, двором. Там размещался дворец для приемов, библиотека, сокровищница, жилые покои султана и его семьи (гарем), помещения для евнухов и мечеть. Через Ворота блаженства выбрасывали на растерзание мятежным янычарам сановников. У этих ворот объявляли о вступлении на трон нового султана, и из них выносили во время переворотов мертвых властителей. Посторонние внутрь не допускались, а стража ворот состояла из тридцати евнухов.

«Дом радости» (около четырехсот маленьких и больших комнат) находился между личными апартаментами султана и помещениями черного евнуха, а связь с внешним миром гарема осуществлялась через Каретную, которую бдительно охраняла султанская стража снаружи и евнухи внутри. Ворота Каретной — вход и выход гарема — отмыкались на рассвете и затворялись на ночь. Особенностью дворов Сераля была царящая там тишина, причем в каждом дворе было тише, чем в предыдущем. Путешественник Турнефо в 1770 году писал: «В первый двор Сераля может войти каждый… там стоит

такая тишина, что можно услышать, как летит муха. Если кто-нибудь повысит голос или проявит другое неуважение к резиденции султана, он сразу же получит удар палкой от одного из наблюдающих там за порядком офицеров. Кажется, что даже лошади понимают, где они находятся; нет сомнений, что их учат ступать тише, чем на улицах». В третьем дворе тишина достигала максимума, и это было не удивительно, ибо здесь начинались личные покои самых высокопоставленных обитателей Сераля.

Внешне простое здание гарема отличалось великолепием внутренних покоев, и чем выше был статус обитательницы, тем роскошнее было убрано помещение, в котором она жила. В общих спальнях жили танцовщицы и девушки, состоявшие при султанских женах. Комнаты жен и наложниц находились рядом с покоями султана. Почетное место в этой части дворца занимала мать султана (валиде) — повелительница гарема.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ

Гарем был сложным многоярусным миром, с жесткой иерархией, тщательно разработанным этикетом и множеством правил и ритуалов, которым беспрекословно подчинялись все его обитатели. Главным в своем «Доме радости», без сомнения, был султан, и за место рядом с ним шла неустанная борьба. Она могла длиться годами, но выигравшие ее женщины, справедливо считая, что миром можно управлять через гарем, обретали влияние, которому могли бы позавидовать самые могущественные властители Европы и Азии.

Добиться этого могли лишь единицы из тысяч обитательниц гарема. Лестница к трону и высокому титулу ***валиде*** — матери правящего султана — была многоступенчатой и крутой. Подняться и, главное, удержаться на высоте могли только те, в ком изумительная красота сочеталась с высочайшим интеллектом, незаурядной выдержкой и силой духа. И «одна из причин стабильности османской династии, несокрушимой на протяжении семисот лет, заключалась в планомерном отборе лучшего женского типа, в почти планетарном поиске красивых девушек в жены султанам, но главное — в качестве матерей будущих султанов, будущих владык Богоспасаемого Предела — Османской империи» (Селим Челеби).

Сперва в гареме содержали только рабынь, а в жены, преследуя дипломатические цели, брали дочерей христианских владетелей из соседних стран — Анатолии, Византии и с Балкан. Эта традиция изменилась после захвата Константинополя, когда жен султаны стали избирать из рабынь — *одалисок* (от арабского слова «ода» — комната, буквально означает «служанка, комнатная девушка»). Женщины, за исключением уже родившихся в гареме, поступали туда со всех концов Азии, Африки, иногда из Европы.

Многие девушки попадали в гарем с невольничьего рынка, иногда их преподносили султану в дар соседние правители или губернаторы имперских

провинций, стремившиеся завоевать таким образом его благосклонность. Дарили невольниц и родственники. По традиции в канун праздника Курбан байрам (день жертвоприношений) султан мог получить от матери девушку-невольницу. Сестры-принцессы также не отказывали себе в удовольствии сделать брату подарок, который выбирали весьма придирчиво. «Тело у нее, как кристалл, руки, как лоза, тонкие и гибкие, фигура тоже чудо как хороша. Кожа, что твоя роза. Да благословит ее Аллах сорок один раз!» — так описывала одна юная принцесса свой дар.

Работорговля процветала с древнейших времен, и во всех крупных городах имелись рынки, на которых можно было приобрести живой товар. Несколько столетий во времена аббасидских халифов (750–1258) самый широкий выбор невольниц предлагал невольничий рынок Багдада. В оттоманском гареме первые рабыни появились при султане Орхане (1326–1359), основавшем знаменитый корпус янычар.

Рабов приводили из военных походов или коротких набегов на суше, захватывали их и корсары на море. Особо ценный для продажи «товар» иногда специально выслеживали и похищали. И выбор для покупателей был широк. Юноши редкостных дарований, искусные мастера, музыканты, кастрированные мальчики, девушки и женщины для черной работы и красавицы для любовных утех, дивных тел которых «не отважился коснуться даже солнечный луч». Самыми крупными центрами работорговли были Александрия и Каир.

Огромное число рабов поступало óсманам из Украины и России. Оттуда после вхождения в турецкую империю Крыма несколько веков подряд через общую границу шел поток из сотен тысяч пленников. И вливание восточнославянской крови в турецкий генофонд было настолько мощным, что к концу XIX началу XX столетия идеальным типом стамбульского турка был светловолосый и голубоглазый мужчина, о котором до сих пор, по сложившейся традиции, мечтают юные турчанки. «Фактор степи» был важен для России даже в начале XVIII столетия, когда только с 1713 по 1735 год состоялось не менее тридцати пяти набегов крымских татар на южные земли. Территории эти были заселены крайне скудно и, тем не менее, на «Туретчину» было угнано огромное количество людей. Всех их ждала тяжелая работа и скорая гибель или ассимиляция с потерей языка и переменой веры. Пленников из России и Украины продавали на рынках Азова и Стамбула, и неяркую прелесть юных славянок в полной мере оценил и гарем. Другими источниками поступления рабов были Армения, Грузия и Черкессия.

Покупка рабов была для жителя Востока делом прозаичным, подобным закупке провизии или домашнего инвентаря. Путешественники, наблюдавшие за приобретением рабов, писали: *«Когда дахабеахи возвращаются из своих долгих и тяжких странствий по верховьям Нила, они торгуют живым*

товаром на больших окалях, устроенных возле разрушенной мечети халифа Хакема; народ идет туда купить себе раба, как покупают рыбу».

(Максим дю Камп. Воспоминания и картинки Востока, 1849).

Рабов выводили целыми вереницами или поодиночке, более дорогой товар показывали на помостах, дешевый — внизу. Стараясь продать свой товар как можно выгоднее, работорговцы отчаянно жульничали. Существовали даже целые наставления по покупке рабов, где, в частности, говорилось, что не рекомендуется приобретать их в дни праздников и на ярмарках, там часто продавали вместо девочек мальчиков. Рассказывалось и об уловках недобросовестных торговцев. Те же не пренебрегали ничем. У них имелись свои приемы преображения некрасивых в красавиц, брюнеток в блондинок, толстых в стройных. «На один дирхем хны, и ты продаешь на сто дирхемов дороже» — гласила бытовавшая между ними поговорка. Существовали и определенные каноны красоты. Белой девушке красили кончики пальцев красным, чернокожей — красным и золотисто-желтым, желтокожей — черным. Соответственно и одевали (до того, как показать обнаженными) белокожих — в легкие розовые и темно-розовые одежды, чернокожих — в красные и желтые. Учитывалась и психология покупателей. Рабыням велелось быть податливее со стариками и людьми робкими, располагая их тем самым к себе, с юношами же, дабы разжечь желание, следовало изображать неприступность.

Продавцы выкрикивали цену и расхваливали достоинства рабов и рабынь, демонстрируя мускулы юношей и прелести девушек, которых выводили обнаженными. При желании покупатель мог оценить качество товара на ощупь, проверяя, насколько гладка кожа и пышна грудь и ягодицы. Рядом с невольничьими рынками продавали коней, ослов, овец, птиц, и казалось, что люди, выставленные на продажу, проявляют так же мало эмоций, как и животные:

«Невольничий рынок — мой излюбленный объект наблюдений… Через темный проулок входишь в здание, расположенное в самом грязном и заброшенном квартале Каира... В центре внутреннего двора выставлены на продажу невольницы, обычно от тридцати до сорока, люди молодые, многие совсем дети. Зрелище противоестественное и отталкивающее; однако я не видел, как подсказывало мне воображение, ужаса и горя, когда торговец снимал с женщины все одеяние из грубой шерсти и выставлял ее обнаженной на общее обозрение» (Уильям Джеймс Мюллер, английский художник-ориенталист. 1838).

«Не меньшим украшением их были волосы, заплетенные в толстенные косы, также умащенные маслом, струившиеся по плечам и груди… Это тогда было модным, так как придавало блеск волосам и лицу.

Купцы охотно показывали все их достоинства, открывали рот, чтобы я мог потрогать их зубы, заставляли их пройтись взад и вперед, даже показывали, как упруга их грудь. Бедные девушки старались исполнять все

как можно непринужденнее, и эти сцены трудно было назвать тягостными, потому что едва ли не все они при этом безудержно смеялись» (Жерар де Нерваль. Путешествие на Восток. 1843–1851).

К выбору женщин для султанского гарема подходили более изощренно, чем к покупке раба для работы. Тело будущей обитательницы «Дома радости» должно было быть совершенно, а лицо прекрасно.

Иногда девочек в возрасте пяти — семи лет покупали у бедных родителей, которые подписывали документы, свидетельствующие о том, что они продали свою дочь и больше не имеют на нее никаких прав. Чтобы повысить ценность «вещи», невольниц обучали музыке, этикету и искусству любви. Таким образом их воспитывали до полного физического развития, а потом, «пока бутон еще не превратился в цветок, но уже можно судить, насколько прекрасен будет его аромат», продавали в гарем.

По таможенной декларации (90-е гг. XVIII столетия) можно узнать стоимость товара, поступающего на невольничьи рынки: «девочка-черкешенка около восьми лет; девственница-абиссинка десяти лет; черкешенка пятнадцати или шестнадцати лет; грузинка около двенадцати лет; негритянка среднего роста; семнадцатилетняя негритянка-рабыня. Стоимость 1000–2000 курушей*» (лошадь в то время стоила 5000 курушей).

Самые высокие цены на женщин для гарема были в правление любвеобильного султана Мурада III (1574–1595), который жаждал постоянно обновлять свою «коллекцию» красавиц.

Любознательные европейцы не только наблюдали за продажей и покупкой рабов, иногда они сами принимали участие в этом увлекательном процессе, приобретая забавных маленьких «арапчат» или «спасая от неверных» девочек-христианок. Романтичная история о прекрасной невольнице Гайде, купленной графом Монте-Кристо, описанная в одноименном романе Дюма-отца, не являлась совершенно фантастичной. Подобные прецеденты случались, так как богатые путешественники иногда позволяли себе купить и привезти на Родину необычный «сувенир». Так граф д'Аржанталь купил в 1698 году на невольничьем рынке в Стамбуле приглянувшуюся ему четырехлетнюю девочку-черкешенку и привез во Францию, где она воспитывалась наравне с другими членами семьи. Девочка, названная Аиссе, подросла и превратилась в красавицу, чья оригинальная внешность, гордый нрав и небывалая по тем временам неприступность привлекали всеобщее внимание. Аиссе оказалась не только благородна и умна, но и на редкость талантлива. Ее письма к госпоже Каландрини, опубликованные после смерти и названные «маленьким шедевром», обогатили французскую литературу, но судьба этой «прекрасной черкешенки» оказалась трагична. Граф д'Аржанталь потребовал

** Куруш — денежная единица, одна сотая турецкой лиры.*

у нее благодарности за освобождение от тяжкой участи наложницы в гареме, и преданная «черкешенка» долгие годы исполняла эту роль в его замке. Невольничий рынок не так просто отпускал свои жертвы, накладывая мрачную тень на всю дальнейшую жизнь бывшей рабыни.

Более всего в гареме ценились девушки с Кавказа, которых считали потомками амазонок, живших в древности на черноморских землях скифов. Нравились не только агатовые очи и гибкие, упругие тела черкешенок, абхазок и грузинок, но, прежде всего, гордый нрав и мужество, которые должны были передаться им по наследству от древних воительниц. Именно такая женщина, считали османы, могла стать достойной женой, способной сделать султана счастливым не только в постели, но и в державных делах, и главное — родить достойного наследника престола. За юными горянками велась настоящая охота. Именно с Кавказа велела привезти жену Сулейману Великолепному его мать, дочь крымского хана Менгли-Гирея, валиде Хамсе. Традиция сохранялась, и, столетия спустя, абреки выследили и похитили в далеких горах Гурджистана (Грузии) дочь грузинского священника, чтобы дать ее в жены султану Мустафе III (1757–1773).

Очень многие девочки-немусульманки попадали на рынок путем похищения или угона, но так как жизнь в гареме считалась исполненной роскоши и всевозможных радостей, то имеются данные, что некоторых юных жительниц Кавказа отправляли в гарем сами родители, надеявшиеся, что они станут избранницами султана и проживут счастливую жизнь. «Черкесы сами ведут дочерей на базар, чтобы таким путем обеспечить им благополучие… а негры и абиссинцы отчаянно борются за свободу», — записала в своем путевом дневнике в 1864 году Люси Дафф Гордон. Гарем не всеми воспринимался как тюрьма, и находились женщины, которые попадали в него по собственной воле. В XVI–XVII веках итальянок и сицилиек продавали в гарем с их согласия. Скорее всего, это были дамы авантюрного склада, которые воспринимали Сераль как некий сказочный, полный тайн мир, в котором они могут реализовать свои амбиции и страсть к интригам.

Перед тем, как ввести невольницу в гарем, ее осматривали евнухи, и если физических дефектов и других недостатков не обнаруживалось, главный евнух-***кизлярагасы*** представлял новую обитательницу «Дома радости» на одобрение султанше-матери.

Молодые рабыни принимали ислам и получали новые имена, которые давались в зависимости от их поведения, внешности и характера. Розовощекая девушка именовалась теперь Гюльбахар (весенняя роза или Гюльбеяз (бело-розовая), обладающая веселым нравом — Хуррем (смешливая). Иногда имена менялись снова, и Гюльбахар, родив султану наследника, превращалась в Махидевран — госпожу века. После перемены имени начиналось обучение. Девушки постигали тонкости сложного придворного этикета и учились азам

мусульманской культуры. Опытный глаз специально обученных евнухов распознавал наиболее талантливых, и их обучали ремеслу наложницы: танцам, игре на различных музыкальных инструментах и искусству доставлять наивысшее эротическое наслаждение. Если же девушка была совершенно бесталанна или проявляла себя не с самой лучшей стороны, ее могли просто отправить обратно на невольничий рынок.

Между гаремами восточных владык был превосходно налажен обмен информацией, и валиде своевременно получали сведения обо всех наиболее интересных и перспективных «поступлениях». Так султанша, та самая, похищенная для Мустафы III дочь священника, грузинка Михри-шах узнала от своей лучшей подруги, жены алжирского дея, родовитой испанки Фатимы-хатун, о сокровище, доставленном во дворец ее супруга. Алжирскому правителю пираты привезли красавицу благороднейших кровей из земли франков, и Михри-шах решила, что именно эта девушка должна стать матерью повелителя империи. Бесценный дар из Алжира ездовые верблюды мгновенно доставили в Сераль, где француженку Эме де Ривери, справедливо получившую имя Нахши-диль (прекраснейшая), стали готовить к роли будущей валиде.

Нахши-диль обладая упорством и вкусом к учебе, легко освоила сложную гаремную науку, и, преодолев сложнейшие интриги других жен, подарила империи наследника, будущего султана-преобразователя Махмуда II. Но были до нее и другие обитательницы гарема, которые не ленились обогащать себя знаниями и достигали влиятельного положения не только за счет красоты и искусства обольщения, но и духовной привлекательности. Огромное же число невольниц так и не дождалось своего часа, и внимание султана их не коснулось.

Рабынь в Серале никогда не было менее трехсот, а в XIX столетии его количество возросло до девятисот, но число фавориток зависело исключительно от темперамента султана. В перечне обитательниц гарема во времена Махмуда I (1730–1754) значатся семнадцать рабынь, работающих в винном погребе, семьдесят две — обслуживающие принцев, пятнадцать фавориток султана и двести тридцать — всех прочих. Из этого перечня следует, что султан вступал в сексуальные отношения не со всеми женщинами. Были и такие султаны-«извращенцы», которые удовольствовались только одной женой.

Иногда повелитель отдавал своих невольниц в дар пашам, и одной из самых больших милостей для подданного было получить из Сераля еще не ставшую наложницей девушку. По мусульманскому этикету паша должен был отпустить ее на свободу и сделать своей женой. Изящные манеры, привитые во дворце, личные связи с его обитателями и умение хорошо ориентироваться в придворной жизни делали этот подарок в высшей степени желанным.

Невольницы получали ежедневное денежное довольствие, сумма которого изменялась при каждом новом султане, и подарки (в том числе денежные) по

случаю различных торжеств. Главной целью любой обитательницы гарема было завоевать внимание и благосклонность повелителя.

Путь наверх начинался с того, что султан останавливал на невольнице свой благосклонный взор и призывал на ложе. О том, как проходил выбор счастливицы, было написано множество страниц, в том числе и путешественниками. По словам посланника Венецианской республики Оттавиано Бона, который был при дворе османов в 1604–1607 годах, султан шептал имена наложниц на ухо распорядительнице, которая и направляла их к нему. Трепещущие от счастья и ожидания девушки выстраивались перед повелителем, он несколько раз медленно проходил взад и вперед, а затем бросал носовой платок понравившейся, и та, бережно спрятав драгоценное свидетельство его внимания за пазуху, возвращала платок ночью.

В действительности же все проходило гораздо проще. Часто выбор был не внезапным, а продуманным, да и султан никогда не удостаивал новых рабынь своим восхищением. Его интерес мгновенно, по одному лишь взгляду улавливал следующий за ним опытный слуга, который немедленно сообщал главному евнуху, чтобы тот готовил новую девушку для постели правителя.

Счастливую избранницу вели в хамам (турецкую баню), где готовили для ночи с султаном. Чтобы тело стало гладким, как мрамор, с него удаляли с помощью воска все волоски, дивными благовониями умащали кожу и волосы, а затем под пение и музыку доставляли в спальню султана. Иногда девушку тайно приводил черный евнух.

Она входила в комнату одна и ползла к султанской кровати. Взойти на ложе можно было только там, где помещались ноги повелителя. Эта ночь имела огромное значение, она могла остаться единственной, но могла и подарить шанс стать **икбал —** фавориткой. Если девушке все же удавалось понравиться, то наутро султан посылал ей подарки. После новых призывов к султанскому ложу, связь предавалась огласке и новая икбал получала собственные покои, ладью, кареты и рабынь.

Высшую ступень сложной иерархической лестницы гарема и его вторым повелителем после султана была **валиде,** властно и искусно управлявшая «Домом радости». Когда же султан всходил на престол в совсем юном возрасте, то именно валиде руководила огромной империей османов. Если же она обладала сильным характером и волей, а сын, даже повзрослев, оставался слабым, бразды правления оставались в руках валиде. И эта невидимая повелительница, являлась не только самой могущественной женщиной страны, но и, собственно, одной из самых могущественных и влиятельных женщин мира.

Переход власти в гареме происходил вместе со смертью очередного султана. Валиде становилась новая женщина, и обставлялось ее вступление в ранг главной хозяйки гарема с величайшей помпой. Процессия из ста экипажей сопровождала экипаж валиде по дороге, вдоль которой стояли янычары, за

экипажем несли скипетр. Герольд и важнейшие сановники, разбрасывающие народу деньги, шествовали следом. За ними ехали повозки с одалисками и членами султанской свиты. Султан встречал экипаж, открывал дверцу, помогал матери выйти, целовал ей руки и провожал в гарем, где новой хозяйке отводилось большое количество покоев и прислуживало множество рабынь. В отношении сына валиде также проявляла почтительность. Она обязательно встречала сына стоя и обращалась к нему со словами «мой лев».

Валиде и жены предшественника нового султана со всеми домочадцами высылались в Эски сарай, или Старый дворец (Старый Сераль), называемый еще «Домом отвергнутых» или «Дворцом слёз». Там же проводили остаток дней состарившиеся или нелюбимые жены и наложницы султана, а также те, кому не повезло стать его фаворитками. Они «...считали удачей, если им удавалось добиться перевода в Старый Сераль, потому что там их могут выдать замуж, если на то будет распоряжение дамы-распорядительницы и хватит подарков, а их может быть довольно много — ведь помимо получаемого из личной казны султана жалованья таких женщин очень ценят султанши и часто им что-то дарят», — писал Октавио Бон. Бывшие кадины иногда выходили замуж, а одна из них вошла в историю под прозвищем Султанша-развратница, которое она получила за чрезвычайно вольный образ жизни. Эта женщина была кадиной развратного султана Ибрагина и в полной мере владела наукой любви. В Старом дворце ее выдали за пашу, и, овдовев, эта предприимчивая дама начала реализовывать свои пропадавшие втуне таланты и навыки, став самой востребованной сводницей столицы османов. Она покупала юных красавиц, и, обучив исскуству обольщения, «сдавала внаем» богатым стамбульцам.

Согласно обычаю повелитель посещал Эски сарай по религиозным праздникам, выслушивал просьбы и жалобы его обитателей и делал им подарки. Такое скопление родни султана и дворцовой челяди делало Старый дворец серьезным центром политической жизни, но главные ее события происходили в Новом дворце, где жили жены действующего правителя.

Впрочем бывали и исключения. Валиде Михри-шах после смерти своего повелителя султана Мустафы III осталась во дворце и не была отправлена в прибежище старых жен, сохранив при новом султане большое влияние, благодаря уму, такту и невидимым, но тесным связям с Кавказом.

Покои валиде отличались особой роскошью. Росписи являлись подлинными произведениями декоративного искусства, стены спальни были покрыты изразцами, а комната для молитв отделана фарфоровыми плитками.

Кроме валиде, жен и наложниц в «Доме радости» жили юные принцы, их сестры и слуги, обслуживающие многочисленных обитателей гарема, и для того, чтобы этот сложный мир мог существовать хотя бы в видимом согласии, требовалась железная рука.

И большинство валиде обладали ею. Ибо, чтобы стать матерью султана, нужно было пройти сложный путь, преодолеть расставленные соперницами ловушки, избежать множество опасностей и, выжив, удержать за собой право на власть.

Любое желание валиде тотчас исполнялось, ее окружала поистине сказочная роскошь, и жизнь была полна настолько, что времени на гаремную скуку не оставалось. Большая часть его уходила на выслушивание доносов евнухов и доверенных женщин, на слежку за каждым шагом своего «льва»-султана, его визирей, всех жен, приближенных, на интриги, подавление (а иногда и подготовку) раздоров и настоящих бунтов. Рождение первого сына султану не всегда гарантировало звание валиде. За него шла жестокая борьба между женами султана, и даже родившая нескольких мальчиков могла лишиться в мановение ока своего высокого положения.

Так Сулейман Великолепный по наущению любимой жены Роксоланы (Хуррем) убил своего наследника и других сыновей от потерявшей его привязанность первой жены черкешенки Гюльбахар.

Огромная власть, которую получала валиде, также не могла оградить ее от опасностей. Пример этому — судьба венецианки Сафие (Баффы), дочери губернатора Корфы из благородного рода Баффо. Похищенная совсем юной девушкой корсарами, попав в гарем, она решила всячески содействовать своему родному городу, не допуская на него нападения Турции. Это удавалось, и Баффа, ставшая валиде Мехмеда III (1595–1603) — пользовалась влиянием, которое оценили другие правительницы той эпохи — Екатерина Медичи и Елизавета Английская, вступившие с ней в переписку. Сын Баффы, знавший о политических играх своей матери, не мешал ей. Она же, дабы сохранить власть, поощряла его склонность к пьянству и самовластно управляла империей, определяя пути передвижения армий и флота османов, а в 1596 году даже убедила Мехмеда повести янычар на Венгрию и Австрию. Изнеженный султан быстро вернулся в сладостный мир гарема, а чрезмерно активную венецианку постигла кара. Во время бунта, вспыхнувшего в 1602 году, янычары окружили дворец, оборону немногочисленных защитников которого организовала сама немолодая валиде (остальные растерялись). Конец Баффы был печальным. По одним сведениям, она была отправлена в изгнание, по другим — задушена в собственной постели.

Страшная участь постигла еще одну валиде — гречанку Кесем, управлявшую почти пятьдесят лет огромной Османской империей. Она не пожелала расстаться с властью, передав ее новой валиде, матери своего внука, и пыталась организовать заговор, подговорив янычар убить семилетнего султана вместе с матерью, но евнухи, бывшие на стороне новой хозяйки, задушили саму Кесем.

Официальных любовниц (кадин — эфенди) у султана могло быть как минимум четыре, как максимум восемь. Несмотря на то, что кадины не были

официальными женами султана, их статус приравнивался к статусу официальной жены, которая обходилась очень дорого. Во времена Селима II на эти деньги, по свидетельству Октавио Бона, можно было строить мечети и больницы. По этой причине султанов не привлекала женитьба и было ограничено число кадин. Второй по влиянию после валиде женщиной гарема была **Баш Кадин эфенди** (Баш Хасеки) — мать первого сына султана. Она считалась «яблоком» султанского глаза. Родить султану сына-наследника являлось для наложниц и султанш величайшим счастьем. Только таким образом было гарантировано их будущее и обеспеченная старость, и они могли стать **хасеки** (любимой женой султана).

Между хасеки султана и валиде часто разгорались жестокие распри, заканчивающиеся для одной из них трагически. После **баш кадин** (главной женщины), следовала **икинчи кадин** (вторая) и, соответственно, третья, четвертая и так далее. В зависимости от того, в каком порядке она была выбрана, такой кадин она и считалась, и, разумеется, каждая из этих женщин стремилась убрать стоявшую выше соперницу.

В случае смерти одной из кадин, та или иная **икбал**, родившая сына, возводилась в этот ранг, решение же принимал султан лично. Новая кадин-эфенди получала письменное свидетельство, новые покои, рабынь, евнухов, платья и личное имущество, драгоценности и содержание, соответствующее ее высокому официальному положению. Кадин не могла стать рабыня, поступившая в гарем в качестве купленной вещи, но могла стать невольница, попавшая в гарем в качестве военной добычи или полученная в дар. Рабыни могли подняться до статуса наложниц, но никогда не могли стать официальной любовницей.

Некоторые султаны любили редкостное разнообразие в любви, и после смерти Мурада III в гареме качались сотни колыбелей, но большинство повелителей османов все же соблюдали очередность в оказании внимания своим женам, и во избежание столкновений устанавливалось расписание, когда и с кем будет спать султан, за которым следил специально назначенный человек. Все дни недели султаны делили ложе с кем хотели, но с пятницы на субботу это должна была быть одна из его жен. Жизнь в гареме текла довольно упорядоченно, и оргий с участием множества наложниц, которые рисовались в воображении европейцев, не происходило.

Каждое «восшествие на ложе» главный казначей заносил в специальный журнал. Это требовалось для установления легитимности появления на свет детей повелителя османов. Свое право разделить с повелителем постель обитательницы гарема жестко отслеживали и чрезвычайно ценили. Но бывали исключения. В журнале помимо самых интимных подробностей сохранились сведения о немыслимом для гарема случае. Одна из наложниц Сулеймана Великолепного Гульфем продала венецианке Кинате свое право «восшествия на ложе», за что была незамедлительно зашита в кожаный мешок и брошена в

Босфор. Зашили ли вместе с ней в этот мешок несколько голодных кошек (мера, применяемая к особо провинившимся невольницам), осталось неизвестным.

Жены султана строили мечети и занимались благотворительностью. Сохранившиеся письма султанш свидетельствуют об их широких познаниях, уме и прекрасном вкусе. На первый взгляд жизнь султанши в великолепных залах с мраморными бассейнами и нежно журчащими фонтанами была исполнена неги и покоя, но на самом деле все обстояло значительно сложнее. Многие султанши погибли молодыми, и, что еще ужасней, убивали и их детей.

Умерщвлять всю мужскую половину родни, дабы обеспечить трон своему собственному отпрыску дозволяли султану положения, сформулированные Махмедом Завоевателем, по которым в течение столетий жила империя османов.

Бывало, что султаны в страхе за власть приказывали умерщвлять своих собственных сыновей и внуков, о чувствах же их жен и матерей принцев можно только догадываться.

Так продолжалось до XVII столетия, когда суровые законы были смягчены и принцам сохранялась жизнь, но до смерти правящего султана они жили в кафесе (золотая клетка), помещении, примыкающему к гарему, но надежно отделенному от него.

Между султаншами шла непрерывная борьба за место в постели и сердце султана. И хотя очередность восхождения на ложе соблюдалась строго, допустить, что повелитель одинаково относится ко всем, его женщины не могли. При этом в гареме прекрасно знали, кого султан обожает, а кем пренебрегает. Выделение одной из жен или наложниц вызывало бурные ссоры. Особенно обидно было, если пренебрежение касалось бывшей признанной фаворитки. Тут страсти разыгрывались настолько, что требовалось вмешательство евнухов, и жесткая дисциплина, царившая в гареме, во многом объяснялась бурным, схожим с буйным помешательством поведением женщин. Сохранились в дворцовых архивах XVII столетия свидетельства о соперничестве между султаншей Гульнуш и одалиской по имени Гюльбеяз, которой отдал предпочтение султан. Султан. Ревнивая до свирепости Гульнуш расправилась со счастливой соперницей собственными руками. Однажды, когда та сидела на скале и любовалась морем, Гульнуш незаметно подкралась и столкнула девушку вниз в волны. Плавать же Гюльбеяз не умела.

Султанши рьяно отстаивали каждую пядь своей власти. Сохранилось письмо, которое написала в 1839 году султанша Бехиче домоправительнице гарема — кальфе: «Дражайшая кальфа! Мне кто-то сказал, что она выезжает в покои, которые должны быть моими. Этого не будет! Сколько существует белый свет, столько бы я хотела это жилье. Я не могу допустить, чтобы такая молодая женщина заняла такое прекрасное помещение, и, если обращусь с жалобой к нашему повелителю, он мне не откажет. Прошу передать это сул-

танше-матери с моим глубочайшим почтением. Почему она должна поселиться там, а я остаться ни с чем? Я настаиваю на этом по праву старшинства. Если не будет по-моему, клянусь, я просто не вступлю в сераль. Если она откажется, тогда все примет другой оборот. Я скорее умру, но не позволю ей занять эти покои».

Вражды между своими женами боялись даже султаны. Так Мустафа III, занимавший трон с 1757 по 1774 год, нежно полюбил прекрасную Рифат. Другие женщины гарема перестали привлекать его внимание, но султан, пренебрегающий ими, соблюдал осторожность, встречаясь со своей любимой тайком за пределами дворца. Это было неудобно, и в конце концов он велел перевезти Рифат во дворец. Везиру же, осуществлявшему это, было отправлено письмо, в котором, в частности, указывалось: «Мой везир! Предупредите вашу жену и детей, чтобы они скрепили свои уста печатью, когда их спросят об моей Рифат, ее присутствие во дворце должно остаться в совершеннейшем секрете. Используйте дверь со стороны парка, чтобы впускать ее, но никогда не направляйте к главной двери, у которой полно стражей гарема. Остерегайтесь слежки и будьте немы».

Что заставило всесильного владыку так опасаться своих жен, осталось неразгаданным. Возможно, он просто не хотел нарушать покой в своем доме. Но встречи с Рифат происходили в обстановке строжайшей секретности, и лишь по прошествии длительного времени Мустафа III решился провозгласить ее своей третьей женой.

Некоторые одалиски исчезали бесследно, и судьба их осталась неизвестной, но зато сохранилось множество историй об убийствах и отравлениях. Внутренние распри были опасны, каждый стакан щербета мог стать последним, но не только внутренняя борьба страшила обитательниц гарема. Их жизнь полностью зависели от воли султана, а она выражалась подчас весьма жестоко. Отказ перейти в ислам стоил жизни гречанке Ирине, жене Махмеда Завоевателя, который безумно любил ее, но собственноручно отсек голову этой непокорной христианки ятаганом. Сумасшедший султан Ибрагим I (1640–1648) во время одного из своих кутежей приказал ночью схватить всех своих женщин, завязать в мешки и утопить в Босфоре. Одну из несчастных спасли французские моряки, от которых и стала известной эта история. Осталось неведомо, сколько женщин было брошено в Босфор за века существования Сераля, но сохранилась страшная история, которую поведал один ныряльщик, которому после кораблекрушения приказали нырнуть с мыса Сераль. Вернувшись на корабль, он, бледный от ужаса, рассказал, что видел на дне моря множество открытых мешков, в каждом из которых медленно раскачиваемая течением стояла мертвая женщина. Обычно обитательниц гарема казнил начальник черных евнухов. Он приводил жертвы султанского гнева или интриг и заговоров, к главному садовнику и там их помещали в мешки, нагруженные камнями,

которые затем клали в отдельную шлюпку. Садовник садился в другую лодку и, привязав суденышко со страшным грузом веревкой, греб к месту напротив мыса Сераль. Там он топил лодку с женщинами.

Были и султаны, просто не переносившие женский пол. Женоненавистником являлся Осман III (1754–1757), ставший таковым из-за импотенции («мужские возможности уважаемого султана Османа были несколько вялыми в произведении сока плодородия», — писал его врач). Придя к власти в 1754 году, он повелел отослать прочь из гарема всех танцовщиц и певиц, а для того, чтобы не встречаться с другими обитательницами дворца, надевал башмаки с серебряными и золотыми гвоздиками. Заслышав шум шагов своего повелителя, женщины бросались врассыпную и прятались. Прочим женщинам в дни, когда султан выходил в город, предписывалось не показываться на улице. К счастью, царствовал он всего три года.

Некоторые султаны предпочитали мужчин и создавали «альтернативные гаремы». Но все же подавляющее большинство любило женщин и жаждало иметь от них детей. А бесплодных жен повелитель мог выдать замуж за кого-нибудь из своих приближенных.

Отношения между женами, султаном и их детьми подчинялись строгому этикету. Независимо от возраста, принцы в знак уважения целовали руку кадин-эфенди. Женщины гарема, дабы засвидетельствовать свое уважение, целовали подол юбки султанской жены. В отношениях друг с другом султанши-жены также соблюдали ряд формальностей. Когда одна из жен хотела поговорить с другой, она отправляла к ней секретаря гарема, чтобы получить согласие. Едущую в карете жену султана сопровождали пешие евнухи. Если выезжали все жены, то их кареты выстраивались по старшинству владелиц.

Помимо султанш немаловажную роль в гареме играли **икбаллер** (счастливые) — фаворитки, о которых уже говорилось выше, некоторых из них султаны любили больше, чем жен.

После икбаллер следовали **гедикли кадинлар** — двенадцать самых красивых, опытных и способных девушек. Им поручалось обслуживание наиболее интимных нужд султана — прислуживать ему в бане, купать и одевать его, готовить постель и подавать еду и кофе.

Следующую ступеньку занимали **одалиски** — молодые невольницы, с которыми султан проводил ночи.

За ними шли **гюздех (присмотренные)** — прекрасные юные девочки-рабыни, которые сумели привлечь внимание султана. Было достаточно, чтобы он только с интересом посмотрел на них или отпустил одобрительное замечание в их адрес. Этих девушек сразу же отделяли от других и давали собственные покои и слуг.

Служанки в гареме назывались **карийелер.** Если они были достаточно умелы и удачливы, то их могли повысить до уровня гезде.

Порученная девушкам работа свидетельствовала о том, каких высот им удалось достичь. Умным и сообразительным, обладающим к тому же крепким здоровьем и определенными организаторскими способностями, предоставлялась возможность достичь высокого положения в гареме, став служащими и администраторами. Обучение начиналось с того, что их приставляли на услужение к женщинам высокого положения, которые возглавляли ту или иную службу гарема. Так называемый «кабинет министров» состоял из хозяйки гардероба, надзирательницы за банями, хранительницы драгоценностей, чтицы Корана, заведующей кладовыми, хозяйки щербета, главы застольной службы и так далее. Возглавляла «кабинет» распорядительница гарема (кетхуда, или киайя); практически равной ей по обязанностям была казначей (хазынедар — уста), которая вела учет больших и зачастую очень запутанных расходов гарема, отвечала за выплату денег «на булавки» и пенсий тем, кто переехал в Старый дворец. Обязанности обитательниц гарема были четко ранжированы: одна пробовала еду, чтобы султан не мог быть отравлен, другая отвечала за стирку белья, третья помогала султану совершать омовение. Были еще служительницы, ответственные за кофе, за винный погреб, за поддержание жара в бане. Специально назначенные служительницы следили за дисциплиной и соблюдением этикета, а также обследованием заболевших рабынь. И целый отряд из десятка рабынь еженощно дежурил, охраняя спокойствие «Дома счастья». Но самую важную роль играли те, которые обслуживали султана в течение всего дня и выполняли его личные и «особые» поручения. Они облекались особым доверием султана, который сам выбирал их. Эти женщины, закончив свою службу, либо возвращались в Старый дворец, либо отпускались на свободу с соответствующим документом.

Особое место в гаремах занимали **евнухи**. Они отвечали за связь гарема с внешним миром и охраняли женщин султана. Число евнухов было огромным, иногда оно достигало восьмисот человек. Глава этой армии, кизлярагасы, следил также за порядком продвижения женщин по ступеням иерархической лестницы гарема и иногда становился самым влиятельным лицом в государстве.

ЕВНУХИ

Кастрированных стражей, евнухов (от греч. *Eunuchos* — блюстители ложа), у владыки османов имелась целая армия, численность которой в разные времена колебалась от шестисот до восьмисот человек.

Это были пленные или приобретенные на невольничьих рынках рабы, чаще всего евнухи поступали в качестве даров от правителей провинций Османской империи.

Впервые кастрацию стали проводить в Месопотамии в племенах, где царил матриархат. Применяли эту изуверскую практику и восточные владычицы.

Кастрировала своих рабов-мужчин ассирийская царица Семирамида, свита из евнухов сопровождала караван воинственной царицы Савской. Потом обычай кастрации проник в Персию, а затем, через Сирию и Анатолию — в Грецию и Рим. Использовались евнухи в Индии, Китае и странах, считавшихся вассалами Поднебесной — Вьетнаме, Корее и так далее.

Издавна кастрация проводилась и с некими «идеологическими» целями, и в качестве наказания. У многих народов кастраты считались неполноценными не только физически, но и социально, ибо мужское семя расценивалось как воплощение жизненной силы, и оскопление для мужчины означало лишение его символа жизни и власти. Поэтому оскопляли военных противников и провинившихся подданных. Отрезанный член поверженного врага являлся военным трофеем, подобно скальпу у индейцев. Об огромном количестве подобных «трофеев» упоминает один из египетских фараонов XIX династии. Он нанес поражение ливийцам и добыл в результате победы шесть тысяч триста пятьдесят девять членов ливийских воинов, их сыновей и жрецов. Преподносит в качестве трофея царю Саулу крайнюю плоть двухсот врагов-филистимлян и библейский Давид. Отношение же к кастратам у древних евреев было чрезвычайно суровым: они не могли вступить в Царство Господне, закон воспрещал даже приносить в жертву оскопленных животных, а о самом оскоплении говорилось: «В земле вашей не делайте сего».

Обычай кастрировать в наказание дольше всего просуществовал в Китае, где таким образом карали вплоть до XIX столетия. Во время восстания мусульман в 1851 году взрослые мятежники были казнены, а их детей до десяти лет оскопляли и рассылали в рабство по разным провинциям.

Кастрации обычно подвергали насильно, но иногда скопцами становились добровольно с религиозными целями. Подобные обычаи упоминаются в древнегреческой и римской мифологии, связанной с Великой Матерью богов — Кибелой, культовым спутником и возлюбленным которой был Аттис. По мифам, в припадке ревности Кибела наслала на Аттиса безумие, и он сам оскопил себя. Этой богине, требовавшей полного подчинения и ухода из обыденной жизни, служили жрецы, оскоплявшие себя во время посвященных ей празднеств.

Известно, что храм Артемиды в Эфесе, являвшийся одним из семи чудес света, также охранялся кастрированными жрецами. Но все же кастрация в античности в большинстве случаев проводилась греками с коммерческими целями, и оскопленных рабов посылали на невольничьи рынки, где они успешно продавались, так как греческие евнухи считались самыми безупречными слугами.

Упоминаются евнухи и в античной литературе. У Еврипида в «Оресте» есть влюбленный в Елену Прекрасную евнух, описывают ставших любовниками евнухов Петроний и Апулей.

В Риме наиболее широко евнухи использовались во времена империи, приобретая там, как и при восточных дворах, огромное влияние (особенно при

императоре Диоклетиане — III–IV вв. н. э). Могущественной политической силой являлись они и в Византии. Известный полководец византийского императора Юстиниана евнух Нарсес (ок. 478–568), армянин малого роста и слабого телосложения, в 556 году был назначен полновластным правителем Италии.

В христианстве также существовало добровольное оскопление, его проводили ради достижения непорочности и святости, которую, по мнению некоторых теологов, можно достичь только путем кастрации. Об этом писал христианский теолог второго века Тертуллиан, утверждая, что Царствие Небесное открыто для скопцов. В III веке последователи другого теолога Оригена также сами оскопляли себя, чтобы сохранить целомудрие, но их рвение простерлось дальше и дошло до того что они стали оскоплять всех, кто попадал им в руки.

Наиболее широкое распространение эта идея получила в России в XVIII столетии в секте, члены которой считали половой акт страшнейшим из грехов и устраняли «ключи ада» раскаленным прутом, бритвой или просто топором. Расцвет секты скопцов пришелся на царствование императора Александра I, и она процветала во многих крупных городах России, встречая поддержку у некоторых государственных деятелей. Правительство обеспокоилось, только когда в 1818 году началось массовое кастрирование солдат петербургского гарнизона.

В 1834 году секту объявили особенно вредной, и с 1842 года она стала караться каторгой. Но в Петербурге секты скопцов продолжали существовать, и показательные судебные процессы над ее членами проходили даже при Советской власти в 1929–1930 годах. Существуют секты скопцов и в настоящее время.

В Западной Европе также практиковалась кастрация. Со времен Ренессанса и вплоть до XVIII столетия оскопляли мальчиков, поющих в Сикстинской капелле Папы Римского. Это делалось ради сохранения их высокого, поистине божественного сопрано. Кастраты пели также в опере, и представления с участием знаменитых кастратов Фаринелли, Гримальди и Николини собирали огромные залы.

И все же главной причиной кастрации являлось использование евнухов как стражей. Считалось, что не отягощенные страстями люди являются самыми верными и надежными слугами. Сравнивая подвергшихся кастрации мужчин с холощеными животными, античные писатели считали, что «люди лишенные любовного влечения, делаются более спокойными, однако не становятся менее усердными в исполнении поручений». Евнухи являлись идеальными служителями гарема, используемыми из простой предосторожности: чтобы наложницы жили в безопасности и ублажали только своего хозяина. Но была и еще одна причина. Главным преимуществом евнухов являлось отсутствие женских и мужских признаков пола и полная нейтральность в сексуальном отношении. Гарем по существу своему был огромной женской армией, ведущей непрерывные,

тайные войны, и руководить ею не могли ни мужчина, ни женщина, которых лишали беспристрастности присущие обоим полам эмоции. И те, и другие неминуемо погибли бы, а евнухи выживали. Их присутствие в гареме никоим образом не нарушало атмосферу этого особого мира, и бесполые евнухи идеально подходили к руководству сложной системы гарема и по положению своему становились самыми могущественными лицами государства.

Для кастрации использовались несколько способов, сам же метод превращения мужчины в бесполое существо держался в глубокой тайне, но известно, что после принудительной кастрации, многие погибали, теряя жизнь от потери крови и антисанитарных условий, в которых осуществлялась «операция». Случалось, что некоторые мужчины не выдерживали ужаса превращения их в бесполые существа и сходили с ума.

Известны три способа кастрации: полное отрезание яичек и пениса; отрезание пениса; удаление только яичек. Первый тип евнуха считался самым надежным, другие два — нет, поскольку у них еще могло пробуждаться сексуальное желание.

Внешний облик евнухов, подвергнутых самому радикальному способу кастрации, был жалок. Их тело с годами становилось дряблым и толстым, голос — писклявым, исчезал волосяной покров, по характеру они приближались к женщинам. Старели евнухи очень рано, и в сорок лет уже казались шестидесятилетними. Арабы же утверждали, что они живут недолго и умирают еще до достижения тридцати пяти лет. Мучительным последствием кастрации было недержание мочи, и как утверждали очевидцы, приближение евнуха всегда можно было узнать издалека по сильному аммиачному запаху, исходящему от него. Для того, чтобы помочиться, употреблялась серебряная трубочка, которую евнухи носили в своих тюрбанах.

Утрату любовных наслаждений стражи гарема восполняли другими радостями жизни. Они были тонкими гурманами, получали удовольствие от музыки и танцев, любили слушать сказки и пение соловьев, считаясь наиболее тонкими ценителями этого любимца гарема. Чтобы заглушить тоску и восполнить «пустоты тела», евнухи иногда использовали легкие дурманящие средства — кальяны с примесью опия. Доза была точно рассчитана, давая возможность получить наслаждение и не позволяя расслабиться настолько, чтобы не отозваться на окрик скучающей одалиски. Кара для забывшихся евнухов была жестокой.

Считалось, что отрезанные пенисы вырастали снова, и поэтому обычно все евнухи периодически обследовались врачом. Иногда в качестве наказания евнухов кастрировали вторично. В стражи гарема предпочитали брать кастратов с отталкивающей внешностью, и это было объяснимо. Те, у кого был оставлен пенис, могли испытывать половое влечение и заниматься любовью, достигая в этом искусстве необыкновенных высот, особенно в оральном сексе.

Прелесть же любовных отношений с евнухами состояла еще и в их полной безопасности, ведь от кастратов было невозможно забеременеть.

В гареме у евнухов было множество любовных приключений, и женщин, выходивших замуж после «романа» с евнухом, было очень трудно удовлетворить. Стамбульские сплетники, обсуждая рабынь, которые, получив свободу и выйдя замуж, быстро развелись, не без восторга приводили оправдания бывших одалисок: «Я привыкла получать больше удовольствия от общения с чернокожими слугами». Изощренность евнухов была безгранична, они имели выход во «внешний мир», где покупали различные приспособления, которыми разнообразили свои любовные игры с одалисками. Эти предметы, известные в западной культуре под названием дилдо, были знакомы гаремным затворницам, чьи плотские желания часто оставались неудовлетворенными. В качестве дилдо использовались и некоторые растения, и дабы любовный пыл одалисок не растрачивался понапрасну, огурцы и морковь в гареме подавались только в нарезанном виде.

Чувственная атмосфера гарема не могла не повлиять на несчастных кастратов. В «Персидских письмах» Монтескье приводится рассказ евнуха: «Я поступил в сераль, где все внушало мне сожаление о моей утрате: ежеминутно я ощущал волнение чувств, тысячи природных красот раскрывались предо мною, казалось, только для того, чтобы повергнуть меня в отчаяние... Помню, как однажды, сажая женщину в ванну, я почувствовал такое возбуждение, что разум мой помутился, и я осмелился коснуться рукою некого срамного места. Придя в себя, я подумал, что настал мой последний день. Однако мне посчастливилось, и я избежал жесточайшего наказания. Но красавица, ставшая свидетельницей моей слабости, очень дорого продала мне свое молчание: я совершенно утратил власть над нею, и она стала вынуждать меня к таким поблажкам, которые тысячу раз подвергали жизнь мою опасности».

Есть сведения, что евнухи имели своих одалисок, но иногда, устав от созерцания прекрасных женских тел, они отдавали предпочтение мальчикам, которых держали взаперти в своих покоях, рядом с клетками (а иногда и в самих клетках) других затворников — соловьев, стараясь, чтобы прекрасные пленники не попадались на глаза другим любителям мальчишеских прелестей. Если же это случалось, то между евнухами вспыхивали жестокие ссоры, доходящие до потасовок.

Иногда, когда они уже жили за пределами гарема, евнухи женились на одалисках, в том числе и беременных, дабы создать себе некое подобие семьи, иногда заводили гарем из девственниц.

Евнухи, особенно молодые и лишенные «мужества» не в раннем детстве, очень страдали. Эдмондо де Амичис в своей книге «Константинополь» писал: «Однажды вечером я покидал дом одного богатого мусульманина, одна из четырех жен которого страдала болезнью сердца. Это был уже мой третий

визит, и, как обычно, мой уход, как и приход в дом, происходил в присутствии рослого евнуха, шедшего впереди меня и громко повторявшего: «Женщины, удалитесь!», чтобы дамы гарема и невольницы знали о присутствии постороннего и могли скрыться. Выйдя во двор, евнух оставил меня одного, предоставив покинуть двор самостоятельно. Едва я собрался отворить входную дверь, как почувствовал прикосновение чьей-то руки: я обернулся и увидел стоящего рядом евнуха миловидной внешности лет восемнадцати или двадцати. Он стоял и молча смотрел на меня глазами? полными слез. Он продолжал молчать, и я спросил, чем могу ему помочь. Он еще помолчал в нерешительности, потом с жаром схватил мою руку и заговорил сдавленным от волнения голосом, в котором звучало отчаяние: «Доктор, вы знаете лекарство от всех недугов. Скажите, есть средство, чтобы помочь моей беде?» Мне не передать словами, как подействовала на меня его горячая мольба... И много ночей потом в ушах звучал его печальный голос, и, признаюсь, не раз это воспоминание вызывало у меня слезы».

Если кастрация совершалась в зрелом возрасте, то евнухи, даже при полном отсутствии половых органов, могли испытывать желание, и их влечение к женщинам приобретало болезненные и извращенные формы. Несчастные, потеряв власть над собой, кидались на девушек, валили их наземь, кусали, царапали и наносили им в бессильной страсти увечья.

Легче всего переносили операцию и приспосабливались к новой жизни мальчики, не достигшие половой зрелости. Те, кто был лишен «мужества» в более позднем возрасте, мог не простить, жажда мести оскопленных юношей могла принести весьма неприятные сюрпризы, и представление об евнухах, как о неких жалких и комичных существах, глубоко ошибочны.

«...Но долгая память у человеческого тела, страшны пустоты в теле у человека. И есть евнухи тучные, как кони, как старухи, есть евнухи прямые и худые... Не нужно думать, что евнухи бесстрастны.

Сварливость их, как сварливость пожилых женщин, вошла в поговорку. Так они по мелочам растрачивают запас пустоты... Вежливость евнуха, однако, страшнее, чем сварливость».

Геродот рассказывает следующее:

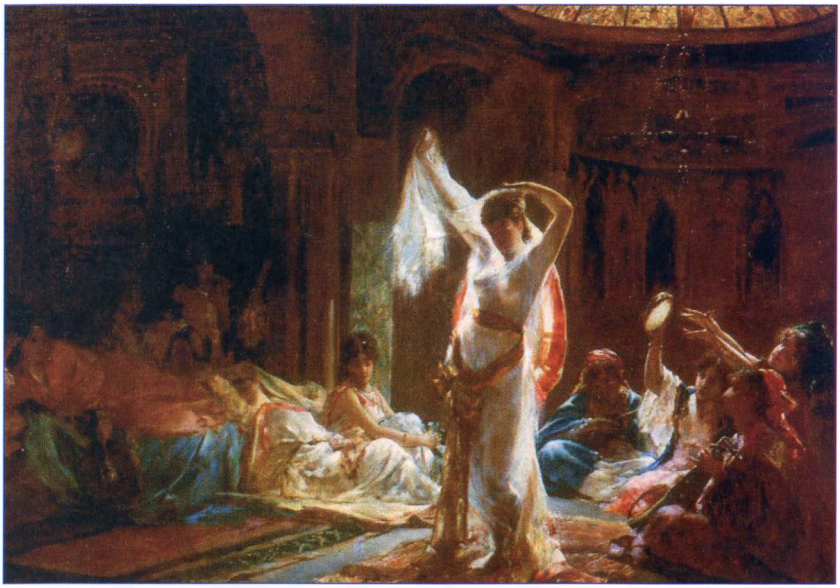
«Жил юноша Ермотим в городе Педасее. И жил там почтенный купец Панноний. Был он продавец живого, не мужского и не женского товара. Он оскопил юношу Ермотима и продал его за большие деньги царю персидскому Ксерксу. И Ермотим понравился Ксерксу, он был умен и храбр, и Ксеркс приблизил его к себе. И когда Ксеркс завоевал город Педасею, Ермотим попросил назначить его туда сатрапом. И Панноний ужаснулся, когда услышал об этом назначении. Но сатрап, прибыв в город, сбласкал Паннония и оказал ему радушный прием. Вскоре устроил он роскошный пир в честь Паннония и пригласил троих его сыновей, бывших в юношеском возрасте. И пир длился всю ночь, и Паннонию

ДОМ РАДОСТИ (ТУРЦИЯ)

Ж.-Л. Жером. Альмех. Фрагмент

Янычары

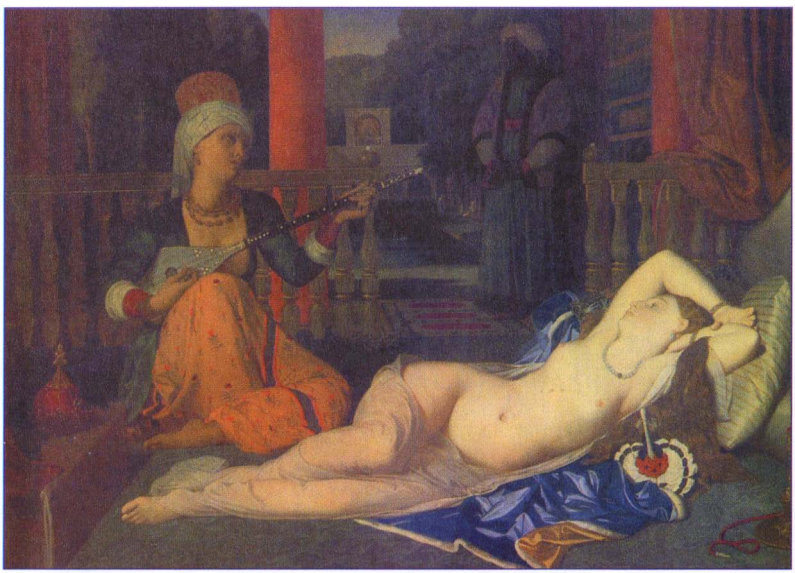
Дж. Розати. Покупка для гарема



Ж.-Л. Жером. Танцы в гареме

Э. Делакруа. Алжирские женщины в своих покоях

Ж.-Л. Жером. Султан и иностранные послы наблюдают за выступлением танцоров и акробатов, одетых в женскую одежду. XVIII в.



Ж.-О. Энгр. Одалиска и рабыня

К. П. Брюллов. Бахчисарайский фонтан

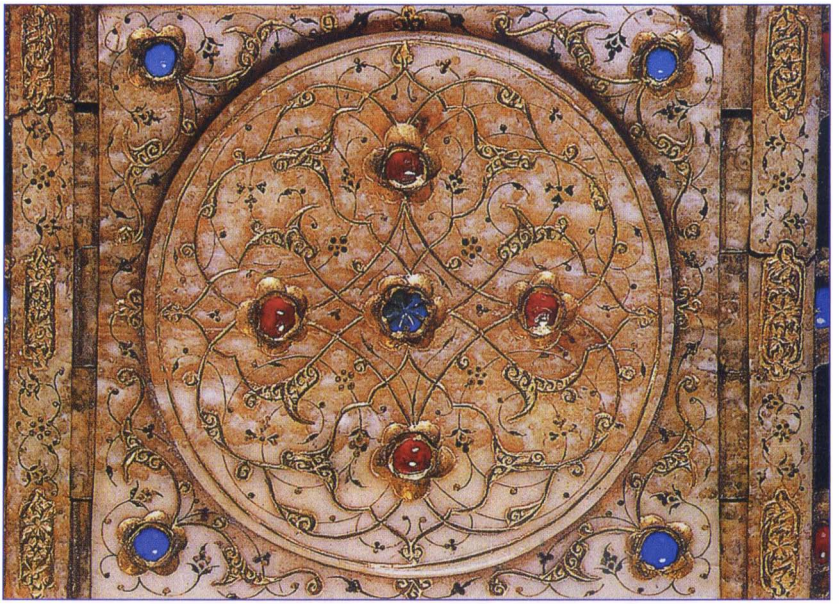
Золотая люлька

Ж.-О. Д. Энгр. Турецкая баня

Одежда турчанок

К. П. Брюллов. По повелению Аллаха раз в год меняется рубаха

Золотая игла, XVII век



Украшенный пояс

Золотое колье

Золотая игла, XVII век

Золотая фляга, XVII век

Золотой шлем, XVII век

Трон, XVII век

Праздничный трон

ИГРЫ ДРАКОНОВ (КИТАЙ)

Цинская императрица в парадной одежде

Портрет маньчжурской императрицы

Вань Жун — жена последнего китайского императора Пу И

Императрица Цы Си

с сыновьями воздавались почести. Потом встал сатрап Ермотим и вынул меч из ножен. И он приказал отцу оскопить своих сыновей. И он стоял и смотрел. И потом велел сыновьям оскопить своего отца. Такова вежливость евнуха». Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара

«Лишенные любовных страстей, бесполые существа предавались иным страстям, в том числе и самой грозной — жажде власти. Известны евнухи — знаменитые полководцы, до основания разрушавшие города, евнухи — могущественные правители, евнухи-ученые. Византийские евнухи сотрясали мир, китайские — управляли Поднебесной. И власть в руках евнуха была опасным оружием, ибо сами они были бесстрашнее многих. «Потому что нет и не может быть рожденного от меня, которому бы я оставил мой дом: со смертью моей угаснет мой род и самое имя», — так говорит у афинского историка и писателя Ксенофонта (430–355 гг. до н. э.) евнух Гадат, оскопленный царем ассирийским и предавший его.

Чувство сексуальной неполноценности уродовало личности евнухов, превращая в коварных интриганов, извращенцев и злодеев, тем более опасных из-за сосредоточенной в их руках огромной власти и владения всеми тайнами гарема. Порой эти интриги оказывали трагическое воздействие и на их судьбу, и евнухи заканчивали свою жизнь на дне Босфора в мешках с собственной головой под мышкой.

Месть же за искалеченную жизнь евнухов испытывали, прежде всего, на себе обитательницы гарема.

«Я чувствую себя в Серале, как в своем маленьком царстве, и это льстит моему самолюбию, а самолюбие — единственная оставшаяся у меня страсть. Я с удовольствием вижу, что все держится на мне и что я нужен поминутно. Я охотно принимаю на себя ненависть всех этих женщин: она укрепляет меня на моем посту. Но я не остаюсь в долгу: они встречают во мне помеху всем своим удовольствиям, даже самым невинным. Я всегда вырастаю перед ними как непреодолимая преграда; они строят планы, а я их неожиданно расстраиваю» (Монтескье. Персидские письма).

Власть же, которую имели евнухи в Великом Серале, постепенно разрасталась, и евнухи, собственно, управляли огромной империей.

В Турцию обычай держать в услужении евнухов проник из Византии. А в оттоманском гареме евнухи появились во времена султана Мехмеда Завоевателя. Сперва гарем охранялся белыми евнухами, поставляемыми с Северного Кавказа, из Армении и Грузии, но никогда ими не могли быть турки, так как мусульманам кастрация запрещена Кораном. С 1582 года, когда султан Мурад III (1574–1595) назначил евнухом абиссинца Мехмеда Агу, в евнухи почти всегда отбирались абиссинцы (эфиопы). Оказалось, что белые мальчики тяжелее переносят кастрацию, черных же выживало значительно больше. И работорговцы стали привозить детей из Африки,

где их похищали или покупали у вождей племен. Торговля, выгодная для обеих сторон, получила быстрое развитие, и корабли с трюмами, набитыми живым товаром, начали поставлять на невольничьи рынки в Мекке, Медине, Бейруте, Измире и Стамбуле будущих стражей гаремов. Чернокожие евнухи были предпочтительнее белых и по другой причине. Бытовало мнение, что евнухи все же (в результате вырастания пениса) способны к зачатию, а рождение черного ребенка у одалиски сразу же укажет на его незаконное происхождение.

При поступлении в гарем евнухи получали новые имена — названия цветов. И огромные, уродливые стражи звались нежными гвоздиками, розами, нарциссами и гиацинтами. Считалось, что это наиболее приличествует тем, кто охраняет «чистых и благоуханных» жен султана.

У евнухов, как у всех служителей гарема, была своя иерархия и обязанности. Белым евнухам с *капу-ага* во главе вменялась наружная охрана гарема и покоев султана, в женские помещения им входить запрещалось.

Покои чёрных евнухов, которые занимались воспитанием и обучением наследных принцев, отличались своим убранством и роскошью от жилых помещений иных чёрных евнухов, и мечтой всех честолюбивых стражей женщин гарема было стать главным черным евнухом — кизлярагасы.

В Топкапы евнухи жили в помещениях, находившихся сразу же за Воротами блаженства. Вход закрывался двумя металлическими дверями, одна из которых была железной. Ключи от них хранились у стражи, а на ночь передавались главному евнуху. Жизнь евнухов-новичков в Серале трудно было назвать сладкой. Дисциплина, царящая там, была подобна военной, а наказания суровы. Новичков избивали палками до потери сознания независимо от того, были они уличены в какой-либо провинности или нет. Во времена ученичества молодые евнухи находились под наблюдением более опытных, а когда становились достаточно подготовленными к службе, их приставляли к важным дамам гарема, а наиболее способных — даже к самой валиде.

Евнухи были неплохо обеспечены, получая жалованье в размере от шестидесяти до ста акче в день и отдельное годовое содержание. Существенной добавкой к этому были дары от других дворцовых служб. Имелись у них и свои негласные статьи дохода. Евнухи составляли особое торговое товарищество, устанавливая цены на нужные гарему товары и драгоценности, закупали их у купцов и перепродавали женщинам гарема.

Евнухи были самыми большими взяточниками в Османской империи, где царила поистине чудовищная коррупция. Получали подарки не только от своего повелителя, но и от просителей. Фаворитки султана могли повлиять на решение того или иного вопроса в пользу просителя. Но «выйти» на них можно было за хорошую мзду, врученную евнухам, которые создали сложную систему отношений с внешним миром.

Комичный случай произошел с М. И. Кутузовым, будущим фельдмаршалом и победителем Наполеона в кампании 1812 года. Прибыв в качестве главы дипломатической миссии в Стамбул, он собрал информацию о приметах и пристрастиях фавориток султана и, наладив отношения с евнухами, проник в Великий Сераль. Знаменитый полководец был человеком мужественным и рискнул один войти в сад гарема. Там, владевший турецким языком, Кутузов красноречием, и драгоценными украшениями, точно рассчитанными на вкус каждой высокопоставленной дамы, покорил их. О продолжительной беседе с «розами султана» стало известно, Стамбул был потрясен, и испуганный главный евнух, оправдываясь перед султаном Селимом III, был вынужден назвать бравого военного и отца семейства Кутузова главным евнухом императрицы Екатерины II! Это вызвало бурю веселья в русской миссии, но главное было сделано: все вопросы улажены за неделю, а полученные условия мира чрезвычайно выгодны для России.

Мечта и вершина карьеры евнуха — должность кизлярагасы. В его руках была сосредоточена огромная власть, а официальное положение могло быть приравнено к положению премьер-министра европейского двора. Он являлся главнокомандующим дворцовой стражи, занимал другие ответственные посты, круг его обязанностей был чрезвычайно широк, а влияние огромно. Кизлярагасы выступал главным свидетелем на свадьбе султана и его детей, проводил церемонии обряда обрезания и помолвки, объявлял принцу о смерти отца или о его отречении. Он же отвечал за продвижение по иерархической лестнице гарема женщин и евнухов, и их карьера во многом зависела от его расположения. В обязанности кизлярагасы входила также защита женщин гарема и поставка туда новых одалисок.

Всякая женщина, обращавшаяся к султану, должна была сделать это через главного евнуха, что, учитывая обычай даров, обогащало его безмерно, а право личного доклада султану и частые встречи с ним давали возможность приумножить состояние за счет других придворных, и кизлярагасы являлся одним из самых богатых людей империи османов. Он был и одним из самых доверенных людей султана. Именно кизлярагасы провожал одалиску в спальню султана. Если же ночью в гареме происходило что-либо чрезвычайное, то только главный черный евнух мог войти туда. Фигура черного евнуха была не только могущественной, но грозной и зловещей. Он объявлял приговоры женщинам гарема и отводил осужденных к палачу, а когда несчастных топили в море, сам одевал на них кожаные мешки.

Когда главный евнух уходил в отставку, ему назначалась пенсия. Новый султан, как правило, назначал другого главного евнуха, но иногда оставлял старого. Евнухи были хранителями казны шаха, его жен и самое главное — тайн гарема, от которых зачастую зависела жизнь многих. Их влияние на государственные дела росло, став поистине огромным во времена правления женщин (1541–1687),

а в XVII и XVIII столетии они вместе с султаншами и валиде, собственно говоря, руководили империей, сыграв существенную роль в ее упадке. Евнухи организовывали заговоры, свергали и возносили на троны султанов. Они же решили исход «войны» султанш Турхан и Кесем, задушив последнюю.

Но с начала XIX столетия власть главного черного евнуха стала ослабевать, а к началу XX его функции были сведены к наблюдению за порядком в гареме.

Отношение к евнухам, сложившееся к тому времени, было крайне негативно и вполне соответствовало их репутации и темной роли в истории гарема.

«Мои собственные наблюдения позволяют разделить евнухов на три категории: сверхчувствительные, болваны и дураки. При одном упоминании черных евнухов у людей портится настроение. Некоторые отказываются от кофе, потому что он «черный», и просят вместо него чай» (Али Сейид-бей. Церемонии и организации. 1904).

С исчезновением гаремов пропали и евнухи. Разговоры о том, как устроить их дальнейшую жизнь, быстро затихли, а попытки бывших стражей гарема организовать свой собственный профсоюз не удались. Словно призраки, бродили они по шумным улицам Стамбула — печальные и никому не нужные напоминания о прошлом, которое ушло, а вместе с ним ушла и страшная эпоха евнухов, могущественных и несчастных.

ДЕТИ СУЛТАНА

Икбал, имевшая счастье забеременеть от султана, окружалась вниманием и заботой, к родам же в гареме относились как к событию чрезвычайно важному и обставляли его с достойной пышностью. Одну из комнат тщательно мыли и украшали. Стены обивали роскошной тканью, а над кроватью, покрытой красным покрывалом, устанавливался балдахин из красного же атласа, унизанный драгоценными камнями. Тазы, кувшины и прочие предметы, необходимые для родов, были из золота и серебра, а сами роды воспринимались не как тяжкое испытание для роженицы, а как праздник. И во время схваток, пока роженица мучилась, сидя на специальном родильном стуле, ее старались развлечь музыкой и танцами.

Первым узнавал о рождении ребенка кизлярагасы, его помощник сообщал эту радостную весть дворцу, и начинались торжества. Во время праздника в честь рождения ребенка каждое дворцовое ведомство закалывало баранов — пять за сына и три — за дочь, и палили из пушки соответственно семь и три раза. По улицам расхаживали глашатаи, объявляя о рождении ребенка у повелителя, великий визирь, согласно султанскому фирману (указу), рассылал сообщение об этом по всей империи, а поэты воспевали счастливое событие в стихах и песнях.

Гарем приходил в движение, устраивались приемы и проводились процессии, во время которых знать старалась во всем блеске продемонстрировать свое богатство и могущество. Роскошная колыбель, отделанная драгоценными камнями, торжественно переносилась во дворец Топкапы. Этот обряд назывался процессией валиде-султан. Великий визирь организовывал другую процессию, и она по пышности превосходила предыдущую. Церемония проходила на шестой день после рождения ребенка, когда официальные лица империи могли посетить молодую мать. Празднества продолжались в течение нескольких дней, иногда неделю, но еще дольше текли рекой подарки виновнице торжества и другим высокопоставленным женщинам гарема. Черные евнухи, напоминая женщинам из христианских стран историю с волхвами, несли подношения вельмож, купцов и послов. В покои доставлялись подносы с золотыми монетами, драгоценные ткани, ковры, меха, посуда, украшения и благовония. Дарили также диковинных птиц и зверей, экзотические растения и различные европейские редкости. Все пополняло хозяйство матери новорожденного, для управления которым определялась опытная и проверенная женщина (*хазнедар — уста*).

Новорожденному предоставлялась комната, для него создавался штат из слуг, рабынь и кормилицы. Принц оставался с матерью и своим штатом в гареме до двенадцати лет, а принцесса до своего замужества.

Церемониал обрезания принца сопровождался грандиозными торжествами. За три месяца до этого события государственные мужи со всех концов Османской империи приглашались на церемонию. Праздники продолжались десять — пятнадцать дней, иногда и дольше, и сопровождались великолепными представлениями и непрерывными подношениями подарков.

Когда детям приходило время учиться, для них выбирали нескольких учителей. Дети султана учились правильному чтению Корана, письму, математике, истории и географии. В XIX столетии к этим предметам добавились уроки французского языка и игра на фортепиано.

Принцессы

Дочери султана (принцессы) жили вместе с его другими детьми во дворце Великого Сераля. Султаны, как и все отцы, балуя своих детей, щедро осыпали их подарками, в том числе и живыми куклами, в роли которых выступали девочки-черкешенки. Принцессы купали своих «кукол», причесывали, «воспитывали», шили им одежду, и играли в «дочки-матери». Подросшие «куклы» становились служанками принцесс и переезжали вместе с ними в дом мужа. Незамужние принцессы занимали одну из самых высоких ступеней иерархической лестницы, и на их содержание отпускались весьма солидные суммы, в том числе и на наряды и драгоценные меха. Все траты тщательно фиксировались в дворцовых бухгалтерских документах, как и описание фасонов платьев и

тканей, из которых они были сшиты. В бухгалтерской книге стамбульского дворца периода 1503–1504 годов описываются подарки, преподнесенные принцессам: платье из золотистой ткани с подкладкой из тафты и платье, покрытое узорами из красного бархата. Видимо, тогда в моде были золотистые оттенки, так как там же описан еще один наряд — золотистое платье с подкладкой из тафты, обшитой атласными звездами, которое подарили дочери султанши Хатиджи, принцессе Ханзаде Ханум.

Сохранившийся до наших дней наряд принцессы Айше, дочери султана Мурада III, также свидетельствует об изысканности гардероба дочерей султана. Это вышитое серебром платье из тафты было покрыто серебряным шитьем, имело глубокое декольте, а рукава, подол и ворот платья украшены оранжевыми бантами. Головой убор принцессы, усеянный голубыми гвоздиками и цветами кремового цвета, имел оранжевую подкладку.

До наступления половой зрелости принцессы вместе с братьями учились в дворцовой школе, а затем их выдавали замуж. Браки эти устраивали, руководствуясь исключительно политическими интересами, и чувства девушек, как, собственно говоря, и их женихов не играли никакой роли. Султанш выдавали замуж за принцев из соседних княжеств, а если таковых не находилось, за визирей, пашей и других значительных лиц империи. Если султан не находил мужа своей дочери или сестре сам, то приказывал великому визирю подыскать подходящую кандидатуру. Воля повелителя оформлялась специальным указом, согласия женихов никто не спрашивал, и хотя стать *дамадом* (султанским зятем) считалось величайшим счастьем, сам жених, вероятно, иногда думал иначе. Сделавшись дамадом, он, безусловно, достигал небывалой высоты, но платил за это непривычным для знатного османа однообразием и покорностью в супружестве. Если он был женат, его заставляли развестись со всеми прежними любимыми женами, о разводе же с принцессой нельзя было даже и подумать (последняя, напротив, могла сделать это с разрешения отца). И брак становился, по существу, моногамным, мужьям султанш приходилось навсегда забыть про наложниц и одалисок: в доме, где жила султанская дочь, могла быть только одна повелительница. Более того, интимная жизнь дамада полностью зависела от настроения его высокородной супруги. Несчастный мужчина мог войти в спальню только с ее разрешения, а получив его, подобно обитательницам гарема, не всходил, а «вползал» на ложе.

Поскольку кандидаты в женихи занимали крупные официальные посты в империи, они, разумеется, были намного старше своих невест, так как принцесс часто обручали совсем малютками. Нередко мужья умирали вскоре после женитьбы, а иногда не доживали до времени, когда могли вступить с невестой в супружеские отношения. В хрониках «Дома радости» имеется описание вступления в брак пятилетней принцессы Фатимы, дочери Ахмеда III и царского курьера Али Паши, уже далеко не юного мужчины. Лишь через

восемь лет мог стать Али Паша мужем Фатимы, а до этого супруги встречались только в присутствии лиц из свиты маленькой принцессы. Но браку этому так и не дано было осуществиться. Али Паша погиб в сражении за год до достижения принцессой брачного возраста, и двенадцатилетняя Фатима овдовела, так и не став женой.

Но, независимо от того, был брак принцессы «настоящим» или супругам надлежало подождать еще несколько лет, свадьба устраивалась великолепная. Празднества, пышность которых должна была свидетельствовать о величии султана и его семьи, длились неделями на радость подданным и изумлению путешественников. Город украшался арками, флагами, по ночам в небе вспыхивали фейерверки, а в Серале устраивалось празднество для невесты, приданое которой выставлялось на всеобщее обозрение. Богатство и обилие демонстрируемого было поистине сказочным. Вот что писал барон фон Мольтке о приданом султанши Михримы: «Вчера в среду (4 мая 1836 года) под охраной конной стражи и в сопровождении важных вельмож в новый дом новобрачных было доставлено ее приданое. Процессию составлял караван из сорока мулов, груженых тюками дорогих тканей, двадцати повозок с шалями, коврами, шелковыми платьями и прочим имуществом, а за ними шли еще триста шестьдесят носильщиков с большими серебряными подносами на головах. Первый нес роскошный Коран в золотом переплете с жемчугами, далее — серебряные стулья, жаровни, шкатулки с драгоценностями, золотые клетки с попугаями и еще бог ведает что. Возможно, что некоторые вещи потихоньку вернутся в казну, чтобы снова быть выставленными на свадьбе следующей принцессы».

На старом византийском ипподроме раскидывались шатры, и гости султана несколько дней наслаждались там угощением и получали подарки. Каждый день приносил новое развлечение. По всему городу шли представления музыкантов, акробатов, жонглеров. На девятый день невесту передавали в ее новый дом, который строил и обставлял султан. А перед этим в дворовом хамаме (бане) проводилась ночь хны. Эта традиция до сих пор сохраняется в некоторых деревнях Анатолии, а раньше составляла непременный атрибут брачного торжества в империи османов. Весь день до нее женщины находились в хамаме, лелея свои тела, болтая и вспоминая о собственных свадьбах, а когда наступала ночь, невесте намазывали хной руки, ноги и лицо, сверху накладывали повязку, а утром затвердевшая смесь смывалась. То же самое проделывали друг с другом все остальные гаремные красавицы.

В процессии переезда принцессы во дворец жениха принимали участие придворные и прославленные в боях, самые заслуженные янычары. В руках сопровождающие несли чаши с шербетом, сладости из сахара в виде дворцов и крепостей и символ плодовитости — цветы. Невеста ехала вместе с султаном в блистающем позолотой экипаже, а на ее лбу, шее, руках и ногах,

переливаясь всеми цветами радуги, сверкали украшения, подарки повелителя, и их число (семь) должно было символизировать семь сфер жизни, в которых будет пребывать невеста. Во дворце же готовились принять царственных гостей. Родственники и друзья жениха стояли на охране брачной комнаты от злых духов, а в опочивальне уже ставилась свадебная трапеза — жареная курица, тонкие блины с травами и финик в пленке, который полагалось съесть пополам, что означало единство семьи.

В доме новобрачного гостей потчевали, и после вечерней молитвы они оставляли дом жениха, взяв с собой полученные от него богатые подарки. Жених входил в опочивальню невесты в сопровождении черного евнуха. Он совершал молитву, а затем всходил на ложе и, поцеловав ноги своей жене (вероятно, дань уважения царской крови), мог вкусить, наконец, сладость ее любви.

Многие принцессы были умны, обладали сильной волей и желанием властвовать, которое реализовывали через своих отцов и братьев. Со своей дочерью Михримой, а не с сыном советовался Сулейман Великолепный, его внучка Айше Хашимах также была влиятельной фигурой в империи, а сестра Ахмеда III, по существу, являлась истинной правительницей страны в эпоху тюльпанов (1703–1730). Хатиджа-ханум, родная сестра султана Селима III, была блестяще образована, знала европейские языки и принимала в своих покоях жен европейских дипломатов.

Золотая клетка для сыновей султана

Титул принца был не столько почетным, сколько опасным, ибо по закону, сформулированному в эпоху царствования Мехмеда Завоевателя (1451–1481), султану дозволялось убивать всю мужскую половину своей семьи. Закон гласил: «Тот из моих сынов, который вступит на престол, вправе убивать своих братьев, чтобы был порядок на земле». Престол переходил не от отца к сыну, а к самому старшему мужчине рода. И, дабы обеспечить трон своему собственному ребенку и избежать междоусобиц, новый султан, вступая на трон, мог убить всех своих братьев.

Закон был воплощен в жизнь, и десятки и десятки мальчиков и юношей, вся вина которых состояла в том, что они могли теоретически претендовать на престол, тихо умирали в руках умелых глухонемых палачей — дильсизов.

В «Доме радости» происходили страшные трагедии. В 1595 году Мехмед III по наущению своей матери Баффы повелел казнить девятнадцать своих братьев, включая младенцев. Не пожалели и неродившихся: семерых беременных наложниц утопили в Мраморном море. В книге «Королева Елизавета и Левантийская компания» английский посол Роуздейл писал: «После похорон принцев толпы народа собрались возле дворца смотреть, как матери умерщвленных принцев и жены старого султана покидают насиженные места. Для их вывоза

были использованы все экипажи, кареты, лошади и мулы, какие только имелись во дворце. Кроме жен старого султана под охраной евнухов в Старый дворец были отправлены двадцать семь его дочерей и более двухсот одалисок... Там они могли сколько угодно оплакивать своих убиенных сыновей».

Позднее, в XVII столетии, этот страшный закон был отменен, но теперь вместо гибели братьев и племянников правящего султана ожидало пожизненное заключение в покоях гарема, именуемых кафесе — «золотая клетка».

Мальчики жили на женской половине до одиннадцатилетнего возраста. С пяти до десяти лет их воспитывал наставник, назначаемый султаном.

Там в полной изоляции, под охраной глухонемых стражников, принцы жили до смерти правителя империи османов. Заключение несчастных скрашивали стерилизованные наложницы, но если одна из них, по недосмотру оставшаяся способной к материнству, беременела, ее немедленно топили в море. Полная оторванность от внешнего мира и страх превращали жизнь принцев в долгую и мучительную пытку. Пленники, которых могли в любой момент убить стражники, посланные султаном или заговорщиками-евнухами, жили в жесточайшем напряжении. Оно сводило с ума и уродовало, делая принцев совершенно не приспособленными к нормальной жизни на воле. Правление же султана не всегда заканчивалось в случае его смерти. Иногда (добровольно или насильно) трон передавался от отца к сыну, иногда престол доставался после свержения султана.

Но если даже случалось так, что смерть или убийство правящего султана возносило на престол бывших пленников, они уже не могли в полной мере насладиться жизнью. Кафесе держала их в моральном «заключении» даже при выходе на свободу, и новые султаны, душевно опустошенные страхом и заточением, были весьма сомнительными правителями. Одни стремились вернуться в привычное уединение, другие предавались самому необузданному разврату. Султан Ибрагим I (1615–1648) выйдя из «золотой клетки», вел столь порочную жизнь и устраивал такие оргии, что даже в гареме начали роптать. Но великий визирь султана, попытавшийся как-то положить этому конец, был казнен, а его преемник даже не пытался возражать. В стране царила страшная коррупция. Все лучшие посты продавались тем, кто мог больше заплатить, или раздавались бездарным фаворитам. Казна пустела, а налоги росли. В Серале же творились немыслимые вещи. У Ибрагима было две страсти — тяжелые, пряные духи (серая амбра) и меха. Было приказано платить налоги серой амброй и мехами, и эта глупая причуда вызвала возмущение в стране. От постоянного пьянства и разврата мужские способности султана ослабели, и, дабы поддержать их, валиде каждую пятницу дарила ему по девственнице. Это помогало слабо, и Ибрагим возбуждал себя афродизиаками, уставлял покои зеркалами и устраивал игрища, в которых обнаженные наложницы носились по залам, изображая кобыл, а он, догоняя их, исполнял обязанности племенного

жеребца. Еще одну странность этого султана сочли дурным предзнаменованием. Наложница Ибрагима посоветовала ему вплести в бороду драгоценные камни. Султан, украшенный подобным образом, появился на людях, которые ахнули от ужаса, ибо у единственного властителя, поступившего так же, — у египетского фараона — конец был трагичен. Ибрагима не миновала злая и заслуженная судьба. Он был низложен, вновь заключен в «золотую клетку» и задушен.

Случалось, что причудливая судьба — кисмет, в предопределение которой верили обитатели «Дома радости», то извлекала пленника, то вновь заключала в «золотую клетку». Подобное произошло с принцем Мустафой. Он жил в кафесе вместе со своим братом Ахмедом, который, став султаном, не решился казнить его. Четырнадцать лет провел Мустафа в помещении, отгороженном от всего мира глухой стеной. Связь с «Большой землей» осуществлялась через маленькое окошко, в которое передавали пищу, вино и опий. После смерти Ахмеда в 1617 году Мустафу освободили и сделали султаном. Но наслаждался свободой он всего несколько месяцев. Евнухи, невзлюбившие нового правителя, заточили его в кафесе вновь. А в 1622 году после убийства нового султана совершенно обезумевший от перемен в своей судьбе Мустафа был вновь возведен на престол, где продержался год до нового дворцового переворота.

Правители, вышедшие из «золотой клетки» не могли управлять огромной империей, и власть, оказавшаяся в руках их матерей и жен, приобрела невиданную силу. Женщины отдавали из своего заточения приказы, самостоятельно вступали в сношения с иноземными государями и определяли политику колоссальной державы османов.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Тюльпаны, соловьи и леопарды

Окруженные рощами внутренние сады «Дома радости» были великолепны, и обитательницы гарема проводили в них немало времени. Они ухаживали за цветами или просто гуляли, развлекаясь созерцанием изумительных растений и прудов с диковинными рыбками. От полуденного зноя укрывались в беседках и ротондах, где, наслаждаясь прохладой, лакомились фруктами и сладостями. Там же, в садах, девушки, средний возраст которых составлял семнадцать лет, предавались своим невинным забавам. Игры, в соответствии с их почти детским возрастом, были просты и незамысловаты. Одна из самых распространенных называлась «Красавица или уродина?» Участницы игры изображали красавиц и уродин, а водящая девушка с завязанными глазами должна была угадывать, на кого ей указали. Отгадав правильно, она снимала повязку, передавала ее новой водящей, и игра начиналась сначала.

Не оставлял своим вниманием внутренние сады и султан. В 1776 году Жан-Клод Фляша писал: «Когда все готово, султан дает команду *халвет* (очистить землю). Все ворота, ведущие в сады, закрываются, царская охрана выставляет снаружи часовых, а евнухи выходят из гарема и следуют за султаном в сад. Со всех сторон в сад стекаются группы женщин, и, словно рой пчел, вылетевший из улья в поисках меда, они рассыпаются по саду, склоняясь над каждым цветком». Их повелитель тем временем располагался в затененной беседке, и, вдыхая сладкий аромат цветов, любовался своими резвящимися красавицами.

Цветы были представлены в изобилии и разнообразии, не снившимся европейцам. Имелись и сады, состоявшие из единственного вида растений. Одна английская путешественница, посетившая Стамбул в начале XVII столетия, писала о том, что на территории гарема был изумительной красоты сад, в котором цвели одни гиацинты. К этому цветку питали особое пристрастие поэты, использующие его закручивающиеся лепестки в качестве эпитета к женским кудрям («Ее ... гиацинтоподобные волосы приятней, чем скифский мускус». Фирдоуси). И, возможно, именно локоны хасеки султана навели его на мысль разбить необычный сад, изысканность которого очаровывала каждого посетителя, а сильный аромат одурманивал, как опиум. Поставка цветов была вменена в обязанность провинциям, из Мараги для султанских и визирских дворцов поступало в Стамбул пятьдесят тысяч голубых гиацинтов, полмиллиона красных, розовых, желтых и белых гиацинтов привозили из Азаха. И, тем не менее, на содержание этого гиацинтового сада тратились огромные суммы. Кроме обыкновенного гиацинта в садах гарема разводили и его близкого родственника — гроздеобразный гиацинт, носящий турецкое название «муши-руми», что означало на восточном языке цветов: «Ты получишь все, что я только могу тебе дать».

Язык цветов — «селам» — использовался как шифр и служил для секретного любовного послания окруженным строжайшей охраной восточным затворницам и их любовникам. Европейцам об этом оригинальном способе «переписки» поведал шведский король Карл XII (1682–1718), узнавший о языке цветов во время своего вынужденного пребывания в Турции, но популярность «селам» приобрел с помощью леди Мэри Уортли Монтэгю (1689–1762), жены британского посланника при османском дворе. Освоив способ тайной гаремной корреспонденции, леди сделала его известным в Англии, где он мгновенно вошел в моду и стал активно использоваться в амурных делах.

При помощи правильно составленного букета можно было выразить не только чувства, но также их тончайшие оттенки. Имело значение, как подносились цветы: соцветиями вверх или вниз, были ли убраны шипы или листья, находились ли цветы в правой или левой руке. Имел смысл даже наклон руки: вправо означало «да», влево — «нет». И, разумеется, о многом говорил цвет

и сорт растений. Белая гвоздика сообщала о доверии и являлась свидетельством тихой грусти, печали, тоски. Желтая выражала ненависть и презрение, китайская — неприязнь, горная — призывала к действию. Георгин служил выражением признательности и благодарности, гортензия — равнодушия и непреклонности, а жасмин означал нежное признание в любви и трепетное преклонение.

Изобретательные восточные дамы, не остановились на языке цветов, и (воистину нет препятствий для любви!) стали использовать в качестве посланий, которые не мог перехватить даже самый бдительный евнух... носовые платки. Этот прозаический предмет туалета носил название *мендил* и был многофункционален, используясь как в качестве упаковки для сладостей и подарков, так и шифрованных сигналов. Цвет платка означал многое: прохладный голубой — обещание встречи, зеленый — намерение, алый — любовь навек, красный — пылкую любовь, пурпурный — страдание от нее, оранжевый — просто сердечное страдание, и, наконец мрачный черный — безнадежность, разлуку. Если же платок рвался или еще хуже — сжигался, это могло означать только пассивный призыв к помощи: «Я угасаю от тоски, увядаю, умираю».

До «тюльпанной эпидемии» любимцем гаремных садов в Турции была роза, любовь к которой пришла из Персии, получившей у поэтов название «Гюлистан» — сад роз. Этому цветку приписывали в Исламе очистительную силу, и в сералях его розовым лепесткам нашли особое применение: ими осыпали новорожденных, а розовая вода использовалась в качестве средства, очищающего от скверны.

Но в XVIII столетии в правление Ахмета III (1703–1730) Стамбул охватила тюльпаномания, поразившая всю страну настолько, что этот период получил в истории название «эпохи тюльпанов». Тюльпаны заполнили сады, в которых стали проводиться *праздники тюльпанов*. Уже упомянутый Жан-Клод Фляша дал описание этих великолепных торжеств: «Это происходит в апреле. В садах Нового дворца возводятся деревянные галереи. По обеим сторонам амфитеатром ставятся вазы с тюльпанами. Всюду зажигаются светильники, а на самых верхних ступенях среди цветов подвешены клетки с канарейками со стеклянными шарами, наполненными подкрашенной водой. На всем этом игра отраженного света, как при солнце, так и в темноте. Вокруг деревянные сооружения в виде могучих деревьев, башен и пирамид, они также украшены и составляют пиршество для глаз. Искусство создает иллюзию, а гармония оживляет это чудное место и позволяет человеку прикоснуться к миру своих грез. В центре стоит беседка султана, где будут выставлены подарки от придворных вельмож. Его Величество здесь выслушает объяснения этим подаркам. Тут предоставляется случай увидеть желание услужить. Амбиции и соперничество понуждают подарить что-то особенное. То, чему

не достает оригинальности, восполняется величием и богатством. Мне не раз приходилось беседовать с главным евнухом, и он мне рассказывал, на какие идут ухищрения женщины в подготовке к таким празднествам. Чтобы обратить на себя внимание или добиться желанной цели… Каждая старается выделиться. Они само очарование… Где еще увидишь, до каких пределов изобретательности могут дойти женщины ради тщеславной цели соблазнить мужчину! Грациозный танец, сладкий голос, прочувствованная музыка, нарядное платье, легкая беседа, восторг, женственность, любовь — все идет без меры и числа искусства в похотливом кокетстве».

Автор записок был излишне суров к женщинам, чья жизнь не зависимо от их воли была посвящена услаждению своего повелителя, а счастье целиком зависело от его благосклонности. Но справедливости ради следует заметить, что в эпоху тюльпанов были допущены вольности, немыслимые ранее: женщинам было дозволено участвовать в празднествах вместе с мужчинами. И это имело неожиданные последствия. Одежда, в которой появились прелестные турчанки, была словно создана для того, чтобы возбуждать желание: прозрачные шелка красиво и весьма откровенно облегали пышные, нежные тела. Двигались турецкие дамы в привычном соблазнительном ритме, но то, что было допустимо в закрытом помещении гарема, вызвало настоящий пожар в иных условиях. Возбужденные непривычным свободным общением мужчины и женщины начали так отчаянно и откровенно флиртовать друг с другом, а накал страстей достиг такой высокой точки, что Ахмед III нашел самый простой, как ему казалось, выход: впредь женщины должны были одеваться менее вызывающе.

О праздниках тюльпанов писали, что это была настоящая феерия, переносившая участников в сказочную страну «Тысячи и одной ночи», а изощренность фантазии устроителей во многом превосходила фантазию данного творения. Тут были и дорожки, устланные бесценными коврами, и фонтаны из духов, запах которых, тем не менее, не мог заглушить ошеломляющий аромат цветов. Тысячи огней от разноцветных фонариков-тюльпанов бриллиантово сверкали в темноте, освещая главные драгоценности султана — его жен, которые двигались в такт чарующей музыке, стараясь изяществом этих движений (как подчеркивали уже в который раз свидетели праздника!) «заставить себя полюбить».

Султан Ахмет III был одним из самых больших охотников до развлечений, и его страсть к ним оказала благотворное влияние на культуру. Стамбул расцвел, началось строительство летних дворцов, которые проектировали европейские архитекторы, полюбившиеся повелителю празднества послужили развитию архитектуры и миниатюрной живописи, а сады Сераля украсились тысячами новых цветов.

Иногда в садах среди роскошных растений, под щебет птиц проходил выбор новой икбал. Так султан Селим II (1566–1574), решив развлечься, пошел

после заката в сад, куда слуги несли еду и напитки. За султаном неотступно следовали две последние фаворитки. Остальные красавицы, стараясь не отставать, спешили за ними, надеясь, наконец, привлечь внимание повелителя. Они танцевали и пели, а султан, окидывая всех пресыщенным оком, решал, кого осчастливить сегодняшней ночью. Но окончательный выбор определяла игра, которая особенно нравилась Селиму. Истосковавшиеся по мужской ласке девушки бросались к его ногам, другие пытались удержать соперниц, и начиналась легкая борьба, во время которой султан «освобождал» понравившуюся ему девушку и уводил на свое ложе.

Сады оглашались воркованием голубей и сладостными трелями соловьев, им вторили пленники из дворца, полного всяческой экзотической живности. Султаны дарили своим женщинам обезьянок, ручных гепардов, газелей, аистов, попугаев, канареек.

В Серале имелся зверинец, который обожали посещать дети султана, и особой популярностью пользовался «*Дом слонов*», где помимо животных, давших ему название, томились грозные обитатели пустынь и джунглей: львы, леопарды и тигры.

Попугаи исполняли роль невольных шпионов, выбалтывая все, что слышали, и этой способностью они завоевали популярность у некоторых владык Сераля. Абдул-Хамид II (1876–1909), страдающий маниакальным страхом перед заговорами и убийцами, повелел развесить в своем «*Звездном дворце*» множество клеток с попугаями, которые должны были предупредить его о злоумышленниках. Но, безусловно, любимцем гарема был соловей, и фраза «ему пели соловьи» — не метафора:

Что без соловья любая роза?
Вянет, осыпается она.

Хафиз

Самые искусные из птиц вошли в хроники, в которых записывались имена, даты рождения, где и когда начато обучение, чем кормили и как перенесли птицы линьку. О соловьях слагали стихи и легенды, в которых воспевалась любовь этой птицы к другой любимице гарема — розе, острые шипы которой поранили ему грудь, а теплая кровь окрасила лепестки, ставшие от этого розовыми.

Пошел я в сад поразмышлять на воле.
Там голос соловья звенел от боли.

Бедняга, как и я, влюбленный страстно,
Над розою стонал… Не оттого ли,

Что вся она в шипах? Бродя по саду,
Я размышлял о соловьиной доле.

Из века в век одна и та же песня.
Она — в шипах, а он в слезах. Доколе?

И что мне делать, если эти трели
Меня лишают разума и воли?

Ни разу люди розы не срывали,
Чтобы шипы им рук не искололи.
Хафиз

По другой легенде, все розы были девственно белыми и целомудренными, не знающими земной любви. Но соловей нежными словами заставил покраснеть маленькое сердце одной розы, которая стала после этого розовой, а другая, менее стойкая, раскрыла свои лепестки, позволив соловью похитить ее невинность, утром, покрасневшая от жгучего стыда роза стала красной навсегда, и от нее пошли все красные розы.

Особенно внимательно слушали легенды о заключенных в клетках певцах несчастные принцы, и птицы, запертые в своей золотой кафесе.

Игры у воды

Бассейн был излюбленным местом женщин гарема, даря прохладу и развлечения. В одном из них они плескались в жаркую погоду, по другому, большому мраморному бассейну, катались на маленьких гребных лодках. Султаны тоже любили позабавиться у воды, где они, бросая в бассейн жемчуг и драгоценные камни, наблюдали, как женщины ныряют за ними.

Султан Мурад III, справедливо завоевавший репутацию самого любвеобильного из повелителей османов, выбрал бассейн для своих эротических игр. Начинал он в полдень с *Хюнкар Софаси* (диванной), где полуобнаженные рабыни развлекали его песнями и танцами. Затем, выбрав одну из них, султан спускался в бассейн, находившийся в подвале, чья водная гладь возбуждающе действовала на него, и предавался любви. Иногда в том же подвале он из-за решетки подглядывал за своими резвящимися в воде красавицами, а иногда приказывал ставить кресло и придумывал для них игры. Самой любимой игрой этого похотливого султана было приказать кизлярагасы положить на воду деревянную доску, на которую должны были забираться девушки, «купальный костюм» которых состоял из небольшого кусочка кисеи, обернутой вокруг пышных бедер. Купальщицы взбирались на доску, султан окатывал их холодной водой, и они с визгом бросались в воду, теряя свои набедренные повязки. Возможно, бассейн являлся для Мурада III источником поддержки и стимулирования мужской силы, ибо его сексуальные подвиги не превзошел потом ни один из султанов. Количество

детей Мурада III не смогли подсчитать даже историки, но известно, что их число было не менее ста тридцати.

В бассейне иногда разыгрывались жестокие драмы. Однажды во время правления султана Ибрагима I (1640–1648) с его кизлярагасы случился жестокий конфуз. Красавица-невольница, которую он приобрел для себя, оказалась не только не девственницей, как клятвенно заверял продавец, но и беременной. Произведя в срок крепкого мальчишку, она была приставлена кормилицей к шахзаде Мехмеду, первенцу Турхан, первой кадин. Сын невольницы, выглядевший богатырем рядом со слабым сыном султана, так понравился последнему, что тот стал пренебрегать бедным Мехмедом и уделять все внимание сыну рабыни. Турхан была кротка, но однажды не выдержала и робко попеняла мужу. Ибрагим рассвирепел и, вырвав малыша из рук остолбеневшей матери, швырнул его в воду. Мехмеда удалось спасти, но шрам на лбу, сохранившийся у него до конца жизни, напоминал о безумном поступке отца. Возможно, это явилось первым проявлением сумасшествия султана Ибрагима, последующие были страшнее и заканчивались трагичнее.

Иностранцы прозвали этого владыку «полоумным скорняком» из-за его увлечения мехами, которые он приказывал раскладывать повсюду. В женщинах же этот хилый султан больше всего ценил полноту. По всей империи велся поиск самых немыслимых толстух, и одна из них завоевала своими сочными телесами его сердце настолько, что он приказал сделать ее губернатором Дамаска. Развлечения Ибрагима, пьянство и разврат, были грубы и безобразны. Гарем при нем замер в страхе, и будущее показало, насколько он оказался оправдан.

Хамам

В Стамбуле было множество бань. Когда-то они были переделаны из византийских, которые в свою очередь вели свое начало от римских терм (греч. горячие бани). Общительные римляне сделали термы местом приятного времяпрепровождения, у османов эта традиция сохранилась, но популярность бань оказалась намного выше, чем в Древнем Риме. Одной из причин этого была присущая мусульманской цивилизации чистоплотность. Ибо, согласно, Корану конечные части тела должны омываться и очищаться перед пятью молитвами, обязательным было и омовение после полового сношения. Но помимо религиозных установлений посещение бани, или по-турецки *хамама,* было развлечением, а для женщин самым ярким событием в повседневной жизни.

В серале существовало около тридцати бань, наиболее роскошными из которых были, разумеется, бани султана и валиде. Помещения эти отличались необыкновенной красотой, а убранство изысканностью и богатством (яркая фаянсовая плитка, раковины из мрамора, краны из бронзы, тазы из серебра

и золота). Непременной и необходимой принадлежностью турецкой бани были и банные башмаки — паттены, украшенные перламутром и драгоценными камнями. В этих высоких подставках для ног передвигались по горячему, скользкому мраморному полу.

Любили хамам и султаны, превращающие мытье в эротическую забаву. Однажды Селим II вознамерился устроить себе там небольшой праздник. Он пренебрег своими «старыми» наложницами и отдал приказ явиться в баню только тем, кого еще не удостоил своего царственного внимания, — самым юным и свежим одалискам. Но праздник закончился трагически. Селим II, справедливо получивший прозвище «Селим- пьяница», пришел в баню уже навеселе, и игры с обнаженными девушками оказались ему не под силу. После того как они вымыли его и сделали массаж, расслабленный султан попытался ухватить одну из них, и когда его руки коснулись атласного тела — сердце не выдержало. Он поскользнулся на мраморном полу, упал и более не поднялся.

Турки, даже имеющие домашнюю баню, предпочитали дважды в неделю посещать общественную. Женщин гарема туда сопровождала целая процессия из невольниц, несущих на голове большие кипы полотенец, купальных халатов и корзины, полные сладостей и фруктов, которыми лакомились затворницы гарема (а они любили поесть, а иногда чересчур, что наглядно демонстрировала чрезмерная пышность форм). Они шумной толпой заходили в раздевальню — большой круглый зал с фонтаном, бьющим из мраморного пола, раздевались, заворачивались в яркие простыни — пештемалы и разбредались, чтобы не торопясь, в полной мере вкусить наслаждение, ибо для женщин поход в хамам сулил много. Там можно было продемонстрировать новые наряды, узнать последние сплетни и с восторгом посплетничать самой, принять активное участие в сватовстве (а для незамужних — познакомиться с будущей свекровью). У англичан были клубы, а у турчанок — хамамы, и обитательницы гарема с величайшим удовольствием посещали их. Они заменяли им многие удовольствия общественной жизни, открытые для жительниц Европы и непривычные для них. Постигнуть удовольствие от посещения бань можно было, только пожив на Востоке.

«Я почти задохнулась в тяжелом, густом насыщенном пару… заполнившем помещение, — писала Джулия Пардо в 1830 году в «Красавицах Босфора», — приглушенный смех и разговоры женщин звучат со всех сторон… Почти три сотни полуодетых женщин, тонкое белье которых настолько пропитано влагой, что плотно облегает фигуры… Туда-сюда снуют по пояс обнаженные невольницы; сложив на груди руки, они разносят на голове стопки вышитых полотенец и простынок… Кучки оживленно болтающих девушек, которые жуют цукаты и освежаются шербетом и лимонадом… Стайки ребятишек, кажется, совершенно бесчувственных к жару, в котором трудно дышать… Все вместе образует картину, похожую на дикую фантасмагорию; кажется, все это происходит не

на самом деле, что это — плод больного воображения». Картина становилась действительно страшной для неподготовленных к проявлению пылкого южного темперамента англичанок, когда в хамаме разгорались ссоры. Тогда можно было ненароком получить увечье от пролетающего тяжелого таза или не менее тяжелых паттенов, которые начинали бросать друг в друга прелестные купальщицы. Но банщицы были начеку и мгновенно растаскивали драчуний, а тех, кто не желал успокоиться, выставляли на воздух — охладиться.

Женщины гарема, чья белоснежная атласная кожа и густые волосы вошли в поговорки, проводили в хамаме очень много времени, ухаживая за своими совершенными телами. Быть привлекательной, дабы придать блеск яркому свету радостей султана, являлось жизненно важным, от этого зависело счастье и благополучие женщин, в этом проявлялась их индивидуальность, вкус и изобретательность. В подобной работе над собой достигались поистине фантастические результаты, и одалиски уподоблялись нежным цветам, с которыми их сравнивали поэты. Но они же писали и о недолговечности красоты:

Недолог розы век: чуть расцвела — увяла,
Знакомство с ветерком едва свела — увяла.
Недели не прошло, как родилась она,
Темницу тесную разорвала — увяла.

Омар Хайям

И турчанки предпринимали самые разнообразные средства против этого преждевременного увядания. В баню несли различные косметические средства, духи и ароматные смеси. Кожу отбеливали миндальным молоком и мазью из жасмина. Использовали в косметических целях и горький сок баклажанов. В тело втирали гвоздику и имбирь, этим растениям приписывались средства обольщения. С подобными же целями использовали амбру, мирру и сандал, которыми ароматизировали одежду. Волосы, теряющие свой природный цвет, турецкие красавицы красили в банях хной, ее же употребляли для окраски рук, запястий, ног (по форме туфель) и ногтей. Перед свадьбой на тело наносился орнамент из хны.

Тело должно было обладать гладкостью мрамора, и в банях сводили с него все волосы, наличие которых, особенно на тайных местах, считалось немыслимым. Волосы удаляли пастой, называемой «*русма*», содержащей мышьяк. Ее применение требовало особой осторожности: если пасту оставляли дольше, чем следовало, она начинала до мяса проедать кожу.

Но красота, как известно, требует жертв, и другие процедуры, направленные на ее достижение и сохранение, также требовали выносливости. Одна англичанка, путешествующая в конце XIX столетия по Турции, решила сходить в баню. Любознательность стоила ей довольно дорого, о посещении хамама она писала потом как о страшном испытании, где сравнивала себя с раком, которого бросили в кипяток, а затем хорошенько прокипятили и натерли.

Отдых после долгих процедур был сладостным. Для него предназначалось специальное помещение — тепидариум, в котором все располагало к истинно восточной неге. Ноги ласкали роскошные персидские ковры, звуки приглушались тяжелыми драпировками на стенах, а тела утопали в подушках, положенных на низкие софы. Прислужницы старательно прикрывали распаренные тела покрывалами из атласа или гагачьего пуха, умащали благовониями волосы и, не отжав, повязывали платками. Одни купальщицы, разнежившись, погружались в дремоту, другие пили кофе и лакомились сладостями, которые подносили снующие из конца в конец продавщицы, или выкуривали чубук. Леди Монтэгю так описала свое посещение хамама в 1717 году: «Ближние софы были покрыты богатыми коврами с подушками, на которых сидели дамы, за ними — другие с их служанками, причем без всякого различия в одеяниях; все были в костюме Евы, проще говоря, совершенно голыми, ничего не скрывая из своей красоты и недостатков. И ни одной распутной улыбки или нескромного жеста. Они двигались с грацией, с которой Мильтон* наделил нашу прародительницу. Многие сложены, словно богини кисти Тициана, их кожа ослепительно бела, что лишь подчеркивают чудные волосы, заплетенные в косы, свисающие на плечи и украшенные жемчугом и лентами, это просто настоящие грации… Ни с чем не сравнить вид этого множества прелестных женщин в самых разных и естественных позах, разговаривающих, чем-то занятых, пьющих кофе и шербет, отдыхающих на подушках, тогда как их невольницы (в основном это девушки шестнадцати — семнадцати лет) заплетают им волосы в изящные косички. Короче говоря, это выглядит как дамская кофейня, где делятся городскими новостями, затевают скандалы и прочее».

Целомудренный взор леди Монтэгю не заметил ничего, кроме того, что она пожелала, но в хамамах, помимо их главной цели — приготовить жен для услады мужей, завязывались романы совсем иного свойства. Некоторые дамы влюблялись в искусных массажисток или, плененные созерцанием прекрасного обнаженного женского тела, в своих подруг. Бани охотно использовали сводни, чтобы как следует рассмотреть ту, которую будут рекомендовать, там же устраивались смотрины невольниц и будущих невест и там же устраивались поистине теплые любовные гнездышки, где истосковавшиеся по ласке женщины предавались эротическим забавам. Отношения складывались самые нежные, и выражалось это очень трогательно, влюбленные носили платья одних цветов, употребляли одни и те же духи и косметику.

Страсть не всегда была взаимной, но не терпела преград для удовлетворения. Сохранилась скандальная история о некоей богатой жительнице Стамбула, которая, влюбившись в девушку, переоделась мужчиной и явилась

** Мильтон Джон (1608–1674) — английский поэт и публицист, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай».*

к ее отцу с предложением богатого калыма. Состоялась свадьба, но во время первой брачной ночи «муж» не сумел пленить «жену», та подняла крик, сбежала, и дело, получившее широкую огласку, было передано стамбульскому кади (судье). Кара была жестокой и традиционной для средневековой Турции, влюбленную даму зашили в кожаный мешок и бросили в море.

Любовь между женщинами в гаремах наказывалась. Даже если эта привязанность оставалась платонической, но из опасения, что она перерастет в бурную страсть, подозрительные пары разлучали.

Некоторые из женщин от безвыходности пытались заниматься любовью с евнухами, и султаны, в частности маниакально подозрительный Абдул-Хамид II, «во избежание измены» запретил впускать в свой гарем даже кастрированных животных.

Справедливости ради надо отметить, что любовь между мужчинами также имела место, и именно в банях могла быть утолена эта запретная страсть. Посетителям, имеющим определенные склонности, предоставлялось сделать выбор между нежными юношами 15–17 лет, которые их обслуживали, или мощными парнями-массажистами. В эротическом сочинении «Деллакнаме-и-Дилькюша» («Облегчающий сердце массаж»), написанном главой банщиков Дервишем Исмаилом Эфенди, приводятся расценки за предоставляемые услуги и описания достоинств некоторых юношей: «Первым идет Бали, который обладает полнотой совершенств красоты, хороших манер, учтивости. Он — розовый бутон, распускающийся для любви, и беспомощный соловей на вашей груди. Его волосы — гиацинт, его ямочка подобна розе, его взор — это взор палача, его стать подобна дереву самшита, его зад — словно хрустальная чаша, его пупок — как вспышка. Вот как можно его описать».

Была у бань и еще одна тайная функция: иногда они служили поводом для того, чтобы ускользнуть на любовное свидание. Изобретательность, достигаемая при этом, была прямо пропорциональна мерам, предпринимаемым ревнивыми мужьями. И поистине неоценимые преимущества давала однообразная одежда, которая надевалась при выходе из дома. Даже муж не мог отличить свою жену от других женщин, и, если у него возникали подозрения, возможности подтвердить их не было, ибо по мусульманским обычаями женщину нельзя останавливать. Та же, кто желала ускользнуть от наблюдения, легко делала это, и посещение бани было идеальным предлогом для любовного свидания.

«Свободно рожденная женщина всегда имеет возможность выйти из дома в гости. Все, что может муж предпринять в порядке предосторожности, это послать ей в сопровождение раба, но это мало что дает, поскольку она может либо подкупить невольника, либо без труда ускользнуть от него — потихоньку выйдя из дома друзей или бани, где раб наблюдает за ней только извне. По сути дела, закрытое лицо и однообразная внешность дают

женщинам куда больше свободы для интрижек, нежели имеют европейки. Забавные истории, какие можно услышать в кафе, часто касаются любовных похождений, в которых, чтобы проникнуть в чужой гарем, мужчины переодеваются женщинами».

Это было написано Жераром де Нервалем в XIX веке, но те же тенденции в обмане мужей существовали и столетия назад, что только доказывает их ординарность. И, в частности, в дневнике барона В. Вратислава, сопровождавшего в 1591 году австрийское посольство в Стамбул, засвидетельствован случай подобного обмана: «Мустафа однажды встретил даму и пригласил ее в посольство. Я приготовил изысканные десерты и купил лучшего вина по этому случаю. Мы дружили с Мустафой, потому что он был по рождению богемец. Со мною он был всегда любезен. Возлюбленная Мустафы имела крайне ревнивого мужа много старше себя, который никогда не верил жене и сопровождал ее, куда бы она ни пошла. Но кто способен остановить женщину, которая решила обмануть своего супруга? Конечно никто. Она воспользовалась трюком с баней и ухитрилась прийти на свидание. Сказав мужу, что пришло время для хамама, она отправилась в баню Чемберлиташ, ведя за собой двух рабынь, несших узлы на голове. Хамам находился очень близко от посольства, и пока она шла, успела подать знак Мустафе, что придет по приглашению вовремя. В этот час Чемберлиташ находился исключительно в распоряжении дам, и ни один мужчина не смел зайти туда, если он только не хотел совершить самоубийство. Муж-ревнивец увидел свою жену, входящей в хамам и расположился поджидать ее в своем углу. Между тем его пылкая супруга поменяла свой зеленый наряд на другой, красный, который был в ее узле. Оставив своих рабынь в хамаме, она устремилась прочь, и вскоре оказалась в комнате Мустафы. Радостно ее поприветствовав, Мустафа, который был очень щедр в своем гостеприимстве, развлек гостью замечательно. После вечеринки она вернулась назад в хамам, смыла следы грехов, переоделась и возвратилась домой с ничего не подозревающим мужем…»

Пылкие возлюбленные рисковали. Незаконная любовь в Турции каралась жестоко. Прелюбодеев, схваченных ночной стражей, бросали в зиндан, а поутру неверную жену сажали на осла, к голове которого привязывали оленьи рога. Впереди шел глашатай, дующий в рог и оповещающий весь люд о преступлении. Любовник, ведущий осла за повод, и несчастная, сидящая на нем, подвергались всеобщему осмеянию, их закидывали камнями, гнилыми апельсинами и грязью, но этим власти не ограничивались, мужчина получал еще сотню ударов по пяткам, а женщина оплачивала осла.

Законы и предписания против прелюбодеяний, введенные султаном Селимом I Явузом (1512–1520), предусматривали денежные штрафы. Женатый прелюбодей, схваченный при совершении самого акта, должен был заплатить 400 серебряных монет. Человеку из среднего класса штраф сокращался до

300 серебряных монет, бедняку было достаточно заплатить 200 серебряных монет, нищему только 100 монет. За женщину, совершившую прелюбодеяние, штраф должен был заплатить муж.

Прогулки

В 1808 году на престол вступил султан Махмуд II, сын француженки Эме де Ривери — легенды дома османов. В империи началась эпоха освобождения женщин, которая отразилась и на жизни затворниц гарема. Благодаря милости этого прогрессивного султана они получили возможность совершать прогулки по пригородам Стамбула, привлекая внимание своими яркими накидками из шелка. Эстафету подхватила местная аристократия, мода на пикники распространилась по столице и, по словам путешественников, те, кто хотел полюбоваться на красавиц-турчанок, мог увидеть их на живописных берегах Босфора, на берегу Малой речки и на сочных лугах. Вид этих весело щебечущих женщин в ярких шелковых одеждах очаровывал взор и «являлся одним из самых приятных зрелищ».

Выезд из гарема был подчинен самому строгому этикету. Секретарь объявлял женщинам, куда они едут, затем после сборов их рассаживали по закрытым экипажам в строго определенном порядке: самые важные дамы возглавляли и замыкали колонну, «новенькие» сидели посередине. Одежда для прогулок также была регламентирована, все дамы должны были быть одеты в платья одного цвета. Огромный эскорт конных евнухов сопровождал процессию на место пикника. Там женщины выходили из экипажей, наслаждались свежим морским воздухом, ели приготавливаемые тут же на кострах шашлыки и смотрели представления кукольников и акробатов, от которых их отделяла обязательная занавеска. Иногда совершались более длительные экскурсии, где на время полуденного намаза процессия останавливалась в султанских виллах, но самым любимым развлечением были ночные прогулки по Босфору в роскошно украшенных, покрытых позолотой ладьях. Ночью в лунном свете по волнам скользили сотни прогулочных лодок, в которых сидели женщины. Они пели, любовались звездами и так проводили время до рассвета. Эти прогулки и выезды потом долго служили темой для разговоров в гареме. Также, впрочем, как и походы за покупками в город. Торговцы с нетерпением ожидали повозку, в которой сидели столь перспективные клиентки и, как правило, не обманывались в своих ожиданиях. Покупали обувь, шали и ткани, которые сразу же направлялись к придворным портным. Иногда торговки допускались в гарем. Там их ждали с не меньшим нетерпением, так как вместе с товаром можно было не только выслушать самые свежие сплетни, но и заполучить посредниц в интригах и тайных заговорах. Гарем с течением времени не менял своей сущности.

Что и как ели и пили в гареме

Еда являлась далеко не последним удовольствием в жизни гарема, о чем свидетельствует количество кухонь и поваров, обслуживающих его обитателей. Работающих на кухне было так много, что для них выстроили отдельную мечеть, а из самих кухонь остатками с султанского стола бесплатно ежедневно кормилось множество бедняков. Сто пятьдесят поваров денно и нощно трудились в двадцати кухнях, оборудование которых «являло зрелище великое, ако велики размеры кастрюль и котлов, кои все изготовлены из чистой меди и содержатся в чистоте и аккуратности примерной. Разносятся яства также в медной посуде, луженой оловом, оная тоже в чистоте безупречной блюдется» (Оттавио Бон. Рассказ о путешествиях. 1604).

Имелись особые помещения для приготовления отдельных блюд и напитков: кондитерская, щербетная, салатная и другие. Существовал и Коридор яств, где на массивные каменные полки, занимающие целую стену, ставились бронзовые блюда с едой, которые прислужницы относили в покои. Еда расставлялась на маленьких столиках, и брали ее перстами, вернее кончиками пальцев, так как считалось, что именно ими сначала воспринимается вкус пищи. Столовые приборы стали использовать только после появления в гареме изящной Эме де Ривери, а вошли они в обиход при ее сыне Махмуде II. Но это не означало, что до появления вилок и ложек процесс приема пищи выглядел неряшливым и грубым. Ели одалиски руками очень изящно, виртуозно действуя тремя пальцами правой руки. Этому искусству их специально и долго обучали, и результаты оправдывали затраченные усилия — наблюдать за отточенными движениями женщин доставляло истинное удовольствие.

Сервировка была роскошной: на столе сверкали серебро и драгоценные камни, которыми украшалась посуда. Каждая трапеза начиналась со слов: «Пусть это будет для вас сахаром», на что следовал вежливый ответ: «Благодарю вас. Желаю вам того же». После завершения трапезы руки омывали в чаше и вытирали богато расшитыми серебром и золотом полотенцами.

Завтрак был довольно скромен. В него входили топленые сливки, мед, варенье, маслины, брынза, сыр и русский чай, завариваемый очень крепко в самоварах, изобретение которых турки приписывают себе. Кофе по утрам не пили. Обед и ужин были чрезвычайно изобильны. В них входили баранина, телятина, плов, различные пирожки, овощи и обильнейший десерт.

Три моря, омывающие Турцию, щедро поставляли на султанскую кухню свежайшую рыбу, без которой не представляли себе жизни уроженки приморских стран. Из овощей готовились всевозможные блюда, но баклажаны, безусловно, являлись самой популярной составляющей стола, из них готовилось до сорока блюд, рецептами которых повара султана ни с кем не делились. Императрице Евгении, жене Наполеона III, посетившей в 1869 году Стамбул по пути на открытие Суэцкого канала, очень понравилась баклажанная икра,

но ее повар, посланный за обменом опыта в кухню Великого Сераля, вернулся ни с чем. И все же сочную прелесть турецкой кухни вскоре сумели оценить в Европе. Инженеры, вернувшиеся с постройки Суэцкого канала (Египет тогда входил в турецкий кулинарный ареал), научились готовить настоящий плов, а Александр Дюма привез во Францию с турецкой границы шашлык и открыл в Париже первую шашлычную.

Ужином в гареме не ограничивались и вечером после него подавались фрукты и пирожные. В монотонной жизни гарема еда была не просто приемом пищи, но и развлечением, и слуги, доставляющие красавицам-гурманкам сладости, сновали по коридорам целый день туда и обратно, не останавливаясь.

Фаворитом стола был шербет, являющийся сложной смесью фруктовых соков, в которую добавлялись розовый экстракт, капский жасмин, анютины глазки, липовый цвет, ромашка. Для аромата использовали мускат, амбру, алоэ, гвоздику, корицу, лепестки розы и зерна кофе. Этот напиток вошел в Турции в моду не сразу, в течение многих лет. Сирийские купцы привезли в Стамбул в XVI столетии зернышки, из которого готовился напиток, «имевший цвет и горячий дух тела черных невольниц». Было открыто кахве-хане, куда устремились падкие на новинки стамбульцы, но экзотический вкус кофе показался чем-то подозрительным муллам, и они обратились к муфтию с просьбой запретить его. Затем запрет был снят, с середины XVII столетия кофе приобрел необычайную популярность, и умением приготовить настоящий кофе оценивались способности и достоинства женщины как хозяйки. И именно Турции обязаны европейцы появлением кафе на открытом воздухе. Первой восприняла эту традицию Вена, а затем ее довел до совершенства Париж.

Излишняя пышность форм, которыми отличались некоторые гаремные затворницы, объяснялась не столько восточными представлениями о красоте, сколько пристрастием к обильной жирной пище и сладостям. Их в гареме обожали, многие женщины-сладкоежки сами умели готовить изысканные кондитерские изделия, которыми обменивались с подругами. Сладостями из султанской кухни нередко наделяли отличившихся придворных, а в пятнадцатую ночь Рамазана тысячам людей раздавали пахлаву. Готовили здесь также сласти с лекарственными свойствами и варили ароматное мыло. К столу в Серале относились чрезвычайно серьезно и продуманно. Для султанских кухонь пригоняли овец самых ценных пород: кивирджик, карамай и курджак. За чистейшим снегом для приготовления шербета отправлялись обозы на гору Олимп, йогурты поставлялись лучшими молочниками, а сыр и брынза к «скромному завтраку» были только лучших, специальных сортов. Их готовили в серебряной посуде и доставляли только в султанский дворец.

ОПРАВА ДЛЯ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ СУЛТАНА

Покрывало как дымка, оно
Закрывает лицо лишь одно,
Но не скроет мне милой: у ней
Всего лучше глаза, а очей
Не скрыть дымке, как солнца лучей.

Гёте

Все без исключения женщины султана были красивы. За внешнюю привлекательность каждой новой обитательницы гарема отвечали евнухи, отбиравшие девочек-рабынь и относившиеся к этой своей обязанности с ответственностью, прямо пропорциональной каре, которая могла последовать за «некачественное приобретение». В соответствии же с идеалом восточной красоты, «ростом женщина должна быть как бамбук среди растений, лицо круглое, как полная луна, волосы темнее ночи, щеки белые и розовые, с родинкой, не отличающейся от капли амбры на алебастровой плите, глаза очень черные, большие, как у дикой лани, веки сонные или отяжеленные, уста небольшие, с зубами, подобными жемчужинам, оправленным в коралл, груди, подобные яблокам граната, бедра широкие, а пальцы постепенно сужающиеся, с ногтями, покрашенными ярко-красной хной». Подобная регламентация не означала, что все невольницы были темноокими брюнетками, многое зависело от личных пристрастий правящего владыки, а «Дом радости» предоставлял ему самые широкие возможности для выбора.

Обилие женщин со всех концов света, поставляемых в гаремы Турецкой империи, позволяли делать сравнения по национальным типам красоты и темпераменту. Знаменитый турецкий поэт Эндерунлу Фазиль-бей, известный своими полными эротизма произведениями, написал «Зенаннаме» (о женщинах), где отразилось представление османов об их красоте и нравах:

«**Индианки.** Их лицо, глаза и кожа темная, им нравится украшать стены картинками… Но секс с ними — неприятное занятие, потому что они фригидны.

Гречанки. Что за красота, что за очарование! Сказать по правде, обладать такой женщиной — великая удача. Они стараются любыми способами, пока не превратят своего любовника в полную развалину. Но у них дурной нрав.

Польки. Они замечательные, пылкие красавицы. Вы не можете оторвать взгляд от походки польки, от всей ее стройной фигуры. Польки имеют также приятный опрятный зад.

Британки. Когда их уста открыты, вы слышите песню соловья. Они хорошо сложены от природы и обладают прелестными лицами. Эти женщины страстно любят украшать себя и носят пышные наряды.

Австрийки. Это озорные ведьмочки с шелковистыми волосами и хрустальным тоном лица, очень капризны.

Испанки. Изысканные красотки Испании высокорослы и стройны. Их тела выглядят очень хорошо.

Француженки. Они — сама элегантность. Благодаря своей серебристой коже, женщины этой страны обладают приятным типом красоты. Они всегда одеваются изящно.

Персиянки. Великолепные особы с миндалевидными глазами. Изгибы их тел, их голос, их движения — очаровательное сочетание...»

В Великом Серале был представлен самый широкий спектр красавиц, каждая была хороша по-своему, но имелась и одна объединяющая черта: все без исключения придворные дамы носили роскошные наряды, и ни одну из своих женщин султан не видел дважды в одном и том же платье.

Одежда и украшения были предметом неустанных забот и самого ревностного внимания. По ним можно было определить положение в иерархической структуре гарема всех, находившихся на содержании падишахской казны женщин. Разработанный в XVI веке этикет предписывал для придворного цвет одежды, прическу и обувь, которую он должен носить в соответствии со своим рангом. Роскошнее всех были одеты, разумеется, самые высокопоставленные дамы — валиде, султанши и принцессы.

Влияние, которое приобретала фаворитка, давало столь много, что внешность женщины, а, следовательно, ее одежда имела подчас настоящее «стратегическое» значение, и приверженцы той или иной дамы проводили немало времени для обдумывания ее нарядов, прически и косметики, с помощью которых предстояло завоевать сердце повелителя. И возможности гарема были неисчерпаемы. Повелители османов не скупились, что было зафиксировано в дворцовых документах. Из них, в частности, можно узнать, что ежегодно для каждой из жен султана Баязида II (1451–1481) из казны отпускалось пятнадцать тысяч монет (акче), девять отрезов европейской ткани и две соболиные шкурки, а для дочерей также по пятнадцать тысяч монет, четыре отреза европейской ткани и две соболиные шкурки.

Женщины султана одевались со сказочной пышностью. Они носили одежды из бархата, тафты и атласа, расшитые золотыми и серебряными нитями, любили также сверкающую серебряную и золотую парчу. Великолепные ткани, используемые для одеяний и убранства комнат, чаще всего изготовлялись в дворцовых мастерских, а узоры, которыми они украшались, разрабатывались специально для султанского двора.

Не ограничиваясь богатыми возможностями турецких ткачей, закупали ткани для гарема в Европе, поступали они (как и готовая одежда) по дипломатическим и торговым каналам из Индии, Китая, Дальнего и Ближнего Востока. Мода менялась, но неизменными оставались роскошь и изысканность.

Каждая деталь костюма была тщательно продумана и призвана продемонстрировать достоинства той, которая его носит. Обязательное декольте

открывало прекрасную грудь, чью белизну или матовую смуглость оттеняло дорогое ожерелье, камни которого тщательно подбирались к оттенку кожи. Тело не обнажалось, но его соблазнительные линии искусно подчеркивались. Отличительной чертой всех женщин Великого Сераля была царственная осанка, отточенные движения, удивительная пластичность, и, разумеется, сексуальность, ибо вызывать желание у повелителя являлось их придворной обязанностью. Изящество восточных дам было непревзойденным, и сами они напоминали скорее произведения искусства, чем смертных женщин.

Литератор XVII столетия Синан Челеби в своих виньетках сумел передать удивительное очарование юных турчанок: «Две красотки, одна в лимонно-желтом, другая в розовом направляются в сторону зеленой лужайки очаровательной легкой походкой. Яшмаки их кристально чистые, щечки розовые, шейки что серебро, головки словно гиацинт. Они не боятся, что недобрый глаз упадет на них, их ножки в башмачках-чедиках делают мелкие шажки, будто идут прелестные голубки».

За модой в гареме зорко следили. Так, самыми популярными в XVI столетии были разноцветные платья с узорами в виде гвоздик, любили турчанки и наивный белый горошек на синем фоне. Сохранившиеся до наших дней придворные наряды той эпохи показывают, что все модные тенденции соблюдались. Роскошная обувь на высоких каблучках обшивалась золотом и серебром, а иногда инкрустировалась драгоценными камнями, верх чулок украшался жемчугом.

Тем, кто занимал особо высокое положение, дозволялось дополнить свой туалет весьма экстравагантным аксессуаром, и высокопоставленные дамы вешали на свои пояса кинжалы. Эта воинственная деталь могла быть ненавязчиво дополнена украшением, которое заменяло броню и, по слухам, иногда огромное колье из рубинов, плотно прикрывающее грудь, спасало жизнь своей владелицы от коварно нанесенного удара.

Часы, а иногда и целые дни, проведенные перед зеркалами, давали поистине ошеломительные результаты. Англичанин Томас Диллан, присланный к султанскому двору королевой Елизаветой с органом, который она подарила Мехмеду III (1595–1603), сумел увидеть через решетку гаремных красавиц. Вот как он описал их в книге «Долгие поездки и путешествия на Восток»: «На главе их шапки малые золотом шитые, самую макушку укрывавшие; на голой шее жемчуговые нити, до груди спадающие, да яхонты в ушах; на плечах кафтаны, как у ратных людей атласа красного и синего и другого цвета всякого с опоясом противного цвета; а снизу у них шаровары атласу белого, что снег белый, и тонкого, как муслин, сквозь который видеть кожу на бедрах можно было; на ногах башмачки бархатные четырех либо пяти дюймов высоты».

Любознательный Диллан увлекся открывшимся перед ним необыкновенным зрелищем и никак не мог оторваться от окна, пока сопровождающий его

турок, который сильно рисковал, допуская полюбоваться на женщин султана, не рассвирепел так, что «злые слова говорил и ноги пинал, дабы кончал я смотреть на них; жалко мне было уходить, так радостно глядеть мне было». Картина предстала воистину пленительная и можно понять жителя туманного Альбиона, который не мог оторваться от лицезрения восточных гурий.

Впрочем, вид невероятных по роскоши одеяний и ослепительных драгоценностей производил сильное впечатление и на женщин. Леди Мэри Монтэгю, первая из европеек посетившая гарем, так описывала в 1717 году украшения его обитательниц: «Пояс шириной самой широкой ленты, сплошь осыпанной бриллиантами. На шее три нитки бус, достигающие колен: одна — из крупного жемчуга и заканчивается изумрудом размером с индюшачье яйцо; другая состоит из двух сотен тесно нанизанных друг на друга изумрудов … каждый из которых размером с полукрону...» Одеяния юных принцесс были не менее великолепны: «два маленьких ангелочка в роскошных платьицах и все усыпанные бриллиантами».

Достоин внимания и великолепный наряд самой леди, в котором она посещала гарем султана и который дает представление о том, как одевались придворные дамы: «Главной деталью моего туалета являются шаровары, очень широкие, длиной до самых туфель... Они сшиты из розового дамаста с отделкой цветами из серебристой парчи. Мои туфли из белой лайки и расшиты золотом. Сверху на мне блузка из шелковой кисеи с вышивкой по краям. У блузки широкий рукав в три четверти, на шее она застегивается бриллиантовой пуговкой; сквозь нее хорошо проглядывается форма и оттенок груди. Далее — антеры, иначе — жилет по фигуре, белый с золотом с пуговицами из жемчуга или бриллиантов. Кафтан из того же материала, что и мои шаровары, практически то же, что и халат, только сшит строго по фигуре и длиной до пят с очень длинным прямым рукавом. Поверх всего надевается пояс в четыре пальца шириной с отделкой бриллиантами. Курдэе типа свободного халата, который носят или скидывают в зависимости от погоды; он шьется из дорогой парчи… на подкладке из горностая или соболя; рукава очень короткие, едва прикрывают плечи...»

Гаремные красавицы стремились покрыть себя драгоценностями с головы до ног, и выбор украшений был настолько широк, что некоторые придворные дамы отдавали предпочтение определенным драгоценным камням, приказывая обшивать свои платья и головные уборы только рубинами, изумрудами или сапфирами.

Особая любовь к драгоценностям наблюдалась в XVII столетии, и даже война с Венецией не смогла остановить поток ожерелий, браслетов и брошей, текущий от купцов во дворец. Тогда же головные уборы стали украшать пышным султаном и букетами золотых цветов, в середину которых вставлялся драгоценный камень. Снисходили иногда и к украшениям из живых цветов, но

все же предпочтение отдавалось золотым. По сообщению все той же бесценной свидетельницы леди Монтэгю, убранство головы придворных турчанок было чрезвычайно замысловато. Оно состояло «из шапочки, которую называют колпаком...» «Она носится на боку, чуть сдвинутой назад, крепится ободком из бриллиантов или богатым платком, — продолжает Мэри Монтэгю. — С другого бока голова гладко причесана... одни прикалывают цветы, другие плюмаж из перьев белой цапли... но чаще всего — драгоценные камни в виде букетика из цветов: ландыши из жемчуга, розы из рубинов разных оттенков, бриллиантовый жасмин, нарцисс из топаза и прочее. Все это так искусно оправлено в эмаль, что трудно вообразить более прекрасное изделие. Волосы, заплетенные в косы, откидываются назад и украшаются жемчугом и лентами, которые вплетаются очень густо ...»

Цвета и их сочетания в одежде были самые разнообразные. В одном альбоме, относящемся к началу XIX века, придворная дама изображена в наряде с глубоким декольте по моде предыдущего столетия, длинными рукавами, под маленьким шелковым платьем с желтыми узорами виднеются зеленые шаровары. Воротник, рукав, локоть и края покрыты желтой лентой, а подкладка зелёной накидки с короткими рукавами розового цвета. Талия перетянута розовым ремнем с зелёной пряжкой, украшенной драгоценностями; под платьем виднеется прозрачная муслиновая сорочка. На голове розовая шапочка — хотоз, украшенная бриллиантовой звездой, на лбу зелёный платок, завязанный на затылке. Черный цвет, вероятно из-за пристрастия к нему христиан, был у османов самым непопулярным.

Но свои яркие экстравагантные наряды и изысканные украшения турецкие красавицы могли демонстрировать только за стенами гаремов. На улицу они выходили в однообразных длинных бесформенных балахонах — фераджах. Это производило самое тягостное впечатление на европейцев, у которых подобные мрачные фигуры вызывали стойкие ассоциации с привидениями. Лицо вне дома требовалось закрывать чадрой — яшмаком, которую были обязаны надевать после первой менструации девочки. Яшмак — прозрачную завесу из двух кусков тонкого муслина — женщины гарема стали носить после завоевания Константинополя в 1453 году. До этого надевалась полотняная маска с двумя вырезами для глаз. Руки до XIX века не скрывались. Но затем демонстрация этой невинной по европейским понятиям (и самый соблазнительной по мусульманским) части тела была сочтена предосудительной, и руки стали прикрывать перчатками.

Впрочем, запреты, как всегда, только подстегивали женскую изобретательность. «Впервые попав на Восток, поначалу я никак не мог взять в толк, чем так притягательна для всех та таинственность, которой окутана лучшая половина человечества Востока. Но и нескольких дней было достаточно, чтобы понять, что если женщина видит обращенное на нее внимание, то она

всегда найдет способ показать себя, если она красива» (Жерар де Нерваль. Путешествие на Восток).

Это высказывание подтверждает другая путешественница. Джулия Пардо так описывает закрытые лица женщин: «Под тонкой белой чадрой я могла видеть не только хотозы ослепительной красоты, украшенные розами и инкрустированные бриллиантами, но даже цвет губ». Она также пишет, что в XIX веке в Стамбуле эту чадру из муслина, оставлявшую открытой глаза и нос, надевали поверх хотоза и под фераджу, но «она была настолько тонкой, что были заметны даже бриллиантовые булавки на головном уборе».

В том же столетии с приходом к власти либеральных султанов Селима III и Махмуда II начинается европеизация, коснувшаяся всех сфер жизни Османской империи. Женщины, очень быстро и чутко реагировавшие на все преобразования, тут же меняют свои наряды, и традиционные восточные одежды на приемах во дворце начинают мирно соседствовать с европейскими платьями.

Неизменной остается любовь к обилию украшений, и в этом переломном столетии головной убор дополняют заколки в виде все той же гвоздики, птиц, пчел, цветов, лукума и полумесяца со звездой, но самое модное украшение — в виде изящной бабочки, а самые популярные камни — изумруды. Грудь, не остающуюся без ожерелий, начиная с XIV столетия, продолжают отягощать тяжелыми колье из жемчуга с изумрудом посередине, в ушки модницы вдевают изумрудные серьги, на руках переливаются широкие браслеты и перстни с этими зелеными камнями.

Нововведения сторонницы реформ искусно использовали, чтобы подчеркнуть свои достоинства и, по словам очевидцев-иностранцев, происходил процесс, обратный предписанному правилами, когда девушки должны были носить чадру туго завязанной, а пожилые женщины могли приоткрывать лицо. Теперь молодые показывали себя во всей красе, а старые, чтобы скрыть морщины, тщательно закрывали лицо чадрой. Последняя повязывалась столь искусно, что некрасивые казались прекрасными.

Входят в моду чисто европейские вещицы. У женщин в руках появились маленькие изящные зонтики, гармонирующие с одеждой. Дочь придворного врача доктора Исмаил Паши, композитор, поэтесса и писательница Лейла Саз (1850–1936) являлась очевидцем конца Османской империи и начального периода республики. Прожившая при дворе нескольких султанов, она пишет в своих воспоминаниях, что женщины носили просторные фераджи прямого покроя с белой в горошек подкладкой из ткани, называемой «сандал». А о чадре она говорит следующее: «Часть чадры, называемая «ичлик», шириной в одну пядь, украшенная по углам кружевами и сложенная вчетверо, закрывала лоб, виски и головной убор, завязывалась на затылке. Другой конец в сложенном виде спадал до пояса».

После 1872 года помимо фераджи начали носить паранджу, моду на которую ввели женщины, прожившие долгое время в Аравии. Затем последний владелец Великого Сераля султан Абдул-Хамид II (1876–1909) ввел ее ношение официально. Прелести паранджи мгновенно оценили предприимчивые любовники, которые проникали под ее прикрытием в гаремы, и... криминальные личности: вооруженные преступники в парандже входили в дома и грабили перепуганных хозяек. Ношение паранджи продержалось недолго, до 1892 года, и было запрещено новым указом султана.

Но поистине «эпохальным» явился для гарема визит в Турцию французской императрицы Евгении. Платья самой стильной дамы Европы, сшитые у знаменитого модельера Ворта, произвели чрезвычайно сильное впечатление на женщин султана и турецких аристократок, взявших красавицу Евгению за образец для подражания. Стамбул охватила настоящая франкомания. И турецкие красавицы начали одеваться подобно героиням модных французских писателей, романами которых они зачитывались. Султанши начинают шить свои наряды у портных, находящихся за пределами дворца, а затем заказывают их уже в Париже, ориентируясь на каталоги с описанием и образцами тканей, также полученные оттуда. И в конце XIX столетия гарем уже одевался и причесывался по последней западной моде.

ЗВЕЗДЫ БОЛЬШОГО СЕРАЛЯ

Сложный мир гарема выковывал личности, которые по силе духа, бесстрашию и интеллекту могли бы встать в один ряд с самыми выдающимися правителями Востока и Запада. Незримые повелительницы оказывали влияние на султанов и почти полтора столетия управляли огромной империей. По иронии судьбы период женского «входа во власть» начался в царствование Сулеймана Великолепного (1520–1566), когда османы достигли наивысшей степени своего могущества. Начало этой тайной власти положила Роксолана, пленница с далекой Украины. Три столетия спустя, другая пленница, француженка Нахши-диль, впишет не менее яркую страницу в историю Большого Сераля. Жизнь этих женщин, выпавшая на эпоху реформ и оказавших немалое влияние на их развитие, представляла захватывающую, полную самых невероятных событий драму. Пленницы-христианки, попавшие в совершенно чуждую для них среду гарема, они боролись, сумели выжить, и были вознесены на немыслимую высоту.

Смешливая злодейка (Анастасия Лисовская)

Сулейман Великолепный правил империей сорок шесть лет, и в долгой жизни этого султана было все: триумфы, трагедии и великая любовь к загадочной Роксолане, известной еще как Хуррем-султан. Роксолана, или Анастасия Гавриловна

Лисовская, (ок.1506–1558) — его любимая, и по некоторым сведениям, единственная жена — родилась в Рогатине, небольшом городке на Украине в семье священника. Территория, на которой находился родной город будущей хасеки султана, постоянно подвергался опустошительным набегам крымских татар. Во время одного из них Анастасия была угнана в полон и являлась ***военной добычей***. Последнее, как и то, что безвестный крымский мурза не продал девушку, а, рассчитывая на определенные выгоды, подарил турецкому вельможе Рустем-паше, оказало решающее влияние на ее судьбу. В свою очередь Рустем-паша, разглядев особую прелесть в веселой, худенькой украинке, также не продал, а подарил ее своему повелителю султану Сулейману. Анастасия, полученная в дар, осталась свободной женщиной и, по законам Османской империи, могла стать женой султана, тогда как рабыня, даже принявшая ислам, — никогда.

Рустем-паша, получивший хорошее образование, дал красавице новое имя — Роксолана, под которым она и вошла в историю. Роксоланами в древности назывались сарматские племена, кочевавшие между Днепром и Дунаем, которых в Средние века многие считали прародителями славян. Юная пленница прошла в гареме традиционный курс обучения музыке, танцам, мусульманской поэзии и искусству любви. С этой чрезвычайно важной частью гаремной науки ее познакомили евнухи, осуществляющие особый эротический тренинг, и будущее показало, что юная пленница оказалась способной ученицей, а затем, вероятно, из-за ее веселого, независимого нрава, она получила еще одно имя — Хуррем-султан (смешливая госпожа).

Была ли Роксолана-Хуррем ослепительно красива, неизвестно. На сохранившихся портретах (хотя, возможно, они не смогли полностью передать ее очарование) можно увидеть женщину с правильными тонкими чертами лица, высоким лбом, пышными огненно-рыжими волосами и умным, немного отстраненным взглядом. Внимание повелителя она привлекла не сразу, но однажды, как написал личный биограф Сулеймана, «похаживая между черкешенками и грузинками, девушками, чья красота считалась классической, султан внезапно остановился перед нежным и милым лицом». «Он опустил взгляд на лицо, поднятое к нему, лицо без видимой красоты, но с искусительной улыбкой, — продолжает биограф, — зеленые глаза, затененные длинными ресницами, обращались к нему не только шаловливо, но и дерзко. И он, видевший столько взглядов, полных страсти, муки и унижения, неожиданно поддался тем смеющимся глазам девушки, которую в гареме назвали Хуррем. Платочек, легкий как паутинка, оставил он на плече той, которую скоро весь мир назовет Роксоланой». Так началось ее невиданное возвышение.

Хуррем была необычайно умна, очень одарена и, как ни странно, начитанна для своих пятнадцати — шестнадцати лет. Она быстро научилась хорошо говорить по-турецки, затем овладела другими языками и сознательно османизировалась. Дочь православного священника добровольно приняла ислам и

идеально вписалась в сложный и жестокий мир гарема. Вначале она стала фавориткой султана, а затем возвысилась до ранга его третьей жены — одной из самых влиятельных фигур «Дома радости». Своего первенца Хуррем назвала Селимом — в честь отца ее мужа, султана Селима I (1467–1520). Затем родила Сулейману еще трех сыновей и двух дочерей, еще более укрепив свои позиции на подступах к власти. Но наследником престола по-прежнему официально считался Мустафа — старший сын первой жены падишаха, красавицы-черкешенки Гюльбахар, родившей ему трех здоровых и крепких мальчиков. Трон должен был перейти к Мустафе, а это грозило смертельным приговором для сыновей Хуррем, которых Мустафа по установившейся традиции должен был уничтожить. И по страшным правилам гарема Гюльбахар и ее дети становились смертельными врагами Хуррем-Роксоланы. Впрочем, и сама черкешенка не была невинной, беззащитной овечкой. Прозвище Босфор-султан ей дали в гареме за любовь к прогулкам по Босфору, в который она приказывала бросать кожаные мешки с неугодными одалисками и их детьми. Борьба развернулась не на жизнь, а на смерть. Действовать Смешливая стала теми же методами, что и византийская царевна Зоя Палеолог, рассказы о которой она, вероятно, слышала в детстве в своем родном Рогатине. Византийка, вышедшая замуж за великого князя Московского Ивана III, методично и безжалостно уничтожала всех, кто мог помешать ее сыну Василию (отцу Ивана Грозного) взойти на престол. Анастасия-Роксолана вела свою интригу столь же неторопливо и изобретательно, одновременно стараясь сделаться все более и более желанной и необходимой своему повелителю. Она мечтала когда-нибудь стать валиде, пока же следовало добиться назначения наследником престола одного из ее сыновей. Это было необходимо не только для спасения жизни детей, но и для того, чтобы обезопасить свое собственное положение. В любой момент Сулейман мог увлечься новой красивой наложницей и сделать ее законной супругой, судьба же отвергнутой жены была печальна, а ее детей трагична.

В 1526 году произошла знаменитая ссора между Хуррем и Гюльбахар, значение которой казалось столь велико, что венецианский посланник написал о ней совету дожей. Разъяренная Гюльбахар не выдержала, увидев, как Роксолана победоносно шествует в спальню Сулеймана (не исключено, что та сознательно сделала это на виду у первой жены султана, дабы спровоцировать ее), бросилась на соперницу и начала яростно избивать ее. Лицо Хуррем сильно пострадало во время схватки, но ситуацию она сумела обернуть себе на пользу. Она закрылась в своих покоях, ссылаясь на изуродованное лицо, и отказывалась явиться на зов султана. Это был немыслимый для гарема акт непослушания, и Хуррем проявила редкостное бесстрашие, ибо рисковала жизнью. Еще свежа была память о Гюльфем, умерщвленной за то, что она продала свою очередь на постель к Сулейману (ходили слухи, что именно хитрая Хуррем, ревнуя султана к этой изумительно красивой, но глуповатой

наложнице, посоветовала ей совершить подобный безумный поступок). Но Роксолана-Хуррем продолжала упорствовать, лишая султана своих ласк и требуя, чтобы Сулейман объявил ее своей официальной женой, разделив с ней не только ложе, но и власть. И грозный повелитель империи покорился. Чтобы умилостивить Роксолану, он удалил Мустафу, назначив его правителем дальней провинции. Вместе с ним покинула гарем и Гюльбахар, отправленная вслед за сыном.

А затем, дабы подтвердить свою верность любимой, султан распустил гарем и женился на Роксолане, чего не делал до него еще ни один султан. Вот как описал это чрезвычайное событие англичанин Джордж Янг: «На этой неделе здесь произошло событие, какого не знает вся история здешних султанов. Великий повелитель Сулейман в качестве императрицы взял рабыню из России по имени Роксолана, что было отмечено празднеством великим. Церемония бракосочетания проходила в Серале, чему посвящались пиршества размаха невиданного. Улицы города по ночам залиты светом и всюду веселятся люди. Дома увешаны гирляндами цветов, всюду установлены качели, и народ качается на них часами. На старом ипподроме построили большие трибуны с местами позолоченной решеткой для императрицы и ее придворных. Роксолана с приближенными дамами наблюдала оттуда за турниром, в котором участвовали христианские и мусульманские рыцари; перед трибуной проходили выступления музыкантов, проводили диких зверей, включая диковинных жирафов с такими длинными шеями, что они доставали до неба... Об этой свадьбе много ходит разных толков, но никто не может объяснить, что все это может значить».

Войдя во власть, Роксолана решила более не рисковать и силой своего влияния возвела в норму физическое устранение всех принцев крови кроме наследника. До нее это случалось, но не являлось обязательным. При Роксолане были убиты все принцы крови. Укрепив свою власть, хасеки султана подчинила свою жизнь двум задачам — борьбе за место рядом с повелителем и выработке строжайшего этикета гарема и всего двора. И преуспела в этом, как собственно во всем, за что бралась. Впрочем, некоторые из правил были нелепы и жестоки, как, например, то, что выходы из покоев первой жены вели в султанскую казну, дворцовую тюрьму, а оттуда в глубокие воды Босфора. Почти три века давлел этот жестокий этикет над обитателями «Дома радости», пока Накши-диль не ввела обычаи, олицетворявшие новое время.

Великий же Сулейман теперь полностью попал под влияние своей прелестной, умной и жестокой жены. «Единственным изъяном в характере Сулеймана является его чрезмерная преданность жене», — писал посланник Габсбургов.

Бассано Да Зара, автор книги «Костюм и мода в Турции» (1565) писал по этому поводу: «Он так ее любит и так ей верен, что все только диву даются и

твердят, что она его заворожила, за что и зовут ее не иначе как жади, или ведьма. По этой причине военные и судьи ненавидят ее саму и ее детей, но, видя любовь к ней султана, роптать не смеют. Я сам много раз слышал, как кругом клянут ее и ее детей, а вот о первой жене и ее детях отзываются добром».

Послы европейских держав, описывая «извращенную» по восточным понятиям моногамность султана, одновременно способствовали повышению его авторитета у своих повелителей. Факт жизни Сулеймана с одной женой (из христианских народов) имел определенное и весьма серьезное значение. И цель мудрого правителя османов — стать легитимным и уважаемым всеми монархами Европы правителем была достигнута. Но любимая и своенравная жена Сулеймана все не могла успокоиться. Ей хотелось быть единственной не только в сердце султана, но и во власти, и пока были живы люди, имеющие влияние на ее мужа, она не чувствовала себя вполне счастливой. Одной из жертв жестокой Роксоланы стал близкий друг султана Ибрагим, с которым Сулейман не разлучался во время военных походов. Ибрагим служил ранее сокольничим при султане, потом был назначен правителем Румелии и, наконец, стал главным визирем и дамадом — мужем родной сестры султана Хатидже. Но однажды визирь не проснулся, он был задушен во сне. Никто не сомневался, что приказ исходил от Роксоланы, но доказательств не было, открыто же обвинить беспощадную хасеки не смели. Другим врагом, имеющим влияние на султана, был благодетель Роксоланы, умный, талантливый и скромный Рустем-паша. И Роксолана вновь начала неторопливо и методично плести интригу. Ее дочери исполнилось двенадцать лет, и она решила выдать ее замуж за... Рустем-пашу, который был на сорок лет старше своей невесты. Но и жених был не плох. Он пользовался влиянием при дворе, был близок к трону и, самое главное, являлся наставником и другом наследника престола Мустафы, который успешно правил в своей провинции — Амасье.

Казалось, что Роксолана рада, наконец, отблагодарить Рустем-пашу за то, что он когда-то ввел ее во дворец султана, и была столь убедительна в своем притворстве, что старый царедворец попался на удочку. Дочь Роксоланы в полной мере унаследовала очарование своей матери, и Рустем-паша был безмерно счастлив оказанной ему честью. Но прелестная девушка оказалась игрушкой в руках своей матери. Всего через год после свадьбы Смешливая нанесла смертельный удар и Рустам-паше и Мустафе. Ловко собрав с помощью дочери нужные ей сведения, она представила «бесспорные доказательства» измены султанского зятя — данные о заговоре Рустем-паши и Мустафы с целью свержения султана.

Рустем-пашу подвергли жесточайшим пыткам и обезглавили, а по базарам побежал шепот, что его обезглавленная голова, выставленная на всеобщее обозрение у ворот Топкапы, шептала запекшимися от крови губами: «Хуррем».

Вскоре погиб и Мустафа — умный и способный молодой человек, которого любили и в народе, и в армии. Любил своего первенца и сам Сулейман. Но Роксолана, умело играя на извечном страхе султанов потерять власть и жизнь, восстановила отца против сына, что и привело их к сражению. Желая избежать трагедии, Мустафа один, без оружия и охраны бросился к шатру отца. Он вбежал в шатер султана и миновал четыре его комнаты, но, когда вступил в пятую, палач остановил его, затянув на шее шелковый шнурок. Быстро ушли из жизни братья Мустафы, Мехмед и Мурад, сошла с ума от горя и скончалась их мать — черкешенка Гюльбахар. Долго оплакивал Сулейман своего любимого сына, а Смешливая ликовала под дикие крики евнухов из окружения Мустафы и Рустем-паши, которых она приказала кастрировать вторично. Казалось, ничто уже не могло помешать безраздельной власти хасеки над Сулейманом. Но возмутилась мать султана, грозная Хамсе-султан, происходившая из рода крымских ханов Гиреев. Она явилась к Сулейману и, высказав все, что думает о «заговоре», казнях и любимой жене сына, потребовала остановить ее. Нет ничего удивительного, что после этого валиде Хамсе прожила всего месяц.

Стамбул застыл от ужаса. В шумных кофейнях обсуждали все, что угодно, но только не Хуррем. Всюду были ее глаза и уши, а слишком смелых в своих высказываниях о хасеки убивали на месте.

В 1541 году в Старом дворце, где размещался гарем, случился пожар, и Роксолана, как всегда, сумела обернуть ситуацию себе на пользу. Вместе со всем своим окружением она перебралась в Новый дворец, куда до этого женщинам ходу не было. Здесь она уже была постоянно возле Сулеймана и в непосредственной близости от центра власти империи. Так началась эпоха Правления женщин.

Когда же Сулейман объявил Хуррем о своем желании построить для нее отдельный дворец, ей пришлось пережить немало тревожных минут. Это грозило отдалением от султана и его уходом из-под контроля. И Хуррем выступила с встречным предложением: пусть талантливый архитектор всех времен и народов Синан построит мечеть имени Сулеймана. Султана захватила эта идея, в результате которой появился архитектурный шедевр-мечеть «Сулеймание».

Хуррем осталась рядом со своим повелителем, одержав очередную победу. И все же в одном она не преуспела. Любимая жена султана не смогла дать Сулейману и империи достойного наследника. Четыре сына было у Хуррем, один из них умер в детстве, а из оставшихся она выбрала самого мягкого по характеру, Селима, что, по мнению матери, должно было стать залогом того, что он пощадит своих братьев. Не смущало Хуррем и то обстоятельство, что Селим, боявшийся смерти, заглушал свой страх вином. Проявляя несвойственную ей слабость, она потворствовала пороку сына, надеясь, что подобным недостойным способом Селим сумеет облегчить свои душевные

муки. Потом, став султаном, за свое пристрастие к горячительным напиткам Селим II Сары, или Рыжий (1566–1574) получил в народе вполне заслуженное прозвище Селим-пьяница.

Роксолана умерла в 1558 году. Ей так и не удалось стать валиде и вкусить прелесть абсолютной власти, но зато она не дожила и до той роковой минуты, когда брат пошел на брата, а отец — на сына. Не стала Смешливая свидетельницей борьбы Селима и другого ее сына Баязида за трон и не узнала, что Сулейман убьет Баязида и его детей (своих внуков). По странному совпадению любимой женой Баязида, как и его отца, была женщина из славянских земель, и бежать от гнева отца он хотел к московитам.

Легендарный Сулейман скончался на семьдесят четвертом году жизни, на его правление пришелся военный экономический и культурный взлет империи, простирающейся от Будапешта на Дунае до Асуана у Нильских порогов и от Евфрата почти до Гибралтарского пролива. Прозвание же Великолепный, которым Сулеймана удостоили в Европе, было тем более заслуженным, что получил он его в век поистине великих монархов — Карла V Испанского и Елизаветы I Английской. Но у выдающегося правителя могла быть только достойная его подруга, и Роксолана, которая тридцать два года была рядом с Сулейманом и, по мнению современников, руководила им, без сомнения, являлась личностью исключительной. Из исторических хроник и сообщений западных дипломатов известно, что любимыми собеседниками Роксоланы-Хуррем были великий зодчий Синан и поэты Хыяли и Зати. Не чужда творчества была и сама Роксолана. Сочинение стихов являлось излюбленным занятием женщин гарема, они передавали свой поэтический дар детям, и из тридцати четырех султанов одиннадцать были талантливыми поэтами. Сулейман также сочинял стихи, и супруги часто обращались друг к другу с поэтическими посланиями, в одном из которых Смешливая обратилась к Сулейману: «Позволь Хуррем быть принесенной в жертву за один волосок из твоих усов».

Рокосолана-Хуррем понимала значение торговли и способствовала ее развитию. Она активно поощряла первое торгово-дипломатическое соглашение Турции и Франции, содействовала созданию особого торгового клана — «купцы дворца», который специализировался на поставках западных товаров. С ее помощью были расширены причалы в торговом квартале Галата, и в Золотой Рог теперь могли входить суда до 500 тонн водоизмещением.

Хуррем проявляла интерес и к географии, и в частности, к трудам выдающегося османского мореплавателя Пири Реиса, который показал в своих картах Антарктиду, открытую через триста лет русскими моряками.

Кем была эта женщина? Хладнокровной злодейкой или жертвой гарема, ставшей жестокой поневоле, в процессе свирепой борьбы за выживание? История «Дома радости» темна и загадочна, и ответить на этот вопрос невозможно. Со смертью Роксоланы-Хуррем женское влияние на ее овдовевшего

мужа не прекратилось. Место матери заняла ее дочь Михрима и внучка Айше Хумашах. Именно к их советам стал прислушиваться Сулейман, принимая решения, а после смерти этого великого правителя султаны замкнулись в стенах своего «малого царства», оставаясь одновременно его повелителями и заложниками. Женщины, с которыми они стали проводить все свое время, сумели воспользоваться ситуацией и усилили свое влияние. И с 1603 по 1687 год силою обстоятельств вся реальная власть оказалась в руках гарема, откуда женщины стали руководить империей.

Прекраснейшая (Эме де Ривери)

История другой легенды Дома османов, Эме де Ривери, или Нахши-Диль, еще более таинственна, полна странных мистических совпадений, предсказаний и неожиданных поворотов судьбы.

Эме родилась на острове Мартиника в 1763 году в семье родовитого богатого дворянина, чей род вел свое происхождение от норманнских рыцарей. От этих далеких предков девочка унаследовала северную красоту и непреклонную силу воли, а влияние прекрасного южного острова сказалось на ее характере — по-креольски жизнерадостном и предприимчивом. Там же, на Мартинике, жила ее очаровательная кузина Жозефина Мари Роз Ташер да ла Важери. Однажды, прогуливаясь в сопровождении слуг, девочки зашли к местной колдунье и попросили предсказать им судьбу. Предсказание, развеселив юных аристократок, превзошло самые смелые ожидания: обеим была обещана корона. Эме она ожидала на Востоке, Жозефину Мари Роз — на Западе.

По традиции образование, достойное родовитой дворянки, юную Эме отправили получать во Францию, в монастырскую школу в Нанте. И кузины расстались, чтобы никогда более не увидеться. Жозефина Мари Роз через какое-то время превратится в Жозефину и станет императрицей Франции. Ее кузине Эме выпадет еще более фантастический жребий.

В 1784 году, закончив обучение в монастырской школе, Эме на корабле возвращалась из Франции на Мартинику. Неудачи преследовали путешественницу с самого начала. Сперва судно попало в шторм, а затем она сама — в руки пиратов. Алжирский дей*, к которому была привезена живая добыча, сразу же оценил ее редкостную ценность, но оставить у себя не посмел. Его первая жена, испанка Фатима сообщила, что информация о красавице поступила в Большой Сераль, и было бы гораздо лучше, да и безопасней подарить ее султану, который сумеет оценить степень принесенной деем жертвы. Испанка говорила правду, «запрос» из Большого Сераля об Эме уже поступил, но,

---

* *Дей — правитель Алжира, находившегося в то время под властью Османской империи, избиравшийся пожизненно советом янычарских офицеров.*

возможно, она сама несколько торопила события. Задерживать подобную красавицу на глазах мужа в гареме не хотелось...

Но, так или иначе, вскоре Эме, охраняемая ротой янычар, была доставлена в «Дом радости», и его двери захлопнулись, навсегда отрезав девушку от прежней жизни. Француженка оказалась в незнакомом мире, о нравах которого она знала только по слухам, а они не обнадеживали. Что должна была ощутить эта лучшая выпускница монастырской школы, оказавшись в совершенно чуждой ей среде, не зная ни языка, ни обычаев, представить сложно. Но в гареме у Нахши-Диль или Прекраснейшей (именно так стала там именоваться Эме), оказалась могущественная покровительница. Именно она потребовала отправить Эме в Стамбул, но приказ могущественной дамы не был вызван желанием пополнить гарем новым редким «экземпляром». В дело вмешалась большая политика, и юная француженка должна была стать ее орудием.

Почти за двадцать лет до прибытия Эме в гарем, туда была доставлена юная грузинка, дочь священника — дивная красавица с гибким, упругим телом и огромными темными очами. Как и Эме ее похитили, но, в отличие от случайного пленения француженки, это было продумано и осуществлено по заказу гарема. Абрекам было поручено найти девушку, достойную стать женой Мустафе III (1757–1773). Надежды традиционно возлагались на Кавказ, и Михри-шах (Лунноликая), так стали называть грузинку, их полностью оправдала. Она обладала недюжинным умом, железной выдержкой и присущим жительницам Гюрджистана (Грузии) независимым нравом. Последнее внушало надежду ее соперницам. Независимость в гареме каралась, и все ожидали скорого падения горянки. Но гордость Лунноликой в сочетании с дивной красотой и изумительным искусством любви, которое она быстро освоила, пленила повелителя. Она не только выжила, но сумела стать любимой женой Мустафы и родила ему наследника престола — Селима, будущего султана-реформатора (1789–1808). Влияние Михри-шах и ее положение было настолько прочным, что после смерти мужа новый султан Абдул-Хамид I (1773–1789) оставил ее при дворе — случай небывалый в истории «Дома радости». Абдул-Хамид был немолод, после смерти на престол должен был взойти Селим, а Михри-шах стать валиде. Но Селим был бесплоден и следовало срочно найти женщину, которая могла бы дать наследника, способного выполнить возложенные на него цели. Они были поистине великими, определяя дальнейшую судьбу империи.

На рубеже XVIII–XIX веков Турция переживала затяжной упадок и искала пути к возрождению. Османская империя нуждалась в реформах, провести в жизнь которые мог только очередной султан, с новым взглядом на мир и империю. Дать такого султана-реформатора, ориентированного на Запад, мог только гарем, и Эме, представительница Европы, стала новой надеждой Дома Османов. Действовать Михри-шах и ее единомышленникам следовало незамедлительно и чрезвычайно осторожно. До укрепления позиций наследника

Селима и его молодых друзей, начавших долгий путь к реформам и сближению с Западом, следовало продлить жизнь правящему султану Абдул-Хамиду. Шестьдесят лет — немалый возраст для правителя, а достигший его Абдул-Хамид богатырским здоровьем не отличался.

Другая задача реформаторов — противостоять влиянию на султана со стороны первой жены султана красавицы Айше, прозванной Черный Янтарь, представительницы знатнейших свободных и воинственных курдских кланов, сын которой, маленький Мустафа, уже начал поражать своей жестокостью даже видавших виды придворных. Впрочем, его мать Айше считала эту черту необходимой для будущего правителя, не только не находя ничего предосудительного в том, что мальчик душил дворцовых кошек, но даже поощряла его.

Необходимо было успеть зачать будущего султана, а для этого Эме должна была пленить пресыщенного и уже уставшего от обилия гаремных красавиц Абдул-Хамида. Следовало в кратчайшие сроки освоить сложную гаремную науку, и Эме с ее богатой европейской культурой и решительностью потомка рыцарей-завоевателей справилась со своей сложнейшей задачей блестяще. Впрочем, так, как Прекраснейшую, в гареме готовили только избранных, да и сама она училась с усердием и страстью, сделавшими ее первой ученицей в монастырской школе. Стремление быть первыми во всем отмечалось у обеих честолюбивых кузин, которые были к тому же и необыкновенно удачливы. Жозефина, заключенная во время Французской революции как аристократка в тюрьму, чудом спаслась от гильотины. Эме много лет спустя также чудом избежала смерти во время захвата власти Мустафой. Пока же она жила, спрятанная в глубине гарема, постигая сложное искусство телесного и духовного очарования немолодого и пресыщенного султана. Курс обучения включал турецкий язык, персидскую поэзию, музыку, танцы и многое другое. Это другое носило столь пикантный характер, что Михри-шах должна была проявить весь присущий ей такт, гибкость и дипломатический талант, объясняя бывшей невинной монастырке ее задачи и пути их достижения. К юной Эме были приставлены самые опытные учителя, с помощью которых ей следовало постичь главную науку гарема — искусство изысканной эротической игры. Наконец, когда ее сочли готовой пленить султана, состоялась их встреча, время для которой выбирали с помощью астрологов и врачей. И на сочельник декабря 1784 года был зачат будущий Махмуд II.

Первый вечер с властелином, ощутившем в себе невиданную мужскую силу, был днем победы Прекраснейшей. Она совершенно очаровала Абдул-Хамида изысканной грацией, прекрасными манерами и умением развлечь не утомляя. Эме уже владела турецким, могла читать на память стихи персидских поэтов, пела и аккомпанировала себе на гитаре и... владела своим собственным «стилем» любви. И ночь, проведенная с султаном, закрепила ее успех. Когда же сдержанная, державшаяся со спокойным достоинством золотоволосая

Нахши-Диль полностью вытеснила из сердца (и чресл) султана страстную Айше, то и нажила себе смертельного врага. Неистовая Черный Янтарь не могла понять, как сумела эта невозмутимая, такая холодная на вид особа завоевать любовь ее Абдул-Хамида. Ответ дали евнухи, знавшие все тайны гарема и поделившиеся ими (за немалую мзду) с европейскими дипломатами. Особый «стиль» Эме был создан ими в противовес мощному натиску неистовой Айше, от которого уже начал уставать стареющий султан. Эме же овладела умением ненавязчиво возбуждать желание и дарила наслаждение с нежной виртуозностью. Превосходно освоившая таинственную и неотразимую силу ароматов, легких прикосновений и шепота, она усовершенствовала «любовное мастерство» собственным (или евнухов) изобретением — эротическим массажем ручными и ножными браслетами со специально ограненными рубинами и изумрудами.

Страсти в гареме накалились до предела, когда стало известно, что «Звезда Севера» (второе имя Эме в гареме) забеременела. Михри-шах усилила ее охрану, но смерть могла настигнуть Прекраснейшую в питье, еде, неожиданном ударе кинжала. Именно тогда ей подарили «броню» — ожерелье из рубинов, плотно закрывающее шею и грудь, которое было велено носить не снимая. К страху будущей матери потерять жизнь свою или ребенка примешивалась тревога Михри-шах и Селима. Если бы у Прекраснейшей родилась девочка, все надежды пошли прахом. Но удачливая Эме подарила империи в июле 1785 года сына и стала любимой женой Абдул-Хамида.

Старый султан угас в апреле 1789 года. На трон взошел Селим, полюбивший своего маленького смышленого племянника как сына. Новый султан питал пристрастие к Франции, и француженка Нахши-диль стала его негласным советником и верным другом. Но либеральные нововведения Селима не пришлись по вкусу приверженцам старого. В мае 1807 года религиозные фанатики во главе с сыном Айше Мустафой ворвались во дворец, свергли с трона, заключили в кафесе (а впоследствии убили Селима III). Заговорщики хотели также убить и Махмуда, но находчивая Эме успела спасти сына, спрятав его в печке. На престол взошел сын Айше Мустафа, но, к счастью для империи, его правление длилось всего несколько месяцев (более долгое ввергло бы Турцию в кровавую гражданскую войну).

Следующим султаном стал сын Эме Махмуд II (1808–1839), которого прекрасно воспитала и подготовила к власти мать. Подобно Михри-шах, она действовала тактично, осторожно и мудро. Ее Махмуд, европейски образованный, говоривший на французском языке, как на родном, и впитавший помимо восточной культуры западную, остался истинным сыном османов и вошел в историю как величайший из султанов. Он завершил реформы, начатые его предшественником (их авторство приписывалось Эме), стал вдохновителем новых

и во многом определил систему государственного управления, позволившую Турции возродиться на новой основе после падения Османской империи.

В правление Махмуда II развивалась наука, строились медресе и школы, началось производство невиданных товаров, окрепли торговые и дипломатические связи с Европой. И, разумеется, с Францией, императрицей которой была его тетушка Жозефина. Кузины начали обмениваться письмами и подарками во время похода Наполеона в Египет (1798–1799). Султанша Нахши-диль с нетерпением ждала вестей от Жозефины и знала обо всем, происходящем во Франции, в том числе и о разводе императора с ее сестрой. Прощать в гареме не умели и по странному совпадению тогда же резко ухудшились турецко-французские отношения…

Империя османов вступила в эпоху перемен, во многом определивших ее дальнейшее развитие. Та же, кто во многом явилась их вдохновительницей, жила в роскошных покоях, обставленных в стиле рококо, пользуясь всеобщим уважением и наслаждаясь тихой, спокойной жизнью. Впрочем, Нахши-диль продолжала стараться быть в курсе событий, происходящих в мире, и с удовольствием принимала жен иностранных дипломатов и путешественников. Один визит был ей особенно приятен. В 1815 году султаншу навестила экс-королева Голландии Гортензия, дочь Александра Богарне и Жозефины, жены императора Наполеона, с маленьким сыном Луи-Наполеоном. Красавица-хозяйка радушно приняла племянницу и подарила мальчику драгоценный кинжал, который он будет хранить как талисман.

Луи Наполеон Бонапарт, ставший императором Наполеоном III, посетит Стамбул во время Крымской войны (1853–1856). Там он встретится со своим кузеном, внуком Эме султаном Абдул Меджидом (1839–1861). Беседа двух суверенов будет протекать очень живо, так как в интересах и вкусах обоих (возможно из-за общих предков) обнаружится много схожего. Наполеон посетит и место последнего упокоения Прекраснейшей, где, удивив непосвященных, преклонит перед надгробием колено.

А «Звезда Севера», хоть и приняла ислам, как того требовали правила гарема, в душе оставалась христианкой. В Нанте процветал на анонимные щедрые подношения монастырь, где когда-то училась Эме, а перед смертью она попросила привести к ней католического священника. Султан Махмуд не смог отказать матери в ее последней просьбе, и она ушла из жизни по закону своих предков — исповедовавшись и причастившись.

ТАЙНОЕ ОРУЖИЕ ГАРЕМА — «ЖЕНСКИЙ КОРАН» (ПЕРСИЯ)

Персидская монархия просуществовала более 2500 лет, и ее властители имели гаремы, поражающие количеством своих обитательниц. Именно в эпоху персидских царей династии Сасанидов получили наибольшее распространение «классические» гаремы», и самый крупный из них был у царя Хосрова I (531–579), где, по некоторым сведениям, находилось около 1200 женщин. Но в 651 году империя Сасанидов была завоевана мусульманами, и персы приняли ислам, ограничивший количество жен (но не наложниц) до четырех.

Особенностью брака, заключаемого в Персии мусульманами-шиитами*, являлось его деление на постоянный и временный (мут'а), когда заключался контракт с женщиной «отдававшей страсть свою на служение такому-то за сумму такую-то, на срок такой-то».

Срок контракта мог длиться от нескольких часов до девяноста девяти лет, и объясняли происхождение этого обычая воинственным нравом жителей страны, часто отправлявшихся в длительные походы. «Постоянных» жен из гаремов было не принято брать с собой, и темпераментные персы заводили себе на чужбине временных. Иногда этим обычаем пользовались путешественники-европейцы, и в каждом крупном городе имелся неиссякаемый «запас» жен на временное выданье.

Временные жены (сига) пользовались меньшими правами, чем постоянные (агда), и их количество, в отличие от последних, не ограничивалось четырьмя. Мут'а был удобен как для бедняков, позволяя им не тратиться на свадьбу и вознаграждение (махр), так и для богатых, давая возможность пополнять свои гаремы не только невольницами, но и свободными девушками из бедных семей. Возможностью устроить свою жизнь с помощью временного брака пользовались и женщины, которым трудно было вступить в постоянный союз: разведенные, вдовы и перезрелые по персидским понятиям девы.

** Шиизм — одно из направлений в исламе наряду с суннизмом зародился в VII веке в арабском халифате, как группировка, выступающая в защиту прав Али и его потомков от Фатимы (дочери Мухаммеда). Наиболее благоприятной почвой для его распространения стал Иран (где на него существенное влияние оказал зороастризм).*

Затворничество женщин было распространено в основном в знатных, аристократических семьях, так же, впрочем, как и многоженство, которое являлось привилегией богатых, способных достойно обеспечить своих женщин и рожденных от них детей. Рабство, существовавшее в Персии очень долго, пополняло гаремы неограниченным числом невольниц, чье сожительство с господином считалось законным. Были законными и рожденные от него дети, и старший из сыновей наследовал половину имущества, независимо от того, рабыня его мать или законная жена.

Невольницы, не обладая правами жен, получали их (но ограниченными), если от связи с хозяином рождался ребенок. Пока были живы дети рабыни от господина, она именовалась «умм валад», мать ребенка, и не могла быть продана другому владельцу, а после смерти хозяина получала свободу. Сыновья и дочери от этих союзов были свободны, и происхождение от рабыни-христианки в дальнейшем никак не влияло на их положение в обществе и авторитет. Хозяин, предварительно даровав своей невольнице свободу, мог осчастливить ее законным браком.

Для многочисленных обитательниц гаремов знати строились дворцовые комплексы с тенистыми садами, просторными банями, бассейнами и хозяйственными помещениями. В распоряжении женщин находился большой штат прислуги, а распоряжались всем этим огромным хозяйством евнухи, функции которых были чрезвычайно разнообразны и включали в себя управление всеми делами дома (дворца). В руках евнухов находились ключи от кладовых, через них проводилась закупка всех необходимых товаров, они вели бухгалтерию своего господина, ведали его казной, управляли прислугой и выполняли поручения (в том числе и самые интимные), а также охраняли его жен и наблюдали за их добродетелью.

Евнухи играли важную роль и при дворе шаха, и насколько страшны могли быть эти скопцы, свидетельствует судьба грозного Ага-Мохаммед-шаха, проведшего всю свою жизнь в войне и основавшего династию Каджаров*.

О жестокости этого евнуха помнил сожженный им в 1795 году Тифлис (современный Тбилиси), где всем изнасилованным женщинам подрезали поджилки под правым коленом, чтобы память о бесчестии осталась на всю жизнь, а при взятии еще одного города грозный евнух приказал поставить у ворот весы. На них взвешивались выколотые у всех мужчин глаза. Ага-Мохаммед был мал ростом, сморщен и широкозад, как женщина, злопамятен, безжалостен и талантлив. От полного разгрома Грузию спасла его неожиданная и бесславная смерть. Знаменитого полководца зарезали во сне собственные слуги.

---

* *Каджары — династия в Персии, правившая в 1796–1928 гг.*

Чем знатнее был господин, тем жестче соблюдалось затворничество его женщин. Жены и наложницы аристократов могли покинуть свой дом только для посещения родственниц или следуя за своим мужем (господином) при переезде в летнюю резиденцию. Передвигаться пешком считалось для них недостойным, и свой путь они совершали на верблюдах в прикрепленных к спинам животных специальных плетеных кабинках (кеджавах).

Самым закрытым был шахский дворец, проникнуть в который могли только наиболее приближенные к властителю особы, но для родственниц и подруг его женщин двери были открыты. Наибольшим великолепием отличался дворец шаха Аббаса I (1587–1629) в Исфахане, тогдашней столице Персии и богатейшем городе Востока, население которого достигало огромной по тем временам цифры — 600 000 человек. При этом в Исфахане не наблюдалось присущей азиатским городам скученности. Он был просторен и изобиловал тенистыми парками и садами. Имелся обширный парк и в самом грандиозном дворцовом комплексе шаха, окруженном высокой стеной. Торжественным входом во дворец со стороны Шахской площади являлся портал — павильон Али-Капу. В XVII столетии этот вход считался священным, двор и аллея за ним являлись убежищем для любого преследуемого, который становился здесь неприкосновенен для всех, кроме шаха.

Персидские правители, как и все прочие мужчины, предпочитали, чтобы их жены пребывали в хорошем расположении духа. И здесь, в жилище шахов династии Сефевидов (1502–1736), под гарем была отведена большая площадь, где находилось здание, выстроенное специально для женской родни, гостившей здесь за счет государственной казны месяцами.

Развлечения были традиционными для всех гаремов, огромное внимание уделялось нарядам, украшениям и сохранению любви повелителя, чем и пытались воспользоваться торговки и знахарки, толпившиеся у отдельного входа в шахскую «святая святых». Одежда знатных персиянок была роскошна. Как и обитательницы турецкого гарема, они любили украшения и более всего ручные и ножные браслеты из жемчуга, количество которого свидетельствовало о любви мужа.

На головки с пышными кудрями, окрашенными хной, надевали маленькие шапочки. Хна была популярна, и в оранжево-желтый цвет окрашивали также ладони, ногти и подошвы. Обычай закрывать лица не был повсеместным. Наиболее тщательно закрывали свои лица горожанки среднего сословия. Крестьянки, жительницы горных селений, как правило, не делали этого.

Не пренебрегали женщины шаха и услугами знахарок, они носили весьма специфический характер и были традиционно направлены на «воспламенение чувств» в шахе. Средства для этого использовались самые разнообразные, а иногда весьма неаппетитные: мазь из мозгов летучей мыши, рысьи волосы, печенка обезьяны, совиные хребтовые кости, волчья желчь и медвежье сало.

Но ради любви повелителя женщины были готовы пойти и на большие жертвы, чем употребление омерзительных снадобий, тем паче, что от этого зависело благополучие, а нередко и жизнь их детей.

Иногда гарем использовал и самое верное средство борьбы с соперницами — яд, и именно в персидском гареме Артаксеркса II Мнемона (правил с 404 по 358 г. до н. э.) произошел случай, вошедший в историческую литературу как первое относительно достоверно описанное политическое убийство с помощью яда. Мать Артаксеркса персидская царица Парисатида устранила таким образом любимую жену сына — прекрасную Статиру, которая осмеливалась иногда противоречить свекрови. Мстительная и властная Парисатида, опасавшаяся потерять влияние на сына, убила невестку. Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» повествует: «Родится в Персии маленькая птичка, у которой во внутренностях нет никаких нечистот, а один только жир… Эту птичку… Парисатида разрезала ножом, который с одной стороны был смазан ядом, и обтерши о траву одну из половинок, вторую — чистую, нетронутую — положила себе в рот и стала жевать, а отравленную протянула Статире», отчего та «умерла в муках и страшных судорогах».

Дочерям и сестрам шаха обычно подыскивали мужей среди духовенства, судьба же его сыновей часто складывалась трагично. Проблема престолонаследия в гаремах правящих династий Персии стояла так же остро и жестко, как и в империи османов, вызывая междоусобицы и братоубийства. Имя наследника было не всегда известно, и, в частности, в XVII столетии даже министры не знали точно, ни сколько у шаха сыновей, ни кому он в конечном счете отдаст власть, так как принцы крови воспитывались в гаремах почти без связи с миром. Борьба между родственниками достигала такого накала, что иногда даже матери вступали в нее на стороне одного своего сына против другого, и в гаремах разыгрывались кровавые драмы.

После второго шаха династии Сефевидов Тахмаспа I (1524–1576) осталось двенадцать сыновей, к каждому из которых был приставлен представитель одного из крупных кланов страны. Разумеется, все они хотели, чтобы к власти пришел именно их подопечный. В результате кровавой борьбы шахом стал Исмаил, которого Тахмасп держал в заключении около двадцати лет. Новый шах употребил все свои усилия на месть родственникам, убив шесть братьев, дядей и теток, и, в конце концов, погиб сам, процарствовав всего один год. По одной из версий, он был убит в своем гареме заговорщиками, переодетыми в женские платья. После смерти Исмаила трон занял слабый и безвольный шах Мухаммед, передавший все бразды правления своей властной и жестокой жене Мехди Улийе. У нее было два сына — Хамза и Аббас. Желая посадить на трон своего любимца Хамзу, Мехди Улийе затеяла очередную интригу, умертвив тех, кто мог помешать ей в этом, а затем попыталась заполучить во дворец Аббаса, находившегося по обычаю у главы одного из племен. Тот,

заподозрив недоброе, отказался и тем самым спас жизнь Аббасу, которого не пощадила бы «любящая» мать. В конце концов, погибла она сама, убитая тайно проникшими в гарем заговорщиками, а шах Аббас, поистине великий правитель, блестящий полководец и талантливый политик, принял у родителей эстафету. Он испугался популярности своего старшего сына от грузинской царевны и приказал убить его, а позднее ослепил еще двух своих сыновей.

В XIX столетии в дела гарема вмешалась внешняя политика, когда, согласно Туркманчайскому* договору 1828 года между Россией и Персией, каждый из шахов должен был при жизни объявить наследника, которого Россия, со своей стороны, обязывалась поддержать в случае политических неурядиц.

Самым внушительным гаремом среди мусульманских владык Персии обладал Фатх-Али (1797–1824), второй представитель династии Каджаров. Согласно донесению князя Меньшикова от 1826 года, «жен шаха... трудно исчислить правильно, по причине частой смены, которая в гареме происходит. Число сие определяется по сию пору в восемьсот особ, две трети которых могут быть рассматриваемы как супруги шаховы на деле».

Путешественники тридцатых годов XIX столетия определяли это число до «тысячи душ женского пола». И к восьмидесятому году жизни Фатх-Али число его потомков (сыновей, внуков дочерей, правнуков) составляло девятьсот тридцать пять человек, а через тридцать лет после смерти шаха оно достигло пяти тысяч, что позволило персам назвать этого любвеобильного и плодовитого шаха вторым Адамом, хотя могли бы скорее назвать Лотом. Ибо любимой женой хана была дочь его старшей жены, и дети шаха от этого противоестественного союза одновременно являлись и сыновьями, и внуками.

Блеск прежнего величия Персии к этому времени померк, и попасть в гарем шаха дочери знатных и богатых родителей не стремились. Жены там часто менялись, сумма, выдаваемая при разводе, была отнюдь не царской, все украшения и наряды являлись собственностью казны, и в гареме было всегда больше наложниц и «временных жен», чем постоянных.

К XIX столетию поток пленниц в гаремы почти прекратился, но, тем не менее, находились в них и христианки: армянки, грузинки, русские и немки (последние жили в поселениях немецких колонистов), которых похищали или брали в плен на Кавказе, входящем в состав Российской империи. Эти женщины, проданные в гарем, становились собственностью владельца, посягнуть на которую считалось тяжким оскорблением, особенно если оно касалось особы шаха. Возвращение пленниц на родину являлось задачей чрезвычайно сложной и опасной. Страшная трагедия, произошедшая в 1829 году в Тебризе (современный Тегеран), была вызвана попыткой вернуть русских подданных:

---

* *Туркманчайский договор — договор между Россией и Персией, завершивший русско-персидскую войну.*

немку и армянку из гарема премьер-министра шаха Алаяр-хана, и евнуха самого шаха Якуб-мирзу (Якуба Маркаряна, похищенного в юности и желавшего вернуться в Армению), укрывшихся в русском посольстве.

Русский посол, знаменитый драматург А. С. Грибоедов, осознавая опасность и всю тяжесть последствий, не смог выдать людей (тем более русских подданных), попросивших убежище. На его стороне был закон, по Туркманчайскому договору все уроженцы земель русских имели право вернуться домой, но толпу фанатиков меньше всего волновала юридическая сторона дела, они ворвались в здание посольства и растерзали находящихся в нем людей (в том числе и Грибоедова). В качестве компенсации за разгром посольства и убийство русских подданных Фатх-Али передал императору России Николаю I один из крупнейших в мире алмазов «Шах».

Жизнь в гареме персидского шаха протекала сонно и внешне спокойно, с теми же тайными войнами и борьбой за главенство, как и во всех гаремах мира. Жены соперничали между собой, интриги были сложны, а развязки драматичны. Старшей женой Фатх-Али была простая танцовщица, дочь торгующего на базаре кебабчи. Она носила пышное имя Таджи-Далуэт (венец государства), а с ней соперничала Ага-Бегюм-Ага, дочь карабахского хана. Вопрос о том, кто будет главной женой, был серьезен, и долгое ночное заседание решило исход в этой гаремной войне в пользу дочери хана, но со временем, когда подросла прекрасная дочь Таджи-Далуэт, внучка простого кебабчи, любимой женой стала она, ибо одновременно являлась и дочерью шаха. И ей был создан многочисленный двор с целым отрядом камер-юнкеров (гулям -пишхедметов).

Другие жены жили весьма скромно, содержание, которое им выдавалось, особенно при Насир-ад-дине (правил в 1848–1896 гг.) было ничтожным, и иностранцы удивлялись, как только каждой удавалось вести свое хозяйство. Помещения, в которых жили жены и наложницы, пышностью не отличались, напоминая скорее темницы, чем дворцовые покои, и вместо мебели в них стояла на полу многочисленная посуда и умывальники.

Иностранцы отмечали остроумие, изящные манеры и образованность персиянок из хороших семей, для которых считалось обязательным знать поэзию. Творения Хафиза, Саади и Фирдоуси заучивались наизусть наряду с сурами Корана, и письма жен иранского шаха были расцвечены поэтическими цитатами. Развлечений в замкнутом мире гарема было немного, и жены шаха с радостью принимали вестников из «открытого мира». Вот как описывает некая мадам Дюгамель посещение одной из четырех жен Мохаммед-шаха (1834–1848), жившей тогда в ссылке в Тебризе. Она велела доложить о себе и сразу же получила любезное приглашение. Переводчиком у нее была дама, отлично владевшая персидским языком. У входа в гарем их встретил евнух, который провел дам по узким коридорам в просторную комнату, пол которой был устлан коврами. Жена шаха сидела в глубине комнаты на богато вытканной

подушке. Вокруг нее стояли женщины из свиты. Все были в пышных нарядах. Мадам Дюгамель и ее спутнице предложили стул и табурет.

Жена хана, по персидскому обычаю, рассыпалась в приветствиях и комплиментах. Затем рабыни принесли сначала кофе, потом чай и, наконец, сладости. Во время трапезы мадам Дюгамель засыпали сотней вопросов. Особый интерес присутствующих вызвала ее одежда. Ее внимательно осматривали и даже ощупывали. Всеобщее изумление вызвал у них корсет, ибо этот предмет женского туалета был совершенно незнаком персиянкам. Мадам Дюгамель, утомленная постоянными расспросами, хотела удалиться. Когда ее стали удерживать, она, извинившись, сказала, что ее ждет к обеду супруг.

«О! Вы имеете счастье обедать вместе с вашим супругом? — спросила высокопоставленная дама. — Мне выпадало это счастье лишь дважды. Скажите, а сколько жен у вашего супруга?»

Мадам Дюгамель ответила с улыбкой: «Я его единственная жена».

«И вы этому верите?» — иронически возразила жена шаха. (*Бларамберг И. Ф. Воспоминания.*)

Ирония и недоверчивость жены шаха объяснимы, но в действительности в высокопоставленных семьях полигамия уже не была популярна, и при составлении брачного контракта мужа могли обязать не брать себе других жен.

Женщины из семей среднего достатка были более свободны, чем из богатых. Они могли (в сопровождении старших родственниц) ходить в баню и мечеть, а также присутствовали на празднествах, где для них отводились специальные места. Для жен бедняков свобода была еще менее ограничена, что объяснялось их образом жизни, связанным с работой в полях, садах и по дому.

Дома богатых персов являлись скромным подобием дворца шаха. Свято соблюдалась и неприкосновенность жилища. По Корану входить в дома без разрешения их хозяев запрещено, и даже посланцы повелителя, явившиеся за опальным царедворцем, не смели проникнуть в женскую половину, терпеливо ожидая, пока виновный выйдет к ним оттуда сам.

Дома были устроены с учетом всех особенностей жаркого и сухого климата страны. К улице они, как во многих восточных странах, были обращены глухой стеной. Крытые помещения использовались в основном в холодное время года, а в теплое — большую часть времени проводили на крытой террасе, во дворе или в саду. Ночью искали прохладу на крыше, где устраивались постели, а днем — во внутреннем дворике у бассейна.

Персы были умеренны в еде. Даже в богатых домах горячую пищу летом и зимой подавали один раз в день. Ежедневный рацион был прост и богат овощами и фруктами, в него входили сыр, творог, простокваша, овощи, засахаренные и свежие фрукты и виноград. Приготовление же и хранение мясной

пищи требовало столь значительной затраты времени и сил, что даже местные жители нередко покупали ее на рынке.

Приглашение посторонних людей к столу и раздача еды нищим считалось в Персии делом богоугодным, свято соблюдался и закон гостеприимства. Почетных гостей принимали в приемном зале в мужской половине дома или в отдельном строении посреди сада. Званый вечер в персидском доме имел свои особенности, заканчиваясь, а не начинаясь трапезой. Вначале гости услаждались длительной беседой с курением кальяна, кофе, вином (последнее за исключением набожных семейств), и лишь затем следовал обильный обед, длившийся не более получаса под музыку специально приглашенного в дом оркестра. Музыку персы любили страстно, что отмечали все путешественники, страдающие от ежевечерних звуков экзотических музыкальных инструментов. Званый обед даже в самых богатых семействах состоял из десятка горячих мясных и рыбных блюд, овощей, зелени, острых подливок и маринадов. Обильно употреблялись сласти и холодные напитки — щербеты из сока лимона, граната и других фруктов.

Персидская свадьба имела много сходства с турецкой. Приданое везли на животных в блестящем свадебном караване. В полночь подруги приводили невесту к мужу. Обычай требовал, чтобы она не давала снять с себя покрывало без сопротивления, что объяснялось отнюдь не девической стыдливостью — скорее тонким расчетом, который, как и многое другое, входил в сложную систему управления мужьями.

Ссоры и разногласия в семейной жизни, согласно Корану, старались улаживать при посредничестве родственников, как со стороны мужа, так и жены. И даже в случае серьезных проступков их не рекомендовалось изгонять из дома. Англичанин Уильс, приезжавший в Тегеран в XIX столетии, посетив тюрьму, не нашел там женщин. Подлежащие «перевоспитанию» содержались в домах местного духовенства, искупая трудом такие проступки, как ненужные траты, леность в уходе за домом и детьми, празднословие, нерадивость в отправлении супружеского долга (не путать с неверностью) и так далее.

Персы довольно хорошо обращались с женами, и умная женщина часто приобретала влияние на своего господина. Разумеется, многое зависело от ее индивидуальности, но и не только. Однажды один врач-иностранец обратил внимание на бумажку с какими-то письменами, привязанную к руке своей пациентки. На вопрос: «Что это?» — евнух безнадежно махнул рукой, ответив: «Женский коран». Речь шла о тайном женском кодексе, или своде законов, который создали персиянки, чтобы улучшить и облегчить свою жизнь. Этот кодекс являлся замысловатой смесью старинных гаремных обычаев, древних языческих верований, народных предрассудков и установлений Ислама. Сохраняемый в рукописи кодекс тщательно прятался обитательницами гаремов от мужей, которые стремились уничтожить его. Кодекс складывался веками и

был очень тщательно проработан, предусматривая все, что могло составить «женское счастье». И выполнение его законов не только вошло в привычку, но стало традицией, соблюдаемой столь же тщательно (если не более), чем установления веры.

Гибко используя установления кодекса, персиянки сумели сохранить определенную свободу действий, а сам он, передававшийся ранее из уст в уста, был затем зафиксирован письменно. Начал записывать его некий Мир-Дамед, которому помешала довести это дело до конца безвременная кончина. Затем Фатх-Али-шах, изумленный силой влияния женского учения в своем многочисленном гареме, приказал принцу Мохаммед-Мирзе собрать и опубликовать «женский коран».

Принц выполнил свою задачу, пересказав его стихами. Он назвал их «Адаб уннисса» («Обычаи женщин»). И в предисловии поведал следующее: «Мир-Дамед, да благословенна память его, хотел приподнять покрывало, скрывавшее порочные учения и тайные привычки наших женщин. Он начал с того, что стал внимательно следить за их поведением. Затем он привел в порядок записи историй, которые сообщили ему несколько кумушек в Исфахане, считавшихся исключительно компетентными».

Уникальный труд состоит из шестнадцати глав.

Первая глава повествует о женщинах, которые прославились в тонкой науке подчинения сильного пола своим желаниям и воле. Подобных дам было немало в различные эпохи, но до XIX столетия дошли имена: Кулсун-Нене, Хале-Джан-ага, Биби-шах-Зейнеб, Баджи-Яс-мин и Деде-Бесмара, и персиянки, преданно почитающие их память, свято придерживались всего, чему учили и что завещали эти выдающиеся женщины.

Вторая глава повествовала о различных видах омовения, о времени и способах очищения, предписываемых Исламом, которым придают огромное значение мусульмане. Но пять «законодательниц», вольнодумно не обращая на эти предписания никакого внимания, освобождают женщину от омовения, если она только что нарумянила лицо, подвела ресницы и напудрила щеки золотой пылью. Обойти омовения дозволялось и когда муж, отправляясь путешествовать, не оставлял своей жене денег для оплаты бани; если он обещал подарить ей украшение или банный фартук (лунг), но пока не сдержал обещание и так далее. Все эти мелочи трактовались в «женском коране» с серьезностью невероятной.

В *третьей главе* рассматриваются случаи, когда женщина может отказаться от молитвы (намаза). Здесь ей тоже дается определенная свобода. Это делается, когда она услышит звуки музыки, особенно грохот тамбурина («Если же вы, напротив, будете ее продолжать, то вы безбожницы и нечистоплотны»).

О молитве не может быть речи в день помолвки — самого важного события в жизни женщины. Молитвы, по кодексу, следует оставить мулле, а представительницы слабого пола должны вместо этого принимать самое активное участие в торжестве, получая всевозможные удовольствия от празднества. Молитву же можно оставить и до следующего дня.

Грешно молиться в день возвращения супруга из путешествия, ибо только ему одному нужно посвятить каждое мгновение, а это является богоугодным делом.

Отказаться от молитвы (которая, по Корану, должна исполняться пять раз в день в определенное время) можно также, когда у жены собирается общество.

Некоторые разночтения наблюдались в вопросе, нужно ли молиться, если женщина надела платье с золотыми или металлическими блестками, но, к счастью, каждая может решить этот серьезный вопрос по своему усмотрению.

В *четвертой главе* перечисляются случаи, когда женщина должна поститься, и особое внимание уделяется самому тяжкому для слабого пола посту — молчания. По кодексу, когда истекает его время, женщина должна идти просить подаяние. В этом ей не может препятствовать даже супруг. С деревянной ложкой в руках она должна проходить по улице, ударяя палкою семь раз в ворота попадающихся на пути домов и прося милостыню. На полученные таким образом деньги затем покупается рис, кислое молоко и финики — продукты, необходимые для пирога, отведав которого, этот жестокий пост можно закончить.

В *пятой главе* описываются церемония и правила, которые соблюдаются при обручении, и даются советы, как найти себе мужа.

Для этого нужно просто взять зеленую шелковую нитку, продеть в иголку и смешаться с толпой любопытных, окружающих невесту. Если удастся дотронуться до нее, незаметно проткните фату иголкой, затем следует вытянуть иглу обратно и надежно спрятать нитку у себя на груди.

Даются указания и на то, как «присушить» легкомысленного мужчину, разжечь страсть супруга с холодным темпераментом, рассказывается о правилах поведения мужа с молодой женой десяти, двенадцати или пятнадцати лет от роду (что в Персии часто бывало). При этом все вещи называются своими именами без малейшего флера стыдливости.

Шестая глава посвящена брачной ночи, когда молодая женщина первый раз входит в дом своего супруга, который зачастую также видит ее впервые в жизни. И момент, когда муж убирает покрывало с лица молодой жены, играет исключительную роль в ее будущем. Процедура представляет собой сложную систему вымогательств, и чем успешнее это делает молодая супруга, тем выше становится ее авторитет у подслушивающих за дверью женщин. И все же не

стоит обвинять персиянок в излишней корысти, действовать так их вынуждал инстинкт самосохранения и стремление обеспечить себя на случай развода.

Именно легкость, с которой расставались с неугодной женой, и ничтожность махра, суммы, которую она получала при этом, заставляла женщин создавать себе своеобразную страховку в виде подарков мужа — единственного, что было можно взять с собой после расставания. Лучшим моментом для их получения являлась, безусловно, первая брачная ночь. И пять законодательниц дают советы, как наилучшим образом использовать великодушие и щедрость молодого супруга.

Итак, впервые войдя в спальню своего супруга и оставшись с ним наедине, нельзя поднимать покрывало даром. Перед тем как показать лицо, следует потребовать хороший подарок. Затем, получив его, потребовать другой, за то чтобы начать «двигать зубами» — то есть заговорить, и этот дар должен быть еще дороже, чем первый. Молодой нужно сидеть при этом молча и неподвижно, не обращая внимания на речи и ласки мужа. А он, как отмечают законодательницы, обычно хитер и пусть в разной степени, но жаден. Если муж, например, предлагает в подарок деревню, то обычно начинает с предложения подарка меньшей стоимости. Но умудренные опытом законодательницы советуют не расслабляться и держаться стойко:

«Говори же, мой друг, тебе здесь рады», — произнесет он; молчи и морщи лоб. «Взгляни только и скажи доброе слово», — молчи, как могила, и делай вид, что очень рассержена. «Как ты находишь это кольцо с бриллиантами?» — и он наденет его тебе на палец, внимательно наблюдая за выражением твоего лица. В этот момент помни, что тебя не должны выдать глаза, даже если тебе нравятся муж и подарок. Самое лучшее для тебя — снять кольцо с пальца, швырнуть его от себя подальше и казаться еще более рассерженной чем раньше. «Но, душа моя (джаним), — скажет он, — разве я скряга, чтобы со мной так обращаться? Успокойся, у меня ты будешь очень счастлива, я осыплю тебя ласками и окружу рабами и евнухами. Смотри! Для начала я подарю тебе молодую негритянку. Возьми ее». Тут можно немного смягчить свой гнев. Но поскольку подарок менее значителен, чем тот, который он действительно мог бы предложить тебе, продолжай молчать и не открывай рта. Так мало-помалу ты должна заставить его быть щедрым вопреки желанию. Помни всегда, что первая ночь — единственная, когда мужчины готовы на все. Используй ее, чтобы победить его своей красотой и душой! Не забудь, за дверью и окнами твоей спальни целая толпа женщин и девушек подслушивает все, что происходит между вами, и на другой день, рано утром, в женской бане ты будешь проклята или вознесена на небо, в зависимости от того, как поведешь себя в эту счастливую ночь».

Насчет этичности подслушивания у двери в брачную ночь разночтений не существовало. Все пять законодательниц считали, что подслушивать у

двери спальни супругов необходимо, и прежде всего для того, чтобы потом была волнующая тема для разговоров в бане и обществе. Застенчивость молодых во внимание не принималась. Но наутро, возможно, в порядке компенсации мужу разрешались некоторые вольности. Все женщины, присутствовавшие на свадебной церемонии, должны были относиться к нему, как к брату, и не отказывать, если он пожелает целовать им лица и руки. Грешным (по кодексу) считалось также находиться в присутствии новобрачного с покрывалом на лице (вполне возможно, чтобы тот мог понять, хочется ли ему поцеловать).

Седьмая глава посвящена беременным женщинам и роженицам. К ним отношение было всегда самое трогательное и заботливое. Главная цель всего — уберечь мать и ребенка от страшного кровавого обжоры Аалла — демона, который питается печенью роженицы.

Развлечь рожениц музыкой и танцами приходили не только женщины всей округи с детьми, но и фокусники. Веселье длилось неделю, а если у мужа не имелось возможности принять такое большое количество гостей, то они сами приносили с собой все необходимое. И кодекс обещал им райскую жизнь за свершаемое для роженицы доброе дело. Роженицу же после того, как она становилась вполне здоровой, вели в баню, где ее поздравляли и вновь услаждали музыкой.

Восьмая глава описывает баню (хамам) — главное развлечение персиянки и единственное место, где она могла совершенно расслабиться и побыть сама собой.

По кодексу посещение бани — такое же достойное дело для достижения вечного блага, как и посещение мечети. В Персии, как и в Турции, хамам занимал у женщин первое место во всех важнейших событиях жизни.

Туда приходили до свадьбы и после родов, там проходила большая часть всех празднеств. Все, что касалось бани, излагалось в женском кодексе чрезвычайно подробно, начиная от того, как, посещая баню, не ввергнуть супруга в грех прелюбодейства, и заканчивая не менее важной проблемой сохранения привлекательности (неразрывно связанной с первой).

В первом случае замужней женщине рекомендовалось брать с собой в баню всех красивых служанок и рабынь, дабы, супруг во время ее отсутствия избежал дома соблазнов. Для второго — описывались рецепты косметических средств, которые делают кожу белоснежной и подобной нежнейшему шелку, удаляют с тела все волосы и обладают волшебными, омолаживающими свойствами.

Компонентами этого магического средства являлись: серый янтарь, лиций, изумрудное масло и сок мальвы. Но это еще не все. При выходе из ванной комнаты в рехт-хане, то есть предбаннике, должны стоять различные щербеты, а также определенные кушанья, которым придавался особый

мистический смысл. Здесь мнения законодательниц разошлись. И женщинам предоставлялось сделать выбор между жарким из мяса диких гусей и мясом самки антилопы (аху) с римским латуком (каху). И непременно дополнить эти блюда дыней и розовой водой.

Физические удовольствия в бане должны быть дополнены духовными, то есть остроумной беседой и... сплетнями, сплетнями, сплетнями. Очень рекомендовалось обсуждать в мельчайших и интимных подробностях жизнь того или иного супруга в его гареме, хвалить его или хулить, в зависимости от того, добрый ли он и щедрый в обращении со своими женами. И баню персиянка покидала не только чистая телесно и благоухающая, как цветок, но и с душой, облегченной долгими, откровенными и увлекательными разговорами.

Пять законодательниц приветствовали музыку, сравнивая ее по значению с баней. Музыке отводилась большая роль на всех праздниках: во время обручения, свадьбы, родов, встречи путешественников, но особенно она рекомендовалась в бане. Проводить долгие часы за слушанием музыки считалось не только приятным времяпрепровождением, но и благим делом, которое необходимо написать золотыми буквами на небесной доске, где ангелы отмечают все добрые дела смертных. И, о горе женщине, если музыкант удалится от нее, рассерженный тем, что его недостаточно вознаградили за игру!

Именно музыке полностью посвящена *девятая глава*. Считалось, что все дела, которые женщины выполняют под ее звуки, богоугодны и приносят счастье. И всем молодым девушкам советовалось учиться игре на тамбурине, а за неимением такового, использовать любые предметы, которые есть под рукой.

Десятая глава, где говорится об отношении жены к своему мужу, вызвала особое озлобление персидских мужчин. Ибо в ней рассказывалось о том, как лишить мужчину власти над женщиной. Рекомендовалось ни с кем не делиться любовью и доброжелательностью супруга, этими чувствами следовало владеть полностью, чтобы иметь полную свободу действий и успешно противостоять родственницам мужа, которые являлись шпионами и врагами жены по определению.

«Борьба без передышки, война до смерти, — взывал кодекс, — между замужней женщиной и ее свекровью! Не давать передышки! Пусть они ожесточатся друг против друга! Пусть они ногтями и зубами рвут друг друга! То, что говорит и делает одна, другая должна мгновенно отрицать и делать наоборот».

Что же касается супруга, то любовь и верность ему гарантировались, только пока он одаривает жену своим вниманием и дает денег столько, сколько ей необходимо на туалеты и мелкие расходы. Муж не должен запрещать жене ходить в баню, на празднества, в дом своих родственников и на прогулку. Если

он это делает, жена вправе не повиноваться. Ибо: «Жена — зеркало мужа. Если он хочет, чтобы его собственное счастье отражалось в ней, то он должен относиться к ней так, чтобы она не знала заботы и горя, чтобы ее душа и лицо расцветали от счастья. Муж, который готов на все ради своей жены, будет пользоваться всеми благами на том свете. Звания мудрого заслуживает тот супруг, который берет себе только одну жену». Главный же вывод из всего: *«Женщина — это букет. Хочешь быть опьяненным его благоуханием и красотой, не давай ему увянуть. Разреши ему (жене) вкушать удовольствия одно за другим».*

После общих рассуждений давались рекомендации, как действовать. Упрямого и строптивого мужа нужно вынудить покинуть жену. Способов для этого немало, например: бить прислугу, третировать детей, ломать мебель, а если это не вызывает должного действия, то тирана можно околдовать.

Одиннадцатая глава отчасти связана с десятой и посвящена поварскому искусству, вернее мистическому влиянию, которое могут оказать те или иные блюда на счастье или несчастье женщины.

В *двенадцатой главе* описываются многочисленные средства против дурного глаза. Это и мистические буквы на амулетах, раковинах, когтях диких зверей, рогах антилоп, и многое другое, нашиваемое на платья и вкладываемое в украшения. Зачастую прибегали и к окуриванию, во время которого танцевали, стараясь, чтобы благословенный дым по возможности проникал в складки одежды и обволакивал все тело. Задача вполне достижимая, так как женская персидская одежда очень просторна. При этом следовало петь и произносить заклинания: «О, пусть лопнут глаза завистника! О, пусть будут они растоптаны нашими ногами!»

Тринадцатая глава описывала мехремов, то есть мужчин, которые могут свободно и без препятствий общаться со всеми женщинами, и немехремов, то есть тех, которым это запрещено. Данные правила были достаточно строги, но кодекс легко обходил их, предписывая следующее: «Мои дорогие! Вы должны прежде всего рассматривать как немехрема каждого мужчину, который носит тюрбан, мулл, ученых-теологов и всех тех, кто имеет дело с мечетью или медресе; бойтесь их как чумы. Но если у муллы есть молодой красивый сын, вежливый и веселый, то вы можете оказать почтение его отцу, приподняв немного покрывало и показав глаза. Нужно также остерегаться военных и светских людей».

Однако далее говорилось: «Не надо прятать лица от красивого молодого человека, пока у него не растет борода; рассматриваются как мехремы: молодые мужья, армяне, евреи и, в особенности, музыканты; мехремами являются также парикмахеры, банщики, фокусники, коробейники и ювелиры. При них можно и закрывать и не закрывать лицо, в зависимости от вашего желания».

В четырнадцатой главе дается совет девушкам, желающим выйти замуж, где помимо прочего рекомендуется, наполнив карманы орехами, подняться на минарет, разбросать их по полу, накрыть деревянной чуркой и сесть на нее, чтобы раздавить эти орехи один за другим тяжестью своего тела. Заклинания, которые при этом произносятся, шокирующе откровенны.

Пятнадцатая глава посвящена приемам и визитам, и ее главная идея — безграничное гостеприимство для всех, особенно для бедняков.

«Если ты хочешь, — говорит кодекс, — быть счастливым на земле и потом оказаться с избранными в раю, никогда не отказывай в крове женщине, которая хочет провести с тобой некоторое время. Попроси ее войти к тебе с детьми. Первые три дня она ни под каким предлогом не должна уходить от тебя. На четвертый день она вольна решать, покинуть твой дом или нет».

Шестнадцатая, и последняя, глава посвящена усыновлению или способам усыновления брата или сестры.

Изобретательность персиянок в достижении своих целей не давала покоя их мужьям, и принц Мохаммед-Мирза с благодарностью написал о Мир-Дамеде, собирателе женского корана: «Благодаря его умным стараниям вскоре стали известны дьявольская коварность и интриги, а также чертовские уловки нашей любимой половины, этого гнусного пола».

Он обольщался. Женский коран был не единственным тайным оружием в борьбе за счастье. Персиянки разработали еще и мистический, тайный язык, используя для этого пряности и шелковые ткани (платки), которые разными способами прикреплялись к той или иной части тела. И в зависимости от того, куда и как они подвешивались, менялся смысл фразы.

«Язык пряностей» — еще одно их изобретение, он напоминал «цветочный язык» турчанок. Если присылалось семя кардамона, частично очищенное от оболочки, то это означало: «Приходи, меня терзает смятение!»; неочищенное зерно: «Не печалься»; расщепленное на кусочки: «К тебе идет подруга».

Гвоздика означала: «Я горю!» Шафран: «Я люблю». Если трубочка корицы переломлена или смята, то это означает: «Разлука с тем, кого я люблю, убивает меня». Использовались для передачи информации и сладости, причем иногда весьма прямолинейно, леденец, в частности, означал: «У меня нет ничего слаще тебя». Посланное разбитое стеклышко: «Побереги мое нежное сердце» и так далее.

Мужья могли сжигать женский коран, усиливать надзор евнухов, их «любимая половина, гнусный пол» не сдавался...

ИГРЫ ДРАКОНОВ (КИТАЙ)

«ТА, КОТОРАЯ ВНУТРИ»

«Если кто-либо постоянно спит с одной и той же женщиной, то ее жизненные силы постепенно ослабевают вплоть до того, что она больше не может принести мужчине пользу. Она просто питается его силой, а он из-за этого худеет». ак учил Лю Цзин, мудрец-даос, и именно даосизм и конфуцианство* сформировали образ жизни и поведение жителей старого Китая.

Социальная жизнь регламентировалась конфуцианством, где женщина стояла ниже мужчины, а роль жены заключалась в том, чтобы быть покорной слу́жанкой своего господина и обессмертить его имя через рождение сыновей. Но в сексуальной жизни руководствовались даосизмом, где теория инь-ян** придавала половому акту сакральное значение, рассматривая половые органы как часть природных сил Великого Космоса, а акт соития — как момент, когда люди, выйдя за пределы своей телесной оболочки, на какое-то мгновение сливаются с ним. Считалось, что секс не только доставляет наслаждение, но и является главным условием здоровья, молодости и долголетия. И при выборе супруги или наложницы самым важным критерием являлась ее способность благотворно влиять на здоровье своего господина. Лучше всего этим целям служила молодая девственница. Считалось, у невинной девы грудь будет высокой, еще не заполнявшейся молоком, а ее субстрат инь — нерастраченным. К другим требованиям добавлялась упругая плоть, маслянистая и шелковистая на ощупь кожа и свободные и плавные в движениях суставы. Рост — не слишком высокий, ни слишком низкий, а нрав — нежный и ласковый.

«Женщина — тень, отголосок» — гласила китайская пословица, и определялась жизнь «тени» тремя конфуцианскими принципами послушания: до замужества она должна слушаться отца, после замужества — подчиняться мужу, а в случае его смерти — слушаться сына. Будущие жены воспитывались в чрезвычайной строгости, а на их безупречность в супружеской жизни не должна была пасть даже тень сомнения. Семейные отношения по Конфуцию подчинялись жесткой дисциплине, и для ее соблюдения было провозглашено

** Конфуцианство — этико-политическое учение, возникшее в Древнем Китае и оказавшее огромное влияние на развитие духовной культуры, политической жизни и общественного строя Китая. На протяжении свыше двух тысячелетий главным в конфуцианстве были вопросы этики, морали и управления государством.*

Даосизм — одна из распространенных религий Китая, основателем которой считается Лао-цзы, живший в VII веке до н. э. В даосизм вошло все, что было отвергнуто рационалистами-конфуцианцами: верования в духов, алхимия и прочее.

*** Инь — женское (отрицательное), темное начало; ян — мужское (положительное) светлое начало. Это основные понятия китайской натурфилософии.*

полное разграничение полов. Мужчины и женщины должны были жить на разных половинах, и их «разделение» простиралось даже на то, что нельзя было не только мыться вместе, но и держать вместе вещи и вешать их на одни и те же вешалки.

Соблюдение женой целомудрия до свадьбы было обязательно, и девственность невесты подвергалась самой тщательной проверке: «Замужеству обычно предшествовало составление брачного контракта между семьями жениха и невесты, когда стороны достигали согласия по всем его пунктам, невеста должна была представить доказательства своего целомудрия. С этой целью ее отводили в баню, где опытные матроны, чтобы убедиться в ее девственности, делали попытку ввести ей во влагалище голубиное яйцо. Неудача такой попытки свидетельствовала о непорочности будущей невесты. При возникновении малейшего подозрения при подобном испытании одна из матрон обертывала палец мягким белым полотном и слегка травмировала «вену девственности». Делалось это по причине поверья, что кровь из девственной плевы якобы отличается особой стойкостью и не отстирывается от полотна. Ежели кровь смывалась, девушка считалась испорченной, и отец невесты должен был в этом случае выплатить условленное возмещение» (Марко Поло).

По Конфуцию идеальной считалась *нэй жэнь* («та, которая внутри»), — женщина, сосредоточившая все свои усилия на домашней жизни, а к ее участию в делах за пределами дома (особенно общественных) относились презрительно и с опаской. Четырьмя добродетелями жены являлись: целомудрие, скромность, аккуратность и трудолюбие. Еще одна добродетель китаянки показалась бы практически невыполнимой для моногамной европейской супруги, а именно — благорасположение главной жены к остальным женам и наложницам, которых, согласно пословице, «найдет мужу хорошая жена». Их количество зависело от того, насколько был богат хозяин дома. Состоятельный глава семьи (из среднего сословия) имел трех или четырех жен и нескольких наложниц, у представителей высших сословий их могло быть от шести до двенадцати, крупные военачальники и князья имели по тридцать и более жен.

Дом китайца представлял собой сложную систему, порядок которой определяло жесткое подчинение семейной иерархии. Место каждой женщины было строго определено: служанки подчинялись наложницам, наложницы — женам, и все без исключения — первой госпоже, главной жене отца. Женщины так и назывались: «Госпожа Первая», «Госпожа Вторая» и так далее, и чем больше был номер, тем меньше ей было уважения и почета. Главная жена считалась и матерью всех рожденных от господина детей. Если же он умирал, то бразды правления переходили к главной жене его старшего сына.

Главная дама семьи обладала в доме почти той же полнотой власти, что и ее супруг, и сфера ее влияния была широка, распространяясь на поддержание в нем порядка, руководство хозяйством, присмотр за слугами, обучение младших

детей. Она была окружена большим почетом, но скрывалась от посторонних глаз, редко принимая участие в светской жизни.

У каждой из женщин имелись строго обозначенные обязанности по дому, выполнение которых занимало основную часть дня, мужчины же почти все свое время проводили вне его пределов: чиновники — на службе, а торговцы — в лавках, и все их многочисленные женщины большую часть времени были предоставлены самим себе. Со своим господином они встречались только во время еды, а единственным местом, где можно было поговорить с ним без присутствия посторонних, оставалась постель, и наложницам это счастливая возможность предоставлялась гораздо чаще, чем главной жене. Существовали, правда, и правила, несколько ограничивающие их общение: в случае, если главная жена отсутствовала, то наложница не могла оставаться с мужем всю ночь, а должна была покидать спальные покои сразу после завершения полового акта.

Роль наложницы была не так эмоционально сложна, как у главной жены, и если о последней, по Конфуцию: «Ничего не должно быть слышно за пределами дома», то наложницы, напротив, выставлялись на всеобщее обозрение, а их красота и достоинства служили предметом гордости господина перед своими друзьями.

Отношения хозяина дома с наложницами, как правило, были более близкими, чем с женой, и основной их обязанностью являлось доставлять ему удовольствие — физическое и духовное. Наиболее одаренные наложницы владели игрой на музыкальных инструментах, прекрасно пели, танцевали, могли сложить стихи и сыграть с хозяином партию в шахматы. Некоторые из них даже превзошли мужчин в поэзии и сочинении песен. Наложницы сопровождали своего господина, когда он ходил в гости к друзьям, и помогали ему принимать гостей у себя дома. И случалось, что именно наложницы, которые в отличие от жены легко и непринужденно вели себя в обществе, ездили с китайцем-посланником в европейские страны, исполняя роль его супруги. Впрочем, последняя, как правило, происходившая из знатного рода, считала для себя унизительным свободное общение с «варварами», а наложница, возвратившаяся на родину, вновь занимала полагающееся ей по рангу в доме место. Считаясь членом семьи, она не имела прав жены, и это давало бóльшую степень свободы. Так героиня романа Цзэн Пу «Цветы в море зла», легкомысленная и распущенная Цайюнь, могла позволить себе сказать главной жене: «Какие еще правила приличия? Чуть что начинаете пугать правилами! Это для вас, для жен, они существуют, вот вы и кричите о них на каждом шагу. А я всего лишь наложница, прав никаких не имею, так нечего мне и о правилах говорить!.. А если хотите, чтобы я соблюдала правила приличия, отдайте мне сперва ваше звание законной жены!»

И все же главным умением наложниц было совершенство в искусстве любви. Она должна была постоянно поддерживать в мужчине сексуальную

активность, ибо мужской силе ян постоянно требовалось освежающее воздействие женского субстрата инь. Наложница также помогала своему господину восстановить силы, а иногда даже — преодолевать определенные жизненные трудности, что со стороны жены было бы немыслимым вмешательством в его дела. Помощь могла носить весьма щекотливый характер, ибо хозяин имел право обязать ее вступить в связь с нужным покровителем.

От главной жены во многом зависела психологическая атмосфера в доме, так как в ее обязанности помимо всего прочего входило улаживание неизбежных конфликтов. Жизнь китаянок протекала довольно монотонно, и сплетни, интриги, ссоры вносили в нее разнообразие (хоть и неприятное), возникали они также в результате соперничества и стремления быть главной в сердце господина. А главная жена обязана была находиться «над схваткой», быть выше раздоров, и ее любовь к мужу не могла вступать в противоречие с его отношениями к наложницам, которым он уделял гораздо больше внимания. Необходимо было также соблюдать ровность в своих личных отношениях с другими обитательницами дома, нередко носящих лесбийский характер, — никого не выделять и не проявлять враждебности. Ссоры между женщинами иногда протекали довольно бурно, и первая госпожа могла подвергнуть провинившихся домашних легкому наказанию. Муж вмешивался, когда проступки носили серьезный характер, как, например, прелюбодеяние одной из его жен со слугой. В этом случае он имел право казнить обоих. Иногда, если он сам не мог принять решение и вынести приговор, то дело передавалось на суд старших в клане. Иногда (в среде мелких торговцев или ремесленников) высшим арбитром выступал глава гильдии. Муж имел также право отвергнуть свою жену и вернуть ее в прежнюю семью. Для наложниц возвращение в родной дом оборачивалось драматично. Как правило, их родители были бедны, и женщинам, дабы не обременять их, приходилось заняться единственно доступной для них профессией — древнейшей.

Женщина в старом Китае была беззащитна. Ее можно было купить и продать, можно было наказать плеткой, но особенно печальна была участь вдов, зачастую вынуждающая их добровольно уходить из жизни. Обычай самоубийства вдов был широко распространен вплоть до XX столетия.

«Перейдем теперь к описанию двух своеобразных обычаев, касающихся исключительно вдов, которые не выходят замуж во второй раз. Некоторые из них после смерти мужей решают не оставаться в живых и сводят счеты с жизнью. Китайская практика подобных самоубийств отличается от индийского обряда «сати» тем, что здесь совершенно не применяется самосожжение. Способы самоубийства вдов весьма разнообразны. Одни принимают опиум, ложатся и засыпают вечным сном у тела своего мужа. Другие отказываются от еды и умирают от голода либо топятся, или же принимают яд. Еще один способ, который иногда здесь практикуется, — публичное самоповешение возле своего дома или в доме с предварительным уведомлением о

предстоящем самоубийстве, чтобы все желающие могли при этом присутствовать и наблюдать за происходящим.

Истинные причины, толкающие некоторых вдов на самоубийство, различны. Одними, несомненно, в огромной мере движет глубокая привязанность к усопшему; другими — крайняя бедность их семей и невозможность честным путем заработать достаточные средства к существованию; третьими — жестокое обращение со стороны родственников мужа.

Иногда в бедных семьях братья умершего мужа советуют или настоятельно требуют, чтобы молодая вдова повторно вышла замуж. В одном из таких случаев, который здесь произошел около года тому назад, причиной, побудившей молодую вдову к публичному самоповешению, была настойчивость деверя, который требовал, чтобы она вышла замуж во второй раз. Когда она отказалась выполнить его требование, он намекнул ей, что при той бедности, в какой жила их семья, единственной возможностью для нее обеспечить себе существование была бы проституция. Вне себя от обиды из-за такой жестокости, она решила покончить с собой и назначила время самоубийства. Утром назначенного дня она посетила храм с табличками, увековечивающими память «добродетельных и почтительных» жен, который находился возле южных ворот города. Туда и обратно ее доставили в паланкине, который несли четверо мужчин, одетых в яркие наряды. В руке она держала букет из живых цветов. После возжжения фимиама и свечей перед табличками в храме, сопровождавшегося коленопреклонением и поклонами, она вернулась домой и вскоре в присутствии многочисленных свидетелей совершила самоубийство» (Джастес Дулитл. Жизнь китайского общества. 1867).

ГАРМОНИЯ В ЖЕНСКИХ ПОКОЯХ

Наличие жен, наложниц и служанок, удовлетворяющих все сексуальные желания своего господина, вовсе не означало безмятежную, райскую жизнь. Женщины имели определенное положение и конкретные права, закрепленные государством и традициями, которые был обязан соблюдать глава дома. Он должен был содержать их, доставлять им сексуальное удовлетворение, а также следить за тем, чтобы в доме царило согласие.

Следовало, прежде всего, соблюдать «сексуальную справедливость» в отношении жен и наложниц. Каждой из них необходимо было оказывать внимание в спальных покоях (в других местах этого не требовалось). Игнорирование любой из женщин считалось серьезным прегрешением. При этом ни красота, ни возраст не имели никакого значения, в сексуальном плане — все были равны, и требовалось строго выполнять предписания протокола, предусматривающего очередность и частоту половых отношений с женами и наложницами.

В «Книге церемоний», в частности, говорилось: «Даже если наложница состарилась, но при этом еще не достигла пятидесятилетнего возраста, муж обязан совокупляться с ней раз в пять дней. Со своей стороны она обязана, когда ее приводят к ложу мужа, быть чисто умытой и опрятно одетой; она должна быть как следует причесана и напомажена, одета в длинное платье и обута в надлежащим образом подвязанные домашние туфли».

Муж мог увильнуть от исполнения супружеских обязанностей только в период траура по родителям (в течение трех месяцев и более). Полное же их прекращение разрешалось только по достижении семидесяти (в некоторых текстах шестидесяти) лет. Сохранение мира в доме было чрезвычайно важно для его хозяина, и он обеспечивал его, стараясь соблюдать равновесие, оказывая каждой женщине определенные знаки внимания и считаясь с ее слабостями и капризами. В противном случае ситуация выходила из-под контроля, и разгоревшаяся «домашняя война» приносила хозяину дома весьма серьезные неприятности — карьерный или финансовый крах. Чиновник мог потерять свое место, а торговец — доверие клиентов. Первое происходило из-за того, что в Старом Китае следовали правилу, по которому мужчина, не способный навести порядок в своем доме, не достоин занимать ответственный пост. Причина второго была более прозаична: считалось, что дом, в котором нет порядка, неизбежно постигнут финансовые затруднения.

В длинном перечне оценок и наказаний, входящих в «Таблицы достоинств и недостатков» (Гун го гэ), служащих неким эквивалентом исповеди в Старом Китае, приводились и оценивались провинности мужчины. К ним относилось, в частности: наличие бóльшего числа жен и наложниц, чем способен удовлетворить глава семьи; откровенное заигрывание с женами и наложницами за пределами спальни; проявление фаворитизма в отношениях с женами и наложницами, хвастовство собственными любовными похождениями перед своими женами и наложницами, публичный показ эротических картинок и так далее.

Давались и наставления, как сделать, чтобы в семье царила гармония. Их писал на склоне лет для своих детей и внуков глава семейства, и хотя они предназначались для чтения в узком семейном кругу, некоторые приобрели широкую известность в китайской литературе. В одном из таких сочинений, датируемых 1505 годом, в частности говорится:

«Жены и наложницы посвящают день тому, чтобы проверить все мелкие домашние дела. После того, как они приведут в порядок свою прическу, наложат на лицо пудру и румяна, после того, как займутся музыкой и игрой в карты, им остается только усладить свое сердце телесным союзом. Поэтому долгом просвещенного хозяина дома является обладание знанием «искусства спальных покоев», чтобы быть способным полностью удовлетворять своих женщин всякий раз, когда совокупляется с одной из них.

На восточной стороне улицы проживает молодой, крепкий человек привлекательной наружности. Его жены ссорятся с утра до вечера и его не слушаются. На западной стороне живет согбенный старикашка; его жены делают все возможное, чтобы ему услужить и повиноваться. Чем это можно объяснить? А дело в том, что последний владеет наивысшими тайнами «искусства спальных покоев», а первый в них несведущ.

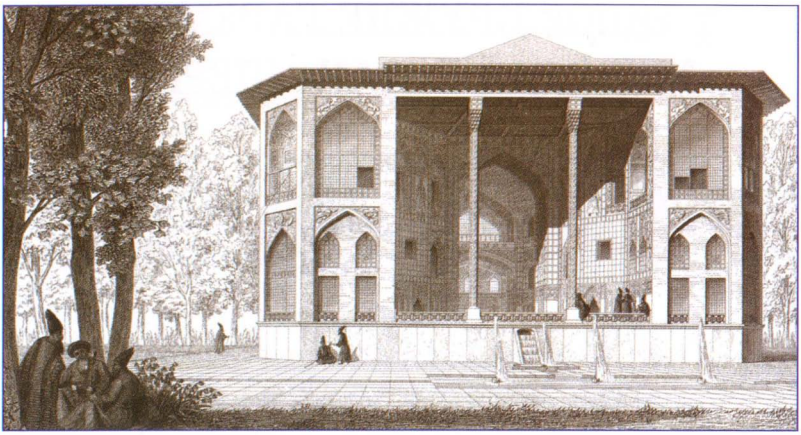
Недавно я слышал про одного чиновника, который завел себе новую наложницу. Он заперся с ней на ключ за двойными дверями и по трое суток не выходил оттуда. От такого поведения все его жены и наложницы пришли в отчаяние. Воистину это неправильный способ приводить в дом новую наложницу. Лучше было бы, если бы мужчина контролировал свое желание и временно не приближался к новой наложнице, сосредоточив внимание на остальных. Всякий раз, вступая в телесные отношения с остальными женщинами, он должен велеть вновь прибывшей стоять возле их ложа из слоновой кости. И лишь по прошествии четырех — пяти ночей он может совокупиться со вновь прибывшей, но только в присутствии главной жены и остальных наложниц. Таков основополагающий принцип поддержания гармонии и счастья в женских покоях».

ХОЗЯЙКИ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Устройство дома китайцев зависело от того, к какому сословию они принадлежали. В среде ремесленников, мелких торговцев и крестьян мужчины, женившись, стремились жить отдельно от родителей. Китайцы из высших и средних сословий, напротив, после женитьбы не выделялись из семьи, все ее члены старались жить вместе, составляя большую общину, где у каждой семьи были собственные покои и слуги. И в старину богатый дом китайского горожанина был не просто домом, а обширной усадьбой, объединяющей строения и дворики, окруженные высокой стеной, которая надежно скрывала происходящее внутри от посторонних.

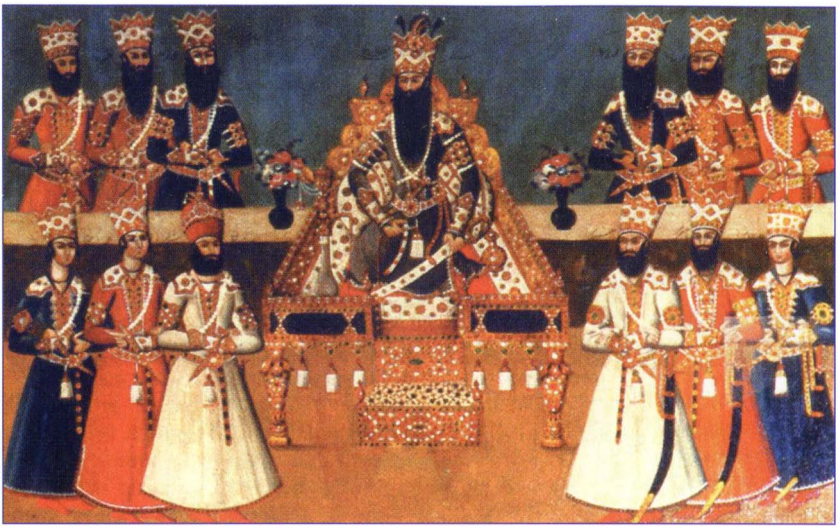
Все постройки делались по определенной освященной традицией схеме. Окруженный стеной участок представлял собой прямоугольник, вытянутый с юга на север. Внутри он обычно делился на отсеки стенами, идущими с востока на запад или параллельными им зданиями, образующими ряды. Большие ворота, ведущие в усадьбу, находились в выходящей на улицу южной части стены. Каждое отдельное строение в подобной усадьбе имело три глухие стены и одну легкую — либо с окнами и входом, либо совсем открытую, подобную веранде. Центральное здание строилось таким образом, чтобы быть обращенным на юг в сторону благих веяний. В нем, как в самом почетном, жила первая жена. Покои остальных женщин соответствовали их месту в семейной иерархии. Вторая жена жила в восточном флигеле, третья — в западном (восток, где

ТАЙНОЕ ОРУЖИЕ ГАРЕМА — «ЖЕНСКИЙ КОРАН» (ПЕРСИЯ)



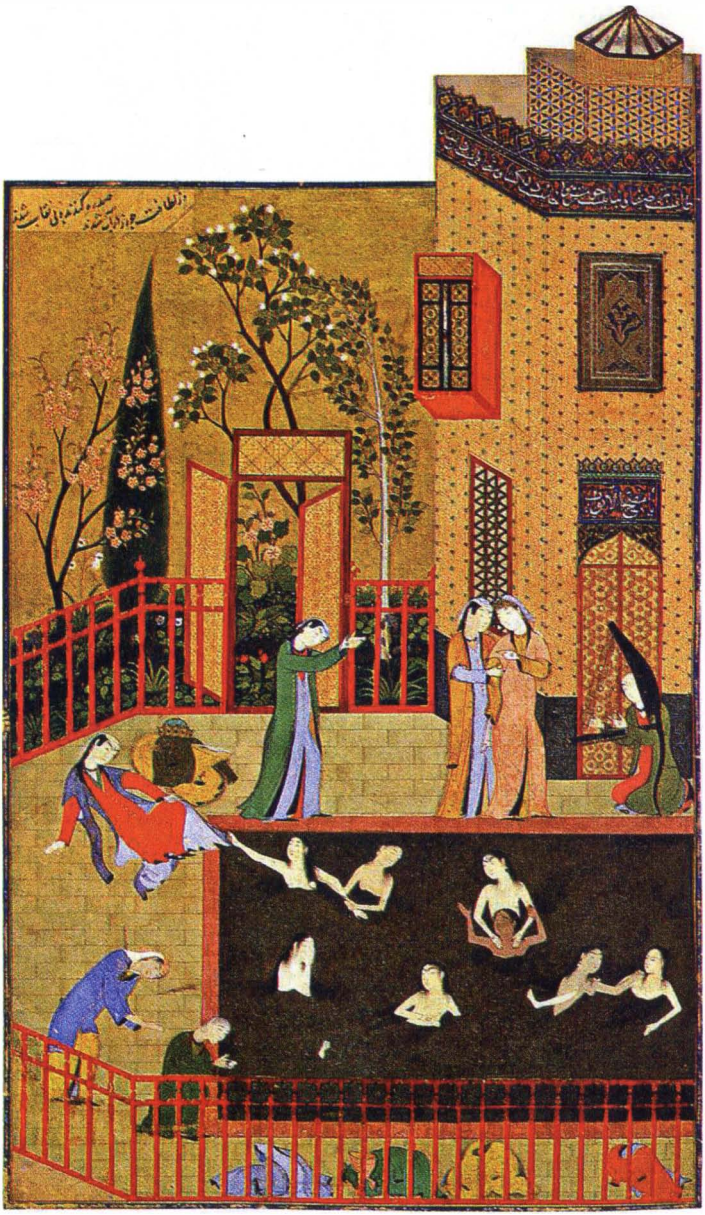
Дворец Хешт Бехешт

Площадь в Исфагане. Гравюра из альбома Паскаля Коста. 1867 г.



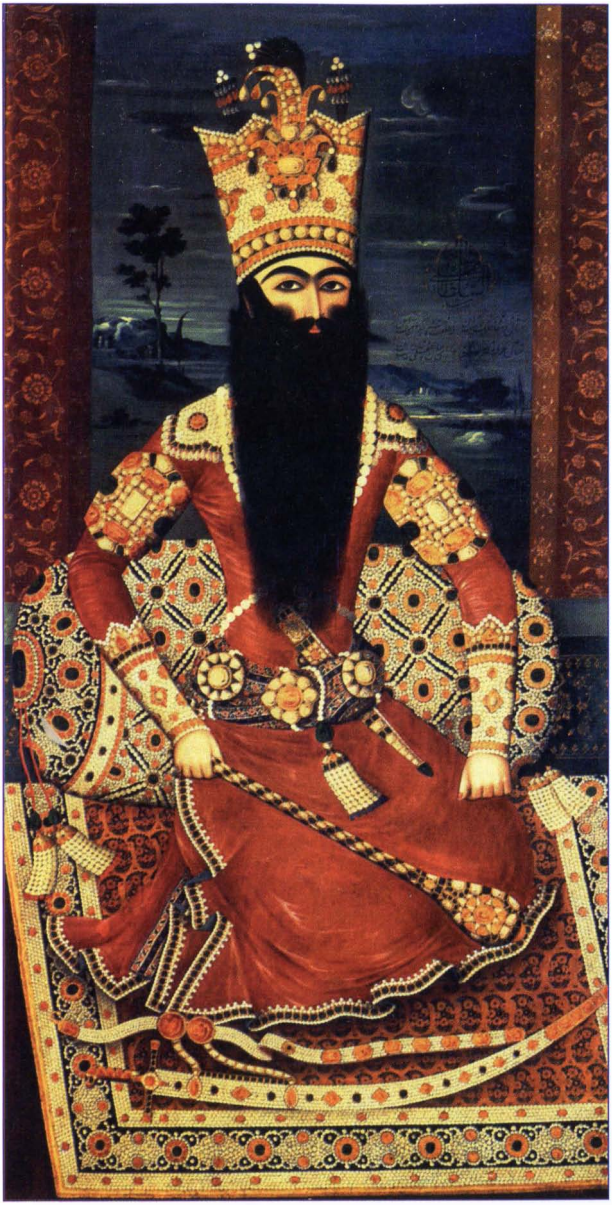
М. Али. Прием у Фатх-Али-шаха

Тебризская миниатюра. XVI в.



Ширазская миниатюра. XV в.

Два борца, демонстрирующих свое искусство перед правителем и избранной публикой. Иллюстрация к поэме «Гюлистан». Середина XVI в.



Портрет Фатх-Али-шаха

Пиршество на лоне природы. Персидская миниатюра. XVIII в.

Танцовщица

Молодой господин в саду с женой в сопровождении свиты выпивают в дворцовом саду. Фрагмент сефевидской миниатюры. XVII в.

ДОМ РАДОСТИ (ТУРЦИЯ)

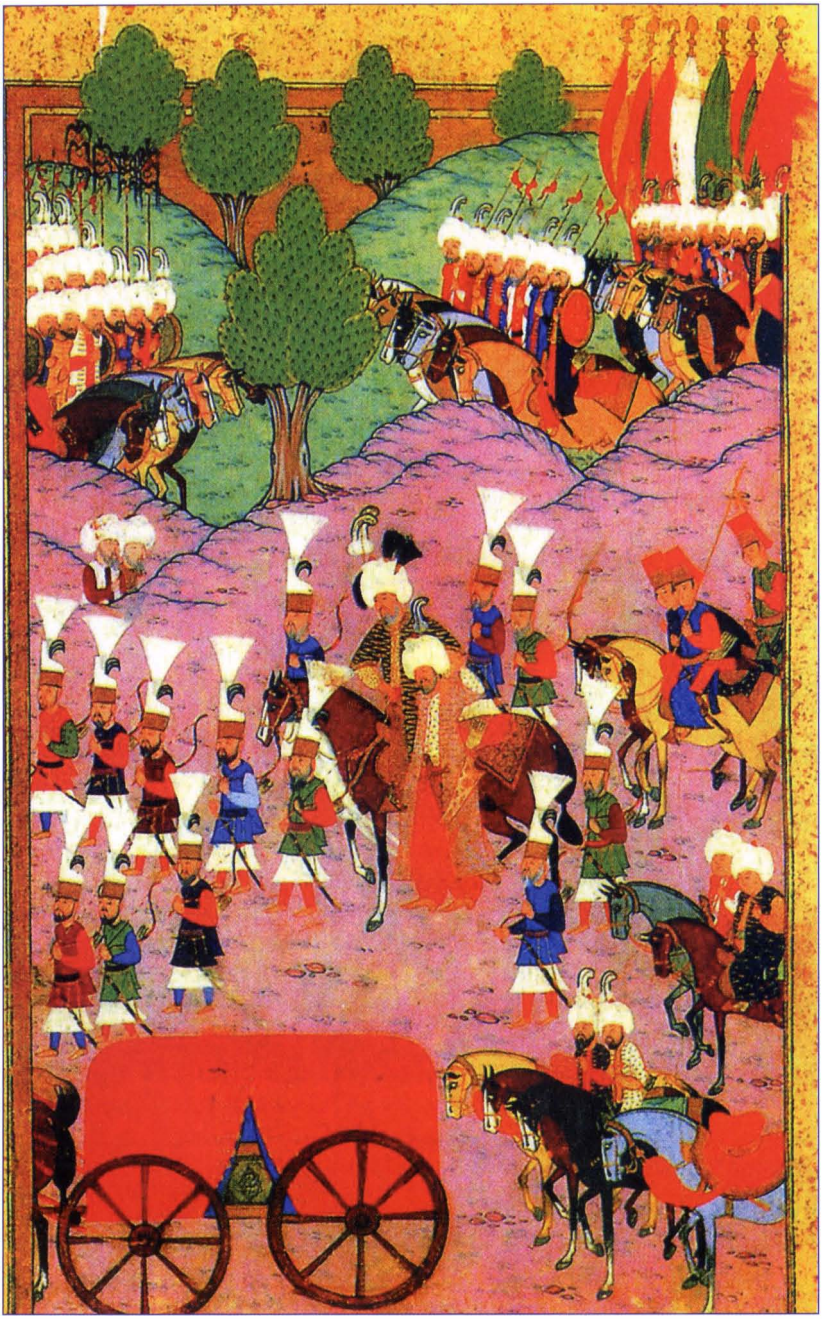
Стамбул (Константинополь). Гравюра XIX в.

Стамбул (Константинополь). Вид на Босфор со стороны Мраморного моря. Гравюра XIX в.

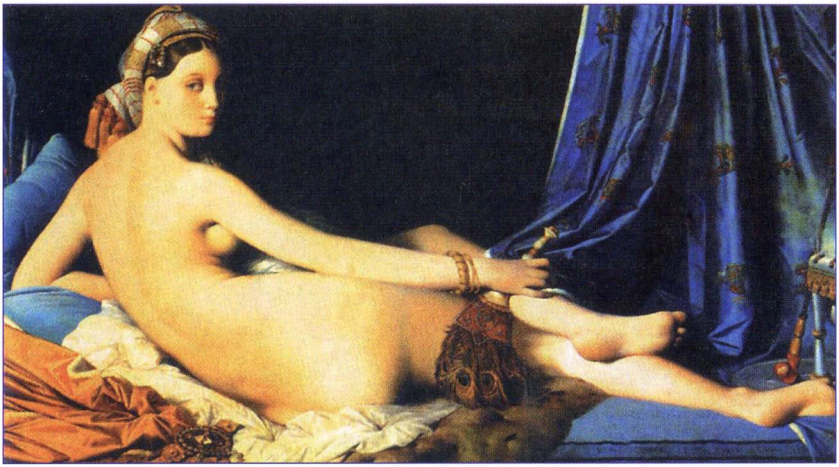
Вид сверху на дворец Топкапы

Ворота во дворец Топкапы

Церемония приема у султана во дворце Топкапы



Поход турецкого султана



Ж.-О. Энгр. Большая одалиска

П.-О. Ренуар. Алжирская женщина (одалиска)

восходит солнце, по старинным китайским понятиям, почетнее, чем запад, где оно заходит). Младшие жены жили в постройках, находящихся у выходящей на улицу наружной стены. Сад в резиденции большой китайской семьи обычно находился в северной части усадьбы, подальше от уличной и южной стен, перед внутренними, так называемыми церемониальными воротами, и именно в этих благоухающих садах часто разыгрывались любовные сцены, описанием которых так богата китайская литература.

Жестко регламентировано по частям света было даже расположение людей за столом. Согласно традиционному этикету, на центральное место («верхнее место», или «верхняя циновка») усаживали почетного гостя, лицо которого было обращено на восток (поэтому существует даже выражение «западный гость», то есть сидящий на западе). Напротив него у дверей усаживался хозяин, которого образно называли «восток дома». Сбоку — менее значительные люди, а домочадцы — «внизу» (за отдельным столом).

Внутреннее убранство дома могло быть великолепно, и его хозяин старался устроить своей фаворитке (чаще наложнице) настоящее уютное гнездышко.

«Симэй отвел Цзиньлянь довольно просторный флигель с теремом, расположенным в саду. Внизу по одну сторону располагалась передняя, а по другую — спальня. За шестнадцать лянов Симэй купил ей покрытую черным лаком с позолотой и разноцветными узорами кровать. На нее спускался крапленый золотом полог из красного газа. Были со вкусом расставлены отделанные слоновой костью шкафы с посудой, расписанные цветами столы, стулья и обтянутые парчёю круглые табуреты. К флигелю примыкал отдельный дворик с едва заметной среди обилия цветов калиткой. Редко кто заглядывал в этот укромный уголок...» (Цзинь, Пин, Минь, или Цветы сливы в золотой вазе).*

Домашние обязанности занимали у китаянок бóльшую часть дня, а в свободное время они развлекались игрой в карты, шашки и домино. Иногда женщины выезжали из дома в буддийские храмы, и раз в год они покидали его, чтобы навестить могилы своих родных, находящиеся за пределами города. Эти поездки были очень приятны, так как сопровождались пикниками на лоне природы, а другие развлечения вне дома происходили только в праздники, когда устраивались пирушки с музыкальными и пантомимными представлениями. Огромное количество времени тратилось и на то, чтобы приводить в порядок свои туалеты и внешность, которой уделялось огромное внимание. Затраченные усилия оправдывали себя, и китайская красавица представала перед своим господином подобная произведению искусства, с продуманными

* *Лян — таэль, весовая и денежная единица Китая. С V–VI века применялся главным образом при взвешивании* серебра *и* золота.

до мельчайших подробностей деталями, и уже одним своим присутствием создавала атмосферу чувственного наслаждения.

«Ее волосы чернее вороного крыла; изогнуты, как месяц молодой, подведенные брови. Глаза-миндалины блестящи, неподвижны. Благоухание источают губы-вишни; прямой, будто из нефрита выточенный нос; румянами покрыты ланиты. Миловидное белое лицо округлостью своей напоминает серебряное блюдо. Как цветок, грациозен легкий стан. Напоминают перья молодого лука тонкие нежные пальцы; как ива, талия гибка; пышно мягкое тело; изящны остроконечные ножки — белы и стройны.

Высокая полная грудь; нечто крепко-накрепко, алая с гофрировкой белая белое свеже-парное, черно-бархатистое, а что, не знаю сам. Все ее прелести не в силах описать... А прическа! Какие наряды! Только поглядите: блестящие, как смоль, волосы туго стянуты, собраны сзади в пучок, благоуханную тучу. Воткнуты в ряд мелкие шпильки вокруг. На лоб ниспадают золотые подвески. Сбоку держатся гребни, красуется ветка с парою цветков, не поддаются описанию брови — тоньше ивового листка. Трудно преувеличить красоту ланит, как персик алых, серьгами обрамленных, игравших на свету. Чего стоит ее нежная, пышная грудь, что подтянута туго и полуоткрыта. Накинут цветастый платок на кофту шерсти голубой, с длинными отделанными бахромой рукавами. Невидимые благовония источают аромат. Виднеются чулочки из-под юбки бархата сычуаньского... обуты в туфельки из облаками расшитого белого шелка на толстой подошве. Изящно вздернуты кверху, как коготь орлиный, остры носки. Ее золотые лотосы-ножки ступают, словно по пыльце, ароматной и нежной. Малейшее движение — шагнет или присядет — вздымает ветер юбку, надувая шелк розовых шальвар, — и иволги в цветах на них расшитые порхают. Алые ее уста струят благоухание мускуса и необычных орхидей. Ее улыбка губ коснется — чаровница становится похожей на только что раскрывшийся цветок» (Цзинь, Пин, Минь, или Цветы сливы в золотой вазе).

Грациозная, подобная цветку китаянка должна была говорить нежным голосом, демонстрировать соответствующий облику кроткий нрав и мелко-мелко семенить на крошечных ножках, «золотых лотосах», являющихся непременным признаком каждой красавицы.*

** Подлинным потрясением для китайцев, привыкших к своим хрупким подругам-куколкам, стало появление в Поднебесной женщин из Европы. Удивляло всё: чрезвычайно пышные (по китайским понятиям) формы, крупные руки и ноги, «многоцветные глаза» и опять же «многоцветные» гривы волнистых и прямых волос. Поражала и свободная манера держаться, которая воспринималась как бесстыдство и сексуальный призыв. Подтверждением распущенности представительниц белой расы был также их громкий смех и обычай мужей и жен обмениваться при встрече поцелуем, который в Китае допускался только в спальных покоях.*

Идеальной по размеру считалось основание ступни в три дюйма. Обычай бинтовать ноги, для того чтобы стопа приняла дугообразную форму и стала столь крошечного размера существовал \со времен династии Тан, и, по одному преданию, его происхождение связывают с императором Ли Юем (937–968). Император повелел соорудить для своей любимой супруги Яонян золотой цветок лотоса высотой шесть футов, на лепестках которого она должна была исполнить танец. Сделать это можно было только на носках, и Яо-нян забинтовала себе ступни шелковой лентой так, что они своей формой стали напоминать полумесяц. По другой легенде — некий государь приказал изготовить из золота лотосы, положить их на землю и повелел своей любимой наложнице пройтись по ним, и, когда она шла, казалось, что каждый ее шажок рождает на земле цветы.

Обычай бинтовать ноги не коснулся девочек из крестьянских семей, которых называли большеногими, и сохранялся вплоть до начала XX столетия. Для того чтобы нога приобрела дугообразную форму, китаянкам с раннего возраста подгибали все пальцы к подошве и накрепко привязывали их бинтами. Иногда ножки, которые называли золотыми лотосами или лилиями, были малы настолько, что жены и дочери богатых китайцев почти совсем не могли самостоятельно ходить («они подобны тростнику, который колышется от ветра»). Таких женщин с «золотыми лилиями» возили в тележках, носили в паланкинах, или сильные служанки носили их на плечах, словно маленьких детей.

Европейцы рассматривали китайский обычай утягивать ступни как садизм. Бинтование ног, разумеется, вызывало физические страдания, но оправданием этого обычая может служить то, что ради моды на жертвы шли женщины всех народов. Доказательством этого может служить то, что маньчжурки, представительницы народа-завоевателя,* были глубоко оскорблены, когда в 1664 году им запретили уродовать свои ноги. Но поистине печальным следствием обычая бинтования ног явилось то, что женщины перестали получать удовольствие от танцев, фехтования и физических упражнений, которые раньше играли важную роль в их жизни. Танцевальное искусство «ушло за кордон» — в Корею и Японию, а в Китае его предали забвению.

ЖЕНЩИНЫ ВЕТРА И ПЫЛИ

Для большинства китайцев даже среднего достатка содержание наложниц было недоступной роскошью, но мужчины желали разнообразить свою жизнь (и в первую очередь сексуальную). Из этого возникла потребность в женщинах,

---

** Маньчжуры — воинственное тунгусское племя. В 1644 году они завоевали Китай и основали свою династию. Маньчжуры усвоили китайский язык и культуру и распространились по всему Китаю.*

которых не обязательно селить в своем доме. Таким образом, появилась новая категория женщин — проститутки в домах терпимости, и китайцы с удовольствием «ходили по следам Маленькой Су*» (посещали веселые дома).

Одной из отличительных особенностей китайцев являлось умение давать поэтичные названия, и надписи на увеселительных заведениях были выдержаны в национальном духе: «Горы и море», «Храм распускающегося цветка». Проституток же нежно именовали «опавшими цветами» или «женщинами ветра и пыли», поскольку попутный ветер мог их занести куда угодно. В большинстве прибрежных районов имелись плавучие бордели — джонки, сампаны или другие суда, которые носили общее название «цветочных лодок», а «работающие» на них девушки именовались «небесными водяными лилиями». Одни эти суда были роскошны и подобны плавучим дворцам, другие очень скромны — простые сампаны, обнесенные полотняными ширмами.

Окна публичных домов имели голубые (зеленые) ставни, поэтому они назывались еще «зелеными беседками» или «голубыми покоями». Посещение «покоев» рассматривалось как неотъемлемая часть развлечений, а к самим жрицам любви относились без презрения, терпимо и с пониманием важности их профессии, которая считалась законной. Свои услуги предлагали и неграмотные проститутки, и утонченные куртизанки, великолепно разбирающиеся в музыке, танцах, владеющие основами литературного языка, а иногда превосходно слагающие стихи. Обычно (но бывали исключения) в «зеленые беседки» не шли добровольно. В основном девушки продавались бедными родителями или похищались. Соответственно и чтобы покинуть заведение, нужен был выкуп: либо самовыкуп, либо продажа «верному воздыхателю» в качестве жены-наложницы. И куртизанки, желающие, чтобы их взяли к себе в дом, стремились отвечать самым высоким требованиям.

Роль куртизанок в разные эпохи менялась и была преимущественно социальной. Эти девушки не только являлись наперсницами «золотой молодежи» и источниками вдохновения для поэтов, они играли важную роль в повседневной жизни среднего и высшего сословий. Чиновник, желающий получить повышение, должен был развлекать своих коллег, а преуспевающий торговец перед тем, как заключить сделку, — отпраздновать будущий коммерческий успех. Делалось это вне стен дома в ресторанах, борделях или публичных местах развлечений, где единственными присутствующими женщинами были дамы легкого поведения. С XIII столетия, когда ужесточилось разграничение полов, потребность в девушках, развлекающих гостей на пирушках, возросла еще больше. «Работа» куртизанок высокого класса была прекрасно организована и давала правительству хороший доход от

---

* *Маленькая Су — знаменитая гетера V века, неоднократно воспетая поэтами. До сих пор в городе Ханьчжоу сохранилась ее могила.*

налогов, которые платили ему владельцы публичных домов. Куртизанки занимали престижное положение в обществе, часто выходили замуж, если же это не удавалось, а они уже не могли по возрасту развлекать гостей, то продолжали оставаться в публичном доме в качестве учительниц музыки и танцев более юных служительниц любви.

ВЕЛИКОЕ ИСКУССТВО АЛЬКОВА

Спальным покоям, и, главное, тому, что в них происходило, придавалось значение, которое всем обитающим за Великой Китайской стеной «варварам» показалось бы сильно преувеличенным. Важность секса проповедовалась даосами, придававшими половому акту сакральное значение, и объяснялась в различных сексуальных пособиях.

«Желтый император (Хуан-ди) спросил Чистую деву (Су-нюй) — богиню, владеющую секретами долголетия: "Если я в течение длительного времени предпочитаю обходиться без половых сношений, то каковы будут последствия?" Чистая дева отвечала: "Очень плохи. Небо и Земля движутся попеременно, а инь и ян перетекают друг в друга и взаимодействуют. Человеку следует подражать им и следовать закону природы. Если Вы отказываетесь от совокуплений, Ваши жизненные силы застынут, а инь и ян придут в расстройство". — "А как в таком случае привести их в порядок?"... — "Если Ваш нефритовый стебель не используется, мужское естество погибает... вот почему ему необходимы регулярные упражнения"» (Су-нюй-цзин).

«Желтый император совокуплялся с тысячью двумястами женщинами, и он стал небожителем. У простолюдинов же имеется только одна женщина, но этого достаточно, чтобы они погубили свою жизнь. Воистину велика разница между знающим и невеждой! Сношаясь с женщинами, знаток сокрушается только, что их слишком мало. И вовсе не важно, чтобы они были хорошенькими и привлекательными. Достаточно, чтобы они были молодыми, еще не рожавшими детей и хорошо сложены. Если совокупиться с семью — восьмью такими женщинами, то это очень благотворно скажется на здоровье» (Юй фанчжи яо).

Искусство любви выражалось в разнообразии способов половых сношений: «Все мужчины должны знать разнообразные способы интимного общения с женами: лежа или сидят наверху, сзади или спереди, или на боку; проникая на всю глубину или только едва. Они должны знать Принципы Сексуальной Гармонии и Учение о Пяти Путях и сознавать, что от этого зависит, будут ли они счастливо жить или жалко прозябать» (Дун Сюаньцзы. Альковное искусство).

Даосы обожествляли мифического старца Пэн-цзу, который имел до тысячи двухсот наложниц, и прожил восемьсот лет. Пэн-цзу учил: «Продлить жизнь

можно, принимая лекарства, но, если пренебрегать сексуальными методами, лекарства будут бесполезны. Мужчина и женщина дополняют друг друга, как Небо и Земля, и сношения между ними — это Путь (Дао) гармонии. Вот почему они вечны. Поэтому человеческие существа, соблюдающие правила союза инь и ян, постигнут тайну бессмертия».

В искусстве любви жители Поднебесной искали изысканности и глубины половых удовольствий. В нем не было мелочей. Важно было всё: еда, подкрепляющая силы, возжигание благовоний, продуманная одежда, прическа и аромат, источаемый женщиной, и термины для изображения полового акта, половых органов, и всего, связанного с ними, были поэтичны и изящны.

Соитие называлось: облака и дождь, восторги ложа, туман и дождь.

Мужской половой орган: нефритовый стебель, мужской пик, алая птица.

Женский половой орган: нефритовые ворота, яшмовая ваза, коралловые ворота, пшеничная пещера; ягодицы — цветущая ветвь и нефритовое дерево...

Выражение «цветы сливы цветут во второй раз» означало «второе соитие в одну и ту же ночь», а «оплывание свечей» — страстность слияния.

Позы, принимаемые при совокуплении, также имели свои специальные названия. Основные именовались: «тесный союз»; «крепкая привязанность»; «выставленные жабры»; «рог единорога»; их варианты носили более замысловатые названия: «разворачивание шелка», «сосна с поникшими ветвями», «порхающие мотыльки», «несущиеся дикие скакуны», «конь, подрагивающий копытами», «бамбук близ алтаря», «ослы в третью луну», «собаки в девятый день осени», «прильнувшая темная цикада»...

Руководством в сложной науке секса служили специальные справочники — альковные книги, изучение которых не просто давало возможность получить большее наслаждение — оно было для китайца долгом. Эти справочники по сексу обычно держали в спальне, и они были столь же привычной ее принадлежностью, как и кухонная утварь на кухне. Альковные книги делали либо складывающимися в виде гармошки, либо в виде длинного свитка, и, когда их разворачивали, можно было одним взглядом окинуть множество разнообразных вариантов поз.

В пособиях давались советы по вопросам первостепенной важности, от которых зависело благополучие и здоровье мужа и его женщин. Некоторые из них посчитались бы в моногамном обществе признаком крайней распущенности, но в полигамном они отвечали его потребностям и диктовались здравым смыслом. Так рекомендации постоянно менять партнерш, в частности, объяснялись не только соображениями здоровья. Предпочтение, оказываемое одной из женщин, могло вызвать ссоры в женской половине и полностью разрушить семейную гармонию. Особое внимание уделялось и обязательному удовлетворению партнерши, ибо только тогда она могла быть максимально

полезна партнеру. Отношения инь-ян теоретически считались отношениями строгого равенства, но в интимном плане подразумевалось сексуальное превосходство женщины.

Столь же важно выбрать подходящую женщину и избежать контактов с неподходящей. У тех, кого следует избегать, «грубые волосы и нечистое лицо, увядшая шея, острые зубы, громкий голос, большой рот, длинный нос и беспокойный взгляд». К ним относятся также «имеющие растительность на лице, длинные выступающие кости и желтоватые волосы, худощавые с длинными волосами на лобке...» Перечень обширен, но наиболее важен возраст: «Лучше всего иметь дело с неопытной. Мужчина всегда должен спать с молодыми девушками: благодаря этому его кожа станет нежной, как у девочки. Но его партнерши не должны быть и чересчур молоденькими: лучше всего, если им будет от пятнадцати до восемнадцати лет. Во всяком случае не больше тридцати. Если она уже рожала, то сношение для мужчины будет напрасной тратой времени».

Нередко практиковали и групповой секс, который в литературе изображался, как правило, таким образом: один мужчина с двумя и более женщинами, и «лишними» женщинами чаще всего были служанки, которые помогали мужчине получить максимальное удовольствие с основной партнершей.

Отношение к женскому обнаженному телу не содержало даже намека на восхищение, в нем ценился только тот «один-единственный квадратный дюйм», который отличает ее от мужчины. Ноги, вернее крошечные ножки китаянки, являлись главным объектом ее сексуальной притягательности. Эта часть женского тела была жестко табуирована, считалась самой интимной и воспринималась как символ женственности и эротичности. Туго утянутые ступни закрывали декоративными гамашами, которые обычно повязывались вокруг щиколоток, а иногда доходили до середины икр. «Золотые лотосы» никогда не обнажались, и гамаши не снимались даже в случае полного обнажения тел. На эротических гравюрах и картинах женщины изображались во всевозможных позах, иногда по две-три с одним мужчиной, и единственным предметом туалета, остающимся на них, являлись крошечные гамаши. Было запрещено даже изображение обнаженных женских ног (исключение составляли женские божества или иногда служанки).

Прикосновение к ногам дамы было обязательной прелюдией в любовной игре и испытанием ее чувств. На свидании существовал специальный ритуал-тест, когда поклонник, выразивший свою любовь словами, приступал к действиям. Он ронял палочки для еды, и, поднимая их, слегка касался ног своей дамы. Если она не выражала возмущения, то он мог смело заключать ее в объятия и приступать к более интимным ласкам. Неосторожное прикосновение к ногам могло иметь и самые неприятные последствия. Считалось, что до всех других частей тела мужчина мог притронуться нечаянно, до ног

же — никогда, и простая неловкость с его стороны могла обернуться крайне неприятным скандалом.

Вокруг ножек сложился своеобразный фольклор, часто встречаются описания игры любовников с маленькими туфельками и разбинтовыванием ножек и в китайской литературе. Красочный даосский словарь сексуальных терминов поэтично назвал одно из половых сношений «прогулкой между золотистыми лилиями», а серьезность отношения к женским ногам лучше всего характеризует тот факт, что один из авторов XX столетия опубликовал пять томов (!) сочинений, где собрал всё известное о бинтованных женских ногах и связанных с этим традициями.

Искусство любви проявлялось в использовании специальных утонченных приспособлений и афродизиаков, позволяющих как мужчине, так и женщине увеличить удовольствие от соития. Изобретательный китайский любовник приносил на свидание в своем узелке множество любовных «снастей», и главный герой романа «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» Симэнь Цин был вооружен ими «до зубов». На своем «сокровище» он носит «умащенное особыми составами серебряное кольцо», в кармане — коробочку с особым ароматным чаем и душистой маслиной и «шарик-возбудитель», который выделывают в Бирме специально, чтобы «класть в горнило». Также в его узелке находится «подпруга томящегося от любви» — чехол типа презерватива, который предназначен для возбуждения партнерши, мазь для стягивания пука, которая наносилась на соответствующее место с тем, чтобы усилить воздействие мужской энергии, и прочие волшебные средства.

Даются в романе и описания приготовления к любовной схватке: «Она тщательно подготовила ложе. На нем лежала двойная подстилка с тем, чтобы им было удобно по ней кататься; покрывало было осыпано ароматным порошком с сильным запахом. Над изголовьем висела картина, изображающая резвящихся зеленого дракона и белого тигра, к стойкам кровати привязаны колокольчики...»

Учитывалось всё, и в пособиях по сексу, в частности, рекомендовалось при соитии весной лежать головой к востоку, летом — к югу, осенью — к западу, а зимой — к северу. Рекомендовались и наиболее благоприятные дни и часы. Положительными (благоприятными) днями считались нечетные дни месяца, а часами — от часа утра до полудня.

Повышению потенции и величине «нефритового стебля» придавалось немаловажное значение (вероятно, поэтому китайцы с почти священным ужасом воспринимали обычай обрезания, принятый у иудеев и мусульман), и в пособиях приводились рецепты разнообразных снадобий, позволяющие достигнуть желаемого. Один из них носил многозначительное название «лекарство плешивой курицы», связанное с тем, что петух, якобы съевший его,

совокуплялся с курицей непрерывно в течение нескольких дней, выщипывая перья у нее на голове, пока она не стала совсем плешивой.

Китайцы не осуждали многое из того, что подвергалось гонениям в других обществах (и в частности гомосексуализм и лесбийскую любовь). Половой акт рассматривался как часть миропорядка, его полагали священным, и «именно такое ментальное отношение наряду с почти полным отсутствием каких-либо ограничений, делали сексуальную жизнь древних китайцев в целом здоровой, на удивление лишенной патологических извращений и отклонений, столь распространенных в самых разных великих древних культурах» (Ван Гулик Р. Сексуальная жизнь в Древнем Китае).

Но в Поднебесной с крайним презрением воспринимали тех, кто добровольно отказывается от совокуплений и не вступает в брак. Мужчины вызывали недоумение пренебрежением к предкам, линия которых может прерваться, и обязанностям перед обществом. Женщины, добровольно отказавшиеся от замужества, вызывали самые мрачные подозрения в вампиризме или неких злодейских замыслах, за что их часто подвергали преследованиям.

К «публичности» актов любви относились с патриархальной простотой. В литературе и придворных записях описываются случаи, когда мужчина для подписания бумаг не отстранялся от женщины. Характерной чертой эротических гравюр эпох Сун, Юань и Мин было присутствие служанок, либо читающих любовникам стихи, либо поглаживающих их, либо предлагающих освежающие напитки во время паузы при «продленном сношении». Пользовались также популярностью занятия любовью в саду, и в литературе имеются описания веселой пикировки между совокупляющимися парами и прохожими по ту сторону стены, окружающей его.

Женщины также стремились достичь совершенства в альковном искусстве. Главным была систематичность и постоянство тренинга. В Китае искусство владения «мышцами любви» было доведено до такого совершенства, что овладевшая им превращалась в настоящую грозную «боевую единицу», которая использовалась в борьбе не только за власть над мужчинами, но, соответственно, за власть в политике.

Имена знаменитых китайских гетер Су Сяосяо (V в.) и Нянь Ну (VIII в.) остались в истории наравне с именами политических деятелей и поэтов. Сама же прославившая их и прочих служительниц любви техника и приемы тщательно оберегались и развивались, представляя собой сложную систему ежедневных упражнений, которые делались с присущим китайской нации упорством. Тренажерами служило гладкое деревянное яйцо, в которое продевался шелковый шнурок, и его длина зависела от мастерства тренирующейся. Суть упражнения состояла в умении манипулирования предметом — вталкивании и выталкивании обратно. Наиболее искусные «гимнастки» привязывали к шнуру грузик, который затем усилием мышц поднимали. Яйца, которые

использовали «атлетки», делались, из ценнейших пород древесины. Наряду с освоением сексуальных навыков наложницы обучались искусству духовного обольщения и умению манипулировать мужчинами. Не без помощи таких красавиц совершались государственные перевороты, устранялись конкуренты и даже разорялись отдельные княжества. Но главные битвы разыгрывались в Запретном городе Сына Неба — императора Китая.

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Прически и нарядные уборы,
И камни драгоценные в косе,
И золотые на шелках узоры,
И состязанье в блеске и красе.

Ли Цинчжао (1081–1145)

Отрезанный от остального города рвами и высокими пурпурно-красными стенами, Запретный город был центром Китайской империи, а в глазах ее жителей — всего мира. Выражение «Запретный город» в китайской языке составлено из трех понятий: цзы-цзынь и чэн. Первое означает Полярную звезду, появляющуюся на небосклоне, в определенном месте в определенное время, где по древним представлениям находится место верховного божества в окружении прочих богов. Второе слово означает «запретный», то есть доступный только для избранных. И, наконец, третий термин означает «защищенный и окруженный стенами». Под их надежным прикрытием в «городе» (960 • 750 м) с храмами, миниатюрными жилыми кварталами, садами и дворцами жили в течение пяти столетий императоры, императрицы, наложницы, евнухи и знать.

Надежно скрытый от чужих глаз, он способствовал рождению мифов об императорах и их загадочной жизни. Сами императоры поддерживали эти мифы, очень редко покидая Запретный город, переезжая лишь в летние резиденции или отправляясь в храмы Пекина и на могилы предков. Подобные выезды надолго запоминались жителям столицы, так как причиняли им немало неудобств. Земля на улицах, по которым должен был проезжать император, посыпалась желтым песком, выходящие на них переулки перекрывались рогатками, а народ загонялся в дома, где занавешивались окна и двери. И воцарялась мертвая тишина, ибо неосторожное слово или невольное движение могли стоить не только свободы, но и жизни.

В пределах Запретного и Императорского городов император позволял себе шествовать пешком. При этом с обеих сторон его поддерживали под руки два евнуха, и еще два были готовы бежать, чтобы исполнить его любое приказание. Когда же он находился в седле, евнухи шли по бокам от лошади, а пустой императорский паланкин в любом случае несли следом. Всегда

носили также большой ярко-желтый церемониальный зонт, а летом опахало из павлиньих перьев.

Но поистине необыкновенным становился Запретный город ночью. Она превращала его в особый «женский мир». По обычаю всем мужчинам, кроме самого императора и евнухов, запрещалось оставаться на ночь в пределах императорского дворца.

«В прошлом в Запретном городе ежедневно, к определенному часу все — от князей, сановников до слуг — должны были покинуть дворец, — вспоминает последний китайский император Пу И, — кроме стоявших возле дворца Цяньцингун стражников и мужчин из императорской семьи, во дворце не оставалось ни одного настоящего мужчины... Каждый день, едва сумерки окутывали Запретный город и за воротами скрывался последний посетитель, тишину нарушали доносившиеся от дворца Цяньцингун леденящие душу выкрики: «Опустить засовы! Запереть замки! Осторожней с фонарями!.. И вместе с последней фразой во всех уголках Запретного города слышались монотонные голоса дежурных евнухов, передававших команду. Эта церемония была введена еще императором Канси для того, чтобы поддержать бдительность евнухов (еще в период Мин ночную охрану в Запретном городе заставляли нести проштрафившихся евнухов). Она наполняла Запретный город какой-то таинственностью».

Дворцы носили удивительные названия: «Дворец питания ума», «Дворец небесной чистоты», «Дворец земного мира»; не менее поэтично звались залы: «Зал радости долголетия», «Зал яшмовой волны» и так далее.

Императорский двор, насчитывающий тысячи чиновников, евнухов, гвардейцев, наложниц гарема, родственников и жен, представлял собой маленькое государство в государстве с собственным управлением, законами, судом и финансами. Имелся и специальный орган — дворцовое управление, состоящее из большого штата министров и мандаринов. Оно подразделялось на семь ведомств, и за порядок в гареме отвечали третье церемониальное (соблюдение сложнейших церемоний) и четвертое ведомства. Последнее отвечало за все происходящее в гареме и занималось подбором его обитательниц, количество которых иногда достигало колоссальных размеров.

Персона императора окружалась поистине божественными почестями. Попав в одну из шести тронных палат, все, включая князей императорской крови, должны были пасть ниц даже перед пустым троном или желтыми ширмами с изображением дракона и черепахи (последняя символизировала долголетие). То же самое надлежало совершать и перед личными вещами Сына Неба.

На приеме у императора даже его ближайшие родственники, в том числе братья и мать (вдовствующая императрица), обязаны были пасть на колени, а князья императорской крови — еще и троекратно коснуться лбом пола. Сановники же трижды становились на колени и каждый раз трижды били челом

об пол. Эта церемония называлась — «Три коленопреклонения и девять земных поклонов».

Возникший в древности, этот обряд должен был защитить императора от неожиданного нападения вошедшего заговорщика и объяснялся тем, что с колен нанести удар намного труднее, чем из положении стоя. Стоять в присутствии Владыки Поднебесной дозволялось только чиновникам дворцового ведомства, гвардейцам-телохранителям и евнухам.

Императорским символом в Китае был дракон — мифическое животное с головой верблюда, рогами оленя, глазами зайца, ушами вола, чешуей карпа, брюхом морского чудовища, с шеей и хвостом змеи. Он мог быть зримым и незримым, грозным и милостивым, и, зная, как народ чтит дракона и восхищается им, императоры приписывали себе черты этого таинственного чудовища. Полагали, что у него лик дракона, очи дракона, пальцы-когти дракона, а дети — потомки дракона. И жизнь такого императора-дракона была совершенно закрыта от простых смертных и окружена поистине мистической таинственностью. Она оставалась спрятанной за высокими стенами Запретного города, сведения о ней не разглашались, и нарушение этого запрета каралось беспощадно.

Немаловажная составляющая этой жизни, а именно сексуальная, имела для всей страны первостепенное значение, потенция императора почиталась в качестве воспроизводящей силы природы и символа жизнеспособности общества. Подданные верили, что он обладает сверхчеловеческим запасом ци — Жизненной Силы. Но для того чтобы она не иссякала, требовался постоянный приток женского субстрата инь, и с этой целью правитель держал при себе многочисленных жен и наложниц. Число обитательниц гарема не ограничивалось и могло достигать нескольких тысяч. Что же касается его минимального состава, то Сыну Неба полагалось иметь: одну законную жену — императрицу, девять жен второго ранга, двадцать семь — третьего и восемьдесят одну наложницу. Все эти числа были отражением числовой магии*.

ДРАКОН, ПТИЦА ФЕНИКС И ДРАГОЦЕННЫЕ ЛЮБОВНИЦЫ

Интимная жизнь повелителя Поднебесной была жестко регламентирована и не только потому, что «этикет ограничивает любовь». Это связано все с теми же космогоническими представлениями китайцев, по которым каждой обитательнице гарема полагалась соответствующая ее статусу степень иньской

** Нечетные числа символизируют положительное мужское начало в природе и мужской животворящей силе. Четные числа — женское, отрицательное начало и женское плодородие. Число три является первым нечетным числом после единицы, оно обозначает мощную мужскую потенцию. Девятка — это три раза по три, и означает изобилие. Перемножив эти числа, получаем двадцать семь и восемьдесят один.*

энергии, и самой высокой степенью активности наделялась императрица. По этой причине она имела счастье соития с Сыном Неба всего один раз в месяц. Считалось, что во время сексуального акта император питает свою жизненную силу за счет женской, и для того, чтобы зачать достойного, умного и здорового наследника трона, выбирался момент, когда потенция повелителя, усиленная многократными соитиями с женщинами низшего ранга, достигала своего пика. С наложницами, имевшими постоянный доступ в спальные покои императора, отношения (как и в семьях простых китайцев) были гораздо ближе, и в результате они становились фактическими госпожами гарема.

Сын Неба мог иметь две или три жены — одну «главную» и две «второстепенных». Символом императрицы-Матери государства, служила фантастическая птица — Феникс, одетая в перья пяти цветов. Она олицетворяла солнце и тепло, лето и урожай, добродетель и милосердие и была самой почитаемой среди пернатых страны. Дракона и птицу Феникс часто изображали вместе играющими жемчужиной, и эта пара воспринималась не только как государственный символ, но и как свадебный (жених и невеста).

Наложницы делились на пять разрядов. Первым, самым важным являлась хуан гуйфэй (императорская драгоценная любовница), затем шли по убывающей: гуйфэй (драгоценная наложница), фэй (наложница), бинь (конкубина, что можно перевести как «сожительница»), гуй жень (драгоценный человек). Это был низший ранг наложниц, до которого низводили провинившихся женщин более высокого ранга. Далее шли «дворцовые девушки», которые были, как видно, «уважаемыми людьми», а основание придворной пирамиды составляли прислужницы (шинюй).

Размещались все женщины соответственно своему положению. Самыми престижными считались апартаменты в средней части Запретного города, и «главная императрица» проживала в центре дворцового комплекса, именуясь «императрицей среднего дворца» и «Матерью государства», в восточной части обитала вторая жена — «императрица восточного чертога», и, наконец, третья супруга, или «императрица западного дворца», обитала в западной, наименее значимой части Запретного города. Вместе с вдовствующей императрицей в дворцовом комплексе могло находиться одновременно четыре государыни. Иногда мать Сына Неба жила в одной из летних загородных резиденций за пределами Запретного города.

Особенностью дворцовых покоев Сына Неба был парящий в них золотистый туман, исходящий от вещей и одежд. Жизнерадостный желтый цвет означал могущество, богатство, источник силы и являлся символом Земли, а так как император был обладателем всех земель Поднебесной, то ему принадлежало исключительное право на него. Всё вокруг — подстилки на стульях, подкладка на одежде, фарфоровая посуда и занавески — было ярко-желтым. В цинском Китае этот цвет означал и принадлежность человека (а также вещи) ко двору

Сына Неба. Одежду данного цвета могли носить только те, кто непосредственно служил императору (гвардейцы-телохранители и евнухи), и его родственники, причем обилие желтого в нарядах князей императорской крови сокращалось по мере снижения их титула и удаленности семей от основного генеалогического древа. Императрицам была оказана честь носить светло-желтые одеяния, а наложницам — темно-желтые. Остальные подданные получали право на желтые элементы в своей одежде лишь за особые услуги, оказанные династии.

Еще одной особенностью императорского двора были многочисленные изображения дракона — государственного герба Цинской империи. Это бескрылое чудовище с изогнутым туловищем, рогами на голове, с четырьмя лапами и пятью когтями на каждой украшало треугольные императорские знамена, стены дворцов, посуду, ширмы, декоративные вазы, паланкины, личные вещи Сына Неба.

Жены и наложницы жили отдельно друг от друга, и у каждой в Запретном городе имелся свой дворец. Это был обособленный, окруженный стеной квартал с садами, павильонами, жилыми помещениями и прудами. Любимым наложницам также старались предоставить некое подобие дворца в миниатюре. Каждый из этих обособленных мирков имел свое поэтичное название: «Павильон истинного аромата», «Здесь всегда весна», «Тень платана», «Парк радости и света» и так далее, не менее романтичные названия имели и залы: «Зал яшмовой волны», «Зал радости долголетия». Каждая из императриц имела собственную прекрасную кухню с великолепными поварами, трапеза же императора обставлялась поистине китайскими церемониями.

«СНЯТЬ КРЫШКИ!»

Для императрицы утро начиналось с чаепития и сладостей — засахаренных семян лотоса, дыни и грецких орехов. На тарелочках лежали также особым способом приготовленные сахарный тростник и фрукты. После чаепития Мать государства шествовала в соседнюю залу, где был накрыт завтрак. Любая трапеза начиналась с горячего чая — цветочного или зеленого, черного, им же и заканчивалась. Вот как описывает сложную процедуру чаепития императрицы присутствующая на нем автор книги «Два года в Запретном городе» придворная императрицы Цыси принцесса Дерлин: «Под конец евнухи принесли чай в нефритовых пиалах, покрытых позолоченными блюдцами. В двух специальных чашечках находились лепестки жасмина и розы. Евнухи, держа в руках подносы с этими чашечками, опустились на колени перед вдовствующей императрицей. Она взяла серебряными палочками лепестки цветов и положила их в пиалу, отчего чай приобрел особый аромат». Чай подавался не просто, а с соблюдением этикета: евнухи двумя руками поднимали чашку на уровень своей правой брови, медленно подходили к государыне, вставали на колени и подавали пиалу.

Трапеза Сына Неба проходила по еще более сложному этикету. Еда подавалась сразу же, как только император заявлял о своем желании «вкушать яства». Тотчас после получения сообщения о том, что Сын Неба проголодался, начиналась судорожная суета: старший евнух передавал эту весть другому, тот пулей мчался в квартал, где находилась кухня, оттуда еще один евнух подавал команду, и вскоре из ворот дежурного помещения торжественно выходила процессия с яствами для императора.

Многие блюда готовились заранее, иногда за день, и поэтому на первый план перед Сыном Неба ставили не эти перепрелые блюда, а около двадцати свежих великолепных кушаний. Их приносили в красных лакированных коробах, украшенных золотыми драконами. У дверей палаты «священная ноша» передавалась молодым евнухам в белых нарукавниках, которые расставляли их на столе. Рядом с «драконовым местом» императора находились два стола с «главными» блюдами, а зимой и «третий стол» с китайским самоваром для остывших кушаний. Имелись и еще три стола, в том числе со сдобой, рисом и кашами. На седьмом — расставляли соленые овощи. Летом, весной и осенью использовалась желтая фарфоровая посуда с изображением драконов. Зимой сервиз был серебряным. С появлением в зале Сына Неба раздавалась команда «Снять крышки!», и император садился за стол.

По этикету, установленному в Цинской империи, Сыну Неба запрещалось вкушать трапезу с кем бы то ни было, но для императрицы и вдовствующей императрицы делалось исключение.

Меню было чрезвычайно разнообразно, а его изобилие вполне способно удовлетворить аппетит самого Гаргантюа. Оно состояло из ста «главных» блюд, не считая «обычных», которые с соблюдением сложных церемоний подавал евнух.

Завтрак повелителя начинался так же, как и у императрицы — с чая и сладостей. Затем шли свыше двадцати перемен «утренних яств», и в частности: жареная утка с грибами, утка в соусе, говядина на пару. Вслед за ними подавались вареные потроха, филе из говядины с капустой, тушеная баранина и жареные грибы. Затем — баранина со шпинатом и соевым сыром, мясо духовое с капустой на пару, филе из баранины, пирожки и жареное мясо с капустой. В придачу шли соленые соевые бобы, ломтики копченостей и так далее. В конце трапезы евнух подносил кашу из желтого риса и сладких зерен.

Императорская кухня славилась обилием приправ, количество которых могло достигать четырехсот, в постоянном обиходе их было не менее ста.

Меню одного обеда могло состоять из ста пятидесяти блюд, среди которых были традиционные: «пекинская утка», плавники акулы, утиные язычки, жареные рыбьи молоки, раки в чесноке с сахаром, жареные луковицы лилий, а также сладости. Считалось, что сладости возбуждают аппетит, с них начинали трапезу и в домах простых смертных, а на императорский стол в маленьких

тарелочках подавались корни лотоса, сваренные в меду, жареные грецкие орехи, засахаренные зерна абрикоса и многое другое.

На трапезу августейшего семейства уходило огромное количество продуктов, часть которых расхищалась, а часть уходила впустую — на церемонии «подношения яств». И воистину китайская поговорка «Что император скушает за один раз, то крестьянину на полгода хватит» отражала положение дел неверно. За императорским столом съедалось значительно больше.

«ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ КРАСНОЙ КИСТЬЮ» (ГАРЕМ ИМПЕРАТОРА)

По установлениям династии Цин, молодая императрица должна была подарить империи в течение пяти лет наследника престола. Если она оказывалась бездетной, ее супруг заводил себе вторую жену, которую выбирали из уже родивших сына наложниц первого или второго ранга. Тем не менее, вторая супруга должна была во всем уступать первой, оставшейся главной женой. После смерти Сына Неба его жены не имели права выйти замуж или возвратиться в семью. Наложницы должны были оставаться там до достижения 25-летнего возраста, а затем, если у них не было детей, удалялись из дворца.

В древности порядком в сексуальных отношениях царя с его женами и наложницами ведали не лишенные «мужественности» евнухи, а специальные придворные дамы — *нюйши*. Они следили за соблюдением периодичности, установленной ритуалом для каждой категории, чтобы царь принимал своих женщин в благоприятные для этого дни, и вели учет всех совокуплений, записывая их специальной красной кистью, называемой *тун гу ань*. И во все последующие века описание сексуальной жизни правителей называлось в китайской литературе *туншu* (записи, сделанные красной кистью). Время соитий с царем было жестко регламентировано. Женщины низших рангов должны было иметь «акт любви» с ним прежде жен высшего ранга и делать это чаще. Только женам высшего ранга разрешалось оставаться с царем всю ночь. Наложницы были обязаны покидать спальню до наступления рассвета. И введение в спальные покои сопровождалось определенными церемониями. Нюйши, надев женщине на правую руку серебряное кольцо, провожала ее в царственную опочивальню и присутствовала при совокуплении, чтобы потом сделать надлежащую запись. После этого она перемещала серебряное кольцо с правой руки на левую и вносила запись о дне ее союза с правителем. Если он оказывался плодоносным, и женщина после соития зачинала, нюйши выдавала ей золотое кольцо с правом носить его.

Затем кольцо заменила печать. В «Джоан лоу цзы» («Записки из туалетной комнаты») говорится, что в начале эры Кайюань (713–741) каждой женщине, с которой совокупился император, ставили на руку печать со следующим текстом: «Ветер и луна (то есть забавы) вечно остаются новыми». Эту печать натирали благовониями из корицы, после чего удалить ее было невозможно. Ни одна из сотен дворцовых дам не могла без предъявления этой печати претендовать на то, что удостоилась благосклонности императора.

Со временем из-за увеличения количества женщин в гареме учет сексуальных отношений императора (дабы в дальнейшем не возникало осложнений при определении будущего статуса его ребенка) стал еще более скрупулезным.

Начали отмечать дату и час каждого удачного сексуального союза, дни менструаций у каждой из женщин и появление первых признаков беременности.

К императрице император приходил сам и на время, которое ничем не ограничивалось. Тем не менее, каждое посещение фиксировалось в книге учета, и когда Сын Неба выходил от государыни, евнух должен был на коленях спрашивать императора, как прошла ночь. Если государь изволил осчастливить супругу, евнух записывал в специальной книге: «Такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года в такой-то час государь осчастливил императрицу». Если же ничего не было, то император просто говорил: «Уходи!»

После завоевания Китая маньчжурами, представители новой династии ханы Нурхацы и Абахай установили для будущих властителей правила «ограничения разврата». Была создана Палата Важных Дел, штат которой набирался исключительно из евнухов высшей категории, они имели свободный доступ в гарем, покои, смежные со спальней Сына Неба, а также в покои рядом с опочивальней императрицы.

Ночи с наложницами сопровождались сложными церемониями. Для начала посылалась нефритовая табличка с именем девушки, хранящаяся у императора в специальном ящичке. Главный евнух Палаты Важных Дел, войдя в покои счастливой избранницы, торжественно объявлял приказ (титул наложницы), (имя наложницы)! Опустившись на колени, та принимала табличку. После этого служанки отводили ее в спальню, раздевали и готовили к встрече, умащая согласно обычаям благовониями. Девушка должна была предстать перед Сыном Неба абсолютно обнаженной. Это делалось не ради возбуждения императора, а из предосторожности, чтобы она не могла спрятать оружие (подобные случаи в истории были). Когда эта процедура заканчивалась, одна из служанок вызывала евнуха, он закутывал наложницу в специальную накидку из пуха цапли (возможно, из-за того, что цапля хорошо ловит змей и символизировала в Китае защиту от всякого коварства), сажал девушку себе на плечо и, придерживая ее за ноги, нес в опочивальню императора. В это самое время император обычно был уже в постели, так что наложница, когда ее разворачивали, проскальзывала к нему прямо под одеяло. По правилам Цинского двора Сын Неба не мог оставить наложницу у себя надолго, и тем более до утра. Когда истекал положенный срок, главный управляющий громко произносил: «Время пришло». Если император не отзывался, то фраза повторялась. На третий раз, как бы ни были сладки объятия, следовало обязательно откликнуться и отпустить красавицу. После ее ухода императора почтительнейше спрашивали: «Оставить или нет?» Если да, то в специальную книгу учета заносилась запись, что такого-то числа Сын Неба осчастливил такую-то, и, если зачатие произошло, оно фиксировалось с точностью до часа (китайцы ведут отсчет своего дня рождения с момента зачатия, и поэтому на девять месяцев старше европейцев). Эта запись служила оправданием в случае беременности

и доказательством высочайшего происхождения ребенка. Если Сын Неба был недоволен женщиной или находился в дурном расположении духа, следовал приказ: «Не оставлять!» Тогда на живот девушки надавливали особым образом, и «семя дракона» выходило наружу.

Состав наложниц время от времени обновлялся, а для юного императора их «штат» набирался после достижения им совершеннолетия (семнадцати — восемнадцати лет). Гаремом своего покойного отца он не имел права пользоваться, а новый гарем набирался по истечении срока траура по прежнему императору. Родственницы императорской фамилии не должны были выставлять на смотрины своих дочерей, вероятно из-за опасности кровосмесительства (императрица Цыси потом нарушила это правило). Не принимали в гарем и китаянок, но по иной причине: маньчжуры боялись покушений со стороны представительниц покоренного ими народа, но охотно использовали их в качестве служанок.

Устраивались смотрины, на которые приказывалось прибыть всем красивым девушкам от двенадцати до шестнадцати лет из знатных маньчжурских семей, члены которых без особой охоты подчинялись этому повелению императора. Завоеватели Китая очень любили и баловали своих дочерей, и степень свободы в маньчжурских семьях для девочек была значительно выше, чем в китайских. Им даже дозволялось сидеть в присутствии старших, они не бинтовали, как уже писалось, ноги. Не действовал и запрет, по которому нельзя было встречаться мальчикам и девочкам старше семи лет. Достаточно хорошо осведомленные о жизни гарема знатные маньчжуры пускались на всяческие уловки, стараясь избежать регистрации своих дочерей в «смотровой книге».

Если это все же не удавалось, то девушек старались спрятать или спешно выдавали замуж. Нежелание попасть в гарем Сына Неба доходило до того, что кандидатки симулировали хромоту и заикание, а иногда их родители шли на откровенный обман, представляя на смотрины вместо членов своих семей бедных маньчжурок и китаянок. Последнее удавалось сделать с большим трудом, так как китаянки были намного красивее и утонченнее женщин из нации завоевателей их страны.

Императору подавался список красавиц с подробными указаниями имени, фамилии, цвета знамени* и даты рождения каждой. При этом попасть в список могла только та, чьи восемь иероглифов, обозначающих эту дату, сулили счастливое будущее.

** После завоевания Китая маньчжуры разделили свое войско на три разряда: маньчжурский, монгольский и китайский. Внутри каждого разряда существовало восемь «знамен» (корпусов). Принадлежность к «восьмизнаменному войску» передавалась по наследству, как дворянское звание, а знамя первого ранга было желтое.*

Будущая императрица Цыси, попавшая во дворец за красоту, была описана в нем так: «Урожденная Нара, принадлежит к желтому знамени, носит имя Цуй, лет столько-то, родилась в четырнадцатый год правления императора Даогуана»*.

Отбор наложниц проходил в несколько этапов, представляя сложную процедуру. Вначале попавшие в список избранницы переходили под опеку дворцового управления, где их обучали этикету и прививали подобающие двору манеры, а затем, через полгода они являлись на «дворцовые» смотрины, проходящие в одном из залов «Дворца земного спокойствия». Девушки из богатых семей представали в собственных нарядных одеждах, нуждающиеся — в выданных им платьях. Иногда император сам участвовал в процедуре, иногда отдавал все на усмотрение императрице-матери. Случались и драмы, когда он уже «приглядел» себе жену среди кандидаток, но из политических или других соображений ему назначалась другая. Девушки медленно и грациозно проплывали мимо трона Сына Неба, а затем по окончании шествия выстраивались в ряд, что было явным нарушением этикета, ибо перед императором и вдовствующей императрицей следовало стоять на коленях, но в данном случае это положение не давало возможности оценить фигуру кандидатки. После небольшого совещания выносилось решение. Победительницам через евнухов вручались изогнутые нефритовые жезлы-жуи с головкой, напоминающей древесный гриб или облако (по некоторым данным они произошли от культа фаллоса). Первый жезл подносили той, кого выбирали в императрицы. Остальные обладательницы жезлов становились наложницами и разделялись на пять категорий. Тем же, кто не попал в число избранниц, от имени вдовствующей императрицы дарились шелковые одежды.

После церемонии отобранных красавиц отпускали на два месяца по домам для прощания с родными, и оно было невеселым. Девушки из богатых семей первое время очень тосковали во дворце. Придворный быт казался скучным, а изысканная одежда и кушания, к которым они привыкли в семье, не приносили утешения. Другим, попавшим во дворец из бедных семей, его роскошь была внове и помогала утешиться после разлуки с близкими.

Представить себе, как происходили выборы наложниц в гарем Сына Неба можно на примере императора Гуансюя, который вступил на Трон Дракона 4 марта 1889 года в возрасте 18 лет. По старым китайским законам император, вступая на престол, должен быть женат, и поэтому свадьба Гуансюя была сыграна еще 26 февраля 1889 года. Вот как описывал Гессе-Вартек выбор

---

* *Императрица Цыси (1834–1908) — полуофициальная правительница Китая, поднявшаяся из наложниц в императрицы. С 1875 по 1889 год — регентша при своем племяннике Гуансюе. В 1898 году в результате реакционного переворота окончательно встала во главе правления.*

невесты императору: «В 1888 году во дворце были назначены смотрины, на которые собралась тысяча красивейших маньчжурских девушек в возрасте от 12 до 16 лет. Императрица-регентша произвела им смотр и сделала первый выбор. Несколько дней спустя отобранные кандидатки были подвергнуты второму, более строгому разбору. Признанных достойнейшими занесли в список и отпустили по домам с тем, чтобы отцы вновь явились с ними во дворец по первому требованию. 28 октября 1888 года состоялся третий выбор, тридцати кандидаткам было предложено во дворце угощение, император беседовал с ними и затем сообщил императрице-регентше свои пожелания».

На самом деле все было значительно сложнее, выбор императрицы-регентши был предрешен заранее и вопреки воле юного императора. Цыси хотела, чтобы императрицей стала ее племянница, которую она очень любила. Гуансюю же приглянулись две фрейлины, Цзинь и Бао, которых называли просто Старшей и Младшей красавицей, потому что обе они были наделены редкостной прелестью и очарованием. Особенно хороша была Младшая красавица, талантливая поэтесса и художница. Она очень нравилась императору, он надеялся сблизиться с нею и сделать своей императрицей. В смотринах император не принимал никакого участия, он только не сомкнул глаз всю ночь накануне объявления решения. Выбор Цыси был для него ударом, слабым утешением стало только то, что в наложницы попали Старшая и Младшая красавицы. Предпочтение, которое он им оказывал, полностью пренебрегая своей главной супругой, привело к разладу с мстительной Цыси, и стало одной из причин низложения Гуансюя.

Судьба наложниц могла сложиться по-разному. Одни могли возвыситься до звания императрицы, другие удалялись из Запретного города за бездетность и строптивый нрав. Бывало, что император мог вовсе не обратить свой благосклонный взор на избранницу, и тогда ей грозила участь старой девы, так как было необходимо остаться девственницей. Если лишенную невинности (чаще всего псевдоевнухами, которых было немало во дворце) наложницу император вдруг призывал на ложе и ее «преступление» обнаруживалось, то это могло обернуться страшным позором для нее и ужасными последствиями для всей родни.

Для некоторых девушек, воспитанных в дружных семьях любящими и нежными родителями, пребывание в гареме становилось настолько невыносимым, что они накладывали на себя руки. Смерть была мучительной, так как чаще всего им приходилось уморить себя голодом. Иной способ добровольного хода из жизни грозил гибелью их близким, которых казнили за самоубийство супруги или наложницы императора. Иногда с неугодными наложницами расправлялись «гуманно», даруя бунтаркам или жертвам интриг право броситься в колодец или проглотить тончайшую золотую пластинку, перекрывающую дыхание.

Случалось, что наложница все же попадала на ложе к Сыну Неба, но затем забывалась им на долгие годы, лишенная мужской ласки и внимания. Подобных дам было много, и в гареме неизбежно возникала любовь между женщинами. К ней в Старом Китае относились терпимо, и методы взаимного удовлетворения были продуманы до мелочей, нередко с благословения господина, у которого были свои причины для поощрения лесбийской любви.

Она использовалась им во время группового секса с наложницами, а также для поддержания чувственности у забытых жен. Кроме гаремных подруг, каждая женщина непременно имела при себе персональную служанку, которая тоже нередко становилась наперсницей своей госпожи в любовных утехах, часто использовался и набор разнообразных приспособлений, который за большие деньги доставляли в гаремы евнухи. Кроме того, в Китае супруга (особенно когда муж уезжал на войну или умирал) должна была иметь у себя изготовленную из сандалового дерева или слоновой кости копию «нефритового стебля» своего мужа с выгравированными иероглифами его имени, который хранили в особом ларце. Он был предназначен не только для почитания, но и для мастурбации или сексуальных игр с другими женами и наложницами, в которых старшая супруга брала на себя роль мужа.

Самыми лучшими считались искусственные пенисы из полированной слоновой кости или лакированного дерева, имевшие волнистую поверхность. Среди природных мастурбаторов наиболее известен сухой черный гриб с тугой прилегающей шляпкой, напоминающий своей формой мужской половой член. Попадая во влажную среду влагалища, гриб приобретал живую упругость и теплоту. В случае одинокой мастурбации его прикрепляли к пятке, а во время лесбийского общения привязывали к пояснице, дабы иметь возможность полноценно ублажать свою «ароматную наперсницу». На картине эпохи Мин изображена девушка, к бедру которой прикреплен ремешками искусственный пенис, такое расположение не совпадало с анатомией мужчин, но требовало меньше усилий при работе с ним.

Досуг наложниц состоял из обычных развлечений гарема — сплетен, нарядов и ухода за своей внешностью, занимались там также каллиграфией, чтением и сочинением стихов, но большую часть времени красавицы проводили в безделье.

Женщины императора имели огромное количество прислужниц, их количество достигало двух тысяч: горничные, камеристки, посыльные императриц и наложниц, и те, которые выполняли самую разную работу. Они выращивали шелковичных червей, окрашивали шелк, шили одежду, изготовляли косметику, убирали жилые покои и отбивали ударами в гонг двухчасовые стражи. Участь дворцовых прислужниц, в основном молоденьких китаянок, была нелегка. Их обычно присылали из Сучжоу и Ханчжоу, славящихся своими грациозными, сексуальными красавицами. Эти хрупкие девушки выгодно отличались от гру-

боватых маньчжурок, входящих в гарем императора, и тот не отказывал себе в удовольствии отдать должное их красоте. Иногда во время прогулки по своему парку, он, завидев хорошенькую служанку, приказывал свите остановиться и тут же на месте предавался любви. Ненадолго уединившись со своей избранницей и утолив свою страсть, император затем приказывал двигаться дальше.

Молоденькие служанки, не попавшие в число наперсниц и любимиц госпожи, оказывались во власти евнухов, многие из которых, испытывая половое влечение, начинали преследовать несчастных женщин, и, не в силах удовлетворить свою страсть, вымещали на своих безответных жертвах обиду. Они били девушек, хлестали плетками, ранили ножами и кусали. Оставшиеся на всю жизнь шрамы являлись печатью позора, и когда отмеченные ею служанки теряли свою свежесть и отпускались домой, они не могли выйти замуж.

Сохранялось в гареме Запретного города и определенное количество старых служанок, которые, пройдя суровую дворцовую школу, ценились своими госпожами за надежность и преданность — неоценимое качество в сложной и опасной гаремной жизни.

ТАЙНЫЕ ВОЙНЫ ЗАПРЕТНОГО ГОРОДА

Гарем китайского императора ничем не отличался от гаремов властителей других стран, где шла непрерывная борьба за власть и место в сердце господина. Женщины яростно соперничали между собой, используя прислугу, с готовностью доставляющую им новости, слухи и сплетни. Преданность не всегда была бескорыстной, и определенная (и весьма солидная по тем временам) сумма денег, которую выдавало дворцовое управление наложнице, часто уходила на оплату самого дорогого во все времена товара, а именно, секретной информации. Каждая наложница имела фрейлин, служанок и евнухов, численность которых резко возрастала, если ее положение становилось более привилегированным. И штат госпожи обычно был заинтересован в ее возвышении, так как за все оказанные услуги расплачивались не только казенным серебром, но и поблажками, повышением по службе, продвижением карьеры родственников, и чем более высокого положения достигала наложница, тем шире были ее возможности.

Интриги плелись тщательно. В одной из древних легенд рассказывается о Ван-Чжао-Цзюнь (она же Ван Цзян). Красавица и талантливая поэтесса, была наложницей ханьского императора Юаньди (48–33 гг. до н. э.), но он ни разу не призвал ее в свою опочивальню. Такое пренебрежение объяснялось очень просто. Император выбирал себе женщин по портретам на табличках (видимо, обитательниц гарема было так много, что видел он не всех), а Ван-Чжао-Цзюнь была изображена на редкость уродливой. Неизвестно, подстроили это соперницы, художник или евнух, не получившие от красавицы, как от других наложниц,

взятку, но несчастливую Ван-Чжао-Цзюнь, как самую некрасивую, император решил отдать в жены вождю сюнну (гуннов). Когда она явилась к повелителю на прощальную аудиенцию, тот был потрясен и влюбился с первого взгляда. Но договор с сюнну был уже заключен, и Ван-Чжао-Цзюнь была отправлена к их вождю. Там она написала прекрасные стихи, в которых выразила свою печаль, и, прожив очень недолго, умерла от тоски по родине.

Коррупция росла, и при маньчжурах гарему было строжайше запрещено вмешиваться в государственные дела. Женщинам не разрешалось оказывать протекцию чиновникам, докучая императору делами такого рода. Делалось все, чтобы гарем не был ареной политических интриг, однако это не всегда удавалось, а в истории Запретного города остались случаи, когда борьба между наложницами принимала извращенно жестокие формы. Новым фавориткам нередко выдавались на расправу отвергнутые жены и наложницы, которых победительницы страшно и долго мучили. Одна из казней называлась «сделать человека-свинью». В «Исторических записках» Сыма-Цяня (II–I вв. до н. э.) рассказывалось, как любимой наложнице государя отрубили руки и ноги, выкололи глаза, дали выпить снадобье, вызвавшее немоту, и поместили жить в отхожее место.

Но чаще месть победительниц направлялась на «яшмовую вазу» соперницы. Несчастным жертвам засыпали туда раздражающие вещества (например песок) или вводили раскаленные докрасна металлические прутья. Им отрезали груди и соски, и заставляли совокупляться с животными, устраивая это представление перед глумящейся толпой.

Две наложницы попытались убить красавицу Чжао-синь, которую начал отличать их повелитель, принц Цюй. Покушение было предотвращено, и принц Цюй позволил Чжао-синь самой выбрать для них наказание. Жестокая красавица не замедлила воспользоваться этим. Наложниц вывели на городскую площадь, раздели донага, поставили на колени и в таком положении привязали к вбитым в землю кольям. Затем начали случать с ними баранов, козлов и даже кобелей, к немалому удовольствию Чжао-синь, которая наблюдала за происходящим. Мучения несчастных закончились, только когда их разрубили пополам (Сюй Инцю. История Чжао-синь, фаворитки принца Цюя, XIII век). На протяжении своей карьеры Чжао-синь замучила насмерть четырнадцать соперниц. Некоторые из женщин пытались покончить с собой, бросаясь в колодцы, но Чжао-синь не позволяла им умереть быстро, и, повелев привести жертву в чувство, убивала ее медленно и мучительно.

Любовь к господину находила выражение и в совершенно иных формах. Существует множество рассказов о самопожертвовании и преданности женщин, многие из которых представали смелыми и высоконравственными личностями, немало было и случаев истинной дружбы и поддержки между обитательницами гарема.

Некая Лиши была наложницей в гареме принца Ван Бин-шуя. Первая жена принца, объятая ревностью, ворвались к ней с намерением убить ее. Лиши стояла у окна, расчесывая свои длинные волосы, и не делала никаких попыток сохранить свою жизнь. Принцесса опустила меч и поинтересовалась, почему она так спокойна перед лицом смерти. «Зачем же мне избегать возможности отойти к моим славным предкам?» — ответила Лиши. Ее невозмутимое спокойствие настолько тронуло принцессу, что та отбросила меч, обняла ее и сказала: «С этого момента ты будешь для меня младшей сестрой». Остались письменные свидетельства того, что всю оставшуюся жизнь они продолжали относиться друг к другу как сестры, хотя некоторые исследователи считают, что между женщинами возникли любовные отношения.

БЕЛЫЕ ЛИСЫ И РОКОВЫЕ КРАСАВИЦЫ

Вино и женщины несут погибель странам,
Красавицы — мужьям несчастный дар…
Цзинь, Пин, Минь, или Цветы сливы в золотой вазе

Иногда женщинам гарема удавалось достичь высочайшего положения и встать во главе огромной империи, благодаря своей красоте, уму и необыкновенной силе характера.

Одной из них была грозная императрица У-Цзэтянь (У Чжао), скончавшаяся в 705 году в возрасте 81 года. Ее восхождение началось с того, что, назначенная наложницей самого низкого ранга, она прислуживала в императорском туалете. Обязанности были просты — стоять рядом с императором, когда он справлял нужду, и держать чашу с водой, где он мог бы немедленно ополоснуть пальцы. В том, что женщина находилась в столь интимном месте, не было ничего необычного. В Древнем Китае без особой стеснительности «отдавали дань природе». В туалетах принимали друзей, ученые занимались в них своими научными трудами, а прекрасная У Чжао нашла свое счастье. Она приняла там «дождь и туман» от императора, после чего получила повышение, стала наложницей третьего ранга и из императорского туалета была переведена на службу непосредственно во дворец. Красотой У Чжао был пленен и наследный принц Гао-Цзун, с которым она вступила в тайную связь. Когда император скончался и наследный принц, как и ожидалось, был возведен на трон Дракона, У Чжао с обритой головой была отправлена в буддийский монастырь. Таков был обычай, согласно которому новому императору запрещалось брать в наложницы женщин из гарема своего предшественника. Но влюбленный император заставил министров отменить его и освободить возлюбленную из монастыря. Красавица У Чжао вновь оказалась во дворце и, подарив императору сына, добилась высокого ранга супруги императора. Но у Сына Неба

была императрица, а честолюбие У Чжао не имело границ. Она убила своего ребенка и заявила, что его гибель на совести императрицы и еще одной фаворитки. Женщин заключили в тюрьму, и У Чжао могла торжествовать: в 665 году Гао-Цзун провозгласил ее императрицей. Но главная дама Поднебесной продолжала бояться соперничества, и поскольку ее супруг все еще проявлял интерес к двум впавшим в немилость женщинам (возможно он подозревал истину), У Чжао велела доставить их обеих из темницы, выпороть, отрезать руки и ноги и утопить в чане с вином.

Вскоре после того, как У Чжао стала императрицей, ее властелина Гао-Цзуна разбил паралич, и он доверил ей ведение важных государственных дел. Она не замедлила использовать власть в своих собственных интересах, казнив или выслав всех возможных соперников. Когда Гао-Цзун скончался, она, приняв имя У-Цзэтянь, начала железной рукой управлять Поднебесной.

У-Цзэтянь, несомненно, была выдающейся женщиной и обладала исключительной жизненной силой. Она вела на удивление распущенный образ жизни, но здоровье позволяло развлекаться с молодыми фаворитами даже в глубокой старости. К их выбору она подходила изобретательно и с размахом. Среди учрежденных ею должностей была и одна необычная — отборщица сексуальных партнеров для императрицы, в обязанности которой входило интимное знакомство с мужчинами для отбора из их числа тех, кто мог бы доставить наибольшее удовольствие императрице. Устраивала она и «мужские смотрины», на которых выбирались наложники. Неслыханные деяния жестокой императрицы вызывали содрогание у ее потомков, и вдовствующая императрица Цыси повелела повесить у себя во дворце картину «У-Цзэтянь в полном облачении принимает сановников». Напоминанием об этой зловещей правительнице она надеялась (и справедливо) запугать своего племянника императора Гуансюя.

Своей жестокостью Цыси, пожалуй, не уступала героине картины, и о «Старой Будде» (так называли достигшую преклонных лет вдовствующую императрицу придворные льстецы) была сложена легенда, по которой за десять лет до своего появления в гареме она явилась на императорской охоте в образе белой лисы*.

По одной версии, Цыси-лиса была послана наследному принцу Сяньфэну за его доброту, когда он попросил отца не стрелять в лисицу, по другой — явилась смутить покой Китая в отместку за выпущенную стрелу. Большинство склонялось к последней версии, и правление Цыси ее блистательно подтвердило.

Еще одной наложницей, достигшей вершин власти, была Ян-Гуйфэй (августейшая супруга Ян). Ее настоящее имя Юй-хуан (яшмовое кольцо), и она являлась наложницей сына императора Мин-хуана (712–755), прославленного

---

* *Лисы-оборотни — излюбленные герои китайской литературы и фольклора. Иногда оборотни могли принести любовнику пользу, иногда — вред и даже убить его.*

покровителя искусств и учености). Судя по описаниям, Ян-Гуйфэй была необычайной красавицей с белоснежной кожей, но довольно полной, как и требовала мода того времени. Кроме красоты она обладала многими талантами, была умна, образованна, хорошо разбиралась в музыке и поэзии. Пожилой император, плененный прелестью девушки, забрал ее у сына, и в 745 году возвел в ранг гуйфэй. Красавица ни в чем не получала отказа и постаралась хорошо устроить свою родню. Три ее сестры были приняты в гарем, а двоюродный брат назначен государственным министром с титулом «опора трона». Успешная карьера Ян-Гуйфэй оборвалась, когда вспыхнул мятеж Ань Лушаня. Войска мятежников в 756 году приблизились к столице, которую без сопротивления сдали, а императору пришлось бежать вместе со своими дворцовыми дамами, не захватив даже еду. В дороге голодная дворцовая стража взбунтовалась и потребовала казнить Ян-Гуйфэй, усматривая в ней основную причину бедствий, обрушившихся на Сына Неба. Решение отдать возлюбленную далось 72-летнему императору нелегко, но отказ грозил смертью ему самому. Он за руку вывел Ян-Гуйфэй из покоев и отдал на расправу. Казнили и ее сестер. Эта история стала сюжетом поэм, бесчисленных сказок и пьес в Китае, но печальная судьба Ян-Гуфэй не была исключением.

Задолго до нее некая красавица Дацзи покорила государя древнейшей династии Инь (XI в. до н. э.) Чжоу-Синя, который потакал всем ее прихотям. Кончился этот роман печально. Некто У-ван поднял войска и разгромил армию Чжоу-Синя. Тот покончил собой, Дацзи была казнена, а ее голову привязали к белому знамени в знак того, что именно она погубила царство и династию Инь.

Другую династию, Мин, можно было бы, вероятно, спасти, если бы не конфликт двух военачальников из-за женщины. В 1640 году из-за коррупции и злоупотреблений императорского двора в стране вспыхнуло восстание, которое возглавил талантливый полководец Ли Цзы-чэн (1606–1645). Он создал прекрасную армию, к которой присоединились многие войска. Другим талантливым стратегом был У-Сань-Гуй (1612–1678), который мог бы организовать сопротивление восставшим, но он находился далеко от столицы, чтобы противостоять угрозе вторжения маньчжуров.

В 1614 году Пекин пал, император покончил с собой, и Ли Цзы-чэн провозгласил себя императором новой династии. Он захватил любимую наложницу У-Сань-Гуя, взял ее к себе в гарем и отказался вернуть прежнему господину. Тогда разъяренный полководец заключил союз с маньчжурами, чтобы выбить Ли Цзы-чэна из столицы, и усилиями объединенных войск тот был побежден и убит, а маньчжуры покорили расколовшуюся страну.

Можно привести примеры и других печальных историй, которые нашли свое отражение в стихах и прозе, но резюме изложено в китайской пословице: «Красивая женщина может сокрушить империю».

Общественное же мнение всегда было настроено против правления женщины. И даже сама императрица Цыси перед своей смертью в 1908 году сказала: «Трон Дракона никогда больше не должен попадать под власть и влияние женщины. Законы нашей династии против этого, и теперь их следует соблюдать строже, чем в мое время. Доверять же власть евнухам — еще хуже, чем отдавать ее в руки женщин».

ИГРЫ ДРАКОНОВ

Сыны Неба в полной мере использовали возможности своих гаремов, и больше всего историй рассказывалось об императоре Ян-ди (на троне 604–618 гг.), который стал героем порнографических романов эпохи Мин. Ян-ди построил несколько роскошных дворцов и основал центры наслаждений, отделанные «с расточительностью, которая стала тяжким бременем даже для богатой казны империи». Один из дворцов располагался посреди парка, в центре которого было устроено искусственное озеро. На берегах озера построили шестнадцать дворцов для его женщин.

Во время прогулок Ян-ди по парку его сопровождала тысяча дворцовых девушек. Поскольку долг (и темперамент) императора требовал частых соитий с женщинами, на территории парка были выстроены павильоны, в которых он уединялся. Пока Ян-ди занимался любовью с несколькими избранницами, остальные услаждали его слух музыкой и любимыми песнями. Император любил путешествовать по воде и значительно улучшил систему каналов и водоснабжения. На строительство Великого канала он отправил четыре миллиона работников, а по его берегам повелел выстроить сорок путевых дворцов для остановок во время своих путешествий. Императорская флотилия представляла весьма внушительное зрелище — почти две тысячи джонок. На «драконовых» джонках размещались тысяча жен и наложниц, музыканты и артисты, а также часть императорской казны. За ними следовали пятьсот джонок «второго разряда» с дополнительным числом дворцовых девушек, слугами и припасами. В конце этой длинной вереницы судов плыла тысяча джонок «третьего разряда», на которых путешествовали министры двора, буддийские и даосские монахи, иностранные послы, ученые, евнухи и военачальники. О приближении флота императора жители селений, расположенных вдоль канала, узнавали по густому аромату духов, исходившему от наложниц и дворцовых девушек.

Любвеобильный император занимался любовью и на суше. По рассказам, у него имелись повозки, в которых мог уместиться только один человек, и там он лишал невинности девственниц. Еще одним любимым развлечением императора был дворец «Лабиринт», который представлял собой лабиринт коридоров и покоев, причем каждая стена была покрыта зеркалами из по-

лированной бронзы. Отражения в этих зеркалах так изменяли перспективу, что для передвижения по дворцу требовалось скорее осязание, нежели зрение. Обстановка во дворце была простой: циновки, на которых возлежали красивейшие наложницы, фонтаны с вином вместо воды. Ян-ди со вкусом и удовольствием проводил в этом дворце по полторы недели. Ширмы из полированной бронзы были расставлены вокруг его постели, где он предавался любовным утехам с женами, а стены комнаты украшены картинами более чем фривольного содержания: на них изображались совокупляющиеся голые мужчины и женщины.

Обилие красавиц вызвало пресыщение, и евнух Ван Фэй-шэн, дабы завоевать расположение своего повелителя, набрал для него самых безобразных женщин в империи. Был построен дворец, названный с поистине китайской изобретательностью «Дворцом желанных чудовищ», в нем разместили уродливых женщин, карлиц и чудищ, с которыми развлекался император. Жизнь Ян-ди закончилась трагически. В стране вспыхнули восстания, император был убит, и его династия закончилась.

Императоры оказывали внимание не только женщинам, были среди них и такие (и немало), которые одаривали своей любовью мужчин. Из хроник можно узнать о мальчиках-фаворитах при императорских дворах I–II вв. до н. э., а в книге Лю Дацзяня «Секс и китайская культура» рассказывается, что среди двадцати пяти императоров этого времени, по крайней мере, десять были гомосексуалистами, были среди их любовников и евнухи. Пристрастие к мужчинам имели и Сыны Неба более поздних эпох.

Иногда могло иметь тяжелые последствия и их чрезмерное увлечение женщинами, что с успехом использовали желающие завладеть властью. Так одна из вдовствующих императриц постаралась с помощью евнухов как можно раньше пристрастить к плотским радостям и наслаждениям гарема наследного принца. Наложницам было велено не давать пощады в любовных битвах, и в результате юноша был скоро доведен до хронической слабости, а затем — и до легкого умопомешательства.

Сестры императоров иногда не уступали своим братьям. Принцесса Шаньинь, незамужняя сестра одного из императоров в 30 лет обратилась к брату с жалобой на неравноправие их положения: у него есть тысячи наложниц, а ее выбор партнеров весьма скуден. Свою просьбу она мотивировала тем, что оба они царской крови, и император, признав справедливость ее рассуждений, предложил ей выбрать, кого она пожелает из числа его лучших воинов. Шаньинь выбрала тридцать наложников — по одному на каждую ночь китайского календарного месяца. Вскоре она пожелала, чтобы все ее наложники проводили с ней каждую ночь, и, потрясенный сексуальной ненасытностью сестры, император построил ей для утех «Дворец желания сокровенных ворот».

ГОСПОДСТВО «ДВОРЦОВЫХ КРЫС»

Мне снилось, будто я — в раю,
Где вновь я стал мужчиной и познал
Восторги, что нам дарит инь…

Институт евнухов в Китае, по мнению некоторых историков, насчитывает по меньшей мере 3–4 тысячи лет, и ни в одной стране они не имели такую власть, как в Поднебесной. Евнухи составляли узкий круг доверенных лиц императора, зачастую оказывали решающее влияние на государственные дела, иногда с помощью интриг и заговоров становились могущественнее своих повелителей. Евнухи представляли собой сплоченную группу, члены которой помогали друг другу отстаивать общие интересы, и их власть нередко достигала пределов, позволявших узурпировать власть, что, как правило, вело к пагубным последствиям для страны.

Сперва евнухами становились в наказание. Оскопление в Китае было поставлено в число шести тяжких кар (клеймение лба, отрубание рук и ног, отрезание ушей, оскопление и обезглавливание). При Цинь Шихуане, императоре централизованного государства империи Цинь (221–202 гг. до н. э.) оно применялось настолько часто и широко, что на строительстве дворцов и гробниц было занято более семисот тысяч человек, «осужденных на кастрацию и ссылку». Евнухами также становились военнопленные и дети покоренных народов. В древности существовала также и определенная дань скопцами, которых каждые пять лет должны были доставлять Сыну Неба вассальные князья.

Затем, когда евнухи стали использоваться в гаремах, их физическая неполноценность компенсировалась многими преимуществами, и кастрации начали подвергаться дети по решению родителей, а иногда шли добровольно на эту унизительную операцию и взрослые мужчины. Необременительная, сытая служба при дворе императора или князя служила соблазном, преодолевающим естественное стремление к полноценной жизни, и дело оскопления приобрело размах.

По некоторым источникам, император мог иметь до трех тысяч евнухов, принцы и принцессы — до тридцати евнухов каждый, младшие дети императора и племянники — до двадцати, их двоюродные братья — до десяти.

Существовали целые семьи специалистов, занимающихся этим ремеслом И оно было поставлено на столь широкую ногу, что в эпохи Мин и Цин, помимо существовавшего при дворце ведомства, отвечавшего за оскопление будущих дворцовых служителей, в Пекине имелось две семьи, Би У и Сяодао Лю, которые сосредоточили в своих руках всю отрасль. Мастерство, передаваемое по наследству, было отточено, и смертность в результате операции была невысока, составляя всего 3–6 процентов. За профессиональное «лишение мужественности» требовали высокую сумму, которая отдавалась после того, как новоявленные скопцы получали место при дворе.

Вот что писал Картнер Стенц в 1877 году: «Операцию эту выполняют следующим образом. Нижнюю часть живота и верхнюю часть бедер туго перебинтовывают, чтобы предупредить излишнее кровотечение. Затем те части тела, которые предстоит оперировать, трижды промывают горячей перечной водой; будущий евнух при этом полулежит. После того, как эти части тела достаточно хорошо промоют, их отрезают под самое основание небольшим кривым ножом, по форме напоминающим серп. По завершении кастрации рану накрывают бумагой, намоченной в холодной воде, и тщательно забинтовывают. Перевязав рану, пациента, поддерживаемого двумя "операторами", заставляют ходить по комнате два — три часа, после чего ему позволяют лечь.

Пациенту не разрешается ничего пить в течение трех суток, и все это время он нередко испытывает страшные мучения, причем не только из-за жажды, но и из-за сильной боли и невозможности облегчиться на протяжении всего периода. По прошествии трех суток повязку снимают, и страдалец может, наконец, облегчиться. Если у него это получается, это означает, что пациент вне опасности, с чем его и поздравляют.

Если же, однако, бедняга не в состоянии помочиться, он обречен на мучительную смерть, ибо нужные проходы распухли и ничто уже не сможет спасти его».

Кастрацию мальчиков, которых брали в услужение императору, обычно производили до достижения половой зрелости, но не у всех отцов имелись деньги на нее, и их оскопляли домашним, «частным» образом, во время которого оскопляемые нередко гибли. О выживших оскопленных сообщалось в уездное правительство, чтобы имя мальчика внесли в список кандидатов в императорскую челядь. Честолюбивые замыслы отцов касались не только судьбы их сыновей, но и всей семьи и клана, ибо, попав на высокую должность, кастрат был обязан помогать всем их членам. Вот как описывается такая процедура «домашнего» оскопления в книге «Ланьцзы цунтань»:

«Подросток, которому исполнилось 15–16 лет и который желает оскопиться, должен выпить водки, довести себя до состояния сильного опьянения; вплоть до беспамятства. Его следует уложить на спину, привязав накрепко к скамье, помещенной в большое корыто, заполненное известью. Участок тела, где будет произведена ампутация, смазывается специальной мазью, содержащей обезболивающие вещества. Резекция производится круговым движением под «корень», причем требуется особая тщательность при ампутации снизу полового члена, где проходит много кровеносных сосудов, повреждение которых грозит наступлением смерти оперируемого».

Даже если операция заканчивалась благополучно, ее последствия мучили евнухов на протяжении всей их жизни, и многие из них страдали от разных недугов. Хронические заболевания и комплексы сформировали особый

характер евнухов. Они были надменны, обидчивы и подозрительны. Евнуха считали чем-то средним между мужчиной и женщиной. Их не любили, называя «дворцовыми крысами» и «хлопочущими воронами».

Источник всех несчастий для людей —
Не Небеса, а женщины и евнухи.
Равно писклявы голоса и жен,
И тех, что лишены мужских достоинств.

Книга песен

Особенностью евнухов Китая было их трепетное отношение к удаленному «нефритовому стеблю», который бережно хранили для того, чтобы тело могло быть похоронено целиком, ибо, как говорили китайцы, «кожа, покрывающая тело, получена от рождения, и ее нельзя повредить, либо поранить». В случае же нарушения целостности тела, китаец, согласно верованиям, не будет допущен на тот свет к предкам. В могилу кастрированный должен был лечь при наличии всех своих органов и членов, и после того, как он умирал, его «драгоценность» вновь пришивали или, если невозможно было пришить из-за ее деформации, клали рядом с туловищем в гроб. Поэтому после кастрации к отрезанному детородному органу применялись все меры, предотвращающие его от гниения, затем помещали в специальную шкатулку или футляр и подвешивали на балке дома. Так кастрированный не терял его из поля зрения, а называлось это «видеть драгоценность (сокровище)» или «драгоценный камень». За соблюдением сохранности «драгоценностей» следили, и специально назначенный чиновник проводил время от времени ревизию, наказывая тех, у кого они отсутствовали. Причиной отсутствия «драгоценностей» могла быть их утеря, нехватка денег (иногда оставляли «драгоценности» в залог), проигрыш в карты или козни недругов, так как евнухи, враждовавшие между собой, воровали друг у друга удаленные «нефритовые стебли». Существовал даже «черный рынок», на котором продавались «драгоценности».

Не прекращали евнухи и попыток восстановить свое утерянное естество, используя для этого древние поверья и рецепты. Насколько далеко могли зайти скопцы в достижении заветной цели, свидетельствует то, что они не брезговали использовать «самое верное» средство — теплые человеческие мозги, которые доставлялись им сразу же после казни осужденного. Результаты всех усилий были более чем сомнительны, хотя иногда по доносам недоброжелателей проводились повторные операции, «во избежание блуда» в Запретном городе (который, тем не менее, подспудно существовал). Имеются материалы, в которых говорится, что не все евнухи были оскоплены, и в цинскую эпоху при императорском дворе был принят указ: в твердо установленные сроки осуществлять проверку нижней части тела евнухов: один раз в три года — малую проверку, раз в пять лет — большую проверку. Но «фальшивые евнухи» каким-то образом все же оставались, и некоторые историки считают, что евнух

Ань Дэхай у императрицы Цыси не был таковым, и она родила от него сына, который якобы дожил до 20-х годов под именем Цзю Мина.

Утвердившись во дворце, евнух обычно заводил жену, которая ухаживала за ним, и усыновлял мальчика (чаще всего родственника) для продолжения своего рода.

Невозможность причислять себя к мужчинам делала евнухов изгоями общества, вызывала неутолимую жажду власти и богатства, и Запретный город давал неисчерпаемые возможности для ее утоления. Господство евнухов в Китае явилось следствием уединенной жизни императора, которую он должен был вести согласно этикету, дабы подчеркнуть свою исключительность. Сын Неба редко покидал свой дворец, в путешествиях министры видели своего повелителя только на аудиенциях, где они обращались не непосредственно к нему, а к чиновникам (чаще всего евнухам), окружавшим трон. Именно евнухи доносили мнение и советы сановников императору, и верность сообщений целиком и полностью лежала на совести передающих. Они являлись единственным каналом связи императора с внешним миром, и информация доходила до него в «профильтрованном» в интересах евнухов виде. Им были досконально известны все дворцовые тайны, но о положении дел в провинции и за Китайской стеной они могли узнать только из вторых рук, и, как правило, ведение ими государственных дел имело для империи тяжелые, а иногда катастрофические последствия.

Евнухи использовали и богатый «женский ресурс» гарема, возвышая или, наоборот, оставляя в забвении наложниц. Они получали от них взятки деньгами, а затем — продвижением по службе, в котором помогали их возвысившиеся протеже.

Наследника императора евнухи окружали с рождения. Они определяли границы его знаний обо всем, что находилось за стенами Запретного города, и очень часто будущий правитель уже с детства превращался в игрушку скопцов, знающих все его слабости и пристрастия и использующих их ради достижения собственных, чаще всего корыстных целей, а иногда просто развращающих своего воспитанника .

«Ты знаешь, сестра, — говорит вдовствующая императрица Цыси своей сестре в романе Перл Бак «Императрица», — я не желаю, чтобы император оставался один с этими евнушатами. Ни одного нет среди них, который был бы чист. Император будет развращен, не успев вырасти. Сколько императоров было испорчено таким образом!» Императрица знала, о чем говорила. Гомосексуальные связи Сынов Неба не были редкостью, любовниками императоров становились и евнухи, причем инициатива часто исходила именно с их стороны.

Последний китайский император Пу И стал Сыном Неба, когда ему было всего три года. С тех пор он все время жил во дворце, и евнухи,

беспокоившиеся о том, чтобы мальчик не убежал куда-нибудь ночью, стали с десяти лет посылать ему служанок, которые дожидались Сына Неба в постели, а затем с удовольствием занимались с ним любовью. Изнурительные любовные игры совершенно изматывали Пу И, и евнухи давали ему подкрепляющие лекарства, которые помогали «продержаться» во время новых ночных забав. Но к полному ослаблению здоровья Пу И привело не только это: евнухи мучили своего юного повелителя гомосексуальными забавами. Они же развратили и наследника Цыси, императора Тунчжи, которого пристрастили к посещению публичных домов. Евнухи устроили потайной выход в стенке дворца и под покровом ночи вывозили своего повелителя в злачные места, а затем перед рассветом привозили обратно. Тунчжи процарствовал очень недолго (1873–1875). Во время одной из таких вылазок, он заразился сифилисом. Истощенный развратом организм не справился с болезнью и, несмотря на все усилия врачей, Тунчжи скончался.

Неуемное властолюбие евнухов доходило до того, что, если повелитель мешал им, его могли устранить физически, и жертвами скопцов нередко становились императоры и члены их семей.

Они скрыли смерть императора Цинь Шихуана, и пока процессия с его телом (император скончался в путешествии) следовала по стране, евнухи делали вид, что кормят его, зачитывали какие-то указы, якобы подписанные Сыном Неба и скрыли завещание, по которому назначался наследником неугодный им принц. Вместо этого они сфабриковали послание, приказывающее принцу и преданному ему военачальнику покончить с собой, и возвели на трон удобного для воплощения их замыслов принца.

Когда же интриги евнухов терпели крах, возмездие было беспощадным. После кончины императора Линди (189 г.), между евнухами и армией разгорелась ожесточенная борьба. Десять главных евнухов заманили главнокомандующего принца Хэ Цзиня (брата императрицы), и, казнив, выставили голову на стене дворца. Последствия оказались губительными для виновников преступления. Войска ворвались во дворец, и изрубили всех евнухов. Страна была ввергнута в анархию, и империя Хань пала.

Власть евнухов неоднократно пытались ограничить, и некоторые императоры завещали своим потомкам «держать евнухов в узде». «Сделаешь их своими доверенными, — предупреждал император Тайцзу (Чжу Юаньчжан, 1368–1398), — душа заболит, сделаешь своими глазами и ушами — глаза и уши испортятся...» По мнению этого императора, евнухи и родственники императора по женской линии приносят зло делу политического управления страной. Они нужны во дворцах, но там они должны быть только рабами и слугами и прислуживать императору, подавая вино или подметая пол. Опасения императора оказались не напрасны. Следующий император Ченцзу (1403–1424) захватил трон с помощью евнухов, и они в конце концов узурпировали власть,

осуществляя контроль за всеми ее ветвями. Во второй половине правления Минской династии евнухов было несколько десятков тысяч, а к концу периода Мин их насчитывалось несколько сотен тысяч. Про дворе евнухи захватили 24 присутственных места, 12 департаментов и 8 управлений. Их грозная камарилья назначала сановников, казнила министров, обирала народ, и империей от имени императора фактически управлял евнух Вэй Чжунсянь.

Встречались среди евнухов и талантливые руководители, которые действовали на благо общества и страны, и, в частности, знаменитые экспедиции к берегам Африки в 1405 году возглавлял евнух — адмирал Чжэн Хэ. Но отрицательные последствия господства евнухов не поддаются сомнению, их влияние на политику и экономику Китая было разлагающим и во многом способствовало упадку империи.

После завоевания Китая маньчжурами власть евнухов пошла на убыль, но отказаться от них полностью не могли, так как, переняв от китайцев гаремы, новые императоры нуждались в подобном бесполом обслуживающем персонале. При императрице Цыси институт евнухов вновь стал играть важную роль, и их число превышало 3 000 человек. В 1922 году евнухов было 1137, два года спустя их осталось 10 человек, а в 1945-м — всего 10 человек.

Евнухи делились на категории. Принадлежавшие к первой категории пользовались особыми привилегиями и обслуживали императора, императрицу, мать императора и императорских наложниц. Принадлежавшие ко второй категории обслуживали всех. Обязанности евнухов были чрезвычайно разнообразны — от бытовых до государственных и жреческих. Они должны были присутствовать во время сна и при пробуждении Сына Неба и его домочадцев, принимать участие в трапезе императора и членов его семьи, сопровождать императора и его свиту, а также императорских врачей. Евнухи обеспечивали противопожарную охрану, следили за сохранностью книг и антикварных изделий, картин, одежды, оружия, домашней утвари. Они же обеспечивали материалами строителей дворца и готовили лекарства.

В их обязанности входило также распространять высочайшие указы, провожать чиновников и зарубежных гостей к императору, принимать прошения, получать деньги и зерно от казначеев двора, хранить императорские драгоценности.

Тщательное распределение обязанностей не гарантировало их исполнения. Император Пу И вспоминал: «С детских лет я постоянно слышал, что во дворце происходят кражи, пожары и даже убийства, не говоря уже об азартных играх и курении опиума. Воровство достигло такой степени, что, например, не успела еще закончиться церемония моей свадьбы, как все жемчужины и яшмовые украшения короны были подменены на фальшивые». Большинство сокровищ двух династий Мин и Цин не было описано и никем не проверялось и, пользуясь этим, «грабили все без исключения».

Пу И доложили, что на одной из улиц Пекина открылось множество антикварных магазинов, часть из которых принадлежит евнухам. Но как только молодой император принял решение провести инвентаризацию хранилищ дворца, как в ночь на 27 июня 1923 года внезапно возник пожар, превративший в груды пепла именно те помещения, в которых хранилось больше всего сокровищ. И по сей день осталось загадкой, сколько ценностей погибло во время пожара.

Подобное воровство не было новинкой в истории империи, как и коррупция. Добравшиеся до власти евнухи давали должности тем, кто им больше платит, и обогащались безмерно. В царствование императора Инцзуна (1457–1464) после смерти евнуха Ван Чжэня обнаружили 60 кладовых золота и серебра и более 20 кораллов высотой по 180–210 см. Дворец евнуха Лю Цзиня, происходившего из бедной семьи, превосходил императорский, а его конфискованная в 1510 году собственность составила 251 583 600 унций серебра. Кроме того, нашли там множество драгоценных камней, 500 золотых тарелок, 3000 золотых колец и брошей, а также 3062 пояса, украшенных драгоценными камнями.

Впрочем, обладать подобными богатствами могли только евнухи высших рангов, судьба же тех, кто стоял на низших ступенях дворцовой службы, была печальна. Они не доедали, терпели жестокие побои и наказания, а в старости оказывались в самой жестокой бедности. Если же их выгоняли за какой-нибудь проступок, то уделом становилось нищенство или смерть от голода.

Наказывали евнухов жестоко. За проступок их избивали бамбуковыми палками, за попытку к бегству наказание было тем же самым. При повторной попытке на шею вешалась колодка, которую он должен был носить, не снимая в течение двух месяцев. При последующей попытке, его высылали в древнюю столицу маньжуров — Мукден. За воровство казнили, а императрица Цыси расправлялась с неугодными с помощью яда, который выбирала сама. Из китайской истории известны случаи, когда погибало свыше ста евнухов одновременно, а в правительственной газете каждый месяц публиковались сообщения о том, что тот или иной евнух приговорен к обезглавливанию или ссылке. О защите евнухи возносили молитвы своему покровителю — духу Сяодянь, жертвоприношения совершались дважды в месяц и никогда не пропускались.

Еще одной обязанностью евнухов была традиционная для всех гаремов организация интимной жизни правителей, и зачастую им приходилось выполнять чрезвычайно деликатные поручения.

В правление вдовствующей императрицы Цыси ее главный евнух Ли Ляньин увидел в одном из пекинских ресторанов официанта изумительной красоты по имени Ши. Он привел его в Запретный город и представил любвеобильной императрице, которая была поражена красотой юноши. Определив Ши обслуживать императорский стол, она велела ему исполнять и другие обязанности, и Ши стал любовником императрицы под видом слуги. Но связь закончилась

печально для молодого официанта. Императрица забеременела, родила, отправила ребенка к своей сестре Дафэн, жившей в западной части Пекина, а чтобы замести следы, приказала отравить несчастного официанта. Ши был не единственным любовником императрицы, которого привели ей евнухи, иногда они даже приглашали во дворец красивых юношей-европейцев. Случалось, что евнухи предлагали свои услуги сановникам. В книге У Вяо «История страданий» рассказывается о том, как евнух предлагает выкрасть канцлеру южносунской (1127–1279) династии понравившуюся ему императорскую наложницу из дворца, а чтобы кража не была заметна, красавицу заменили «грубой служанкой», которую потом, дабы замести следы преступления, умертвили и тайно похоронили.

Услуги евнухов могли зайти и значительно дальше. Существует множество историй о личных отношениях между императрицей Цыси и главным евнухом Ли Ляньином. Согласно некоторым источникам, сперва он был ее парикмахером, а затем стал использоваться в интимных целях. Ли Ляньин, несмотря на кастрацию, был способен приносить своей любвеобильной властительнице восторги, которые редко мог доставить полноценный мужчина. Ли пристегивал к себе ремнем молодых людей так, что нижняя часть их тела заменяла его собственную. При этом считалось, что обладателем невероятных достоинств является сам евнух Ли. Императрица и евнух были настолько ненасытны, что иногда несколько мужчин по очереди пристегивались к евнуху» (Анонимный автор. Рассказы Летнего дворца. Шанхай, 1915).

Исход евнухов из Запретного города состоялся при императоре Пу И после знаменитого пожара 1923 года. Император стал (и не без основания) опасаться за свою жизнь, ожидая нападения евнухов. Охрану Пу И мог поручить только единственному преданному ему человеку, жене Вань Жу, которая ночью сидела рядом с его кроватью. Это не решало проблему, и Пу И издал приказ об отставке евнухов, которые распускались за ненадобностью.

Уход из дворца происходил в страшный, непрекращающийся несколько дней ливень. Через ворота Шэньумэнь тянулась вереница людей, молодых и старых. В руках они держали ларцы с самым дорогим — своим удаленным «драгоценным сокровищем»...

ИНДИЙСКИЕ РЫЦАРИ И ИХ ДАМЫ

ПРАЗДНИК ЛЮБВИ

Вначале возникло в нем желание…
Гимн созиданию (Ригведа)

Среди традиционно выделяемых в индуизме «трех целей жизни» — долга, выгоды и любви — последняя, хотя и уступала по своему значению двум другим, порой считалась главной, а половое наслаждение — самым высоким из всех законных удовольствий.

Даже брахманы*, отличавшиеся известным пуританизмом, не отвергали физической любви. Она была способна увлечь и аскета. В повествованиях древнеиндийского эпоса описывается отшельник, который в состоянии медитации «досиделся» до того, что вокруг него вырос огромный муравейник. Из кучи виднелись только глаза, ими аскет смог увидеть проходившую мимо прелестную девушку, и вспыхнувшее вдруг желание нарушило отрешенность от мира.

Индийцы считали, что без порождающего начала любви не возникла бы Вселенная, не существовал бы животный и растительный мир. Отвергнуть «священное безумие», любовную страсть, означало оскорбить бога любви Каму, и за это карались даже боги.

«…У вечно юной Мохини было всё, чем прекрасна женщина: широкие бедра, высокая грудь, круглый крепкий зад, стройная шея и громадные глаза, а волосы ее, черные, как ночь, окутывали ее густым покрывалом… И Мохини загорелась неистовой страстью к Брахме**, но он не заметил ее, погруженный в раздумье, и прошел мимо. Мохини была в отчаянии, и перестала есть, забыла всех любовников, только и думала о Брахме. Подруга ее, тоже прекраснейшая из апсар***, Рамбха, посоветовала упросить бога любви и страсти Каму помочь Мохини. Кама привел ее на небо Брахмы, и она очаровала его. Однако он быстро охладел и удалил от себя апсару, пытаясь ее уговорить отказаться от любви. Мохини умоляла его не отвергать ее, но Брахма сказал, что углублен в созерцание глубин мира и Мохини его не интересует. Тогда апсара разгневалась и прокляла Брахму за то, что он высмеял ее, когда она искала у него прибежища любви. Мохини возвестила Брахме, что его не будут почитать, как

---

* *Брахманы — священнослужители.*

** *Брахма — в индуистской мифологии — высшее божество, творец мира, составляющий вместе с богами Вишну и Шивой божественную триаду — тримурти.*

*** *Апсары — в ведийской и индуистской мифологии полубожественные женские существа, обитающие преимущественно в небе, но также и на земле (в реках, горах и так далее).*

других богов... Брахма под впечатлением проклятия апсары пришел к Вишну, и тот сильно порицал его.

Он указал Брахме, что, зная веды*, ему должно быть известно, что он совершил преступление, худшее, чем убийство. Женщины — есть пальцы природы и драгоценности мира. Мир Брахмы должен быть миром радости, а он зачем-то укротил свою страсть. Если женщина воспылает к мужчине любовью и придет к нему, мечтая отдаться, то он, даже не испытавший к ней прежде страсти, не должен отвергать ее. Иначе он навлечет на себя несчастья в этом мире, а после смерти подвергнется карам испорченной кармы. Мужчину не осквернит связь с женщиной, добровольно ищущей его любви, даже если она замужем или легкого поведения. И Вишну приказал Брахме долго каяться в окружении грешников и подверг его многим испытаниям» (Иван Ефремов. Лезвие бритвы).

Бог Кама, к которому обратилась отвергнутая Мохини, был чрезвычайно популярен среди народа, и праздник в его честь широко отмечался в древности. Он приходился на весеннее время сева, и в ряде областей Индии устраивались настоящие любовные оргии, когда «можно было увести любую» и «не поймешь, кто чей возлюбленный». В городах же в честь Камы проводились празднества, отмечающиеся с таким безудержным весельем и ликованием, что его участники на время даже забывали о кастовых ограничениях. Все, от последнего бедняка до самых уважаемых горожан, выходили на улицы, обсыпали друг друга красным порошком и устраивали всевозможные розыгрыши.

Искусству любви, древнему, детально разработанному, посвящались целые научные труды, и, в частности, знаменитая «Камасутра» Ватсьяяны. Данный трактат, созданный в первые века нашей эры, написан в форме афоризмов. При этом индусские философы были совершенно свободны от запретов, которые сдерживали западных авторов в изучении вопросов пола. В соитии не видели ничего непристойного, с точки зрения индусов оно являлось аналогом рождающего мир космического союза материи и энергии и потому чрезвычайно важным для изучения.

Склонность к подобным темам особенно усилилась в средние века, когда процесс космического творения изображался как брачный союз бога и богини. Фигуры тесно обнявшихся пар, шокирующие путешественников-европейцев, высекались на стенах храмов, а в позднейшей философии и мистике любовный экстаз нередко трактовался как средство познания или путь спасения, и некоторые религиозные секты сделали ритуальное половое сношение неотъемлемой частью своего культа. Позднее строгость стала характерной чертой индийского общества, но радостное служение любви осталось. И «Камасутра» это книга

---

* *Веды — четыре книги священного знания, сборники гимнов и молитв, посвященных различным богам, которые называются Ригведа, Самаведа, Яджурведа, и Атхарваведа.*

о том, как получать удовольствие от любовной игры, как любить друг друга, о красоте и культуре отношений между людьми.

Смысл сексуальных отношений, по мнению автора, состоял в утонченном взаимном наслаждении, а любовные игры подразделялись на множество видов и чрезвычайно тщательно классифицировались (только поцелуев насчитывается не менее шестнадцати видов). Древнее происхождение некоторых рекомендаций, дающихся в книге, ничуть не повлияло на их актуальность, и они вполне могли бы быть одобрены современными психологами. Так «Камасутра» учит молодого супруга, что не следует нарушать обет воздержания, пока не завоевано доверие новобрачной, и «только тогда можно приблизиться к ней... ибо женщины нежны, как цветы, и предпочитают, чтобы их завоевывали нежностью». «Если женщина вынуждена подчиниться грубому насилию со стороны мужчины, еще не заслужившего ее доверия, — говорится в книге, — у нее возникает отвращение к половым сношениям... она может возненавидеть весь мужской пол либо только мужа и тогда обратится к другому».

Книга Ватсьяяны использовалась в качестве учебника о любви по всей стране, и советы получали не только мужчины, но и женщины. При этом автор трактата не придерживался традиционной для многих народов точки зрения, что девушки должны пассивно ожидать, пока их изберут. Он находил это просто глупым и советовал юным индианкам, оставаясь скромными, не скрывать своих чувств. Образование в области половых отношений на основе «Камасутры» получали даже девушки из благородных семей, но, безусловно, самыми прилежными ученицами были «живущие красотой» рупаджива.

И все же «Камасутра» интересна не только как «путеводитель по экзотическому сексу». Кроме детальных предписаний и наставлений в искусстве любви в ней даются также весьма ценные сведения о повседневной и сексуальной жизни древних индийцев, умеющих получать наслаждение — духовное и телесное.

«ТЕСНЯТ МЕНЯ, КАК НЕСКОЛЬКО ЖЕН ОДНОГО МУЖА»

По индийским представлениям брак соединяет отдельные личности мужчины и женщины в единое существо, а женщина — нераздельная часть своего супруга. В отношении женщин это правило свято соблюдалось, она могла иметь только одного мужа. Мужчинам же дозволялось дополнять себя несколькими «нераздельными частями», и хотя идеальной супружеской парой в Индии считаются герой Рама и его преданная жена Сита*, взаимная любовь которых никогда не омрачалась соперничеством другой жены, полигамные браки упоминаются уже с древнейших времен.

---

* *Рама, его жена Сита и брат Лакшмана — герои индуистской мифологии, были изгнаны из дома на четырнадцать лет отцом по приказу мачехи.*

В мифах говорится о десятках жен у богов и царей древности. Имели гаремы и реальные правители. Количество жен и наложниц не ограничивалось: их могло быть столько, сколько хозяин семьи был в состоянии прокормить, ибо «женщины берутся ради потомства», но реально многоженство не было особенно распространено, так как мало кто мог позволить себе несколько жен. Имели их многие брахманы и наиболее обеспеченные представители низших сословий. В распоряжении состоятельных и знатных людей были также наложницы и рабыни из числа захваченной на войне добычи, которую они получали от своих повелителей вместе с золотом, драгоценностями и скотом. Потомство от таких пленниц-наложниц, видимо, признавалось законным, и среди наиболее почитаемых в Индии мудрецов имелись те, которые считались детьми рабынь.

Многоженство считалось совершенно естественным, но в обычных условиях полигамия не особенно поощрялась, и для того, чтобы взять новую законную супругу (а не просто рабыню или наложницу), необходимы были серьезные причины — бесплодие жены или рождение одних девочек. В первом случае по закону необходимо было выждать пять — семь лет, во втором — более десяти, и муж должен был заплатить жене отступное. Некоторые ранние законы настолько стояли на защите интересов жены, что выдвигали препятствия для безответственного многоженства, запрещая брать вторую жену, если у первой сносный характер и она рожает сыновей. В другом, более позднем источнике указывается, что многоженец не может выступать свидетелем перед судом.

Главной в полигамной семье была старшая супруга, которая принимала участие в семейных обрядах, совершаемых совместно с хозяином дома, а в царских ритуалах принимали участие четыре его жены.

Молодая жена должна была признавать авторитет главной супруги, но все же отношения между женами нередко бывали напряженными, и в «Махабхарате»* имеются признания о том, что нет худшего несчастья для жены, чем брак мужа с молодой соперницей, и нет вражды более страшной, чем между женами.

Случалось, первая жена уходила, оскорбившись новым браком мужа, который, впрочем, был вправе вернуть и наказать ее. Но и положение самого супруга в полигамном браке было сложным.

Отношениям в семье, где много жен, уделяется внимание в «Камасутре», и женам там даются советы, помогающие завоевать расположение супруга, но отнюдь не способствующие спокойной жизни в доме: «Если любимая жена по каким-либо причинам поссорится с мужем, старшей жене следует встать

---

* *«Махабхарата» (санскр., «Сказание о великих Бхарата») — эпос народов Индии. Сложился на основе устных преданий у народов и племен северо-западной и северной Индии во второй половине II тысячелетия до н. э.*

на ее сторону и сделать вид, что она одобряет ее поведение, таким образом еще более накаляя ситуацию. Если же между ними произошла лишь маленькая размолвка, старшей жене нужно приложить все усилия, чтобы раздуть из нее большой скандал».

Даются инструкции и младшей жене: «Если муж испытывает неприязнь к старшей жене или если она бесплодна, следует посочувствовать ей и просить мужа сделать то же самое, но одновременно постараться превзойти ее в том, что называется образом жизни «добродетельной женщины». Можно только представить, каким «раем» была жизнь супруга, жены которого реализовали все советы по завоеванию первенства в доме, и жалобы мужей-многоженцев встречались уже в ведийской литературе, где говорилось: «Теснят меня, как несколько жен одного мужа», и единственное правило, которому должен следовать любой мужчина, имеющий несколько жен, не менялось веками — распределять любые знаки внимания поровну между всеми. Мудрому супругу (по «Камасутре») требовалось: «Одну порадовать, поведав ей наедине какую-нибудь тайну, другой, оставшись с ней без свидетелей — проявить уважение, третьей — польстить, но так, чтобы не слышали остальные, и приносить радость им всем, совершая прогулки в садах, участвуя с ними в развлечениях, одаривая подарками, оказывая уважение их родственникам, посвящая их в свои тайны, и, наконец, сливаясь с ними в любовной близости». Давались и советы, ибо «мудрый, если он даже очень разгневан, не должен говорить неприятное своим супругам, видя удовольствие, радость и добродетели, исходящие от них».

В жизни одинаково относиться ко всем женам было сложно, и все же полигамные браки не обязательно оказывались несчастливыми. «Мужья, снедаемые сердечными муками или изнуренные болезнями, испытывают удовольствие среди своих жен — подобно тому, как страдающие от жары находят его в водоеме».

Первая жена, если у нее были сыновья, утешала себя тем, что она — главная из жен, и хозяйка дома, имеющая право на первое место рядом с мужем во время всех семейных торжеств и обрядов. Младшая — тем, что она главная в сердце их супруга. Отношение к полигамному браку выразилось и в некоторых драмах из придворной жизни, где изображается ревность старшей жены царя к молодой и счастливой сопернице. Но дворцовые страсти не переходят в трагедию, и в результате — старшая царица всегда счастливо примиряется с юной любимицей мужа.

Причины для ревности у старшей жены царя действительно были, так как особенно много жен и наложниц находилось в гаремах правителей. Царственному супругу стоило немалых усилий примирять своих красавиц, нелегко давалось и справедливое распределение его милостивого внимания. Для этого он наслаждался любовью с каждой из них по очереди. Если же случалось,

что одна из жен из-за болезни или отсутствия царя пропускала счастливую возможность соития с ним, то устраивалось некое подобие лотереи. Женщины, пропустившие свою очередь, и те, чья очередь подошла, посылали царю свои притирания, он выбирал одно из них, и тем самым вопрос решался.

Несмотря на большое количество жен и наложниц, некоторые правители не упускали возможности пополнить свой гарем, и в «Камасутре», в частности, рассказывается о весьма сомнительных способах достижения подобного разнообразия. Говорится, правда, что «царь, которому дорого благополучие его народа, никогда не станет их применять». И, тем не менее, если владыка решит, «что такое действие ему необходимо, то может, например, дать своему посланнику поручение поссориться с мужем желанной женщины, затем заточить ее в тюрьму как жену государственного преступника, а после — поместить в царский гарем. В другом способе также используется устрашение. Если будущая обитательница гарема живет с мужчиной, не являющимся ее мужем, то царь может арестовать ее за это, сделать в наказание рабыней, а затем поместить в свой гарем.

Могло использоваться и сводничество, в котором принимали участие царские жены. К услугам царя были и женщины из народов, обычаи которых позволяли владыке заниматься с ними любовью: «Так в стране *андрхов** девушки, вышедшие замуж, на восьмой день приходили с подарками в царский гарем, где царь наслаждается ими, после чего отсылает домой.

В стране *вайдарбхов* красивые жены жителей этой страны проводят время в царском гареме под предлогом выражения своей преданности царю.

В стране *апаратаков* люди отдают своих красивых жен в качестве подарка.

И, наконец, в стране *саураштров* городские и деревенские жительницы посещают царский гарем группами или по отдельности для того, чтобы доставить удовольствие царю».

Женщинам гарема запрещалось покидать его по собственной воле, они обычно скрывались от чужих взоров, но доступ к ним не был столь затруднен, как у мусульман. Охрану же гаремов обычно несли пожилые мужчины, «чья независимость от телесного желания хорошо проверена», и вооруженные женщины. Кастрация людей и животных в Индии осуждалась, и наличие евнухов для этой страны мало характерно. Они использовались в гомосексуальных играх, но все же обычно эротическая жизнь в Древней Индии была гетеросексуальной. Гомосексуализм обоих полов в «книгах законов» осуждался, и в этом отношении Древняя Индия отличалась от большинства древних цивилизаций.

На дворцовых приемах царских жен нередко можно было видеть без покрывал. Впрочем, открыты были не только лица и волосы, но и грудь.

---

* *Здесь и далее даются старинные названия современных регионов Индии.*

Обнаженными по пояс индийские женщины, по мнению некоторых исследователей, без всякого стеснения ходили вплоть до мусульманского завоевания Индии, эту версию подтверждают живописные и скульптурные изображения полуобнаженных красавиц, которые участвуют в процессиях, или, свесившись с балконов, наблюдают за ними. Встречаются также изображения полунагих женщин, поклоняющихся вместе с мужчинами дереву Бодхи, под которым, согласно традиции, Будда достиг просветления, а у *наяров** женщины появлялись с открытой грудью вплоть до недавнего времени. Бывали на приемах и другие дамы, которых цари и вельможи содержали у себя во дворцах. Это «жрицы любви» — многочисленные проститутки. Они получали жалованье как служанки, но круг их обязанностей был шире, распространяясь на личный уход за особой царя и дарование плотских утех как ему, так и тем придворным, к которым их приставляли на время.

ДЕВСТВЕННОСТЬ И МУЖСКАЯ СИЛА

Жен могло быть много, но это не исключало тщательного подхода к их выбору. Некоторые из рекомендаций имели обязательный характер, другие являлись лишь общими.

В специальных сочинениях жениху давалось множество советов, которые, к счастью, не имели юридической силы, так как их строгое исполнение лишило бы шанса выйти замуж очень многих индианок. Избранная невеста должна была быть из хорошей семьи и иметь хорошие связи, а также обладать привлекательной внешностью, крепким здоровьем, веселым нравом, хорошими волосами, ногтями, зубами, ушами. Не рекомендовалось брать в жены хромую, лысую, беспалую, шестипалую, кривую, а также с неприятным именем и так — до бесконечности. Плохо приходилось рыжеволосым девушкам. Огненно-рыжими были йогини — ведьмы, спутницы богини Кали**, которые брали себе любовников из смертных и убивали их, принося в жертву черной Дурге***. По древнеиндийским канонам, считалась признаком неверности и неустойчивости характера очень длинная шея, а голубые глаза — дурными «кошачьими».

---

* *Наяры — коренное население юго-западной Индии.*

** *Кали (черная) — богиня, одна из ипостасей Деви, жены Шивы, олицетворение грозного, губительного аспекта его шакти — божественной энергии. Она всегда присутствует там, где битва и много крови.*

*** *Дурга, (др-инд., труднодоступная) — также грозная и гневливая богиня, одна из ипостасей Деви, супруги Шивы. В мифах выступает богиней-воительницей, защитницей богов и мирового порядка, когда им грозит опасность от демонов. Обычно изображалась десятирукой, с оружием, восседающей на льве или тигре. Была особенно почитаема раджпутами (см. Примечание, стр.18).*

Идеал красоты индийцев в Индии отличался от принятого в античных цивилизациях, и, не меняясь тысячелетия, явно не совпадает с канонами красоты современных западных стран. С самых давних времен в Индии считалось, что вся прелесть женщины сосредоточена в ее пышном теле, объемные формы которого символизируют здоровье, богатство и сытую жизнь, а главное — способность к материнству. Индийская красавица, являясь воплощением богини Лакшми*, должна обладать всеми достоинствами будущей плодовитой матери: «широкими, как деревенская улица, бедрами» и полной, «тянущей ее вниз тяжелым грузом», грудью. Очень тонкая талия и особое изящество («идущая грациозной походкой слона») завершали этот совершенный образ, а женщины древности пытались достигнуть идеала всеми доступными им средствами: одеждой, косметикой и украшениями.

В Индии с ее тяжелым жарким климатом предпочитали носить хлопковые ткани, которые быстро впитывают и испаряют влагу тела. О тканях из индийского хлопка писали еще греческие историки середины первого тысячелетия, именующие его шерстью, которую жители страны собирают с растений, а не с овец. Вывозились хлопковые ткани из Индии в Римскую империю, и особо популярен был «сотканный ветер» — тончайшая, газовая хлопчатобумажная ткань, которую уже в древности вырабатывали в Бенгалии, и ее прозрачность была такова, что кожа счастливой обладательницы просвечивала даже через семь слоев, обвивавших тело. Любили яркие, орнаментированные одежды, их фасоны не менялись веками и мало отличались от современных, а основой женского костюма в Индии являлось сари (женская верхняя одежда из цельного куска материи). Цвета имели символическое значение. Красный и все его оттенки означали любовную страсть, и он использовался в свадебном наряде невесты; желтый, цвет плодородия, надевала после обрядов очищения только что родившая женщина. Украшения широко использовались, и их носили представители обоего пола. Они были изящны и изысканны — истинные произведения искусства, но носили их не только из любви к прекрасному и стремления сделать себя еще привлекательней. Украшения являлись символами социального статуса, оберегами и амулетами, и их подбор был исполнен глубокого смысла.

Даже бедняки, не имеющие возможности приобрести украшения из золота и драгоценных камней, обильно обвешивались изделиями из меди, серебра, стекла и цветной керамики. Ювелирные же украшения, которые носили представители высших сословий, поражали роскошью и красотой. В них использовались драгоценные и полудрагоценные камни, которыми так богата Индия, а также кораллы, слоновая кость, жемчуг, золото и серебро.

** Лакшми — богиня красоты, богатства, счастья в индийской мифологии.*

Во всех слоях общества было принято завершать туалет цветами, которые в изобилии росли в Индии (самым популярным был жасмин). Ими украшали шею, уши и голову. Свои густые волосы женщины укладывали в большой узел, свернутый на затылке, а глаза подкрашивали краской из растертой в порошок черной сурьмы. На лоб замужней женщины киноварью, лаком и желтыми красителями ставилась мушка — тилака (обычай, сохранившийся до сих пор), а губы, кончики пальцев на руках и ногах, подошвы ног и ладони окрашивались в красный цвет. Косметические средства употребляли не только женщины, но и мужчины, которые с не меньшей чем представительницы прекрасного пола, заботой относились к своей внешности. Древнеиндийский молодой горожанин из хорошей семьи начинал свое утро с умывания, чистки зубов, не забывал он и пожевать бетель* для освежения рта. Каждый день совершалось омовение и бритье лица, и каждый пятый или десятый — всего тела. Чистота была требованием не только эстетическим, но и ритуальным, и индийцы уже в древности умели использовать свойства растений для гигиенических и косметических целей. В их ассортимент входили и самые разнообразные средства по уходу за телом и лицом: притирания, кремы, несколько видов мыла, пряные и сладкие ароматы. Самым популярным косметическим средством была паста из растертого в тончайший порошок сандалового дерева, украшенного лаком и другими красителями. Его наносили все тело целиком или в виде узоров.

Помимо красоты невеста должна была обладать еще одним драгоценным и непременным свойством, а именно — девственностью, и обычай показывать утром рубашку новобрачной, демонстрируя всей деревне ее целомудренность, в Индии возник, вероятно, в глубокой древности. Обнаружение же «нечистоты» молодой после свадьбы порой давало мужу право прогнать ее, расторгнув свадебный договор.

Жена могла располагать статусом главной лишь в том случае, если она до брака оставалась девицей, и преимущественные права на наследство имели только те сыновья, мать которых не знала мужчины до брака. Непорочность девушки рассматривалась не только как доказательство ее нравственной чистоты, но служила и обоснованием законности прав на женщину ее супруга. Отношение древних индийцев к женщине выражалось в метафоре «Женщина — это поле», и правило, что «хозяином участка является тот, кто вырубил на нем деревья», было действительно не только для имущественных отношений. Оно приводилось в брачном праве как обоснование прав на жену того, кто впервые «завладел полем».

**Бетель — использующаяся для жевания смесь пряных листьев перца бетель, кустарника семейства перечных, с кусочками семян пальмы арека и небольшим количеством извести.*

К жениху относились не так строго, внешность не имела большого значения, но так как «муж тот, кто сеет на поле, а у кого нет семян, тому поле и не требуется», то большое внимание уделялось тому, чтобы жених был наделен мужскими способностями. И уже древнеиндийские мудрецы предлагали детальное, и недвусмысленное описание примет, по которым можно было узнать, является ли жених полноценным мужчиной. Возможностью оценить физические данные вступающих в брак пользовались многочисленные родственники во время ритуального умащивания жениха и невесты. Они присутствовали на нем, якобы не подглядывая, и пели полагающиеся для этого случая песни, где объяснялось, как следует действовать с женой, дабы «поле было засеяно» и на нем появился обильный урожай — потомство.

Мужской силе придавалось огромное значение, и чтобы увеличить ее, обращались не только к «опытным и надежным людям, родственникам и тем, кто искушен в магических искусствах», но и к специальным трактатам, где этой животрепещущей теме уделялось огромное внимание. Широко использовались афродизиаки, которые в большинстве своем делились на две категории: механические, или естественные, — нанесение ран, бичевание и прочее — и медицинские, или искусственные, к которым относились прикладывание насекомых и их укусы (в легенде о старом брахмане рассказывается, как его юная жена настаивала, чтобы его еще раз укусила оса). Серьезное внимание уделялось и избавлению от бесплодия, и проблеме сохранения половой способности у мужчин. Потеря потенции считалась чрезвычайно опасной для общего состояния организма, и в медицинских трактатах подчеркивалась разрушительная роль любых сексуальных излишеств и польза умеренности.

В своем стремлении к женскому счастью юные индийские невесты прибегали к магии, а для того, чтобы определить, какая судьба ждет их в замужестве, — к гаданию. Брались комочки земли, взятые с плодородного поля, с перекрестка и кладбища, и девушка должна была выбрать один из них. Если она указывала на землю с плодородного поля, то у нее должны будут родиться дети, у которых дом будет полной чашей; если с бесплодной земли — дети будут нищими и так далее. Но самое большое волнение вызывало гадание о предполагаемом вдовстве, или, как выражались сами индусы, станет ли она «мужеубийцей», ибо считалось, что жизнь мужа зависит от жены, вернее от грехов, совершенных ею в этой или прошлой жизни.

Ради любви прибегали к различным магическим заговорам. И женщина произносила: «Пусть воспылает он любовью ко мне. Сведи его с ума, о, ветер!» или: «Я высшая среди высших, соперница — низшая среди низших».

Юноши не отставали от своих подруг в желании взаимности, повторяя заговоры: «Пожелай же ты меня, я слаще, чем мед», «Как лиана обнимает дерево, обними меня, засохни от любви ко мне». Прокалывали изображение любимой (любимого), восклицали: «Пронзаю тебя в сердце стрелой Камы —

бога любви». Магия для «приворота» использовалась и женатыми людьми. Мужчине рекомендовалось взять молочай, растение кантака, испражнения обезьяны и корень растения ланджалика. Следовало истолочь все это в порошок и бросить на женщину, которая не должна была любить никого кроме него.

Использовалась магия и в свадебных обрядах. Считалось, что этот момент превращения прежде чужого человека в одного из членов семьи грозит множеством опасностей. Для их предотвращения имелись особые обряды: вступание невесты на камень для одоления духов, расплетание ее волос для освобождения от прежних уз и так далее. Новобрачная не могла полностью принадлежать мужу и в ночь после свадьбы. Около нее находился ее прежний неземной супруг — дух плодородия гандхарва Вишвавасу, которого символизировала палка. Палку потом торжественно уносили и почтительно просили самого гандхарву удалиться, дабы отдать девушку ее новому мужу — человеку. С целью достичь магической чистоты молодожены первые три дня постились, носили амулеты против нечистой силы и соблюдали воздержание от брачной связи. Оно могло быть длительным, достигая порой двенадцати дней и даже года. Разумеется, выдержать подобные сроки пылким молодым людям было очень тяжело. Но небольшое проявление терпения считалось во многих отношениях полезным и по рекомендациям «Камасутры».

ОДНА ЖЕНА ПЯТИ БРАТЬЕВ

Полигамия, считавшаяся вполне обычным и распространенным в слоях состоятельных индийцев явлением, сочеталась, пусть и изредка, с другой формой брака — полиандрией. Осуждаемая и неприемлемая для большинства людей уважаемых сословий, ибо «для брата взять жену брата — величайший грех», она довольно широко распространена среди монголоидных горных племен и по сей день; известно многомужество также у некоторых низших каст Декана, а ссылки на него встречаются в индийской литературе. Классический пример полиандрии в Древней Индии можно найти в «Махабхарате», герои которой, пятеро братьев Пандавов, делят между собой одну жену, Драупади. Столь экстравагантное решение матримониального вопроса, возможно, объясняется тем, что история о братьях, имеющих одну жену, восходит к временам глубокой древности, когда в стране бытовал матриархат.

Несмотря на значение, которое придавалась в Индии аскетизму, считалось, что ни добродетелью, ни аскетизмом не достигнуть удела человека, женатого и думающего о потомстве. Половая активность фактически приравнивалась к религиозному долгу, и мужу прямо предписывалось иметь половые сношения с женой в течение восьми дней после завершения очередного цикла менструаций.

Ни муж, ни жена в семье не должны были избегать исполнения супружеских обязанностей. Виновный в этом осуждался за страшный грех убийства зародыша и подвергался не только общественному осуждению, но и каре по закону. Если жена оказывалась бездетной, муж, желая иметь сына, мог без ущерба для своей репутации взять другую жену и сделать это многократно, поскольку в данном случае к полигамии обязывал религиозный долг. Если же страдал импотенцией или бесплодием муж, то брахманские авторитеты рекомендовали так называемую *нийогу*, то есть услуги другого мужчины, чаще всего брата, который и обеспечивал для него потомство. Из эпоса и других источников известно, что с подобной просьбой нередко обращались к людям, прославившимся своей святостью и благочестивым поведением (как тут не вспомнить Спарту!). И отношения с «донорами» должны были происходить в полном соответствии с серьезностью поручения — без всякого намека на романтику. Деверь приходил к невестке лишь однажды (или до наступления беременности), и сам «акт любви» (если, конечно, партнеры следовали наставлениям брахманских книг), они свершали без ласк и даже не глядя друг на друга.

К нийоге прибегали и в случае вдовства, когда старший член семьи поручал вдове произвести потомство от деверя или иного родственника мужа. Ребенок считался сыном не своего действительного родителя, а мужа матери. Его и называли кшетраджа (буквально — рожденный полем), имея в виду все тот же общий принцип, что плоды на поле принадлежат его хозяину.

Нийогу часто рассматривают как пережиток ранее существовавшего левирата — обязанности деверя жениться на вдове. Но и сам этот обычай, известный во многих обществах древности (в частности в Иудее и Израиле) был распространенным явлением в Древней Индии. В соответствии с волей свекра женщина могла перейти по наследству к братьям или другим близким родственникам мужа. Ссылки на нийогу довольно часто встречаются в индийской законодательной литературе. Однако к началу новой эры этот обычай стал считаться предосудительным, и в средневековье был включен в число запрещенных.

Еще один пережиток древности — брак, распространенный среди наяров, который несет на себе отпечаток матриархальных отношений. Женщины наяров занимают в обществе главенствующее положение. До некоторых пор они сами выбирали себе мужей, причем, если хотели, то не одного, а нескольких, и их мужья не имели права ни на имущество жены, ни на ее детей, отцом которых считался брат женщины.

Независимость женщин наяров не типична для Индии, так как отношения полов с древности строились на неравенстве и муж являлся высшим божеством для жены. Она же рассматривалась как существо, нуждающееся в воспитании наряду с детьми и учениками, ибо «женщиной — в детском возрасте, молодой или даже пожилой — никакое дело не должно исполняться по своей воле, даже в (собственном) доме».

ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ЖЕНА И ЕЕ «ВЫСШЕЕ БОЖЕСТВО»

Сказания о верных и преданных женах принадлежат к самым популярным эпизодам индийского эпоса, и в частности в рассказах о Савитри и Сите в «Рамаяне». Сита без колебаний разделила изгнание со своим мужем Рамой и претерпела ради него беды и испытания, а Савитри последовала за своим мужем Сатьяваном, когда его унес бог смерти Яма, и ее преданность произвела на бога такое сильное впечатление, что он согласился вернуть ей мужа. (Савитри до сих пор почитается за образец, которому должны следовать индианки в своем отношении к мужу, и в апреле — мае, в день ее чествования, замужние женщины надевают свои лучшие наряды и украшения идут в рощи и сады, где обходят деревья справа налево, моля о здоровье и благополучии своих супругов.)

Выполнять распоряжения своего «высшего божества» следовало, даже рискуя собственной жизнью. Немыслимым считалось не только противоречить мужу, но и тем или иным образом побеспокоить его или не помочь в исполнении любых желаний, и иногда преданность жен носила поистине удивительный характер. Так в «Махабхарате» рассказывается о женщине, муж которой спал, положив ей голову на колени. Тем временем она заметила, что их маленький сын ползет к костру, но не решалась побеспокоить спящего. Она лишь обратилась к огню с просьбой не сжечь младенца, и только когда муж проснулся и поднял голову, подбежала, наконец, к костру и вынула из него улыбающегося, целого и невредимого мальчика, сохранить которого помог сам бог огня, внявший мольбам этой идеальной супруги.

В другой истории говорится о том, как мужчина любил ходить по публичным домам, отчего вследствие сексуальных излишеств у него отнялись ноги. Тогда преданная жена, чтобы муж не лишился привычных радостей, стала таскать его к «жрицам любви» на своей спине.

Жене необходимо было всегда принимать во внимание все, что нравится или не нравится мужу, знать, что для него полезно, а что вредит его здоровью, ее первейшей обязанностью являлось прислуживать своему «высшему божеству», вставать утром раньше, чем он; есть и ложиться спать после него. Индийские юристы находили даже достаточным основанием изгнания жены из дома, если она ела раньше супруга. Возможно, это было связано с разобщенностью супругов и представлением о господстве в доме мужчины. Но, так или иначе, считалось, что совместная трапеза предвещала большие несчастья, и, прежде всего, они должны были случиться с детьми.

Семьи, как правило, были большими, после свадьбы молодые не выделялись из хозяйства отца, и женатые сыновья продолжали оставаться под его властью. Жена (жены) также должна была подчиняться не только своему мужу, но и старшим в семье, свекру и свекрови, и относиться к ним с почтительностью. Свекор, отец «мужа-божества», являлся для невесток «богом

богов», и в сказаниях о верных женах всегда особо подчеркивается почтительность снохи по отношению к родителям мужа. Но поэтические легенды или нравоучительные рассказы расходились с реальностью, и в литературе также встречаются довольно прозрачные намеки на сложности в отношениях между снохой и старшими в доме. Есть там рассказы, «как свекор притесняет снох, и «они кричат от него». Непросто складывались и отношения между женщинами в доме, и, судя по индийским басням и новеллам, ссоры снох со свекровью или между собой были весьма распространенным бытовым явлением, и отношения «невестка — свекровь» описываются весьма проникновенно. Неизменная кротость и покорность жены в подобной ситуации поистине могла поддерживаться только вековыми традициями, отношение же к ней и границы произвола зависели не столько от законов, сколько от общественного мнения и степени влияния ее родительской семьи.

Впрочем, имела женщина и определенные права, и в частности на собственность. Они были ограниченными, но все же большими, чем во многих других древних обществах. В семье существовала раздельная собственность супругов. «Женская собственность» состояла в основном из приданого, полученного из дома отца, наследства, оставшегося после матери, и подарков по случаю свадьбы от многочисленных родственников и от самого мужа. Муж не имел на него прав и обычно его не наследовал.

Неравенство в семье распространялось и на отношение к изменам супругов. В книге, приписываемой прародителю людей Ману и представляющей своего рода кодекс поведения благочестивого индуиста, есть такие строки: «Взаимную верность надлежит сохранять до смерти — вот высший долг и мужа, и жены».

При этом отношение к изменам мужа было совершенно иным, чем к неверности жены, что объяснялось, прежде всего, опасностью появления незаконных детей, неправильным разделом наследства, нарушением культа предков и, собственно, всех основ общественного и религиозного порядка.

В древности индианки пользовались определенной свободой, но с известными ограничениями, и законодательством были предусмотрены довольно строгие наказания жен, ведущих себя нескромно. Женщина, против воли своего мужа участвующая в развлечениях и пирушках, должна быть оштрафована на 3 паны. Если она уходит из дому без разрешения супруга в гости к другой женщине, то подвергается штрафу в 6 пан; если же она посетит мужчину, сумма увеличивается вдвое, и еще вдвое, если посещение происходит ночью. Если мужчина и женщина делают друг другу любовные намеки либо тайно ведут любовную беседу, то она подлежит штрафу в 24 паны, а ее партнер — в двойном размере. Если беседа их происходила в месте, пользующемся сомнительной репутацией, то штраф мог быть заменен ударами плетью, которые она получала на площади по пяти ударов по каждому боку. Муж имел право почти неограниченного контроля

над поведением жены, но если это не помогало и женщина сходила со стези добродетели, то кара не замедляла себя ждать.

«Книги законов» расходятся во мнениях об отношении к неверной жене. Имело большое значение, с кем было совершено прелюбодеяние. Если любовником был человек из низшей касты, то изменницу ожидала суровая участь, ее могли даже отдать на потраву собакам. Судьба жены, вступившей в связь с мужчиной из высшей касты, была менее тяжелой, прелюбодейка могла быть восстановлена на супружеском ложе, но до этого ей приходилось пережить немало унижений. Она должна была ходить в грязном рубище, спать на голой земле, а еду получать в количестве, достаточном лишь для того, чтобы можно было дожить до следующей менструации. После этого ее права восстанавливались. Подобное наказание называлось «оставление жены» и применялось довольно часто, устанавливаясь на определенный срок, за проступки, каковыми являлись супружеская неверность, оскорбление, нанесенное мужу, пьянство или аборт.

Кары, которым подвергался мужчина за прелюбодеяние с чужой женой, также были суровы и объяснялись тем же страхом «сотрясения основ». Это могли быть огромные штрафы, изгнание, кастрация и даже смертная казнь с жестокими пытками. Нарушение же верности собственной жене не вызывало особых беспокойств и даже осуждения: в распоряжении мужчин всегда находились рабыни и публичные женщины.

«ЖИВУЩИЕ КРАСОТОЙ»

По «Камасутре» секс существовал как для продолжения рода, так и для удовольствия, и ради его достижения часто обращались к женщинам, которые в Древней Индии не были связаны правилами и ограничениями, регламентировавшими поведение представительниц высших каст. Соперничество между добродетельными женщинами и порочными существовало во всех странах и во все времена, в Индии же в ранней тамильской литературе существовал даже особый поэтический жанр — стихотворения, описывающие старания мужа успокоить гнев жены, вызванный его вниманием к сопернице, чаще всего к блуднице. Жизнь мужчин украшали «служительницы любви» самых разных категорий и предающиеся разврату замужние женщины. Их образ жизни был различным, как и отношение к ним, и между гетерой и обыкновенной проституткой не было ничего общего. К рупаджива м* относились:

кумбхадаси — происходящая из низших каст и служащая лишь для грубого удовлетворения страсти;

---

* *Всех перечисленных ниже (кумхадаси, паричарика и прочих) можно отнести к «живущим красотой» рупаджива м, которыми далее условно будут называться все типы проституток.*

паричарика (буквально — служанка) — зависимая от рупадживы девушка (возможно также — ее дочь), приставленная для услужения к определенному мужчине;

кулата (неверная) — идущая в чужой дом из страха перед мужем и там тайно сходящаяся с другим;

свайрини (несдержанная, самостоятельная) — отвергнувшая мужа и устраивающая свидания в своем или чужом доме;

нати — артистка, танцовщица;

шилпакарика (ремесленница) — жена красильщика, ткача и так далее;

пракашавинашта (явно испорченная) — открыто занимающаяся своим ремеслом при жизни или после смерти мужа;

рупаджива (живущая красотой) — привлекающая лишь телесными достоинствами;

ганика — наиболее уважаемая и сведущая в искусствах.

Гетеры высокого класса являлись «общественным достоянием», предметом гордости соотечественников и зависти иноземцев, а их дома были центром культурной жизни. Знаменитые красавицы обладали немалыми богатствами, занимали высокое положение в обществе и пользовались не меньшей известностью и почетом, чем знаменитые Аспазии, Таис и Фрины в классической Греции. Такой знаменитой куртизанкой, по буддийской легенде, являлась блистательная рупаджива Амбапали, которая была несметно богата и занимала высокое положение в великом городе Вайшали. Именно в ее манговой роще Будда останавливался во время своего посещения этого города и, несмотря на то, что его ждали на званом приеме у высокопоставленных лиц, разделил трапезу с Амбапали, а она не только развлекала Благословенного, но и преподнесла ему в дар свой сад.

Но для такой славы требовалось многое. Подобно всем служительницам любви, гетеры должны были уметь делать всё, чтобы стать привлекательными: элегантно одеваться и обладать изящными манерами. Необходимо было в совершенстве владеть профессиональным «искусством любви», а также «шестьюдесятью четырьмя искусствами». В их число входили не только музыка, танцы и пение, но и драматическое искусство, стихосложение, составление букетов и плетение гирлянд, изготовление благовоний и косметических средств, кулинария, шитье, вышивание, искусство магии и фокусов, умение составлять шарады, загадывать загадки, придумывать головоломки, фехтование мечом и дубинкой, стрельба из лука, гимнастика, плотничье ремесло и архитектура, логика, химия и минералогия, садоводство, разведение бойцовых петухов, куропаток, обучение попугаев и майн, шифровка, знание языков, изготовление искусственных цветов и лепка из глины. Этот список слишком обширен, чтобы даже наиболее способные и прилежные служительницы любви могли освоить все его пункты, но показывает, насколько высоки были требования

к ним. Рупаджива имели определенные права и привилегии, пользовались уважением в обществе и гораздо большей свободой, чем замужние дамы. Они отправлялись на пикники, прогулки в парках, участвовали в полуночных купаниях. Образованность высокопоставленных рупаджив позволяла им вести с мужчинами пространные беседы и утонченные споры, в их домах устраивались собрания для чтения стихов. Манеры этих дам считались образцовыми, и сыновья и дочери знатных людей часто учились пению, музыке, танцам и искусству общения у пожилых гетер.

Дворцовые проститутки украшали празднества царя, повсюду сопровождали его и находились в его обозе во время военных действий. Эти рупаджива обычно были женщинами высокой культуры и образованности и почитались за свои достижения. Они занимали высокое положение при владыке, держали над ним царский зонтик и опахала из хвостов яка — предметы, которые являлись символами верховной власти. Их звание было наследственным, и, чтобы девушки могли быть достойны его, к ним приставлялись учителя и наставники, получавшие за свою работу поощрение от государства. Услуги царских куртизанок стоили дорого, плата устанавливалась специальным надзирателем, в соответствии с достоинствами каждой, и для того, чтобы выглядеть особенно привлекательно, куртизанка брала из казны дорогие украшения (но без права их продажи или заклада). Размер платы мог не уступать жалованью вельмож и царских сановников, чрезвычайно высокую цену платили эти женщины и за выкуп на свободу. О куртизанках при царском дворе написал в 1522 году Доминго Паэз: «Эти женщины живут на лучших улицах города, где расположены лучшие дома. Они высоко ценятся и принадлежат к классу тех уважаемых женщин, к которым относятся любовницы капитанов. Этим женщинам разрешается входить к царю в присутствии его жен, они останавливаются в их жилище и едят вместе с ними бетель, чего не может никто другой, независимо от занимаемого положения». Традиция образованности рупаджива, существующая с древних времен, поддерживалась в Индии и в последующие периоды, и в конце XVIII столетия знаменитый аббат Дюбуа писал, что «рупаджива пользуются привилегией обучаться чтению, танцам и пению».

Городские проститутки жили в особых кварталах, каждая под присмотром так называемой «матушки», которой могла быть как ее мать, так и престарелая «жрица любви». Как правило, рупаджива имела постоянного возлюбленного, с которым заключала временный союз (до той поры, пока он в состоянии был содержать ее и делать всевозможные подарки). А так как по роду своей «профессиональной» деятельности она часто нуждалась в защите со стороны властей, то «Камасутра» прагматично рекомендовала ей активно завязывать связи с судьями, воинами, а если удастся, то и с царскими сановниками.

И хотя искусство рупаджива состояло преимущественно в умении полностью разорить возлюбленного, а затем без скандала от него освободиться,

нередко встречались случаи нежной привязанности к некоему избраннику. В этих случаях куртизанки умели хранить верность своей любви, несли ее с большим достоинством и были способны к самопожертвованию.

Небогатых индийцев услаждали бедные и дешевые проститутки, живущие на окраинах города. Несомненно, многие из них кончали свои дни в нищете, но «работая», они были полезны государству, так как, согласно древнеиндийскому праву, рассматривались как представители свободных профессий и платили налог в объеме платы с клиента за две ночи. Широко использовались проститутки и в качестве осведомительниц в политических и уголовных делах. Постоянный спрос на подобных женщин был в войсках, которых они вместе с торговцами сопровождали, следуя в обозе в походах.

Рупаджива находились под наблюдением и защитой закона, и в Индии к ним относились иначе, чем на Западе, — без презрения и жестокости. Впрочем, мнения светских властей расходились с религиозным идеалом (брахманам запрещалось общаться с проститутками под страхом тяжкого покаяния), но светская точка зрения, в конце концов, возобладала. К началу средневековья брахманы, толковавшие «священный закон», могли находиться даже при таких храмах, где содержались сотни проституток.

Храмовые танцовщицы девадаси (рабыни бога) и публичные женщины, жившие в местах паломничеств, чьи занятия были освящены религиозной традицией, восходившей к эпохе глубокой древности, находились на особом положении. Они рождались при храмах и воспитывались в храмовых приютах, и их профессия передавалась по наследству. Впрочем, могли служить таким образом богу и дочери обычных мирян, отданные ему в качестве благочестивого подношения (и заодно «избавления от дочери»). Они прислуживали богу, танцевали и пели перед ним и, подобно служанкам земных владык, поступали в распоряжение придворных, то есть верующих, исправно плативших подать храму.

До начала средних веков храмовая проституция была явлением редким. Шире всего она распространилась на юге, и во многих надписях и грамотах эпохи средневековья перечисляющих пожертвования храмам, в этой части страны упоминаются девадаси. Так, один военачальник по имени Махадэва основал храм в память о своей покойной матери, при котором содержались красивейшие проститутки страны, и такого рода поминовение не казалось чем-то из ряда вон выходящим и зазорным.

Храмовая проституция сохранялась до недавнего времени, и «нишу» девадаси как «рабынь любви» заняли танцовщицы мурали, которые принадлежали за деньги паломникам.

В качестве «женщин, чьи мужья позволяют им жить свободно», назывались также актрисы, певицы и танцовщицы. В большинстве своем они были замужними, и, хотя муж имел право не разрешать жене вольное поведение, обычно

этого не происходило, и, собственно, считалось, что все женщины имеют склонность к профессии рупаджива и, как правило, делают все зависящее от них, чтобы понравиться мужчинам.

БОГИНЯ, РАБЫНЯ, ВОИТЕЛЬНИЦА?

Отношение древних индийцев к женщине отличалось двойственностью. Она была одновременно и богиней, и рабой, и святой, и блудницей, и ее подчиненное положение в семье вовсе не исключало уважения в обществе, ибо «домашние дела может выполнять служанка, радости любви мужчине доступны и с куртизанкой, но потомство зависит только от супруги». Женщине полагалось уступать дорогу (в особенности беременной) так же, как жрецу или царю. Убийство женщины — ужасный грех, не меньший, чем убийство брахмана или священной коровы.

Во всех источниках также утверждается, что с женщиной следует обращаться нежно, хорошо ее содержать, заботиться о ней, украшать ее драгоценностями и окружать роскошью в доступных для мужа и разумных пределах. Не следует обращаться с ней слишком грубо, потому что боги не примут жертвы от того, кто бьет жену. При этом приводится множество примеров хитрости, коварства и порочности женщин, которые не могут «насытиться мужчинами, как огонь дровами или океан — водами рек». Считалось, что сластолюбие женщины, не знает предела, и если не следить за ней неотступно, она готова согрешить с любым, даже с горбуном, карликом или калекой, в крайнем случае она удовлетворится любовью с представительницей своего пола. И чем более строгими постепенно становились требования к святости домашнего очага, тем больше пессимизма звучало в самой возможности обеспечить женскую верность.

Покорность жены также была преувеличена склонными к гиперболизации древними индийцами, и традиционное послушание вовсе не исключало твердость характера, силу духа и редкостное мужество. В некоторых преданиях повествуется о женщинах, спасших и прославивших род отца или мужа, и среди основателей царских родов или династий в индийских преданиях встречаются не только мужские, но и женские имена. Даже когда счет родства, несомненно, велся лишь по отцовской линии, героев нередко величали не только по отцу, но и по матери.

Исторические примеры доказывают, что мужество индианок успешно использовалось. В древности стража царей династии Маурьев состояла из амазонок, великолепно владевших оружием, а греков поразила ярость, с которой женщины некоторых пенджабских племен сражались против войск Александра Македонского, помогая своим мужьям.

В городе Бархуте была найдена статуя, относящаяся ко II веку и изображавшая женщину на коне, как бы возглавлявшую авангард кавалерийского

отряда, имелись и отряды женщин-копьеносцев. Позднее индианки также принимали иногда участие в войнах, причем у раджпутов эта традиция дожила чуть ли не до наших дней. Известны многочисленные рассказы об энергичных и воинственных вдовах, поднимавшихся на борьбу с врагами своих мужей. Последним примером такого рода была знаменитая рани* Джханси, участвовавшая в восстании сипаев (1857–1859) против англичан и ставшая поэтому национальной героиней современной Индии.

ИНДИЙСКИЕ РЫЦАРИ И ИХ ДАМЫ

Кодекс чести

На тело труса даже грифы не садятся.

Раджпутская пословица

Рыцарями Индии называют раджпутов**, самую известную, прославленную и загадочную воинскую общность страны. Слово «раджпут» означает в переводе с североиндийских языков «сын царя», но получено оно не за «царскую кровь», а за особый аристократизм представителей этой касты.

Предки раджпутов пришли в Индию в V–VI веках, но в отличие от других несущих разрушение и смерть завоевателей сумели за очень короткое время почти безболезненно вписаться в существующую систему общественных отношений, сформировать новую касту, которая заняла место ведической касты кшатриев, и достигнуть политического господства. Они привнесли неповторимый колорит в древнюю культуру страны, создав «образ истинного раджпута» — гордого, бесстрашного воина, любящего мужа и невероятно эффектного красавца с огромными усами.

В течение веков многие государства Индии управлялись династиями или кланами раджпутов, но их значение проявилось не только в политическом господстве. Это были истинные герои (виры), которые в век мусульманского нашествия явились защитниками индусской религии, покровителями индусской культуры, поборниками индусских традиций. При этом наблюдалось сходство воинской культуры Запада и Востока, отчего они и получили прозвание «рыцарей Индии». Подобно своим европейским собратьям, раджпут стремится

---

* *Рана — раджпутский князь, раджа; рани — его жена (жёны).*

** *Раджпуты — воинская каста или группа каст, выше которой в иерархической кастовой системе индийского общества стоят только брахманы. Каждый раджпут по праву рождения входит в одно из четырех главных объединений, так называемых линий (династий), унаследованных от кшатриев: Солнечная, Лунная, Огненная и Змеиная. Тем самым раджпуты получили признание в качестве прямых потомков ведических кшатриев. Генеалогические линии состоят из родовых групп, которые в свою очередь делятся на кланы.*

к первенству и славе, его жизнь должна была быть яркой, заметной, порой эпатирующей, а обиход — торжественен и красочен. Он щедр и широк во всем, ибо по понятиям индийского рыцарства:

Если не дарить и не тратить,
Не наслаждаться вместе с друзьями,
То накопленное богатство со временем превратится в ничто.

Жены раджпутов были знамениты не менее своих мужей, являя миру пример беспредельного мужества и героизма. Они занимали высокое положение в обществе и доказывали, что достойны его, являясь верными подругами своих рыцарственных супругов, предпочитая гибель на костре позору порабощения и вступая в бой, когда были убиты все мужчины их клана.

В представлении индусов жена — это та женщина, с которой осуществляется его дхарма*, и супруга доблестного воина должна была не только выполнять обычную роль благочестивой добродетельной жены, ведущей дом и рожающей сыновей, но своим правильным поведением определять судьбу мужа, отвечая за его дхарму.

Раджпуты жили в условиях повышенной опасности, балансируя на тонкой грани жизни и смерти, и это во многом сформировало стереотипы их поведения, быт и правила. Хранителями традиций являлись женщины, для которых честь клана была несоизмеримо выше собственной жизни, а долг жены состоял в сакральной помощи мужу на его жертвенном пути воина. Раджпуты были убеждены в мистическом характере женской природы. Считалось, что от поведения жены зависит не только жизнь мужа, но даже смерть. Поэтому женщины-раджпутки чрезвычайно ответственно относились не только к каждому своему поступку, но даже слову и мысли, но при этом они вовсе не были безвольными исполнительницами воли мужей, и случалось, их действия решали судьбу клана и всей страны. Раджпут, зная стойкость подруги, мог просить в случае гибели послать ей свою голову, чтобы в момент самосожжения она держала ее на коленях. Однако, крайне неблагоприятной и унизительной считалась смерть через отсечение головы, и поистине ужасным — скальпирование. Это было не просто унижением, а позором, ибо скальпирование являлось символом утраты мужских достоинств, кастрацией, и, по поверью, жена подвергшегося этой страшной каре была ему неверна.

Мужество индийских рыцарей не вызывало даже тени сомнения, но их дамы могли его превзойти. В раджпутских преданиях сохранилась память о прекрасной Хари Рани — жене равата (графа) Салумбара из героического клана Сисодия. Молодые люди недавно поженились, и их любовь была столь сильна, что могла отвлечь мужа от исполнения воинского долга. Для юной

Дхарма здесь — свод правил и обязанностей, предписанных каждой касте и каждому её члену.

Хари Рани было невыносимо, что она, пусть невольно, мешает дхарме своего супруга, и, когда он, отправляясь на войну, послал к ней слугу с просьбой прислать что-нибудь, постоянно напоминающее о ней во время похода, дочь раджпутов, не колеблясь, снесла мечом свою прекрасную голову. «Сувенир» был благоговейно принят и приторочен к седлу мужа, который мог теперь полностью посвятить себя войне и думать только о подвигах.

«ПРАВИЛЬНЫЙ РЫЦАРСКИЙ БРАК»

Дом — это не помещение, дом — это жена.

Махабхарата

У раджпутов по сей день сохраняются сложившиеся с давних времен семейно-брачные нормы, бытовые и религиозные традиции, которые являются их главными отличительными признаками в глазах представителей других индийских каст.

В понимании раджпутов семья создается не для удовольствия совместного проживания, а для потомства, но, тем не менее, семейному счастью они придавали огромное значение. Отношения в этих рыцарских семьях строились на взаимном уважении и заботе друг о друге, признавалась и огромная ценность супружеской любви.

При этом существовали очень жесткие правила заключения браков. Жены и мужья избирались по господствующим в кастовом обществе законам, нарушить которые было нельзя ни при каких обстоятельствах. Раджпуты соблюдали эндогамию, то есть женились на равной по происхождению (кастовой принадлежности) девушке. Допускался и мезальянс (гипергамия), когда жена была ниже мужа по социальному статусу. Женитьба на девушке из касты более высокой, чем у мужа, рассматривалась как «смешение каст», способное привести к гибели весь мир. Дети от подобных браков даже не считались законными наследниками отца.

К наследнику в полигамных семьях раджпутов — особое отношение. Безупречность его происхождения должна была быть несомненна, как и обладание всеми правами при рождении. Поэтому с особой серьезностью они относятся к своей первой женитьбе, стараясь заключить ее по всем правилам и с самой достойной невестой. Если же наследника рожала не первая по порядку вступления в брак жена, то именно она становилась главной рани. Случалось, что в огромных семьях владык-раджпутов права наследника страдали от влияния фавориток, которые ратовали за передачу власти своим детям, но клан контролировал эту ситуацию и «наводил порядок». К законности происхождения наследника раджпуты относятся настолько серьезно, что в праздник Холи, во время всеобщей вакханалии

и безудержного веселья, предусмотрительно запирают в домах только что женившихся молодых «от греха подальше».

Предложение о браке исходило от семьи невесты, родители которой сами выбирают ей жениха, не спрашивая при этом ее согласия. Дочь по традиции выдавалась замуж непременно до достижения половой зрелости, за человека из той же касты, с богатым приданым, раз и навсегда. Обычай детских браков появился в Индии уже в древности, и дочь рекомендовалось выдавать замуж, пока она является нагника (буквально — голенькая), то есть настолько маленькая, что еще может бегать обнаженной. Главное требование заключалось в том, чтобы девочка прошла свадебный ритуал до появления месячных, иначе ее родичи считались виновными в гибели возможного зародыша. Если же не находилось для нее подходящей пары, то рекомендовалось выдать хоть за кого-нибудь, лишь бы не совершить «греха убийства зародыша».

Давались рекомендации, чтобы жена была моложе мужа, но соотношение возрастов предусматривалось различное, в зависимости от точки зрения, с которой рассматривался сам брак. В эротической литературе наилучшей разницей считалось, когда муж был года на три старше жены, а в законах прародителя людей Ману предлагались другие соотношения возрастов: тридцать и двенадцать лет или двадцать четыре и восемь. В «Махабхарате» излагается аналогичное правило: жена должна быть втрое моложе мужа, но, впрочем, возраст героев эпических преданий отнюдь не соответствует подобным установлениям.

Свадьба вовсе не означала реального начала брачной жизни. Мужу запрещалось жить с женой, пока она не достигнет совершеннолетия, а до этого времени девочка обычно пребывала в доме отца. Иногда девушки (девочки) вдовели, так и не став фактически женой, но все строгие правила, относящиеся к поведению вдов, распространялись и на них, хотя случалось, эти бедняжки даже не видели своего «мужа». Так появился термин «вдова-девственница», то есть девочка, выданная замуж в младенческом или детском возрасте, чей муж умер до того, как она достигла возраста полового созревания. Подобные «младенческие браки» распространены у индусов и в настоящее время.

Самыми лучшими невестами с наиболее «чистой раджпутской» кровью считались девушки с запада страны. Самым престижным было получить в жены благородную представительницу клана Сисодия — единственного, не признавшего главенство моголов*.

Те же, а именно падишах Акбар, занявший в 1556 году престол, нашли чрезвычайно мудрое решение проблемы покорения воинственных раджпутов —

** Моголы — в средневековой Индии так называли представителей тюрко-монгольских народов, прибывших в составе армии завоевателей в XIV веке.*

они породнились с ними. Сам Акбар приблизил к себе часть наиболее влиятельных вождей кланов и князей, пожаловал им почетные должности и взял себе в жены нескольких раджпутских принцесс. Это был достойный выход и для раджпутов, долго и храбро сражавшихся с завоевателями, но понявших, что одолеть их не удастся. Связанные священными узами родства, раджпуты могли теперь, не унижаясь, служить моголам, и только один княжеский дом — правителя Мевара Сисодия — не принял верховенства моголов над собой, не дал им ни одной своей девушки в жены.

Генеалогическая и астрологическая совместимость, конечно, была очень важна, но не упускалась из внимания и материальная сторона дела. Представители жениха и невесты уточняли финансовые и другие условия брачного союза, в том числе чрезвычайно важные для гордых раджпутов соображения престижа. В качестве символа предложения жениху высылался кокосовый орех (иногда его щедро украшали драгоценными камнями). Обращаться с кокосом следовало крайне осторожно, не принять его — смертельное оскорбление, означающее сомнение в чести тех, кто предлагал невесту, что могло привести к войне между кланами. Принять же этот символ сватовства должен был только сам жених, иначе мог произойти конфуз, как в случае с одним старым раджой, который в отсутствие сына, игриво пошутив про красавицу и молодость, которую он не прочь возвратить, принял орех. Последствия оказались для раджи драматичными: ему действительно пришлось тряхнуть стариной и самому жениться на юной невесте сына, который из-за принятого отцом злосчастного кокоса отказался взять ее в жены.

Практически все раджпутские раджи имели много жен и детей, количество которых было предметом их гордости, но число супруг обычно не превышало тридцати. Небогатым приходилось удовольствоваться двумя — тремя женами, а рядовые члены сообщества, как правило, имели одну жену, а другую брали, если у первой не было детей или она болела. Могли быть и жены, имевшие статус наложниц. Знатному раджпуту позволялось «оказывать внимание» и служанкам, принадлежавшим к более низким кастам, и их сыновья, рожденные от хозяина, входили в клан на правах младших, но очень полезных членов. Они увеличивали мужское население клана и, получив начальное образование и воинские навыки, выходили сражаться вместе с остальными членами клана. Однако в престижные части армии бастардов не брали, они могли рассчитывать только на пехоту и другие вспомогательные войска. Все дети в полигамном браке считались законными, но право первородства делало наследником лишь одного, так как у раджпутов существовал майорат, по которому имущество клана мог наследовать только старший сын его главы — раджи. Все младшие сыновья, которых было множество в полигамных семьях, должны были сами позаботиться о своем месте под солнцем, что, несомненно, способствовало поддержанию их боевой готовности и, следовательно, всего раджпутского

сообщества. Впрочем, и сам старший сын мог распоряжаться унаследованным имуществом только в общих интересах клана, а все остальные дети и их семьи могли претендовать на содержание.

ДОМ — КРЕПОСТЬ

Раджпуты жили в западной части Северной Индии, называемой Раджпутана, Раджастхан или Раджварра, и европейских путешественников, посетивших княжеские дворцы, поражало изящество их убранства, утонченная роскошь и комфорт. Эти дворцы носили романтичные и вполне оправданные названия «Лунных», «Рубиновых» «Воздушных» и «Дворцов облаков» (во «Дворце облаков» в Бунди имелся «Зал грозовых облаков», расписанный темными облаками, а голубые стены «Лунного дворца» создавали ощущение таинственного лунного сияния). Признаками «раджпутского стиля» являлось обилие тонких колонн и балконов, забранных кружевными каменными решетками, и небольшие беседки по углам плоских крыш, которые, как всюду в жарких странах, использовались в качестве веранд, где женщины сплетничали с соседками, а ночью, даже спали.

Помещения дворцов были убраны со сказочной пышностью. Их украшали зеркала, инкрустация по мрамору драгоценными и полудрагоценными камнями, позолота, колонны из ценных пород камня, золотые и жемчужные бусы, шелковые занавеси и серебряные вазы. В каждом раджпутском замке был «Стеклянный, хрустальный дворец», покои, стены которого украшены разноцветными стеклянными деталями. Днем они ярко сверкали на солнце, а ночью в них отражалась луна. Представление о красоте раджпутских дворцов можно получить из описания княжеской летней резиденции принца Джагат Сингха, которое дал Джеймс Тод, первый из иностранцев посетивший ее: «Дворец построен полностью из мрамора: колонны, купальни, водные дорожки и фонтаны — все сделано из этого материала, во многих местах выложено мозаикой, некоторое однообразие приятно рассеивается высвеченными лучами солнца, проходящими сквозь стекла всех цветов радуги. Покои расписаны акварельными картинами на исторические темы... Стены — и здесь, и в главном дворце обильно украшены резными каменными медальонами, на которых изображены основные исторические события семьи — от самых древних до помпезной свадьбы теперешнего правителя. Цветочные клумбы, апельсиновые и лимонные рощи, прерывающие монотонность зданий, обрамленные зарослями тимаринда и вечнозеленых деревьев; перистые листья-опахала пальмировой пальмы колышутся над темными кипарисами и тенистыми бананами. Специальные обеденные комнаты с колоннами и обширные купальни для раджпутских правителей устроены на самом берегу. Здесь они слушают песни своих бардов и отсыпаются после полдневной дозы

опиума среди прохладного ветерка с озера, носящего нежные ароматы сотен цветущих лотосов, покрывающих воды озера, а когда пары зелья улетучатся, они открывают глаза и видят пейзаж, равный которому нельзя вообразить даже в опиумных грезах — водный простор Пичола с его изрезанными, покрытыми лесами берегами, на самом краю горизонта виден храм Бхимпури у перевала в горах Аравалли...»

Дворцы владык были великолепны, а строя дома простых смертных раджпутов, исходили из принципа защиты от опасностей войны и удобства отдыха в мирное время. Это были просторные дома-крепости с башенками, на которых ожидали возвращения воинов женщины, чьи покои располагались на верхних этажах. Окна в женской половине были маленькие или забранные решетками, из них можно был смотреть на улицу, но ничего не было видно снаружи.

Одна из особенностей семейной жизни раджпутов — затворничество их женщин. Этот обычай ограничивался у индусов только особо знатными и состоятельными фамилиями. Положение женщины в низших социальных слоях было тяжелым из-за постоянного физического труда, но по отношению к мужу она сохраняла значительно бóльшую свободу, нежели ее сестры из высших классов.*

У раджпутов же затворничество предписывается соблюдать даже деревенским женщинам-раджпуткам, которые редко появляются на улицах. Обычай затворничества сложился в индуизме в высоких кастах, и максимальное ограничение круга общения женщин считалось свидетельством ее особо высокого статуса, признаком особой ритуальной чистоты, и относительная изоляция женщин, соблюдаемая у раджпутов в современных условиях, придает им чрезвычайно высокий престиж. В древние времена этот обычай не был характерен для семей индийских рыцарей, он, по мнению одних исследователей, появился во время мусульманского правления в Индии и связан с условиями выживания в иноверческой среде. Тогда же был воспринят «обычай паранджи» (закрывать лицо от взоров мужчин, за исключением мужа и ближайших родственников). Дома раджпутов делятся на женскую и мужскую половину, где каждая жена имеет свою отдельную комнату (правило, соблюдаемое и в небогатых семьях). Мужья могли спать и обедать у своих жен, приходили на женскую половину и другие

** Удивительно, но и сейчас ряд ограничений, от которых в результате реформ уже отказались женщины Индии из высших каст (ранний брак, затворничество и запрет на повторное замужество вдов), распространяется на женщин более низких каст, стремившихся повысить социальный статус на пути так называемой санскритизации (имитации бытовых норм высших каст).*

представители сильного пола семьи, но, входя, деликатно предупреждали о своем появлении покашливанием. На своей половине жены вели обычный образ жизни замужней женщины — занимались воспитанием детей и домашним хозяйством, в богатых семьях — изящными искусствами, музыкой и чтением. Много времени занимали у женщин молитвы и обряды. Безделье не поощрялось, и даже принцессы находили для себя дело — поливали растения в саду и кормили рыбок в пруду. Наложницы, принадлежащие, как правило, к более низким кастам, обычно выполняли работу, которую скорее должны делать слуги, и, в отличие от раджпуток, могли покидать территорию поместья. Среди «домашних» людей были и дочери, рожденные от «внимания» господина к служанке. Они занимали то же положение, что их матери, и от этих «домашних» произошли целые касты, вполне резонно претендующие теперь на звание раджпутов.

«ВОЙДИ, КАК СТРЕЛА В КОЛЧАН, ГЕРОЙ!»

В Индии женщина, вступающая в брак, являлась воплощением животворных сил матери-природы, и девушка с нетерпением ожидала срока, когда она могла, наконец, исполнить свое предназначение и стать матерью. В «Махабхарате», например, содержится легенда о девочке, прислуживавшей ученому брахману, который, обладая волшебной силой, в благодарность за послушание осчастливил ее необычайно ранним наступлением половой зрелости, и она, будучи почти младенцем, смогла зачать и родить сына. Бездетность являлась трагедией, а бесплодная женщина — существом не только несчастным, но презираемым, и ритуально нечистым, как наказанная богами. Считалось, что дары, полученные от нее, не могли ничего принести, кроме вреда, а боги не только не примут жертвы от бесплодной, но даже те жертвы, на которые она бросит взгляд. От бесплодия «лечились» постом, паломничеством, обетами, амулетами и заклинаниями. Для плодовитости жене на шею вешали ветку дерева удумбара, плодоносящего трижды в году, а для благополучного зачатия совершался обряд, на котором произносились специальные формулы, призванные обеспечить помощь богов. Звучало это так: «Пусть зародыш положат боги, зародыш трав, зародыш деревьев и всего сущего»; «Как стрела в колчан, пусть войдет герой».

К жене, которая рожала девочек, относились лучше, чем к вовсе бесплодной, но все же считалось, что она не до конца исполнила свой долг, и муж имел право взять другую. «Сын — воплощение отца, жена — это друг, а дочь — несчастье», — говорится в «Махабхарате», и действительно, отношение к дочери в индийской семье было иным, чем к сыну. Во время брачной ночи молодой муж даже произносил специальную формулу: «Пусть боги вложат девочку куда-нибудь еще, а сюда пусть вложат мальчика». Раджпуты

считали, что сыновья рождаются, если соблюдаются правила интимных отношений между супругами, и старались «сделать» ребенка в отведенные для этого дни. Считалось, что в четные дни месяца происходит зачатие мальчиков, а в нечетные — девочек. Имелась и специальная церемония, происходившая на третьем месяце беременности. Женщина должна была съесть ячменное зерно с двумя бобами и выпить глоток простокваши, повторяя при этом трижды слова: «Рождение мальчика».

Впрочем, множеством суеверий окружена была в Индии и интимная жизнь. Брачная связь рассматривалась как ритуал и священнодействие и обставлялась всевозможными запретами. В индийской религиозной литературе перечислялись места, где именно никогда не должно быть супружеской близости, и это дает представление, какой силы могла достигнуть страсть, если запреты касались занятий любовью в самых что ни на есть экстремальных условиях: на дереве, в повозке, в воде и так далее.

Воспрещалось вступать в половые отношения и в определенные дни лунных месяцев. Смертельно опасным считался вид обнаженного супруга, не приветствовались и «сокращающие жизнь» ласки в утреннее или дневное время. Нежелательными для половых отношений считались также некоторые неблагоприятные дни (воскресенья, одиннадцатый день светлой половины месяца), новолуние и полнолуние. У раджпутов существовало еще одно правило: если в семье старшие дети уже вступили в брак, то муж и жена прекращают интимные отношения, рождение же ребенка свекровью, у которой уже имеются внуки, считается позорным.

В Индии роль женщины-матери очень высока, ее авторитет находится в прямой зависимости от способности рожать сыновей, и в религиозной литературе даже указывались три способа «избавления» от дочерей. Это данам — дарение дочери (ему соответствует свадебный обряд каньядана); викрая — продажа дочери (получение за нее выкупа) и атисарга — иные способы отказа от дочери, в том числе использование института девадаси, когда девочку отдавали в храм.

Сына индусы сравнивали с судном, при помощи которого человек способен переплыть океан и добраться до берега бессмертия, ибо именно в облике собственного сына-наследника мужчина как бы переживает второе рождение на земле. Рождение сына рассматривалось как религиозный долг, а несчастный, у которого его не было, после смерти мог превратиться в прету — существо, не находящее себе покоя и мучающее живых. При этом предпочтение, оказываемое сыновьям, объяснялось вовсе не предубеждением против женского пола, а тем, что наследование семейного имущества и продолжение культа предков считалось не женским делом. Ибо девочка с наступлением брачного возраста должна была перейти в другое семейство, а в родном не могла быть ни работником, ни наследником. К новой семье

уходило и приданое*, которое иногда было разорительным для родительской семьи.

Отец опасался и за поведение дочери, ибо, как известно, «от женщины зависит репутация трех семейств — ее отца, матери, и мужа». Если все же в семье не было наследника, то в древности индийцы прибегали к юридической фикции, когда отец объявлял дочь путрикой («дочерью вместо сына»), и ее сын считался уже не потомком своего действительного отца, а сыном-наследником деда с материнской стороны. Существенного различия между родным сыном и таким внуком по женской линии в этом случае уже не делалось. Страдал лишь муж путрики, и именно поэтому индийские мудрецы не советовали жениться на той девушке, у которой нет братьев.

Но, хотя предпочтение, безусловно, оказывалось сыновьям-наследникам, радовались появлению и мужского, и женского потомства. Чадолюбивые индийские отцы обожали своих девочек, и в литературе имеется немало примеров особой отцовской, нежной привязанности именно к дочке. Находились среди индусов и те, кто хотел иметь только дочерей, и, в частности, в ритуальной книге говорилось о приметах для того, чтобы это свершилось: при свадебной церемонии будущий отец должен был взять ладонь невесты, не захватывая при этом ее большой палец. Тот же, кто хотел иметь детей обоего пола, брал руку целиком вместе с большим пальцем.

В раджпутских семьях всегда было много детей, минимальным их количеством считалось два сына и одна дочь. Рождение девочки радовало гораздо меньше, чем рождение сына, и в прошлом раджпуты, оказавшиеся в сложных обстоятельствах, должны были сами решить, нужен ли их семье этот ребенок.

---

* *Одна из особенностей семейно-брачных отношений в Индии — обычай давать приданое за невестой. Он возник в результате развития индийского общества и, зародившись в среде брахманов, в наше время практикуется у всех каст, в том числе среди мусульман и племен, которые ранее платили выкуп за невесту. В 1961 году был принят закон о запрете приданого, но, тем не менее, по данным на середину 1990-х годов практика его получения в среднеобеспеченных и богатых группах населения приобрела огромные масштабы, и размеры приданого или «цены жениха», определяемые спросом и предложением на брачном рынке, чрезвычайно высоки, особенно за образованных и занимающих высокие должности. Очень «дороги» и женихи-чиновники административной, полицейской и других государственных служб. При выборе невесты учитывается ее происхождение, привлекательность и уровень образования, и «ученая» невеста, обладающая всеми необходимыми достоинствами, наименее конкурентоспособна, ибо ее образовательный уровень предполагает хотя бы такой же или более высокий уровень образования жениха. Невыплата приданого в срок может катастрофически отразиться на судьбе молодой жены, которая становится объектом постоянных упреков и даже издевательств со стороны новых родственников. На этой почве происходят случаи самосожжения молодых женщин, которые называются индийскими журналистами «новым видом сати» или смертью из-за приданого.*

Имел место инфатицид дочерей: их усыпляли с помощью опия, случаи осуществления этой жестокой традиции имели место еще в XIX столетии, хотя официально инфатицид был запрещен английскими колониальными властями еще в 1795 году. Он объяснялся вовсе не женоненавистничеством, а некими страшными рациональными законами выживаемости воинского общества (также, вероятно, как сати и джаухар, когда самоубийством заканчивал жизнь тот, кто не мог жить самостоятельно). Постоянно воюющим раджпутам нужно было много мужчин, которые могли бы защищать клан и кормить его членов, необходимо было также соблюдать и некую демографическую пропорциональность, связанную с повышенной смертностью воинов. Другие предпочтения, оказываемого мальчикам, были теми же, что у других каст, в том числе и необходимость дать дочери достойное приданое. Ему отводилась очень важная роль, приданое повышало престиж семьи, и от его качества и величины зависело, в какую семью попадет дочь и какое место займет в ней. В богатой семье девушка с небольшим приданым могла стать только второй или третьей женой, а большое приданое сразу повышало ее статус.

Женщина в раджпутском обществе ценилась прежде всего как мать воина, и к беременности юной жены относились очень бережно, сам же процесс вынашивания был связан с множеством ритуалов. Считалось, что будущая мать подвергается множеству естественных и сверхъестественных опасностей, для защиты от которых имелись различные магические средства. В ноздри закапывался сок баньянового дерева, читались заклинания против злых демонов, стремившихся съесть зародыш или подменить его так, чтобы у женщины родилась лягушка, змея или черепаха. Соблюдались и множество обрядов, призванных сохранить ребенка в чреве живым, обеспечивающих рождение сына и благополучные роды. Первенец, по обычаю, должен появиться в доме бабушки и дедушки с материнской стороны или, если отца уже нет, — в семье ее родного брата.

«Отца почитать надо в сто раз больше, чем учителя, но мать в тысячу раз достойнее почитания, чем отец», — гласила известная сентенция. И хотя она — «всего лишь женщина», которая не может быть самостоятельной, нуждается в охране со стороны мужчины и после смерти отца переходит под опеку собственного сына, почтительность следует выражать по отношению к обоим родителям.

Считалось, что самым страшным для человека является гнев его собственной матери, ибо от материнского проклятия искупления быть не может, а у раджпутов самой сильной побудительной причиной совершения подвигов было желание «не осрамить молоко своей матери» и прославить «молоко своей матери».

ПАТИВРАТА

Воспитание и образование раджпутов, как мужчин, так и женщин, состояло в их подготовке к суровым испытаниям, защите своей чести и умению достойно умереть. При этом они не чуждались радостей жизни и умели ценить их. Мужественность духа раджпута сочеталась с утонченностью. Любезные и изысканные манеры были равно предписаны и европейскому рыцарю, и раджпуту, но первые, несмотря на всю свою «куртуазность», были просто невежественны по сравнению с индийцами. Формирование будущего индийского героя — вира состояло не только в получении воинских навыков и закалке тела и духа. Раджпуты получали также общее образование, которое заключалось в подробном изучении исторических легенд, преданий, сказаний о собственном клане и обо всей раджпутской общности. Их учили писать и излагать свои мысли на бумаге. Будущий раджпутский рыцарь овладевал и куртуазным искусством: игрой на музыкальных инструментах, пением, сочинением стихов и нанизыванием цветочных гирлянд. Непременным было также изучение тонкостей шахматной игры, развивающей стратегическое мышление будущих воинов (шахматы, столь популярные во всем мире, были изобретены именно в Индии под названием «чатуранга», с VI веке они стали известны персам, затем быстро распространились по Среднему Востоку, от мусульман они стали известны крестоносцам и от них уже «попали» в Европу). Воспитание раджпутского принца включало обязательное знание санскрита и местных языков, чтение священных книг, трактатов о политике и поэтических произведений.

Воспитание девочек заключалось, прежде всего, в создании из них хороших жен. В древности индианки из высших слоев общества были, как правило, довольно образованными. В литературе встречаются женщины, сведущие в науках и искусствах своего времени, в числе излюбленных занятий героинь придворной санскритской литературы часто упоминаются чтение и сочинение песен. Встречаются и упоминания о девушках, которые время от времени посещают беседы гуру и усваивают, по крайней мере, часть вед. Но потом все изменилось. Около начала нашей эры знание вед было запрещено женщинам, а с эпохи средневековья стали считаться предосудительными даже пение и танцы, которым обучались в древности дочери состоятельных родителей, поскольку это больше пристало женщинам из низших каст и куртизанкам.

Девочек обучали всем домашним работам, грамоте, а девушки из знатных семей должны были еще уметь изысканно излагать свои мысли на бумаге. Раджпутка не только создавала своему мужу-воину комфорт во время его короткого пребывания дома. Она могла также развлечь беседой, утешить в неприятностях и дать мудрый совет, который помогал преодолеть их. Жена была не просто домашней хозяйкой, а фактической главой семьи, которая в долгие и частые отлучки мужа, контролировала ситуацию в доме. Впрочем, во время короткого присутствия мужа ситуация не менялась, и жена продолжала управлять своим семейством.

Главой женской части раджпутской семьи считается жена старшего из мужчин. Она распределяет обязанности между женщинами, отвечает за ведение хозяйства и воспитание детей. Домашние заботы женщин в основном состояли из приготовления пищи, иногда своим мужьям готовили даже принцессы. Кухня же всегда была сакральным местом дома, где соблюдались правила особой ритуальной чистоты, а единый очаг являлся символом единой семьи.

Из всей массы продуктов индийцы выделяют священный напиток — молоко, дойка была мужским делом, и для кипячения молока (белкового продукта) был специальный очаг. Считалось, что молоко дарует силу и ум, обеспечивает хорошее телосложение, предохраняет от болезней. Целебными считали также мед и рис, который советовали давать детям для нормального роста зубов. Масло в сочетании с лекарственными компонентами должно было предохранять от выкидыша, свежесбитое масло предписывали детям и беременным женщинам, тщательно очищенное — подросткам для возмужания. Из молока готовили и простоквашу, столь необходимую для смягчения вкуса чрезвычайно острой пищи индийской кухни. Целительные свойства масла, меда и молока использовались и для увеличения мужской силы, они были составляющими многих средств, направленных на это. В рецепты по увеличению лингама*, входило и благотворное масло, а также некоторые весьма простые растения: огурец, гранат, баклажан.

Мясо ели в основном мужчины, многие женщины из соображений ритуальной чистоты и благочестия его не употребляли, как и яйца. Система питания индийской семьи похожа на специальную диету, так как индуисты стремятся никоим образом не нарушить очень жесткий в кастовом отношении режим питания. Раджпутам было проще, они могли есть непригодные для индуиста высокой касты продукты — мясо, яйца, рыбу и пить алкоголь. Разрешение объяснялось тем, что воину для поддержания его кипучей энергии и активности необходимо вкушать соответствующую невегетарианскую пищу. Но у раджпутов существовали и определенные запреты. Нельзя было есть приготовленное заранее, а также «есть из рук» других каст. Необходимо было также соблюдать баланс согревающей (возбуждающей) и охлаждающей (успокаивающей) тело пищи, нарушение которого по представлениям раджпутов могло привести к возникновению инфекций.

Приготовление пищи занимало у женщин очень много времени, но это не отражалось на уходе за собой, которому уделялось большое внимание. Уже в самых древних медицинских сочинениях содержались предписания из области гигиены. Категорически запрещалось чихать в общественном месте, носить грязную одежду, пить недоброкачественную воду и пользоваться ею

** Лингам — в древне-индийской мифологии и различных течениях индуизма символ божественной плодотворящей силы и обозначение мужского полового органа.*

при омовении. Это отражало скорее идеи медицинской науки того времени, нежели действительное положение вещей, так как в населенных пунктах царила скученность, а условия жизни были весьма далеки от идеалов, проповедуемых в трактатах. Но день обязательно начинали с омовения. Не пренебрегали жены воинов и косметическими средствами и декоративной косметикой, а женскую прическу — из мелких и тонких косичек, сплетаемых низко у шеи в одну косу, раз в неделю приходила делать раджпуткам жена брадобрея из касты «наи». Переодевались несколько раз в день, и в отличие от прочих индианок раджпутки почти никогда не носили сари. Их традиционный наряд состоял из длинной юбки, короткой, выше талии, нижней блузы и длинной, широкой или приталенной верхней блузы. На голове было закрывающее плечи и голову покрывало из тонкой ткани, а при выходе из дома сверху всего наряда надевался еще плотный шарф, прикрывавший лицо. Раджпуты предпочитали яркие цвета и разнообразные рисунки: воины на марше, процессии придворных, птицы и так далее. Самым популярным цветом был и остается красный, а самое любимое сочетание, ярко-оранжевого с ярко-розовым, великолепно оттеняло смуглую кожу. Раджпуты, как и все индусы, очень любили украшения, даже мужчины носили серьги и ожерелья, эта «страсть к красоте» простиралась и на животных, которым окрашивают рога и спины. Бока волам расписывают краской, как попону, а у верблюдов иногда выбривают рисунки на шкуре. Цветы завершали туалет раджпутки, их использовали для украшения прически и в качестве «живых», душистых ожерелий. Гирлянды прекрасных, ароматных цветов любили и женщины, и мужчины. Индийские рыцари уделяли своей внешности большое внимание, и их пышные усы и борода являлись предметом гордости и тщательнейшего ухода. Средства против облысения, красители для волос, усов и бороды использовались уже в древности, и по роскошным усам, которые иногда даже убирались за уши, проводились шуточные соревнования.

Раджпутская жена была «пативрата» — то есть жена, ведущая жертвенную жизнь, буквально — «та, которая дала обет служить мужу». Домашние обязанности, воспитание детей, забота о муже, угождение всем его желаниям и прихотям и создание комфортной атмосферы во время его короткого пребывания дома между битвами — все это входит в понятие «пативрата», но главное — религиозное служение. Роль раджпутки и ее влияние на судьбу супруга чрезвычайно высоки, и она изо всех сил старается, чтобы оно было благоприятным. Соблюдая нравственные законы, жена способствует процветанию своего супруга. Она может также защитить его обрядами и «отмолить» его грехи у богов. Смерть же мужа — катастрофа, а вдовья участь — самое худшее, что может быть. Впрочем, понятие «вдовьей доли» практически не встречается у раджпутов, и на это есть свои причины.

СМЕРТЬ В ОГНЕ

Жертвенное служение раджпутки продолжалось после смерти ее мужа, когда она всходила на погребальный костер, чтобы навек соединиться с любимым и искупить все его грехи. Сати вменялось в прямую обязанность для женщин из высших каст, особенно для тех, кто принадлежал к варне воинов, и если учесть, что в условиях постоянных военных конфликтов мужья гибли часто, то можно представить, как вероятна была возможность такого ухода из жизни у раджпутских женщин.

Само слово «сати», которым принято называть самосожжение вдовы, означает «добродетельная женщина», но в ранний период британского правления европейские чиновники и миссионеры ошибочно применяли его для обозначения акта самосожжения. Совершившая сати почиталась не только за свой поступок самосожжения, но и как идеальная жена, которая, будучи преданной мужу в течение всей его жизни, довела свое служение до логического конца. Традиции сати придерживались не только раджпутки, она была распространена по всей Индии, и, по легенде, первой, совершившей его, была Сати — жена бога Шивы. Будучи внучкой Брахмы, она стала супругой Шивы против воли своего отца — Дакши, который, проводив жертвоприношения, пригласил на него всех богов, кроме Шивы. Разгневанная и оскорбленная Сати потребовала от Шивы помешать жертвоприношению, а сама, не стерпев унижения, бросилась в священный огонь и сгорела. Шива долго бродил по миру с ее обгоревшим телом, пока Вишну не разделил то, что осталось от Сати, на множество частей, которые разбросал по земле, сделав места, куда они упали, центрами паломничества. Спустя некоторое время Сати возродилась, став второй женой Шивы — богиней Парвати.

Обычай самосожжения вдов, поражавший (и ужасавший) очевидцев, неиндуистов, часто описывали чужестранцы. О нем упоминали уже греки, побывавшие в Индии после походов Александра Македонского, давая ему весьма рациональное и курьезное объяснение: жену, чтобы у нее не было соблазна подсыпать мужу в пищу яд, принуждают умирать вместе с ним. Говорили также, что случаи сати льстили ревнивому чувству собственников-мужей, не желавших оставить принадлежавших им красавиц жить после себя, чтобы они любили еще кого-нибудь. Существует также версия, что древнее происхождение обычая сати из вед сфальсифицировано. По ней жена на похоронах мужа должна идти во главе, впереди — «агре», а некто изменил это слово на «агни» — огонь.

Нельзя сказать, чтобы этот жестокий обычай принимался всеми в Индии. Его осуждал поэт-гуманист Бана, живший в VII веке. Отвергают его и тантрические секты, адепты которых даже заявляли, будто женщина, идущая за мужем на костер, попадает прямо в ад.

В самих же древнеиндийских памятниках о самосожжении речь идет довольно редко. Наиболее известный пример самосожжения вдовы известен из

«Махабхараты», где говорится о том, как две жены царя Панду спорили между собой за честь взойти на погребальный костер мужа. Некоторым женщинам, прежде всего беременным, запрещалось следовать этому обычаю, но и для остальных он не был обязательным. Но если женщина изъявляла желание погибнуть как «благочестивая жена» — сати, то считалось страшным позором в последний момент объявить об отказе от своего решения. Однако в древности распространение сати никогда не было широким и ограничивалось преимущественно царской семьей и кругом высшей знати. В обычай сати вошло во время мусульманского завоевания Индии, когда тысячи женщин бросались в огонь, чтобы не достаться победителю, тогда же оно распространилось как признак хорошего тона на другие касты и слои населения — от брахманов до шудр. Путешественник XV века Николо Конти сообщает, что после смерти одного из царей Виджаянагара по крайней мере три тысячи жен и наложниц были обречены на сожжение вместе со своим повелителем.

Случалось, что вдовы, оказавшиеся за пределами родины, пытались совершить обряд в странах, не готовых к такому проявлению преданности. Летом 1723 года в Москве произошло событие, которое произвело сильное впечатление на много повидавших горожан, а именно, срочный отъезд индийских купцов, которым была нанесена «великая обида». Она состояла в том, что городские власти запретили вдове внезапно скончавшегося купца-индуса, торговавшего драгоценными камнями, сжечь себя вместе с телом мужа. В 1767 году, почти полвека спустя, в России повторилась подобная история.

Некоторые средневековые авторы утверждали, что, совершая акт самосожжения, жена искупает собственные грехи и грехи мужа, и оба получат 35 миллионов лет (!) небесного блаженства, но причину подобной самоотверженности можно объяснить не только преданностью и надеждой на счастье в будущем.

Жизнь оставшейся в живых вдовы была невыносимо тяжкой. В семействах, где придерживались буквы закона, она обязана была вести во всех отношениях аскетическую жизнь. До самой смерти вдове полагалось соблюдать траур: не носить никаких украшений и не пользоваться косметикой, спать на земле, есть всего лишь один раз в день, не употребляя меда, мяса, вина и соли. В средние века вдове надлежало даже обривать голову. Дни вдовы проходили в молитвах и поминальных обрядах, ибо считалось, что малейшее отступление от этого аскетического образа жизни не только может неблагоприятно отразиться на ее «следующем рождении», но и угрожает благополучию души покойного мужа, который вынужден страдать в потустороннем мире из-за нерадивости своей половины здесь, на земле. Вдова переходила в разряд изгоев, так как в индуистской культуре считалось, что, если жена пережила своего мужа, она не выполнила свой долг, а смерть мужа по понятиям индуизма — это кара женщине за ее грехи, которые могли быть совершены не только в нынешнем рождении, но и в одном

из прежних. Именно в этом кроется причина недоброго отношения к вдовам. Из дома вдова могла выходить только в храм, и ненадолго, она должна была стараться не попадаться кому-либо на глаза, если же это происходило, то люди, завидевшие вдову, проходили мимо, не замечая ее, и даже случайная встреча с ней на улице считалась дурной приметой. Вдове было легче, если она имела взрослых сыновей, под защиту и покровительство которых попадала. И все же, согласно традиции, только совершение сати могло изменить карму «мужеубийцы» в благоприятном направлении. В полигамных семьях положение вдовы было еще хуже. Поэтому сама вдова, если у нее не было маленьких детей, нередко предпочитала своему существованию всеми презираемой домашней рабыни мучительную смерть, дававшую ей надежду на соединение с мужем.

Различают два вида самосожжения женщин — *сахамарана* (смерть вместе), когда вдова сжигает себя одновременно с телом мужа, и *анну-марана* (смерть в одиночку), когда вдова погибает в огне уже после смерти и кремации супруга, во время которой она была «не чиста».

Перед обрядом вдова совершала омовение, надевала лучшие наряды, украшения, распускала волосы, и, приготовившись к смерти, медленно и отрешенно шла к месту кремации. Ее сопровождали родственники и знакомые, которые, взявшись за руки, образовывали живую цепь, ограждающую женщину. У погребального костра, устроенного наподобие ложа, на котором устанавливались носилки с покойным мужем, вдова снимала украшения и раздавала их близким. Те в свою очередь угощали ее сладостями и просили передать сообщения своим умершим родственникам. Затем несчастную, которая в последний момент часто теряла силы и повисала на руках сопровождающих, трижды обводили вокруг костра и после прочтения брахманом траурных мантр* и окропления водой из Ганга помогали подняться на погребальное сооружение.

Она садилась с левой стороны от мужа и клала его голову себе на колени. Один из родственников поджигал поленья, и сильное пламя охватывало последнее ложе вдовы, вокруг которого разбрызгивали благовония. Иногда женщина не выдерживала, и, обезумев от страшных страданий, пыталась выскочить из огня. Некоторые из них взывали из пламени о помощи, и случалось, что брахман оглушал дубинкой ту, которая пыталась покинуть костер. Поэтому, чтобы как-то притупить боль, вдовы перед самосожжением принимали особое притупляющее наркотическое питье. Впрочем, как выяснилось в ходе расследования последних случаев сати, именно одурманивание наркотиками позволяло привести к костру несчастную женщину. Достоверно установлено также, что, несмотря на утверждения о том, что вдовы якобы добровольно шли на самосожжение, их поступки были результатом сильного психологического воздействия со стороны родственников их бывших мужей.

---

* *Мантры — заклинания и молитвы.*

Своей самоотверженностью сати, согласно индуизму, искупала грехи не только мужа, но и всех родственников, обеспечивая всем ее представителям «хорошее» следующее перерождение. Она становилась после своей героической смерти духом-защитником семьи, но сама семья при этом должна была выполнить ряд ее условий. По обычаю перед самосожжением сати произносила различные предостережения (предписания), а иногда и проклятия. Все сказанное воспринималось с чрезвычайной серьезностью и страхом, ибо считалось, что все предостережения и проклятия действуют в течение семи поколений и даже могут быть перенесены на другую семью после того, как одна из девушек из семьи сати выйдет замуж. Сати могли проклясть не только женщин, пообещав им бездетность, вдовство, болезни и прочие беды, но и представителей другой семьи, и ничто, как принято считать, не может помешать исполнению ее проклятий. Предписания сати, собственно, являлись требованием ответной жертвы от семьи, и иногда делались из простого человеческого желания восходящей на костер, чтобы ее помнили как можно дольше. Требования сати далеко не всегда носили «роковой» характер, они могли быть весьма прозаическими, касаясь быта семьи — не носить определенные украшения и одежду и так далее, но, как бы то ни было, история хранила случаи сбывшихся проклятий сати, и любыми ее предостережениями и предписаниями старались не пренебрегать.

В памяти раджпутов остались сбывшиеся проклятия принцессы Кришна Кумари из благородного клана Сисодия, невесты которого наиболее ценились раджпутами. Отец красавицы-принцессы меварский махараджа Аджит оказался в тяжелом положении. Во время борьбы с моголами его предки заключили союзнический договор с махараджами Джайпура и Джодхпура, где оговаривалось, что эти кланы и клан Сисодия вступают в браки только между собой. Во время правления Аджита (в начале XIX века) его стране приходилось нелегко: с севера наступали афганцы, с юга — маратхи*, с востока — англичане, и облегчить участь страны мог только выгодный брачный союз.

Но на руку самой прелестной и престижной невесты Раджпутаны претендовали сразу двое — махараджа Джайпура и правитель Джодхпура. Ее отец Аджит, который, по свидетельству современников, был недалеким и слабым человеком, безвольным владыкой почти пять лет тянул с решением, а затем отдал приказ, ужаснувший все его окружение. Он повелел убить свою единственную дочь, чтобы она не досталась никому из претендентов. Тем самым Аджит рассчитывал спасти страну еще от одного могущественного врага. Мужчины клана Сисодия отказались выполнить этот страшный приказ, тогда их владыка приказал женщинам отравить принцессу, которая, предвидя последствия, добровольно выпила кубок с ядом и произнесла при этом проклятие

* *Маратхи — народ Индии, основное население штата Махараштра.*

бесплодия. И хотя Кришна Кумари не являлась сати в строгом смысле этого слова, но, принесенная в искупительную жертву клану, смогла повлиять на его судьбу. Махараджа Аджит вскоре после отравления дочери внезапно умер, а в правящем доме клана Сисодия в течение шести поколений не было прямых наследников — только усыновленные.

Сати — общеиндусская традиция, и все же чаще всего ими становились раджпутки, которым с детства внушалась мысль о гибели в костре. В 1743 году, когда умер владыка Мевара, Саваи Джай Сингх, на костер взошли три его жены и несколько наложниц, в 1833 году вместе с телом раджи Идара сожгли себя семь его жен, две наложницы, четыре служанки и слуга. Иногда сати совершала девушка, жених которой погиб в бою, а она хотела соединиться с ним на небесах. Совершался свадебный обряд, жениха представлял его меч, который носили вокруг свадебного огня рядом с невестой.

Исторические хроники раджпутов полны свидетельств о сати, а сами они почитают сати-мата (культ чистоты в женском обличье). На картинах сати изображались обычно в виде сидящей на костре нарядной красавицы, держащей на коленях тело мужа или в виде многорукого женского божества, восседающего на огненном троне, так обычно изображается богиня Сати — жена бога Шивы. Можно найти в Индии и множество каменных памятников в честь верных жен, последовавших за покойным супругом в огонь. Первый памятник, увековечивший сати, обнаружен в Эране, близ Сагара, в Мадхья-Прадеше. Эта краткая надпись, вырезанная на колонне около 510 года н. э., сообщает о трагической кончине героя и его жены:

«Сюда пришел Бханугупта, храбрейший из смертных, великий царь, смелостью равный Арджуне, и сюда последовал за ним Гопараджа, как друг следует за другом. Он сражался в великой и славной битве и отошел на небо среди вождей. Его жена, преданная и любящая, любимая им, прекрасная, последовала за ним в пламя костра».

Традиция смерти в погребальном огне сохранилась в Индии до сих пор, и именно на Раджастхан приходится до двух третей от общего числа случаев самосожжения женщин по всей стране. За отмену сати выступало основанное индийским реформатором и просветителем Рам Мохан Роем в 1828 году Общество Брахмы, но только в 1987 году, после всколыхнувшего всю Индию события, запрет на сати установило правительство. Тогда в одном раджастханском поселке на погребальный костер взошла 18-летняя раджпутка, которая заживо сгорела в огне в присутствии многотысячной толпы. В декабре того же года под давлением общественного мнения парламентом страны был принят специальный закон, запрещающий сати. Согласно ему в отношении лиц, подстрекающих женщин к совершению страшного обряда, а также его участников установлено суровое наказание. Виновные в пропаганде случаев и практики сати также должны привлекаться к уголовной ответственности и

наказываться лишением свободы сроком до семи лет и крупными штрафами и лишаться права баллотироваться в представительные органы власти. И все же верность традициям берет верх над страхом перед карающими новыми законами, и вдовы продолжают подниматься на костер.

Сати, столь потрясающий воображение иностранцев обряд меркнет перед другим — массовым самосожжением «джаухаром», который совершался всеми женщинами клана еще до смерти мужей. На исполнение этого самого раджпутского, великого и страшного обычая жены и матери шли, когда положение крепости, находившейся в осаде, было безнадежно. Согласно представлениям раджпутов о чести, ни один член клана не должен оказаться в плену или в рабстве, и раджпутские женщины, которые опять же по понятиям чести не могли жить в униженном состоянии, без мужской поддержки и защиты, совершали джаухар вполне осознанно и ответственно, как свой непреложный долг. Перед этим старались переправить в родственный клан детей, если это было невозможно, они погибали вместе со своими матерями.

Коллективное самосожжение происходило без спешки, в специально отведенном для него помещении, каменном подземелье — целом подземном городе, имеющемся в каждой крупной крепости. Когда положение становилось безнадежным, женщины совершали очистительные обряды, надевали свои свадебные наряды и спускались в низкие обрядовые камеры подземелья. Последней входила главная жена главы клана. Вход за ней замуровывался и совершался джаухар. Увидев дым, ещё оставшиеся в живых мужчины клана, для которых поражение было страшнее смерти, надевали одежды священного шафранового цвета и выходили на последнюю в своей жизни священную битву «шака», чтобы достойно сразиться за честь семьи и погибнуть.

В раджпутской истории имеется множество случаев совершения этого обряда. Так город Читтор, священное для всех раджпутов и индусов место, вошел в историю как «крепость-вдова, трижды совершившая сати», где по приблизительным подсчетам совершили коллективное самопожертвование во имя династии 56 тысяч человек. Только во время осады Читтора Акбаром в 1568 году во время осады в огне погибло девять рани, пять принцесс и еще 1700 раджпутских женщин и детей.

Для завоевателей-мусульман и колонизаторов-англичан шака и джаухар было бессмысленным самоубийством. В действительности жертвенные подвиги раджпутов — мужчин, погибших в последней битве, и женщин — в огне, имели значение не только для чести клана. Земля и крепость, за которую погибли, «навечно закреплялись» за ними, и выжившие дети могли вернуть утраченное достояние. Погибшие ценой своей смерти подтверждали связь клана с родной землей, вследствие чего новый владелец оказывался лишним. Если победитель все же шел против кодекса чести «раджпути» и захватывал землю, на стороне выросшего и отправившегося в поход за отцовым наследством

нового поколения клана оказывалась моральная и материальная поддержка всех остальных раджпутов.

Героические традиции раджпутов не забыты, их хранят потомки индийских рыцарей, которые гордятся своей историей и подвигами предков. В обществе от них по традиции ждут справедливого управления и защиты, и современные потомки индийских рыцарей служат в армии (где они составляют до половины численного состава) и в полиции, а раджпутские матери воспитывают своих детей в истинно раджпутском духе — готовыми к трудностям и опасностям жизни и исполнению дхармы — воина.

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ НУР ДЖАХАН

Обитательницам гаремов мусульманских владык Индии по традиции следовало оставаться в тени своих могущественных супругов, но имелись и исключения.

Во времена императора Акбара, когда тот был еще слишком мал, чтобы управлять армией и государством, был период (1560–1562), вошедший в историю под названием «Правление юбок» (или «Период дурного правления»), когда большим влиянием пользовалась некая Махам-Анага. Но, безусловно, самой яркой и могущественной личностью при могольском дворе явилась Нур Джахан, жена императора Джахангира.

Свою будущую жену сын Акбара, принц Салим, увидел на одном из веселых придворных женских базаров, традицию проводить которые учредил его великий отец, отнюдь не чуждый празднеств и развлечений. На этих базарах жены и дочери придворных на время становились торговками. Они предлагали ткани и разные красивые безделушки покупателям, которых изображали сам император, принцессы и женщины Сераля. Обычай женских базаров сохранился после Акбара, и почти сто лет спустя французский путешественник Франсуа Бернье описал непринужденную обстановку, царящую на них. Веротерпимость и гибкость Акбара проявлялись во всем, и на этих придворных празднествах присутствовали женщины из индуистских и мусульманских семей, причем все с открытыми лицами, позволяющими любоваться их красотой. Вели себя дамы достаточно свободно, и, отчаянно торгуясь, могли осыпать повелителя колкостями, советуя «не соваться на рынок и поискать в другом месте».

Девушка изумительной красоты и редкостного обаяния по имени Мехрунисса привлекла внимание наследника империи. Ее родителями были бедняки персы, которые ушли искать счастья в Индию, где отец Мехруниссы поступил на службу к Акбару и сделал неплохую карьеру, дослужившись до звания тысячника. Страсть Салима оказалась столь велика, что встревожила великого Акбара, который счел происхождение Мехруниссы недостойным для того, чтобы она могла стать женой наследника трона. Акбар подыскал девушке

жениха — также перса Али Кули Истаджлу по прозвищу Шер Афкан (победитель тигров) и, повысив его по службе, перевел подальше от двора в Бенгалию. Когда Акбар скончался, Салим взошел на престол под именем Джахангира и, утвердившись во власти, решил осуществить свою давнишнюю мечту, завладев Мехруниссой, о которой мечтал долгие годы и о которой не дал забыть даже гарем с многочисленными женами. Он повелел своему молочному брату Кут уд-дину, наместнику Бенгалии, отправить Шер Афкана в столицу, надеясь, что с ним поедет и Мехрунисса с дочерью.

Шер Афкан был лояльным подданным и верным служакой, но, видимо, догадался о видах Джахангира на свою красавицу жену, и свидание с Кут уд-дином, явившимся убедить его подчиниться воле падишаха, закончилось трагически. Муж Мехруниссы доказал, что он достоин своего гордого прозвища. Завязалась схватка, в результате которой был смертельно ранен Шер Афкан, пронзивший наместника мечом. По одной из версий, он успел добраться до дома, чтобы убить Мехруниссу и спасти свое имя от бесчестья. К счастью для последней, ее мать, гостившая в это время в доме, проявила редкостную находчивость. Она сказала размахивающему окровавленной саблей над головой зятю, что Мехрунисса, узнав о случившемся и считая мужа погибшим, бросилась в колодец. Это сообщение добило Шер Афкана. Лишившись последних сил, он упал на землю и скончался, а овдовевшая Мехрунисса по приказанию императора была доставлена ко двору.

Несколько лет она прожила весьма скромно, так как Джахангир не мог позволить себе сразу жениться на вдове человека, объявленного государственным преступником, лишь в 1611 году была справлена великолепная свадьба, и Мехрунисса, ставшая супругой императора, приняла согласно обычаю новое имя, под которым и вошла в историю. Она стала зваться Нур Джахан — Свет Мира.

По мнению современников, новая супруга падишаха обладала не только дивной красотой, но и секретом вечной молодости, ибо ей минуло в то время тридцать четыре года — возраст весьма солидный по восточным понятиям. Но Джахангир безумно любил свою «пожилую» жену, тем более, что ее красота расцветала год от года, а многочисленные таланты получили возможность раскрыться во всем блеске.

Джахангир был личностью противоречивой. Терри, англичанин, побывавший при его дворе, писал, что император являлся человеком крайностей, который мог казаться справедливым и мягким, одаренным тонким эстетическим вкусом и искренне любящим природу. Он неплохо владел кистью и прекрасно разбирался в искусстве. При этом падишах-эстет мог стоять и спокойно смотреть, как с живых людей сдирали кожу. Своим неумеренным пристрастием к вину и женщинам он причинил немало страданий отцу, и особенно тяжело пришлось тому в последние годы царствования. Джахангир, будучи еще принцем

Салимом, остался единственным и потому неуязвимым наследником огромной империи, Акбар, желая перевоспитать Салима, определил его на женскую половину дома, где принцу не давали вина и, как считал отец, оградили от дурного влияния. Но скверные качества Салима проявились и там, все свое время он проводил в гареме отца, в обществе его наложниц. Это наносило страшное оскорбление Акбару, но придворные, понимая, что наследник скоро станет падишахом, не препятствовали ему, и единственной, кто выразил свое осуждение Салиму-Джахангиру, была его жена — раджпутская принцесса. Гордая женщина не вынесла унижений и тяжелой обстановки в семье и, позаботившись, чтобы муж понял, что ее поступок связан с его образом жизни, совершила самоубийство. Придворные хроники засвидетельствовали, что поступок жены явился потрясением для принца и заставил задуматься о своем недостойном поведении.

Нур Джахан научилась управлять Джахангиром, не прибегая к столь экстраординарным мерам, и падишах любил свою жену со страстью, только увеличивающейся за долгие годы их совместной жизни. Впрочем, сам он, имевший до свадьбы с Нур Джахан девять жен и множество наложниц, говорил, что «до брака с ней даже не подозревал, что такое супружество». Интеллектуальный уровень красавицы Нур Джахан отвечал и духовным запросам этого правителя, который обладал определенным литературным дарованием. Нур Джахан была образованна и писала стихи под псевдонимом Махфи (Тайный, Скрытный).

Джахангир старался не расставаться со своей любимой женой, и она сопровождала его повсюду — в поездках по обширной империи и на охоте, где сумела показать себя метким стрелком. В состязаниях по стрельбе Нур Джахан не раз побеждала мужчин, и Джахангир с восторгом описал в своих мемуарах, как его супруга, восседая на слоне, одним выстрелом из мушкета поразила тигра-людоеда. Обладала Свет Мира и чисто женскими талантами. Она великолепно шила, вышивала золотом и именно ей, индийская традиция приписывает изобретение итр-эссенции из розовых лепестков.

Очаровательная, красивая и умная Нур Джахан быстро завоевала главенствующее положение в женском обществе столицы, диктуя моду и занимаясь широкой благотворительностью (она обеспечила приданым и выдала замуж более пятисот девочек-сирот). Но этого было мало, властность и честолюбие Нур Джахан простирались значительно дальше: она жаждала власти, и по общему признанию добилась ее, пользуясь значительным политическим влиянием. Джахангир всячески поощрял участие жены в государственных делах, и постепенно Нур Джахан становилась истинной правительницей империи, чье имя чеканилось на монетах, в ее честь была изготовлена монета со следующей надписью: «По повелению шаха Джахангира. Во сто крат увеличивается блеск золота, когда к нему прибавляется имя Нур Джахан-бегум».

Любимая жена Джахангира решала важнейшие государственные вопросы, раздавала придворные должности и богатства, всеми силами расширяя зону своего влияния и опираясь на родственников, которых возвысила безмерно. Ее отец фактически стал министром, а брат был назначен распорядителем двора, сделал блестящую карьеру и сколотил огромное состояние. Питала склонность к дарам и Нур Джахан, этим не преминули воспользоваться послы иностранных держав, и, в частности, английский. Сэр Томас Роу преподнес ей великолепную карету, чем угодил законодательнице мод настолько (до этого индийская знать выезжала только на слонах или в паланкинах), что получил значительные привилегии для английской Ост-Индской компании.

Нур Джахан предусмотрительно старалась укрепить свое положение и на будущее, когда она овдовеет, предприняв шаги, позволяющие ей остаться у власти. Она выдала свою племянницу Мумтаз-Махал замуж за принца Хуррама, которого прочили в наследники Джахангира, а свою дочь Ладилу-бегум от первого брака — за младшего сына Джахангира — принца Шахрияра.

Здоровье Джахангира стремительно ухудшалось, и, казалось — после его смерти управление страной останется в руках Нур Джахан, которая делала все, чтобы на престол взошел ее зять Шахрияр, вошедший в историю под прозвищем Никудышный, а не другие сыновья падишаха, и особенно властный Хуррам, принявший впоследствии имя Шах Джахана. Хуррам поднял восстание, потерпел поражение, но был прощен, а наследником престола был признан принц Парвиз. Главную роль в разгроме мятежа сыграл влиятельный при дворе вельможа Махабат-хан, к которому с подозрением относилась Нур Джахан. Эта предубежденность была оправдана: Махабат-хан выступал против ее влияния, заявляя падишаху, что в истории не было примера подобного подчинения монарха своей жене. Не могла простить Нур Джахан и временного успеха воздействия доводов Махабат-хана на своего безвольного мужа, который даже попытался взять бразды правления в свои руки. Впрочем, подобные эпизоды «просветления» длились недолго, ибо, как заметил летописец, даже «двести таких, как Махабат-хан» не могли устранить влияние Нур Джахан на Джахангира. Последовательная и привыкшая доводить все до конца, Нур Джахан добилась, чтобы вельможу-правдолюбца отправили в Бенгалию и затем приказали составить отчет о суммах, растраченных им во время пребывания там наместником. Падение Махабат-хана казалось неизбежным, и, понимая это, он отправился в ставку к правителю во главе огромного четырехтысячного отряда раджпутов.

Когда Джахангир и Нур Джахан находились на пути в Кабул, Махабат-хан со своей раджпутской кавалерией окружил их лагерь и сумел захватить падишаха, намереваясь диктовать ему свои условия. Потрясенный Джахангир даже не пытался сопротивляться, но Нур Джахан, находившаяся в это время на другом берегу реки, попыталась освободить своего супруга, возглавив нападение на

раджпутов Махабат-хана. Восседая на слоне, она повела за собой отряды воинов через реку, но находчивый Махабат-хан приказал поджечь мост, а брод оказался ненадежным. Людям, слонам и коням приходилось плыть под огнем, открытым по ним, боевой порядок нарушился, все смешалось, и многие в панике повернули назад, в том числе и брат Нур Джахан, который бросив сестру и ее мужа на произвол судьбы, бежал, заперся в одной из своих крепостей, а потом сдался на милость Махабат-хана. Пожалуй, единственной, не потерявшей присутствия духа в этой схватке, оказалась сама предводительница войска. Слон Нур Джахан был ранен, но она в залитой кровью одежде сумела выбраться на берег и, поняв, что освободить Джахангира не удалось, решила остаться с мужем, разделив его участь.

Переворот Махабат-хана оказался успешным, но временным. Он не знал, как распорядиться победой и явно недооценил свою противницу. Нур Джахан удалось хитростью освободить своего мужа. Теперь наступила очередь Махабат-хана спасаться бегством. Но власть начала ускользать из рук Нур Джахан. Внезапно умер главный претендент на престол Парвиз, в октябре 1627 года скончался сам Джахангир, другие же соперники были неопасны. И хотя за Шахрияром стояла его царственная теща, этот слабовольный пьяница вполне оправдывал свое прозвище Никудышного и был крайне непопулярен. Не поддержал его и брат Нур Джахан, Асаф Хан.

Он учел скорое падение своей сестры и сделал ставку на Хуррама. Возможно, Асаф Хан считал, что его дочь, любимая жена этого самого перспективного претендента на престол, станет теперь более надежной опорой при дворе, и поэтому, как истинный царедворец, начал действовать в интересах новой восходящей звезды. Нур Джахан была разгневана предательством своего ближайшего родственника, но смирилась. Продолжать борьбу было бессмысленно. Хуррам, ставший императором Шах Джаханом, взошел на престол в феврале 1628 года. Все его соперники были безжалостно устранены, но Нур Джахан, своего главного врага, он не тронул. О причинах подобного великодушия можно только догадываться. Возможно, новый падишах посчитал, что 52-летняя вдова его отца уже слишком стара, чтобы продолжать борьбу, а возможно, не захотел убивать родную тетку своей обожаемой жены Мумтаз-Махал.

Нур Джахан была отправлена в одно из своих владений, где скончалась, пережив на восемнадцать лет Джахангира, в гробнице которого ее похоронили. Она прожила яркую жизнь, сумела в блеске проявить свои таланты, достигла немыслимого могущества, была страстно любима, но всемирно прославленной стала ее племянница. Мумтаз-Махал умерла рано, при рождении четырнадцатого ребенка Шах Джахану, который, построив ей мавзолей, великий Тадж-Махал, обессмертил имя своей любимой жены.

* * * *

«Сложившийся в Древней Индии идеал женщины запечатлен в эпических образах Ситы, Драупади, Савитри. Они послушно исполняют обязанности жены и дочери, невестки и матери, видят цель своей жизни в верности супругу, а порой и в служении ему. Занимая свое место в доме, они вовсе не спорят с мужчиной о первенстве, главенстве или даже о равенстве. Вместе с тем в исполнении долга, в самых сложных жизненных обстоятельствах эти женщины неизменно проявляют твердый героический характер» (Вигасин А. А. Женщина Древней Индии).

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ (МОРМОНЫ)

«Пересекая огромную равнину, тянулись нестройными вереницами телеги, крытые повозки, всадники, пешие, множество женщин, сгибавшихся под ношей; были здесь и дети, семенившие возле повозок или выглядывавшие из-под белых парусиновых крыш. Очевидно, это была не просто партия переселенцев, а целое кочевое племя, которое какие-то обстоятельства вынудили искать себе нового пристанища... С беспримерным в истории упорством они пробирались от берегов Миссисипи до западных отрогов скалистых гор. Дикари, хищные звери, голод, жажда, изнеможение и болезни — словом, все препятствия, которые ставила природа на их пути, преодолевались с чисто англосаксонской стойкостью. И все же долгий путь и бесконечные беды расшатали волю даже самых отважных. Когда перед ними открылась залитая солнцем широкая долина Юты, когда они услышали от своего вождя, что эта девственная земля отныне будет принадлежать им навеки, все, как один, упали на колени, в жарких молитвах благодаря Бога (Артур Конан Дойл. Этюд в багровых тонах).

Переселенцами, пустившимися в столь суровый, полный опасностей путь, были мормоны — члены Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, основанной Джозефом Смитом (1805–1844), уроженцем штата Вермонт.

Согласно мормонской доктрине, юному Джозефу явился в лесу ангел Мороний, который сообщил, что тот избран Богом, дабы прочесть и перевести на английский язык написанную на золотых табличках истинную историю Нового Света.

22 сентября 1827 года вестник вручил Джозефу Смиту золотые листы, а также нагрудный щит с камнями в серебряных оправах. Это были Урим и Тумимм, которыми владели в древности священники-провидцы. С помощью этих камней оказался возможен перевод текста на английский язык. В нем говорилось о тех, кто жил на американском континенте в период с 600 года до н. э. по 421 год н. э. Содержатся там и свидетельства о его посещении Иисусом Христом после того, как он закончил свое общественное служение на ближневосточной земле.

Закончив в 1830 году перевод текста, получившего название «книга Мормона», рассматриваемую как равную по своему авторитету и святости Ветхому и Новому Завету, Джозеф Смит со своими сторонниками приступил к учреждению новой церкви. Вокруг него образовалась община, получившая жесткое иерархическое устройство с пророком (президентом) во главе. Мормоны стали развивать культуру и образ жизни согласно своей идеологии, и Церковь Иисуса Христа Святых последних дней предстала как определенная разновидность, собственная версия христианства. Таким образом, в середине XIX века возникла новая религия, число приверженцев которой в настоящее

время составляет около двенадцати миллионов, ее церкви представлены в ста шестидесяти пяти странах, и мормоны являются одним из самых влиятельных религиозных объединений в США. История же мормонства складывалась очень не просто и пережила ряд метаморфоз.

Новая трактовка христианства не понравилась современникам, и мормоны стали подвергаться преследованиям. К тому же первые из них, обосновавшиеся в Миссури и Иллинойсе, скупили много земли и начали диктовать свои правила игры, которые раздражали жителей: в отличие от фермеров южных штатов Америки мормоны не пользовались рабским трудом. Окрестное население было также возмущено и высокомерием мормонов, считавших себя единственными святыми, а всех остальных — пребывающих в пагубном заблуждении, обвиняли их и в преступлениях против общего права. Не последней причиной неприятия мормонов было практикуемое в их среде многоженство, которое носило весьма шокирующий характер.

Имидж новой религии в глазах многих был (и остался) негативным, к ней относились подозрительно, а в уже цитируемой повести Конан Дойла общество мормонов описано самыми мрачными красками:

«В стране святых было опасно высказывать еретические мысли.

Да, опасно, и настолько, что даже самые благочестивые не осмеливались рассуждать о религии иначе, как шепотом, боясь, как бы их слова не были истолкованы превратно и не навлекли на них немедленную кару. Жертвы преследования сами становились преследователями и отличались при этом необычайной жестокостью. Ни севильская инквизиция, ни германский фемгерихт, ни тайные общества Италии не могли создать более мощной организации, чем та, что темной тенью стлалась по всему штату Юта.

Организация эта был невидима, окутана таинственностью и поэтому казалась еще страшнее. Она была всеведущей и всемогущей, но действовала незримо и неслышно… Поначалу эта страшная сила карала только непокорных — тех, кто нарушал веру мормонов, отступался от нее или нарушал ее догмы. Вскоре, однако, ее стали чувствовать всё более и более людей. У мормонов не хватало взрослых женщин, а без женского населения доктрина о многоженстве теряла всякий смысл. И вот поползли странные слухи об убийствах среди переселенцев, о разграблении их лагерей, причем в краях, где никогда не появлялись индейцы. А в гаремах старейшин появлялись новые женщины — тоскующие, плачущие, с выражением ужаса, застывшим на их лицах. Путники, проезжавшие в горах поздней ночью, рассказывали о шайках вооруженных людей в масках, которые бесшумно прокрадывались мимо них в темноте. Слухи и басни обрастали истинными фактами, подтверждались и подкреплялись новыми свидетельствами…» (Артур Конан Дойл. Этюд в багровых тонах).

В самых серьезных изданиях в статьях о мормонах писалось об отрядах данитов — ангелов-мстителей, и флер таинственности, окутывающий эту обособленную общину еще более способствовал ее непопулярности.

Многоженство, столь неожиданное для христиан XIX столетия, начало практиковаться в 1843 году, когда ближайшим друзьям Смита было секретно сообщено полученное им свыше откровение, разрешившее мормонам по примеру ветхозаветных патриархов и царей иметь по несколько жен. Хотя дозволялось брать жен только между девицами и вдовами, но фактически Смит и его избранные ученики позволяли себе «покушаться также и на честь замужних женщин». Первоначально полигамия практиковалась втайне среди церковных лидеров, а у самого основоположника мормонской религии Джона Смита было тридцать три жены — тридцать три документально засвидетельствованных брака.

Американский историк мормон Тодд Комптон опубликовал весьма солидный труд (788 страниц) о женах основателя мормонства.

Жизнь этих женщин была полна тяжелых испытаний и лишений. Им приходилось постоянно переезжать, оставляя дома, из Новой Англии в Огайо, из Огайо в Миссури и так далее. Неустроенный быт, борьба с болезнями детей, неприязнь окружающих отягощались и весьма неопределенным положением, ибо, по Комптону, одиннадцать из тридцати трех документированных жен Смита продолжали жить со своими первыми «гражданскими» мужьями, уже будучи женами основоположника религии.

Возраст жен Смита колебался от совсем юного до весьма солидного. Его одиннадцати женам было от четырнадцати до двадцати лет. Девяти — от двадцати до тридцати, восьми — от тридцати до сорока, двум — от сорока до пятидесяти и трем — от пятидесяти до шестидесяти. Функции женщин, вероятно, были строго распределены, и на плечи пожилых дам, скорее всего, ложилось наблюдение за ведением хозяйства.

Джозеф Смит был весьма решителен в осуществлении своих брачных планов. Одна из его жен оставила воспоминания о том, как в 1843 году к ней, смущенной юной девушке, подошел Смит и сугубо конфиденциально сообщил, что Бог повелел ему практиковать полигамию, а она избрана стать одной из жен пророка. Подобное сообщение получила через четыре дня и ее 22-летняя сестра, и долгое время ни одна из избранниц не знала, что они делят одного мужа. Общая участь постигла их и позднее: обе сестры были изгнаны из дома первой женой Смита Эммой. Остается добавить, что уговаривать Смиту, вероятно, приходилось недолго. Помимо великолепного дара убеждения, он обладал и необычайно привлекательной внешностью.

Многочисленные жены Смита овдовели 27 июня 1844 года, когда Джозеф Смит и его брат Хайрум, арестованные по ложному обвинению, были растерзаны разъяренной толпой. Вынужденные бежать с насиженных мест, мормоны

двинулись в путь. Тогда-то и был совершен под руководством Бригама Янга (преемника первого пророка мормонов, признанного в качестве провидца) грандиозный переход из штата Иллинойс на запад США. Он длился очень долго, пока в июле 1847 года мормоны не прибыли в долину Великого Соленого озера, где был основан город Солт-Лейк-Сити, ныне столица штата Юта. Бригам Янг, приведший туда первый отряд пионеров, произнес историческую фразу: «Вот — это место!»

Для того, чтобы принять такое решение, было необходимо обладать истинно пророческой решимостью. «Место» на Диком Западе, которое увидел Бригам Янг, являлось самой настоящей, простирающейся на несколько десятков миль пустыней между восточными и западными отрогами Скалистых гор, а вода в сверкающем на солнце Великом Соленом озере полностью соответствовала его названию и обладала горечью волн Мертвого моря. Это, вероятно, послужило слабым, но все же утешением мормонам, которые считали себя потерянным израильским коленом, хотя этнически, разумеется, ничего общего с евреями не имели.

Территория, избранная Янгом, формально принадлежавшая Мексике, считалась непригодной для жизни и никому ненужной, и жили на ней только индейцы племени Юта (горы), откуда и получил впоследствии штат свое название. И все же эта печальная земля показалась поистине обетованной для бежавших мормонов, число которых значительно уменьшилось из-за преследований. Здесь в недосягаемом уединении чувствовали они себя в безопасности от преследований и именно здесь могли заложить основание Нового Иерусалима и беспрепятственно жить по тем священным писаниям, которые дал им основатель мормонства Джозеф Смит.

У переселенцев был только один шанс выжить — сделать территорию пригодной для земледелия и скотоводства. И они немедля приступили к работе, руководствуясь принципами своего первого пророка, который пытался провести социальный эксперимент, предоставляющий людям экономическое равенство. Поначалу мормоны, руководствуясь этими идеями, организовали нечто вроде сельскохозяйственных коммун. Продуктивность этих хозяйств была чрезвычайно низкой, и, измученные долгим переходом, безысходностью и отчаянием люди стали «заливать тоску». Пили много и безудержно. Тогда, как сообщает мормонская история, то ли Бригаму Янгу, то ли одной из его жен ночью было видение. Ангел сообщил, что мормонам запрещено не только пить любые алкогольные напитки, но также кофе и чай. После объявления воли Божьей народу Бригам Янг стал следить за неукоснительным ее исполнением, сурово карая нарушителей. Одновременно были упразднены коммуны, сельское хозяйство перевели на частный лад, и дело заспорилось. Мормоны, воодушевленные верой в свое призвание, крепко сплоченные и дисциплинированные, работали не покладая рук

усердно, умело и успешно, и за рекордно короткий срок пустынная долина превратилась в цветущий сад.

К чести мормонов следует добавить, еще и следующее: хотя основание Солт-Лейк-Сити до некоторой степени совпало с открытием новых приисков в Калифорнии, они, приняв деятельное участие в разработке рудников, сумели воздержаться от нездоровых спекуляций.

«Янг оказался не только смелым вожаком, но и толковым управителем. Вскоре появились карты местности и чертежи с планировкой будущего города. Вокруг него были разбиты участки для ферм, распределяющихся соответственно положению каждого. Торговцам предоставили возможность заниматься торговлей, ремесленникам — своим ремеслом. Городские улицы и площади возникали, словно по волшебству. В долине осушали болота, ставили изгороди, расчищали поля, сажали, сеяли, и на следующее лето она золотилась зреющей пшеницей. В этом необычном поселении всё росло, как на дрожжах. И быстрее всего вырастал огромный храм в центре города; с каждым днем он становился все выше и обширней...» (Артур Конан Дойл. Этюд в багровых тонах).

Внимание тех, кто посещал отстроенный Солт-Лейк-Сити привлекали прежде всего два здания: «общая молельня» с огромным органом, вмещающая несколько тысяч человек, и величественный храм (Тэмпл), украшенный шестью башнями, ставший впоследствии географическим и духовным центром Солт-Лейк-Сити. Не меньший интерес моногамных американцев вызывал и дом «Льва господня» — Бригама Янга с прилегающим к нему желтым «львиным домом» и «ульем», как любил называть свой гарем основатель города.

Спустя десятилетие после прихода мормонов к Великому Соленому озеру, долины центральной Юты были перенаселены, и семьи мормонов начали искать возможность расширения своих территориальных границ. Широко организованное миссионерство привлекало мормонов и из других стран — Великобритании и Скандинавии. Часть обращенных оставалась у себя на родине, но большинство стремилось к Великому Соленому озеру, и в 1880-е годы были основаны десятки мормонских городов, тесно связанных между собой экономически, религиозно и культурно. Их сообщество производило все преимущественно для себя, а не для внешнего рынка, что позволяло вкладывать деньги в развитие собственных ирригационных систем, каналов, школ, зданий, дорог.

Это процветающее «государство» мормонов в Юте было в 1847–1890 годах более или менее автономно от правительства США и по своему управлению являлось теократическим*, напоминая города древней Месопотамии, во главе которых стояла религиозная иерархия.

---

* *Теократия — форма правления, при которой власть в государстве находится в руках главы церкви и духовенства. Теократия существовала в V–I вв. до н. э. В Иудее, где*

Многоженство, а именно с ним в первую очередь ассоциируются мормоны, современные приверженцы церкви оправдывают следующими соображениями: «Нам нужно было быстро увеличить население, чтобы отстоять свою независимость и вызвать к жизни пустыню, а для этого не было иного средства, как привлечь в нашу среду возможно больше женщин обещанием, что мы примем их не как наложниц и служанок, а как законных жен, призванных размножать нашу породу. Допустив многоженство, мы тем самым упразднили проституцию, сняли позор с тех, которые по недостатку приданого не могли найти себе мужа. Нет у нас также различий между законными и незаконными детьми. Мы всех их любим и окружаем одинаковой нашей любовью и заботой. После нас они наследуют на равных правах наше состояние».

Действительно, для ранних мормонов иметь много детей было вопросом выживания. И если одна женщина могла родить максимум восемнадцать детей, то пять или десять давали «обильный приплод», увеличивая общину новыми членами. Примером такого детского изобилия может служить один из современных патриархов полигамии — 87-летний отец шестидесяти детей Рулон Жеффс, чья последняя, двадцатая, жена моложе его на семьдесят (!) лет.

Путешественники описывали Солт-Лейк-Сити как красивый город с довольно простыми и лишенными украшений домиками, утопающими в роскошной зелени садов. Город Великого Соленого озера поражал также не только своим внешним видом, комфортабельными отелями, ресторанами и виллами, но и почти полным отсутствием бедняков, и о состоятельности мормонов свидетельствовало прежде всего то, что более восьмидесяти процентов домов находилось во владении собственников.

Наибольшее любопытство вызывал, разумеется, дом, в котором жил сам глава мормонов Бригам Янг, и название «улей», данное им своему гарему, вполне оправдывалось количеством трудолюбивых пчел-жен.

Лица обитательниц гаремов мормонов (как замечали путешественники) не свидетельствовали о счастливой жизни, они были апатичны и несли на себе печать покорного равнодушия, придававшего им сходство друг с другом. Некий священник, достопочтенный Диксон, на основании многостороннего личного наблюдения, отозвался о жизни мормонок крайне неблагоприятно. *«Длинные голые стены, — писал он, — тенистые виллы и ничем не украшенные окна, двери и веранды заставляют зрителя предполагать здесь скорее ревность, отчуждение и подчиненность, свойственные мусульманскому гарему, чем уютность и приветливость христианского жилья. Мужья редко бывают дома и еще реже в обществе своих жен, отчуждение, по-видимому, везде*

власть принадлежала верховному жрецу. Теократическими государствами были халифаты Омейядов, Абиссидов, а также Папская область, где Папа осуществлял политическую и духовную власть. Теократическим государством является и современный Ватикан.

появляется вслед за полигамией. Мормонские женщины в высшей степени покорны и тихи, как будто проповедь мормонства изгнала из них ум, веселость, живость. Они редко улыбаются, да и то с бледным усталым видом, знают мало, интересуются еще меньшим: они робки и сдержанны, будто боятся, что их повелитель сочтет мнения, высказанные ими по поводу заката солнца, реки или цепи гор, опасными для святости очага. Если в дом приходит посторонний, их вызывают в гостиную, как детей, они выходят, кланяются, жмут руки и потом опять исчезают, как будто чувствуя, что в обществе они не на своем месте».

Путешественники отмечали также, что в гаремах Соленого озера много «сестер» германского (англосаксонское, немецкое и скандинавское) происхождения, но не было замечено ни одной француженки.

В мормонстве брак считается выше других обязанностей на Земле. Мужчина или женщина в отдельности не могут исполнить волю Божию, поэтому избегающие супружества разрушают самую святую из обязанностей. Брак же может быть двояким: один соединяет супругов на время земной жизни, другие — совершаются навечно.

Во время существования полигамии у мормонов имелась и еще одна особенность. Женщина, которая на время земной жизни соединена с одним человеком, могла навек соединиться с другим супругом. Этот второй брак отвергался мормонами, но, тем не менее, он иногда совершался, и подобное супружество являлось, собственно, полиандрией (многомужеством).

Девушке, желающей стать небесной невестой одного из умерших святых, нужно было только получить согласие пророка, чтобы обручиться с покойником. На Земле же его место заступал какой-нибудь из старших апостолов, который иногда брал на себя тяжкую роль земного мужа и позволял ей дарить ему детей во имя святого. Случались и курьезы. Одна дама из Нью-Йорка возымела желание сделаться женой покойного пророка Джозефа Смита и отправилась на Соленое озеро. Там она стала страстно просить обручить ее с пророком и действовала столь энергично, что Янг, сперва отправивший «невесту» обратно, сдался. И, обручив ее навеки со Смитом, взял на себя его земные обязанности и отвел «небесную невесту» к себе в гарем.

Одной из особенностей полигамных браков мормонов являлось также и то, что в них не признавались ограничения союзов между родственниками, и поэтому жены и мужья могли находиться в близком родстве. В домашней жизни Юты случалось и такое, когда три женщины, приходясь друг другу бабушкой, матерью, дочерью (внучкой) жили в качестве жен в гареме. Не существовало препятствий и для браков между дядей и племянницей.

Имелся в мормонской Юте также своеобразный обычай обручаться с президентом при посредничестве епископа своего округа. Таким образом Янг сделался мужем изрядного количества пожилых вдов, которых он даже не видел, а его

«действующие жены жили частью в «улье», частью в «львином доме» или в белой вилле, самом старинном из домов, называемом «палаццо Амелии».

О том, какие отношения царили в «улье», можно только догадываться, но очевидцы не без иронии отметили, что место, где погребен Янг, не только не несло на себе следов заботы его вдов, а было скорее заброшено и забыто. Из чего сделали вывод, что многочисленные жены выказали своему супругу после смерти долю любви, пропорциональную той, которую он мог уделить им при своей жизни, а в наше время скромные могилы Бригама Янга и некоторых его жен хоть и находятся на крохотном кладбище в центре города, малоизвестны и обнаружить их не просто.

Период президентства Бригама Янга (1847–1877) был чрезвычайно благоприятен для молодой церкви. Число ее членов росло, Солт-Лейк-Сити расцветал и благоустраивался, но со времени возрастания эмиграции с Востока положение мормонов значительно изменилось. Они более не являлись единственными хозяевами в Солт-Лейк-Сити, на одной и той же улице жили мормоны и «язычники» — то есть жители, исповедующие другие конфессии, и между теми и другими устанавливались если не дружеские, то все же нормальные отношения. И хотя браки мормонов продолжали заключаться только в своей среде, общения с внешним миром избежать уже было невозможно.

Увеличилось и давление со стороны правительства. Во второй половине XIX столетия мормонская община имела ряд конфликтов с федеральной властью из-за существования в ней полигамных отношений, и Янг даже намеревался покинуть Великое Соленое озеро и основать новую колонию в Аризоне, но надежд на успех было мало, и он отложил свое решение.

Удивительно, но против отмены многоженства восстали сами женщины. В 1876 году они подали конгрессу петицию за подписью двадцати двух тысяч «сестер», ходатайствующую об отмене закона против него и о многом другом Защитницы полигамии утверждали, что никого из них не неволили к подписи уговорами или силой и что не позволялось подписывать петицию девушке моложе двенадцати лет. Но время полигамии уходило в прошлое, и прежде всего под напором цивилизации, проникающей в закрытое общество мормонов.

При преемнике Янга Джоне Тейлоре конгрессом был издан закон, запрещающий многоженство (Edmunds Bill, 1882). Когда он оказался недостаточно действенным, новым законодательным актом (1887) были усилены карательные меры, и 24 сентября 1890 года в самый разгар агитации, направленной на изгнание мормонов из Солт-Лейк-Сити, новый президент Вильфорд Вудраф обнародовал Завет об их единобрачии. (Отказ от полигамии был условием вхождения Юты в состав Соединенных Штатов, поскольку федеральный закон многоженства не признает.) Тогда же, в конце XIX века мормонская церковь исключила полигамистов из своих рядов, и несогласные с ним фанатические приверженцы многоженства переселились в Мексику.

Многоженство — религиозное наследие раннего мормонства — тема для современных мормонов чрезвычайно чувствительная, ее стараются не затрагивать, и отношение к ней выражается иногда весьма своеобразно. Дело дошло до того, что мормонская церковь опубликовала брошюру, в которой утверждалось, что у Бригама Янга (который в действительности привел в Юту двадцать семь своих жен и среди них семь или восемь, унаследованных от Смита) была только одна-единственная супруга. Это вызвало бурю возмущения его бесчисленных потомков, которых данное сообщение поставило в разряд «незаконнорожденных», глубоко оскорбило и заставило потребовать извинений.

Уважительное отношение к предкам получило свое выражение и в том, что современные мормоны нашли способ помочь тем из них, чей брак не был освящен в Тэмпле, святая святых мормонской церкви. Чтобы удостоиться чести пожениться здесь, надо предоставить рекомендацию от районного священника — бишопа. Брак, заключенный в Тэмпле, освящен на вечные времена, и потомки-мормоны могут «поженить» в нем умерших предков, увековечив тем самым с помощью обряда их брак.

Если же наш современник-мормон потерял первую жену или развелся и женился вторично, то он все равно навеки связан с первой женой.

Семье у мормонов придается огромное значение. Отец, согласно учению церкви, является главой семьи, на ней сфокусировано все внимание, главная ценность — дети, но появиться они могут только в законном браке. Жестокое пуританство — отличительная черта Катехизиса мормонов. Молодые люди должны соблюдать целомудрие до вступления в брак, запрещены все добрачные и внебрачные связи. Регламентируется даже допустимая степень обнаженности.

Сосредоточенность на семейных ценностях характерна как для моногамных, так и полигамных семей. Многоженство, хотя мормонская церковь еще в XIX столетии исключила полигамистов из своих рядов, продолжает практиковаться, и его приверженцы утверждают, что право это обеспечено им первой поправкой к американской конституции, утвердившей свободу религии.

Настоящая, жестокая борьба с многоженством была организована федеральными властями в 20–30-е годы прошлого столетия. Мужей-многоженцев арестовывали, жен заставляли публично отречься от них под угрозой отнять детей, и приводили эту угрозу в исполнение, отправляя при живых родителях в детские дома.

В период с 30-х годов и по настоящее время мормонизм резко видоизменился. Церковь сделалась уважаемой в глазах американского общества, продвинулась в круги власти и играет значительную роль в национальной политике. Она стала международной, а процент богатых людей на душу населения среди мормонов — один из самых высоких в Америке.

Остались и приверженцы полигамии, в частности в Юте. Обычно мормоны-полигамисты селятся колониями, они хорошо вооружены (чтобы суметь дать отпор, если придется отстаивать свой домашний уклад), а их жены, которых иногда показывают по телевидению, выглядят вполне довольными жизнью.

Иногда в этих семьях разыгрываются драмы, нередко в случае нежелания какой-либо девушки выйти замуж за того, кого ей назначили в мужья. Продолжают практиковаться там и браки между близкими родственниками. Жизнь в семьях многоженцев оказывается не такой благостной, как это выглядит в телевизионных интервью, и разражаются громкие скандалы.

После одного из них, имевшего широкий резонанс по всей стране, президент мормонской церкви выступил с официальным сообщением, что лица, практикующие многоженство, не могут называть себя мормонами и никакого отношения к Церкви Святых последних дней не имеют.

«ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН» (ЕВРОПА)

ВЕЛИКИЕ БАСТАРДЫ

Многоженство долго не сдавало своих позиций в Европе, и даже с принятием христианства моногамия была скорее принципом, чем реальностью. Конкубинат являлся законным учреждением, не навлекая ни позора, ни наказания. И, хотя христианину запрещалось иметь несколько жен и любовницу, на протяжении всего Средневековья* языческие представления о браке соперничали с учениями христианской церкви.

Женщина не была в чести и находилась в подчиненном положении в мужском военном обществе раннего Средневековья, а христианство сделало очень мало для улучшения ее материального и морального статуса. Ибо считалось, что именно на женщине лежала вина за первородный грех, и из всех видов дьявольского искушения именно она была наихудшим воплощением зла. Христианство следовало словам апостола Павла: «Муж есть глава жены», но «возглавлять» иногда приходилось многих, и даже в XI веке никого не удивляло проживание в одном доме супруги и одной или нескольких сожительниц.

Полигамия имела многовековую традицию. Тацит описывает ее у германцев, где брак был полностью подчинен мужчине. Впрочем, несмотря на это, германки пользовались большим авторитетом у соплеменников, и не только как продолжательницы рода, но и как полезные члены общества, владеющие рядом особых искусств, передаваемых от матери к дочери. Они занимались гончарным делом, прекрасно ткали и пряли, заготавливали впрок продукты, готовили еду, лечили больных и варили пиво. Имелась у германских женщин и еще одна функция. Происхождение часто велось по женской линии. Это объяснялось тем, что установление материнства было более надежно, чем отцовство, однако прелюбодеяние среди германок встречалось крайне редко и каралось с чрезвычайной жестокостью. Муж наказывал преступницу на месте, и, «обрезав ей волосы и раздев донага, в присутствии родственников выбрасывал из своего дома и, стегая бичом, гнал по всей деревне» (Тацит). Обесчещенная женщина после этого никогда не могла выйти замуж, какой бы молодой, красивой и богатой она не была. Расторжение браков у варваров было совершенно невозможно для жены и легко достижимо для мужа, он должен был всего лишь выплатить компенсацию семье, в которую возвращалась

** Средневековье (Средние века), принятое в исторической науке, обозначение периода, следующего за историей Древнего мира и предшествующего новой истории. В науке датируется концом V — серединой XVII века.*

отвергнутая женщина. Согласно германскому законодательству, причиной развода могло быть бесплодие или измена (за это муж мог убить не только жену, но и ее любовника), болезнь или невыполнение своих супружеских обязанностей. Нравы в германских семьях были столь же суровы и просты, как и облик самих германцев, о котором с большим презрением говорили утонченные римляне: «Обычной народной одеждой является плащ, скрепленный застежкой или просто булавкой... Только самые богатые, которые хотят отличиться от остальных, носят также и нижнюю одежду, которая... плотно прилегает к телу, так что под ней ясно вырисовывается фигура. Они носят и звериные шкуры». Самое большое презрение римлян вызывали штаны, которые носили вандалы, готы и саксы, ворвавшиеся на своих быстрых конях в Европу и разметавшие в разные стороны ее население. Но насмехались напрасно. Появление воинственных варваров ознаменовало новую эру в европейской одежде: именно с этого времени она стала делиться на мужскую и женскую.

Полигамные традиции сохранились и у владетелей новых государств, образованных на Западе, когда произошло постепенное слияние римского и варварского миров. Короли и знать VI–VII веков имели нескольких жен или разводились с одной, чтобы взять в жены другую, не прибегая ни к каким формальностям, а у «золотой молодежи» того времени хорошим тоном считалось иметь до брака одну или двух наложниц. Их брали в самом юном возрасте и не отказывались после женитьбы от этой приятной привычки. Хильдеберт II, женившийся в возрасте 15 лет, имел до брака наложницу и сына от нее, а Хлодвиг II взял в наложницы рабыню — англичанку Балтхильд, на которой впоследствии женился, даже не достигнув 15-летия. Лотарь I имел по меньшей мере двух (а возможно четырех) жен, а его сын Хариберт взял в наложницы двух сестер из свиты своей жены, но этого оказалось мало, и он развелся с ней, женившись на дочери пастуха. Церковь не одобряла такой легкости перемен в супружеской жизни, парижский епископ Герман отлучил этого любвеобильного монарха от церкви, а позднее Григорий Турский с удовлетворением упомянул о смерти его последней жены как о «суде Божьем». Брат Хариберта женился на вестготской принцессе, «хотя у него уже было много жен», а Дагоберт I развелся с одной женой и женился на трех женщинах одновременно, имея при этом такое количество наложниц, что его хронист Фредегар оказался не в состоянии перечислить их всех по именам.

Многие браки франкских королей совершались не только по династическим соображениям, но и по любви, хотя, вероятно, понятие этого чувства было в ту эпоху широким и выражалось довольно двусмысленно. Лотарь I любил свою жену Ингунду «всем сердцем» и, тем не менее, женился еще на ее сестре Аregунде, поскольку «воспылал страстью к ней». Вестготская принцесса Госвинта принесла своему мужу Хильперику «большое богатство», и «тот очень любил ее», но он также «очень любил» и свою прежнюю жену Фридегонду и, будучи,

вероятно, натурой цельной, не смог бороться с раздирающей его сердце страстью одновременно к двум женщинам. Дабы примирить обе привязанности, он приказал удушить Госвинту, оставив все ее приданое у себя (возможно «любовью короля» было названо восхищение его размерами).

Короли и аристократы эпохи меровингов* были открыто полигамны, каролинги** имели по одной жене, но, одновременно придерживаясь моногамии, весьма расширили ее ограничивающие рамки наличием наложниц. Карл Великий имел последовательно трех законных супруг и еще четырех официальных наложниц. От этих семи женщин у него было, по меньшей мере, семнадцать детей, и наследником он даже сперва хотел назначить Пипина Горбатого, своего сына от наложницы. Многочисленные дочери императора, унаследовав любвеобильность отца, также имели внебрачные связи. У одной из них, Ротруды, была связь с графом дю Меном, от которого был рожден сын; другая, Берта, жила с поэтом Анжильбертом, и у них было много детей. Побочные дети высоких особ жили вместе с законными, подобно тридцати трем бастардам графа Бодуэна II де Гина, который, по рассказу его каноника Ламбера д'Ардреса, «попортил больше девственниц, чем Давид, Соломон и Юпитер». Наличие незаконных отпрысков отнюдь не означало неприязни к жене. Некий владелец Гиннеса, которому историк с нескрываемым восторгом (!) приписывал двадцать три незаконнорожденных ребенка, тем не менее, питал такую любовь к своей законной супруге, что, когда она умерла в родах, «лег в постель и запер дверь до конца своих дней».

Жили огромные аристократические семейства в укрепленных замках — символах безопасности мощи и престижа, где жизнь концентрировалась в главном зале. Жизнь воинственных сеньоров была бродячей, проходила в походах, и домашний обиход соответствовал ей. Мебели в замках имелось немного, и она было чрезвычайно незамысловата. Столы обычно разбирались и после трапезы их убирали, а постоянную мебель составляли сундуки или лари, куда складывали одежду или посуду. Предметы роскоши — ковры, были чрезвычайно функциональны. Они не только украшали стены и спасали от холода, но и использовались как образующие комнаты ширмы. Впрочем, некоторые знатные и богатые дамы стремились, чтобы их жилища были более изысканны и меньше напоминали милую сердцу сеньора-воина палатку.

** Меровинги — первая королевская династия во Франкском государстве (конец V в., начало 751 г.). Названа по имени полулегендарного основателя рода Меровея. Наиболее известный представитель — Хлодвиг I.*

*** Каролинги — королевская (с 751 г.) и императорская (с 800.г.) династия во Франкском государстве. Первый король — Пипин Короткий. Название «каролинги» происходит от имени Карла Великого. После распада его империи (843 г.) правили на территории Италии до 905 года, Германии — до 911 года, Франции — до 987 года.*

В спальне Адели де Блуа, дочери Вильгельма Завоевателя*, стены украшали ковры с изображением сцен из Ветхого Завета и «Метаморфоз» Овидия; на обоях были представлены сцены завоевания Англии. Потолок расписывали под небо с созвездиями и знаками зодиака, а вымощенный мозаикой пол изображал карту мира с чудовищами и зверями.

Старались обитательницы замков сделать более изысканными и свои наряды, которые в романскую эпоху были бесформенными и напоминали монашеские одеяния, но зато большие возможности давали покрывала. Они изготавливались из тонких материй и имели свое символическое значение. Серьезность минуты и грусть подчеркивались не только темной одеждой, но и положением покрывала, которое было мрачных тонов и натягивалось на лицо, праздничное настроение и веселье — пестрыми красками и замысловато повязанной на голове тканью. Цвета в средневековых одеяниях служили своеобразным посланием, так в XIII веке символическое значение придавалось синему и зеленому цветам, означающим любовь: синий — верность, зеленый — влюбленность. Мода на эту цветовую гамму отступила, когда заинтересованные в продаже марены (красного растительного красителя) немецкие торговцы стали находчиво изображать голубым дьявола.

Суровые времена и непрерывное пребывание в походах не мешали сеньорам активно проявлять темперамент и исправно пополнять свой линьяж — кровную общность, состоявшую из «родных» и «друзей по плоти» (свойственников). Все члены линьяжа были связаны узами родства и солидарности, которые проявлялись на поле боя и в вопросах чести, но внутри линьяжа, зачастую царила крайняя напряженность, порождаемая многочисленными браками, постоянным присутствием большого числа незаконных детей и соперничеством между братьями.

Наличие бастардов у знати не вызывало осуждения, и генеалогия больших владетельных европейских семей свидетельствует о существовании параллельных ветвей, начинавшихся с детей наложниц. Из генеалогического древа герцогов Нормандских можно увидеть, что у шести поколений — от основателя династии Роллона до Вильгельма Завоевателя — наследование обеспечивалось сыном наложницы (за исключением рожденного в законном браке Роберта II Дьявола, отца Вильгельма). В «Саге об Эдуарде Святом» говорится: «Вильгельм, которого прозвали бастард, хотя он был законнорожденным сыном, и его мать… была сестрой конунга Адальрада. Но все герцоги, правящие в Нормандии, были сыновьями наложниц, и поэтому он, как все его

---

* *Вильгельм I Завоеватель (William the Conqueror) (около 1027–1087 г.) — английский король с 1066 года, из Нормандской династии. С 1035 года герцог Нормандии. В 1066-м высадился в Англии и, разбив при Гастингсе войско англосаксонского короля Гарольда II, стал английским королем (см. Нормандское завоевание Англии. 1066).*

ИНДИЙСКИЕ РЫЦАРИ И ИХ ДАМЫ

Индийская миниатюра. XVII в.

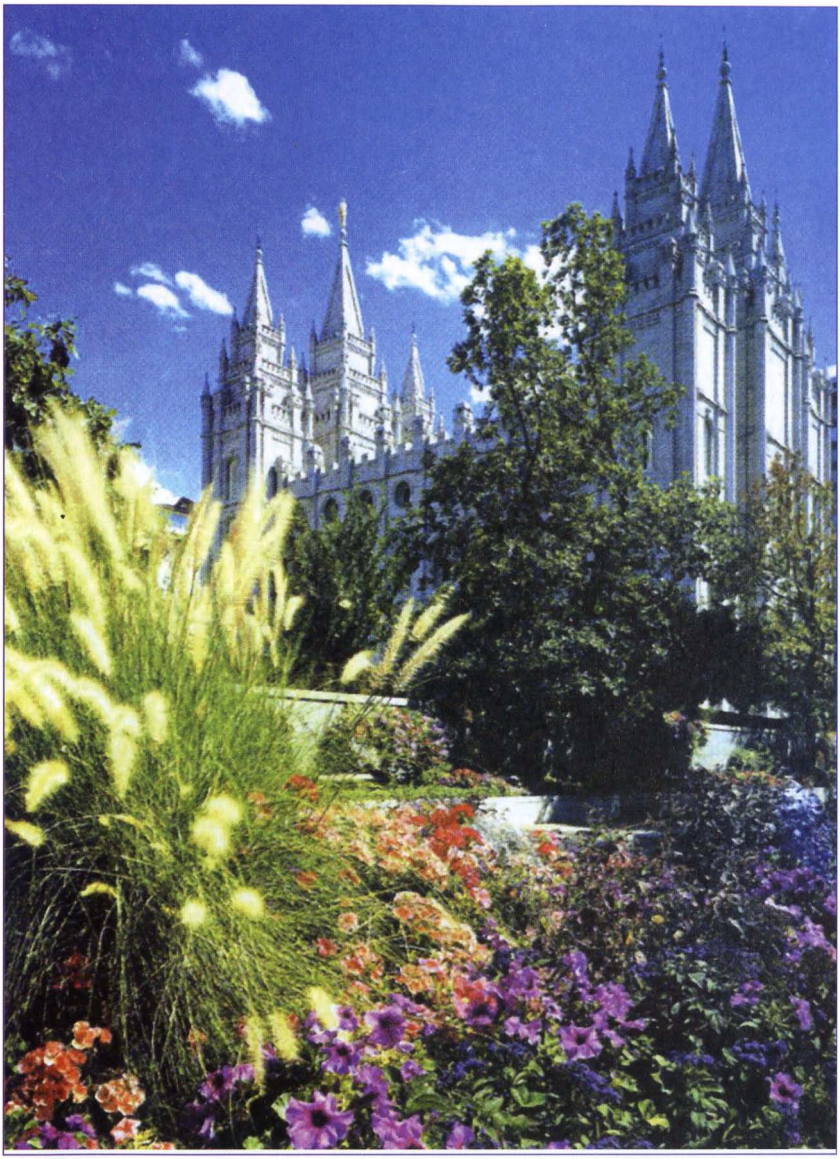
Храмовая танцовщица

Портрет Ибрахима II. Миниатюра. XVII в.

Джихангир, сын Акбара Великого, изображен с портретом отца, который держит глобус — символ своей власти. Могольская миниатюра начала XVII в.

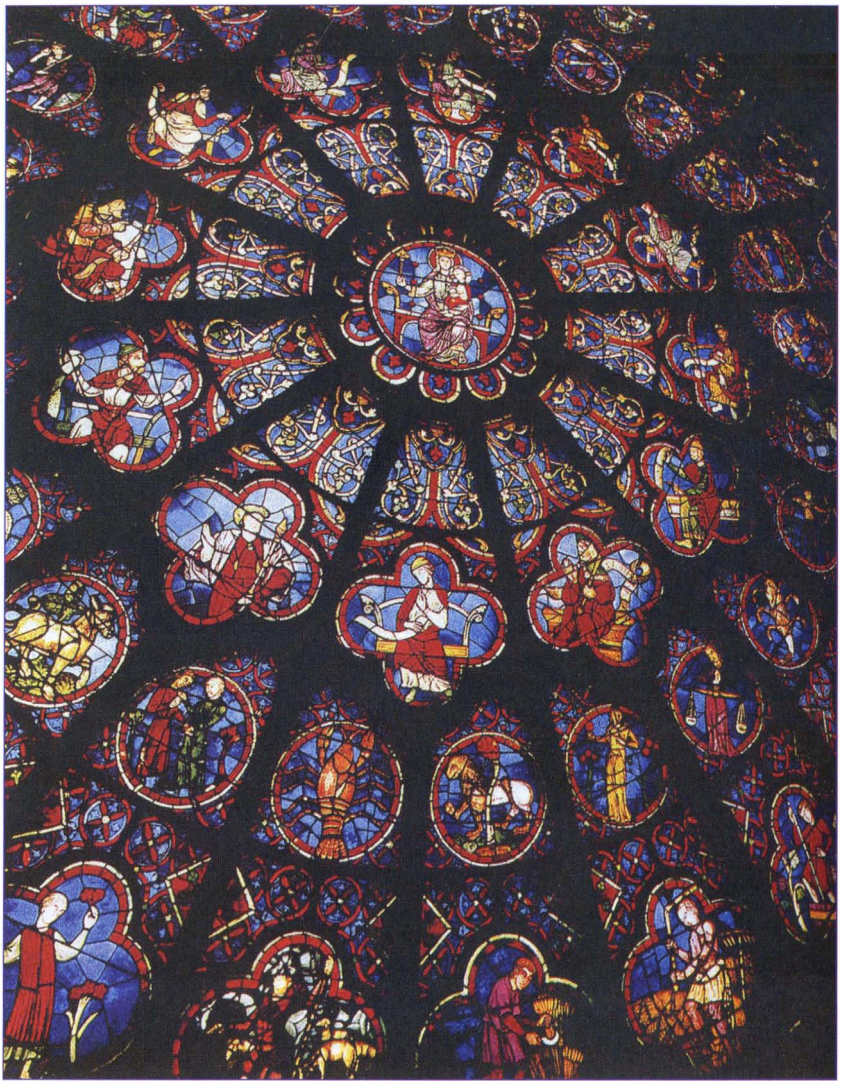
НА ДИКОМ ЗАПАДЕ (МОРМОНЫ)

Джозеф Смит. Первый пророк и президент церкви



Храм в Солт-Лейк-Сити

«ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН» (ЕВРОПА)



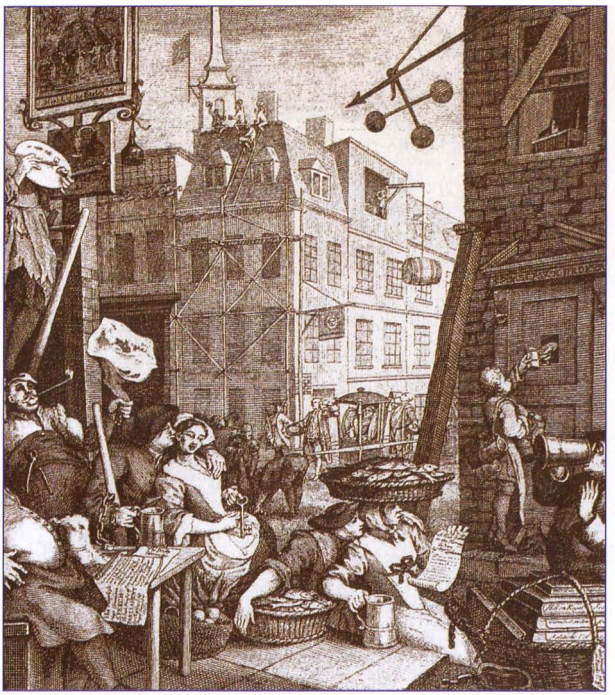
Витраж

Братья Лимбург. Апрель. Миниатюра из часослова герцога Беррийского. XV в.

Столовая замка хозяйки богатого замка. Миниатюра из рукописи XV в.

М. Лютер

У. Хогарт. Модный брак (фрагмент). 1743 г.



У. Хогарт.
Гравюры

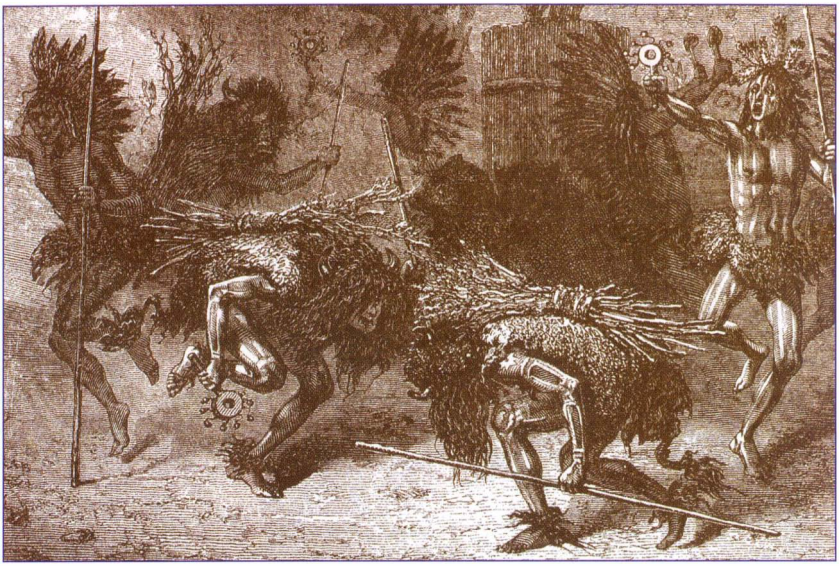
Н. Неврев. Торг. Сцена из крепостного быта

И. Репин. Этюд казака

А. Страхов-Браславский. Раскрепощенная женщина — строй социализм

МЛАДШИЕ МУЖЬЯ И ДОБАВОЧНЫЕ ЖЕНЫ

Эскимосский охотник с собаками



Ритуальные танцы североамериканских индейцев

Австралийские аборигены

предки, был назван бастард». В рассказ о происхождении будущего завоевателя Англии вкралась ошибка: Вильгельм был бастардом, сыном прачки, что зафиксировали норманнские летописцы. Незаконное происхождение не помешало Вильгельму стать герцогом Нормандским, но напоминать о нем было опасно. Дочь графа Фландрии Матильда, к которой он посватался, ответила отказом, мотивируя его тем, что девушка знатного рода не может выйти замуж за бастарда. Реакция Вильгельма на оскорбление была неожиданна для всех. Он ворвался с отрядом вооруженных всадников в замок к отцу Матильды и собственноручно задал высокомерной девице порядочную трепку, чем (о непредсказуемость женщин!) навсегда завоевал ее сердце.

Предки Вильгельма прибыли во Францию из Северной Европы, где сложилась уникальная ситуация в отношении прав и полномочий законных и побочных детей. Наличие наложниц у скандинавов-язычников отразилось в архаическом скандинавском праве, где проводились тонкие различия между разными категориями побочных отпрысков. Не было четкого противопоставления детей, рожденных в законном браке, и бастардов, оно пришло вместе с христианством. И все же еще долгое время в Скандинавии после его принятия побочные дети, если были признаны своими отцами, пользовались правами, ненамного отличавшимися от прав законнорожденных наследников. Скандинавские конунги, несмотря на запреты церкви, открыто имели наложниц, и едва ли не у каждого из них были официально признанные побочные дети, общество и церковь относились к этому с редкой терпимостью. Правящий конунг мог назначить наследником бастарда в обход сына, рожденного в законном браке, и на протяжении XI–XII веков более половины норвежских конунгов являлись побочными детьми. И хотя законное происхождение правителя считалось нормой, а бастард на троне — некоторым отклонением от нее, но такое отклонение было более допустимым, чем в большинстве европейских стран. Особенностью же норвежских правящих домов было то, что бастарду, которого отец предназначал в конунги, чаще всего давалось имя Магнус — своеобразный талисман власти.

Случалось даже, что для повышения престижа и укрепления международных связей конунги брали жену из дочерей зарубежных властителей, но при этом имелась еще одна жена — соотечественница, брак с которой заключался для укрепления связей со знатными родами внутри страны. Так знаменитый роман дочери русского князя Ярослава Мудрого (980–1019) — Елизаветы, и знаменитого скальда, норвежского конунга Харальда Сурового, имел неожиданное продолжение на родине последнего. Харальд, которому была обещана рука княжеской дочери, если он прославится, совершил множество подвигов и обессмертил свою любовь песнями в ее честь, где жаловался на пренебрежение гордой красавицы в трогательном припеве: «А я, о, несчастный, от русской богини вестей не дождался». Песни викинга были прекрасны, повлияв на поэзию

авторов поздних времен (и в частности Киплинга и Гумилева), но литература и жизнь, как это часто бывает, имели мало общего. «Норманнской породы потомок бесстрашный», как горделиво называл сам себя в песнях Харальд, был очень красив, пользовался повышенным вниманием женщин (византийская императрица Зоя так влюбилась в него, что даже не хотела отпускать из страны) и, вероятно, не был образцом верности, став супругом «русской богини». Но Елизавета Ярославна была завидной невестой (ее сестры Анна и Анастасия были выданы замуж за королей Франции и Венгрии), и она ожидала вполне оправданного уважения к своей особе. Разочарование было жестоким. Когда Харальд стал королем Норвегии и получил в 1046 году в жены Елизавету Ярославну, то оказалось, что на родине у него есть еще одна жена — Тора. От Эллисив (так называли русскую княжну на родине ее супруга) у него родились две дочери — Мария и Ингигерд, а от Торы, как сообщают источники — два сына. В саге говорится, что «Харальд конунг взял в жены Тору, дочь Торберга, сына Арни, на следующую зиму, после того как умер конунг Магнус Добрый. У них было два сына — старшего звали Магнус, а другого Олав». Именно они и стали конунгами. Возможно, Тора, о которой говорится в саге, не была признана как полноправная жена конунга. В отличие от Эллисив в документах ее никогда не называли термином «государыня королева», но факт остается фактом: через три десятилетия после крещения Норвегии наложницы имели официальный статус, который признавался за ними и два века спустя.

У язычников-славян полигамия бытовала в племенах радимичей, вятичей и северян, а также кривичей*, которые имели по две и по три жены. Память о тех обычаях сохранилась в песнях, где говорилось, что «у некоего добра-молодца женушек столько, сколько у Месяца звездочек: «Как одна жена в граде Муроме, а другая жена во Саратове, третья женушка в Костроме...»

Владыки русов** имели гаремы, красочное и, возможно, несколько приукрашенное описание которых дали восточные путешественники-мусульмане.

** Радимичи — союз восточно-славянских племен междуречья верхнего Днепра и Десны около 885 г. в Древнерусском государстве. В XII веке большая часть территории — в Черниговской, северная часть — в Смоленской землях.*

Вятичи — союз восточно-славянских племен верхнего и среднего течения Оки. В Киевской Руси с середины X века. С XII века территория вятичей — в Черниговском, Ростово-Суздальском и Рязанском княжествах.

Кривичи — союз восточно-славянских племен в VI–X веках в верховьях Западной Двины, Днепра, Волги. Занимались земледелием, скотоводством, ремеслом. Главные города — Смоленск, Полоцк, Изборск. С IX века — в Киевской Руси вошли в состав древнерусской народности. В XI–XII веках территория кривичей — в Смоленском и Полоцком княжествах, северо-западная часть — в Новгородских владениях.

*** Русы— по одной из версий скандинавы, которые, соединившись со славянами и встав в IX веке у власти, дали имя народу и земле, которая стала называться Русской.*

«Есть у них царь, сидящий на золотом троне. Окружают его сорок невольниц с золотыми и серебряными кадилами в руках и окуривают его благовонными парами», —так писал некий Мухаммед ибн Ахмед ибн Ийса ал-Ханафи, а другой путешественник Ахмед ибн Фадлан, побывавший в 922 году на Волге, был более подробен: «Из обычаев русского царя есть то, что во дворце с ним находится четыреста человек из храбрых сподвижников его... На престоле с ним сидят сорок девушек, назначенных для его постели, и иногда он сочетается с одной из них в присутствии упомянутых сподвижников».

Существовал обычай многоженства и в поморских западно-славянских землях, где епископ Оттон Бамбергский в XII веке требовал от мужчин после крещения избирать себе по одной жене, а остальных отпускать. С трудом отказывались от многоженства чехи, «погрязая в нем», по словам архиепископа Праги Адальберта Святого, в период временного возвращения к язычеству (конец X в.). Христианизация в Европе осуществлялась медленно, с отступлениями, и многоженство было не последней из причин подобных исторических рокировок.

Полигамия бытовала и у поляков, чей король Мешко I (?–992) имел до крещения семь жен. Отмечено многоженство у князей и в более ранние времена. Так, у моравского князя Само (626–658) было 12 жен из рода славян, и от них он имел 22 сына и 15 дочерей (согласно «Хронике Фредигара»).

В языческой русской княжеской семье законными женами были девушки знатных родов или дочери правителей стран, браком с которыми князь укреплял государственные отношения. Законных жен могло быть несколько, не возбранялось иметь и наложниц, происхождение которых могло быть самым разным. Отцы-князья не делали особых различий между детьми рожденными от жен и от наложниц, сыновья которых воспитывались вместе с законными отпрысками, получая по достижении совершеннолетия какое-нибудь не самое значительное владение. Первостепенное же право на престол имел старший сын от законной жены. Но, как во всех полигамных владетельных семьях, велась в княжеских домах борьба за власть. Она не сразу обеспечивалась старшему сыну, но была в руках того из братьев, за кем прочие признавали способности командира. Часто признание не было бесспорным, оно оспаривалось, и соперничество между сыновьями приводило к междоусобицам, когда «брат шел на брата» и появлялись новые Каины, безжалостно убивавшие своих соперников.

Дед Елизаветы Ярославны, Владимир Красное Солнышко, согласно летописям, был «побежден вожделением, и у него были супруги: Рогнеда, которую он поселил на Лыбеди... от нее имел четырех сыновей... и двух дочерей; от гречанки имел Святополка; от чехини — Вышеслава; от другой — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба; а наложниц у него было — триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове...» Всего же у князя имелось семь законных супруг: неизвестная грекиня,

варяжка Рогнеда, чехиня, еще варяжка — Адель и княжна Олова, богемская княжна Малфрида и греческая царевна Анна. Владимир, как и Вильгельм Завоеватель, был бастардом, рожденным от ключницы его бабки княгини Ольги Малуши, и дочь полоцкого князя Рогнеда, к которой он посватался, отвергла сомнительного князя, сказав, «что не хочет разувать сына рабыни!» (по обычаю новобрачная перед наступлением ночи должна была разуть мужа). Месть Владимира оказалась страшной. Его войска разрушили Полоцк, перебили жителей (в бою погибли отец и брат Рогнеды), а сама княжна, став одной из жен Владимира, не смогла справиться с ревностью и однажды даже попыталась убить мужа. После принятия христианства Владимир оставил у себя только одну жену — дочь византийского императора Анну, а его сын Ярослав Мудрый уже состоял в моногамном браке. Постепенно, при христианизации той части Руси, где было распространено многоженство, оно стало караться, и в «Русской Правде», сборнике законов Ярослава Мудрого, указано, что многоженец должен уплатить в качестве наказания епископу 40 гривен и оставить у себя только одну, первую по счету, жену. Защищались, впрочем, там и права женщин и детей, как законных, так и прижитых, что показывает, насколько распространен тогда был конкубинат.

Русские женщины до их «заключения в терем»* были достаточно независимы и обладали правами, ничуть не уступающими по широте правам своих западно-европейских современниц.

Княгини вместе с мужьями участвовали в политической жизни и успешно правили после их смерти. Прекрасно образованные для своего времени, знающие римских и греческих авторов, знатные россиянки учреждали школы для девочек и писали медицинские трактаты. Но постепенно женщины исключались из общественной жизни, что историками объяснялось по-разному. В первую очередь — влиянием Византии, наложившей на всю жизнь Руси печать «мрачной, суровой замкнутости», и церкви, рассматривавшей женщину как существо слабое и греховное, нуждавшееся в защите, в том числе от себя самой, а также влиянием монголо-татарского ига**.

К XVI веку знатные женщины становятся «теремными затворницами», чья деятельность ограничивается исключительно домашними обязанностями и посещением церкви, а отношения в семье выражаются одной емкой фразой: «Жена да убоится мужа своего». Процесс «заключения» в терем был, вероятно,

---

* *Терем (от греческого teremnon — жилище) — верхний жилой ярус богатых хором, палат; были и отдельные терема, соединяемые с другими строениями переходами. В допетровской Руси в теремах отдельно от мужчин жили женщины.*

** *Монголо-татарское иго — система властвования монгольских феодалов в XIII–XV веках над русскими землями, в результате монгольских завоеваний русских княжеств в XIII веке.*

очень не прост, ибо кротости и покорности у жительниц Руси было ничуть не больше, чем у представительниц других народов. Византийские хроники зафиксировали сведения о женщинах, сражавшихся вместе с мужчинами и одетых как воины, что смогли обнаружить мародеры, раздевавшие тела павших. Имеются свидетельства о сражавшихся в знаменитой решающей Куликовской битве (1380) с монголо-татарскими войсками юных княжен — Феодоры Пужбольской и Дарьи Стародубской. Не давали себя в обиду россиянки и в мирное время. В свод законов князя Ярослава Мудрого даже пришлось внести специальные статьи о женских драках и наказаниях тем, которые «бились» и «лаялись», и особый штраф — за нанесение побоев собственному мужу. В княжеских семьях жены, разумеется, не опускались до рукопашной, но отстаивали свои права, и в частности супружеские, очень жестко, и эта борьба выплескивалась за стены княжеских домов.

Галицкий князь Ярослав Осмомысл (?–1187) не захотел жить с женой Ольгой, дочерью князя Юрия Долгорукого, основателя Москвы. Спокойный и мягкий, он объявил миру о своей любви к некоей Анастасии, или Настаске, как пренебрежительно прозвали эту женщину его приближенные, и о своем желании открыто жить с ней. Князь даже решил отдать престол детям «Настаски» в обход законных наследников. Кончилась эта история трагически для последней. Оскорбленная княгиня покинула владения мужа и уехала в Польшу, но враги князя и его возлюбленной остались. Выбрав удобный момент, сторонники законной княгини (вероятнее всего по ее указу) схватили влюбленного князя, заточили его в темницу, а несчастную Настаску, обвинив в ворожбе, сожгли на костре как ведьму. Случай исключительный для России, которую в отличие от Запада, где тысячами безвинно погибли обвиненные в колдовстве женщины, миновала «охота на ведьм».

К любовной страсти, сыгравшей столь роковую роль в жизни галицкого князя и плотской любви как таковой Церковь относилась очень строго. Телесное удовольствие в супружестве не поощрялось. Сексуальная жизнь была под постоянным надзором, и средневековые муж и жена никогда не были одни на супружеском ложе — «тень проповедника всегда витала между ними». Признавая, что главная цель брака — обеспечение продолжения рода и только во вторую очередь лекарство от страстей, Церковь всегда стремилась внушить супружеской паре сексуальную дисциплину. При этом различалось много способов занятий любовью, рекомендовалась умеренность супружеского удовольствия с предостережением злоупотребления предварительными ласками, возбуждением и прерванными актами, которые отвечали бы только сладострастию или являлись бы обходным путем контрацепции. Были установлены периоды воздержания: во время поста, накануне воскресенья и больших христианских праздников. Примером для благочестивых христиан служил король Людовик IX (1214–1270), впоследствии канонизированный и

получивший прозвание Святого. Одаренный горячим темпераментом монарх страстно любил свою очаровательную жену Маргариту Прованскую, но, тем не менее, умел обуздывать свою сексуальность согласно всем религиозным предписаниям. Впрочем, как сплетничали его подданные, в крестовый поход Людовик IX отправился именно для того, чтобы свободно предаться законной любви. В Париже за строгим соблюдением всех предписаний и сексуальной жизнью королевской четы строго следила королева-мать и духовник.

Имелись, впрочем, некоторые отцы Церкви, такие как святой Бонавентура и святой Фома, которые признавали, что половой акт и сексуальное удовольствие поддерживают любовь и способствуют созданию, в том числе и у животных, «тихой совместной жизни».

В средневековых трактатах о браке так уточнялись пределы супружеского долга: «Мужья должны дать понять своим женам, что не собираются быть служителями их сладострастия, а только помощниками в их надобности». Напоминалось также, что «женой пользуются на глазах ангелов и Бога», и, «когда снимаете свои одежды, покройтесь учтивой стыдливостью и не покажетесь голыми ни в потемках, ни днем, ни ночью». Впрочем, средневековые представления о воспроизводстве включали в себя понятие, что в момент оргазма женщина испускает собственные семена, которые необходимы для зачатия. Это несколько примиряло с удовольствием, которое она должна была получать, и в специальных трудах давались подробные и чрезвычайно откровенные указания, как этого добиться. Очень жестким было отношение к гомосексуализму (содомии), унаследованное от древнеиудейских сексуальных табу. Содомия считалась одним из наиболее осуждаемых преступлений, венцом иерархии всех пороков, и именно она была одним из основных пунктов обвинения тамплиеров, жертв знаменитого процесса XIII столетия, возбужденного французским королем Филиппом Красивым. Но гонениям подвергались только простые смертные, высокопоставленные гомосексуалисты и бисексуалы (Вильгельм Рыжий, Эдуард II, Иван Грозный) могли чувствовать себя спокойно и предаваться любви с кем хотели, невзирая ни на канонические запреты, ни на общественное мнение. Впрочем, увещевания Церкви вообще мало влияли на сексуальную жизнь Средневековья, запреты обходились или вовсе не выполнялись. Женщины же, с их извечным стремлением нравиться, полностью отвергли уничижительное отношение к телу, которое принижалось, считаясь «омерзительным одеянием души». И все же, если христианский идеал принижал тело, идеал воинственности прославлял его. Юные герои поэм были не только доблестны, но и атлетически сложены и прекрасны — белокожи, белокуры и кудрявы.

Корпус его крепок, пропорции великолепны,
Широкие плечи и грудь; он был прекрасно сложен;
Могучие руки с огромными кулаками

И грациозная шея.

И кудрявые атлеты и дамы, которых они стремились покорить, постепенно приобретают вкус к роскоши, проявляющейся в любви к богатой, получающей все большую социальную значимость одежде, драгоценностям и определенному комфорту жилищ. Нравы смягчались, менялась жизнь, а вместе с ней и положение женщины, повышение статуса которой ярче всего проявилось в культе Девы Марии, расцветшем в XII–XIII веках. В нем подчеркивалось искупление греха женщин Марией, новой Евой. Подобная реабилитация явилась следствием улучшения положения женщины в обществе, где она хотя и не считалась столь же полезной, как мужчина, но, тем не менее, играла важную роль в экономической жизни. У крестьян в работе она была почти равна мужчине, а занятия женщин высшего класса были хотя и более благородными, но не менее важными. Они стояли во главе гинекеев, где изготовление предметов роскоши — дорогих тканей, вышивок — обеспечивало большую часть потребностей в одежде сеньора и его людей. (В допетровской России знаменитые мастерские боярынь, где изготавливались эти предметы роскоши, повышали престиж семьи и даже могли способствовать карьерному росту его главы.) В XIV веке начались серьезные гонения и на конкубинат, появляется взгляд на внебрачное происхождение как на нечто позорное. Преследования внебрачных связей исходили преимущественно от цехов, которые старались этой, и другими мерами, по возможности ограничить вступление в них. Но некоторые послабления все же давались. Известно, что Лютер разрешил двойной брак ландграфа Гессенского, а в своем сочинении «О брачной жизни» он прямо указывал, что жена, у которой неспособный муж, может потребовать от него дать согласие «на ее тайный брак с его братом или ближайшим другом».

Право жены при половом бессилии мужа искать нового супруга было отчасти признано законом, для этого требовалось официально установить, что супруг — импотент. Проводился следственный эксперимент, во время которого «семь добропорядочных женщин» (иногда «семь добропорядочных мужчин») должны были засвидетельствовать бессилие мужа. К делу дамы подходили с чрезвычайным усердием и пытались заставить несчастного доказать им, «что он мужчина», не только словами, но и решительными возбуждающими действиями, а результаты, в том числе и весьма натуралистичные описания, потом бесхитростно фиксировались в судебных документах. В одном из них рассказывается, как во время подобного суда в Йорке одна из «добропорядочных дам», дабы побудить некоего Джона «доказать, что он мужчина, обнажила груди и согревала и растирала пенис упомянутого Джона руками и побуждала его, насколько могла, показать свое мужество».

Бигамия в некоторых областях Германии допускалась фактически в XVI и XVII веках (официально закон о запрете конкубината был принят лишь в 1530–1577 гг.). После тридцатилетней войны, когда население страны

значительно уменьшилось и возник большой недостаток в мужчинах, было дозволено «каждому человеку мужского пола вступать в брак с двумя женщинами». И это вполне объяснимо. Многоженство поневоле возникало из-за нехватки мужчин в странах, непрерывно участвующих в войнах. До XIX века оно имело место и среди донского казачества, где казак мог привести из далеких земель вторую жену и жить с нею с разрешения казачьего круга. Приходилось иногда неофициально «делить» одного мужчину на нескольких женщин и в XX столетии, когда после Второй мировой войны возвращался с фронта в деревню (или несколько деревень) всего один мужик, а семью и детей хотелось иметь многим.

Многоженство объяснялось и другими причинами. Впрочем, в XVIII столетии высшее общество решило проблему разнообразия в сексе весьма изящно. Свобода нравов и распространение адюльтера приводило к прямому обмену женами и мужьями на какое-то время.

*«Вы жалуетесь, что вам неприятно скрывать нашу любовь… Все зависит от вас. Поверьте, дорогой друг, мой муж с удовольствием согласился бы совершить обмен на несколько недель, если бы вы уступили ему ваши права на вашу хорошенькую экономку. Приведите его в объятия этой достойной особы, и он отблагодарит вас тем, что все снова и снова будет приводить вас в мои объятия (*Г-жа Мазоваль. Письма к любовнику, 1740).

«…Здесь очень в ходу обмен женами на несколько недель. Так однажды вечером я услышал, как один офицер говорил военному советнику: «Да, кстати, дорогой друг, когда я сегодня вечером приду к твоей милой жене, то предупреди ее, чтобы не брала себе на диван Верного Пастушка (вероятно собачку). А то как-то неудобно спать, и мешает он постоянно»» (Мюллер. Картины Берлина, Потсдама и Сан-Суси).

Но подобная свобода нравов бытовала только в высшем обществе. В других социальных слоях брачная мораль была иной, и адюльтер столь широко распространен не был.

ПРОДАЖА ЖЕН

Своеобразная ситуация сложилась в том же XVIII столетии в Англии, где бигамия превратилась в истинное бедствие. Вступить в брак там было чрезвычайно легко. Многие лондонские церкви, как, например, церковь св. Джеймса на Панкрасе, специализировались на «быстрых браках», и священники, служившие в приходах, свободных от высшего церковного надзора, совершали обряд бракосочетания без лишних вопросов, часто ночью и в местах, отдаленных от места проживания жениха и невесты. Но самые быстрые и дешевые браки заключались на лондонской Флит-Стрит, где на стенах домов были развешены объявления «Брак заключается здесь».

«Еще в начале XVIII века перед тюрьмой Fleet взад и вперед расхаживал человек и спрашивал проходивших: «Не желаете ли венчаться?», подобно тому, как теперь на площадях зазывалы приглашают публику посетить зверинец или музей восковых фигур. Над дверью висела вывеска, изображавшая мужчину и женщину, протянувших друг другу руки, и исполнявший требы священник, который венчал каждую пару за несколько пенсов. В 1704 году таким образом обвенчались в продолжение четырех месяцев почти три тысячи пар» (Фанни Левальд. Англия и Шотландия).

Неизбежным следствием подобных союзов стали частые разводы, предполагающие сложную процедуру, для которой требовалось нанимать адвокатов. Легкость вступления в брак, многообразие форм их заключения, трудность законного развода и привели к стремительному росту случаев бигамии. Сотни мужчин жили не только в двоеженстве, но даже троеженстве — очень удобной форме удовлетворения их сексуальных аппетитов, являвшейся кроме того, источником обогащения. В основном к бигамии прибегали, чтобы прибрать к своим рукам состояние еще одной женщины или девушки. Иногда мужья просто исчезали, оставив на произвол судьбы (а иногда и на полную, грозящую голодной смертью нищету) жену и детей, которых они были обязаны содержать в случае развода, и устраивали свою личную жизнь на другом конце того же города. «После рождества Боб Фаркер... вообще не пришел. Никто его не видел. Он не появлялся ни в типографии, ни в кофейне, ни в таверне. Боялись, что произошел какой-нибудь несчастный случай, сделали запрос — но никакого результата. Наконец, через восемь дней, когда его отчаявшаяся супруга уже собиралась купить черный креп и вдовий капор, от него пришла короткая записка, в которой он сообщал, что ушел из дома навсегда и уезжает в Депфорд, где собирается жить с другой женщиной» (Дафна Дю Морье. Мэри-Энн).

В 1754 году английскими властями было принято положение, по которому только венчание в церкви с записью в приходской метрической книге с подписями обоих партнеров устанавливало полную законность брачного союза. Публичность церемонии должна была затруднить двоеженство, за которое, кроме того, жестоко карали, однако суровое наказание не могло справиться с этим явлением, и оно процветало.

Имелась в брачных обычаях Англии еще одна особенность. В низших классах практиковалась «продажа жен». Подобная сделка заменяла дорогостоящий развод, и просуществовали «продажи» довольно долго (известно, что одна из «продаж жен» была проведена в 80-х годах XIX столетия).

Муж мог продать с аукциона жену, от которой он хотел по тем или иным причинам избавиться. Продажа женщин происходила обычно в дни ярмарок, и газеты среди цен на свиней, овец и рогатый скот помещали и цены на женщин. «Из-за случайного недосмотра или сознательного упущения в отделе о смитфильдской ярмарке мы лишены возможности сообщить цену на женщин.

Многие выдающиеся писатели усматривают в возрастании цен на прекрасный пол верный признак развития цивилизации. В таком случае Смитфильд имеет полное право считаться очагом прогресса, так как на рынке недавно эта цена поднялась с полгинеи до трех с половиной» (The Times. 12 июля, 1797).

Процедура проводилась чрезвычайно унизительным для женщины образом. В ярмарочный день муж приводил свою супругу с веревкой на шее на площадь, где торговали скотом, привязывал к бревну и продавал в присутствии необходимого числа свидетелей тому, кто даст больше. Народ называл такого вида торг «Ярмаркой торгового скота», где покупателями обычно были вдовцы или холостяки. Цена редко превышала несколько шиллингов и была лишь символом того, что мужчина и женщина отказываются от всех супружеских прав друг на друга. После свершения сделки женщина считалась законной женой покупателя, также как и ее рожденные от этого нового брака дети. Тем не менее, некоторые, более склонные к соблюдению формальностей «мужья», настаивали после «покупки» на венчании, а многие «жены», подобно простодушной Сьюзен Хенчард из романа Томаса Гарди «Мэр Кестербриджа», проданной своим мужем на ярмарке, до конца жизни были уверены в полной законности сделки и без церковного обряда.

Обычай продажи женщин на ярмарках ушел в прошлое, но многоженство осталось. Брачные аферисты, прекрасно изучившие женскую психологию, вовлекали в свои сети все новые и новые жертвы, ибо, как сказал профессиональный многоженец из рассказа Сомерсета Моэма «Ровно дюжина», они (брачные аферисты) дают женщинам романтику, а стремление к ней у прекрасной половины человечества неиссякаемо.

КРЕПОСТНЫЕ ГАРЕМЫ

В России крепостное право* давало помещикам неисчерпаемые возможности ощутить прелести жизни восточных владык, «пользующихся правами падишаха на всех женщин своего подданства». Помещики являлись хозяевами

**Крепостное право (крепостничество) — форма зависимости крестьян, прикрепление их к земле и подчинение административной и судейской власти феодала. В Западной Европе (где в Средние века на положении крепостных находились английские вилланы, каталонские ременсы, французские и итальянские сервы) элементы крепостного права исчезли в XVI–XVIII веках. В Центральной и Восточной Европе в эти же века распространились суровые формы крепостного права; здесь крепостное право отменено в ходе буржуазных реформ конца XVIII–XIX веков. В России в общегосударственном масштабе крепостное право оформлялось Судебником 1497 года, указами о заповедных летах и урочных летах и окончательно — Соборным уложением 1649 года. В XVII–XVIII веках все несвободное население слилось в крепостное крестьянство. Отменено крестьянской реформой 19 февраля 1861 года.*

жизни и свободы своих рабов, и использовали эту власть в зависимости от вкусов, желаний и нравственных ограничений. Мораль же далеко не у всех была безупречной, а крепостное право развращало владельцев живой «собственности» беспредельно.

Автор «Воспоминаний смоленского дворянина» рассказывает о своем дяде Каленове, у которого «само собою разумеется», весь женский персонал в его вотчине был в полном и постоянном распоряжении пана, и еще до сих пор по деревням, принадлежавшим Каленову, можно «встретить черты лица, когда-то для них грозные». Любвеобильность некоторых помещиков иногда доходила до того, что целые деревни считали себя потомками дворянской фамилии, некогда владевшей их предками. И, в частности, жители современной Суйды, которую в 1759 году приобрел прадед Пушкина Абрам Петрович Ганнибал, гордятся своим побочным родством с великим поэтом и искренне верят, что ведут свою родословную от него. Пушкинисты советуют осторожно относиться к их притязаниям, но смуглая кожа, курчавые волосы, пухлые губы и прочие неожиданные для русской глубинки африканские черты некоторых жителей Суйды свидетельствуют о том, что пылкий темнокожий помещик явно оказал их прапрабабушкам внимание. Так или иначе, своих помещиков ганнибаловские крестьяне вспоминали беззлобно, а их потомки из уст в уста передавали предания «про то, как одна девка не успела от черного барина Ганнибала убежать», и прелесть этих рассказов заключалась в том, что юная крестьянка не особенно стремилась скрыться от привлекательного африканца. Но, к сожалению, далеко не всегда любовные отношения барина и его «душ» развивались столь безобидно.

Личная жизнь крепостных полностью зависела от их хозяев. Чтобы не допускать излишнего увеличения дворовых, помещики нередко запрещали браки, провоцируя этим вступление в тайные связи. Особенно тяжело приходилось девушкам, которым замужество возбранялось из-за нежелания хозяев лишиться искусной мастерицы или просто хорошей работницы, чья трудовая ценность была выше, чем у замужней женщины. За недозволенные связи девушек жестоко преследовали. Их тщательно выслеживали и, уличив, наказывали «ссылкой» на скотный двор или замужеством с вдовцами, имеющими большие семьи, горькими пьяницами или с самыми дурными, ни на что ни годными мужиками. Между тем «соблюсти себя» девушкам было нелегко. С одной стороны, их домогались дворовые, большая часть которых была крайне развращена, с другой — помещик. Владельцы душ не только широко пользовались своим сеньорским правом на первую брачную ночь, но и создавали себе настоящие гаремы с фаворитками и простыми одалисками.

«В домашнем быту Кирилла Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную свободу всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума.

...В одном из флигелей его дома жило шестнадцать горничных, занимаясь рукоделиями, свойственными их полу. Окна во флигеле были загорожены деревянною решеткою, двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирилла Петровича. Молодые затворницы в положенные часы сходили в сад и прогуливались. От времени до времени Кирилла Петрович выдавал некоторых из них замуж, и новые поступали на их место» (А. С. Пушкин. Дубровский).

Впрочем, мечты об одалисках и гаремах смущали покой сластолюбцев, независимо от страны проживания, и они старались осуществить их всеми имеющимися в их распоряжении средствами. «В Германии старый маркграф Баден-Дурлаха путем похищения и купли собрал сто тридцать самых красивых девушек, запер их у себя в гареме в Блейберге и держал там также капрала, который в случае строптивости и нарушения дисциплины отсчитывал красавицам ...двадцать пять ударов» (Ф. Энгельс. Не прелюбо сотвори).

О произволе же русских помещиков свидетельствуют факты, зафиксированные в следственных материалах по делам о злоупотреблении помещичьей властью, которые чаще всего легко сходили с рук виновникам. Крестьянам было трудно доказать их преступления, а жалобщиков могли подвергнуть страшным наказаниям. «А мучительства у нас были такие, что лучше тому, кому смерть суждена. И дыба, и струна, и голову крячком скрячивали и заворачивали... Казенное наказание после этого уже ни во что ни ставили. Под всем домом были подведены потайные погреба, где люди живые на цепях как медведи сидели. Бывало, если случится когда идти мимо, то порою слышно, как там цепи гремят и люди в оковах стонут. Верно, хотели, чтобы об них весть дошла и начальство услышало, но начальство и думать не смело вступаться. И долго тут томили людей, а иных на всю жизнь... А другие даже с медведями были прикованы, так, что медведь только на полвершка его лапой задрать не может» (Н. С. Лесков. Тупейный художник).

Помимо страха крепостных перед наказаниями за поданные жалобы, произволу помещиков способствовала администрация и местное дворянство, которое было склонно снисходительно относиться к «шалостям» барина.

По следствию 1855 года помещик Оренбургской губернии Жадовский оказался виновным в растлении многих своих крепостных девок, караемых за несогласие на прелюбодеяние розгами. Этот любвеобильный барин установил в имении «право первой ночи», дозволяя крестьянам жениться на крепостных лишь с тем условием, чтобы первая брачная ночь принадлежала ему, а воспротивившихся произволу мужей он отдавал в солдаты. Приблизительно то же совершал помещик Страшинский, дело о злоупотреблениях помещичьей властью которого тянулось с 1854 до 1857 год. Он отнимал жен у своих крестьян, насиловал девушек, иногда девочек (две умерли от изнасилования). Но, несмотря на то, что факты его преступлений были подтверждены крепостными, соседними крестьянами, самими потерпевшими и медицинским освидетельс-

твованием, Сенат всего лишь «оставил Страшинского по предмету растления крестьянских девок — в подозрении».

Управляющий имениями князя Кочубея Ветвицкий, чрезвычайно популярная и уважаемая соседями-помещиками личность, кроме совращения огромного числа крестьянских жен, «испортил» также до двухсот крестьянских девушек, отдав при этом многих крепостных мужчин в рекруты, чтобы свободнее пользоваться их женами и сестрами. За сопротивление карали жестоко и изощренно. Некто «Карла» (вероятно иностранец по имени Карл), управляющий псковского помещика Гонецкого «растлил всех девок и требовал к себе каждую смазливую невесту на первую ночь». «Если же не понравится самой девке, либо ее матери или жениху, и они осмелятся умолять не трогать ее, то их всех по заведенному порядку наказывали плетью, а девке надевали на неделю, а то и на две на шею рогатку. Рогатка замыкается, а ключ Карла прячет в свой карман. Молодому мужу, выказавшему сопротивление тому, чтобы Карла лишил невинности только что повенчанную с ним девку, обматывают вокруг шеи собачью цепь и укрепляют ее у ворот дома». Сестра Гонецкого, сообщая брату о таком поведении его управляющего, говорит, что сажание на цепь, наложение рогаток на шею женщинам и «пакости на счет невест крестьян» в их местах не встречаются, но «многие помещики... — по ее словам, — весьма изрядные развратники: кроме законных жен имеют наложниц из крепостных».

Несчастные девушки могли пострадать и от ревности жен помещиков. В этом случае они оказывались между двумя огнями. Неповиновение господину грозило наказанием с его стороны, а за повиновение могло последовать мщение со стороны госпожи. Жена саратовского помещика Малова, узнав о сожительстве одной из крепостных с мужем, призвала ее в людскую, «отрезала ей волосы, а после, раздев ее, придя в азарт, зажгла пук лучины и около естества опалила волосы». Впрочем, встречались и помещицы, которые весьма снисходительно и даже покровительственно относились к связям своих мужей, сыновей и братьев с крепостными женщинами. «И Степанида Васильевна «любя своего мужа», стала прилагать всякие заботы, чтобы он «от нее не удалялся» и чтобы ему и при ней «жить было не скучно». С этой целью она устраивала у себя девичьи посиделки, на которые девушки шли неохотно и со слезами, но Степанида Васильевна их обласкивала и угощала до тех пор, пока те не осваивались и переставали плакать. Тогда Степанида Васильевна писала мужу и приглашала его к себе «прибыть на девиц полюбоваться». А он ей отвечал: «Очень тебя благодарю и заботы твои обо мне ценю, а, впрочем, в главном выборе я на твой вкус больше, чем на свой собственный, полагаюсь»» (Н. С. Лесков. Старинные психопаты).

О своем внимании к той или иной крепостной хозяин мог сообщить через слуг или, обладая известным воображением — с помощью символических подарков. «Камариновые» серьги был у них подарок лестный и противный. Это

был особый первый знак особенной чести быть возведенною на краткий миг в одалиски владыки. За этим вскоре, а иногда и сейчас отдавалось приказание ...убрать обреченную девушку «в невинном виде святой Цецилией», и во всем белом, в венке и с лилией в руках символизированную innocence* доставляли на графскую половину (Н. С. Лесков. Тупейный художник).

Иногда образа невинной Цецилии или пастушки, в котором представали поданные к ложу девушки, не было достаточно для удовлетворения запросов их господ, среди которых встречались истинные «эстеты», склонявшиеся к утонченным наслаждениям и требующие от своих избранниц не только красоты, но и определенного лоска. Лучшим способом «огранки» девушек являлось помещение их в труппу крепостного театра, на который (порой разоряясь), помещики тратили огромные деньги. Многие крепостные актрисы обладали большим талантом и, обученные прекрасными учителями, являлись предметом гордости своих хозяев. Но блистающими красотой, игрой и нарядами в пьесах Мольера и Расина актрисами можно было любоваться только из зрительного зала. За его пределами они становились прежними «Дуньками» и «Палашками», доступ к которым охранялся строже, чем вход в гарем восточного паши. Для того, чтобы выразить восхищение их игрой, следовало получить особый «билет» — документ, разрешающий пройти через несколько заслонов охраны. А в качестве «дуэний» к актрисам иногда приставлялись женщины, у которых имелись дети. Надзор был очень строг, поблажек не давалось, так как несчастные «дуэньи» знали, что в случае «греха» с подопечными прежде всего пострадают их собственные дети, которые «поступили бы на страшное тиранство». Наказывали и согрешивших девушек, и тех, кто отказывал барину в своих милостях. В этом случае кара могла быть утонченно жестока. Непокорных не только пороли и ссылали, их могли подвергнуть длительной психологической пытке. Так героиню рассказа А. Герцена «Сорока-воровка», гениальную крепостную актрису, не согласившуюся стать любовницей своего барина, содержат под строгой охраной, выпуская только на сцену, где она годами исполняет одну и ту же роль, уничтожая свой талант и мастерство. Но наиболее трагична была участь девушек, попавших от просвещенных гуманных хозяев к барам совсем другого толка, сразу же дававшим понять **рабе,** где ее место. Страшна была и участь иностранок, вышедших замуж за крепостных. Эти женщины по российскому законодательству, вступая в брак с ними, сами сразу же становились собственностью владельца мужа. Разумеется, далеко не все помещики были злодеями, относившимися к крепостным, как к собственным вещам. Случалось, что увлечение хозяина к своей рабе перерастало в глубокое, сметающее все сословные преграды чувство, и он мог не только даровать свободу, но и жениться на ней. Роман вельможи графа Шереметева,

* *Невинность (франц.).*

женившегося на своей крепостной актрисе, вошел в историю. Но, возможно, именно исключительность этого случая сделала его столь знаменитым, и поэтому эпиграфом к рассказу Николая Лескова «Тупейный художник», где повествуется о трагической истории крепостной актрисы, стали слова: «Святой памяти дня 19 февраля 1861 года».

«ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН»

После Октябрьской революции в Советской России началось низвержение основ. Учеба в школах проходит под лозунгом «Долой учебники!», в клубах, студенческих аудиториях и на партийных собраниях проводятся дискуссии с лихими названиями «Даешь свободную любовь!», и дело доходит до того, что начинается вполне серьезно обсуждаться вопрос об обобществлении женщин. Безумие этой идеи не осознается, и многие искренне верят в возможность ее осуществления. И основания для этого имелись. Все изменилось, в том числе и брак. Ленин советует противопоставить «грязный, буржуазный брак без любви — пролетарскому, гражданскому браку с любовью». Венчаться в церкви теперь не обязательно (позднее это будет опасно). Новая власть признает действительным не только гражданский и лишь зарегистрированный в загсе брак, но и осуществляемый фактически, без какого-либо оформления. Не обязательна ни церковная, ни «красная свадьба», которую широко пропагандировали взамен венчания.

Многие граждане обходятся вообще без свадьбы, а идеи имущественного и социального равенства вторгаются в интимную сферу. Позднее будут спроектированы «идеальные» дома, обитатели которых станут вести максимально обобществленную жизнь с общими столовыми, библиотеками и отдельными комнатами, в которых они по регламенту и в определенное время смогут предаваться здоровой и гигиеничной любви. Личная жизнь тоже постепенно ставится под общественный контроль, так как разложение возможно только там, где «еще подспудно живет подсунутая врагами народа теорийка о невмешательстве коллектива в личную жизнь, о раздельном существовании личного быта молодого человека от его общественного бытия. Поведение молодого человека в быту не может не интересовать организацию, коллектив» (Семья, быт и религия. Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР. 1941).

Личная жизнь поставлена под общественный контроль будет позднее, но пока бушует гражданская война, некоторые наиболее радикально настроенные идеологи новой жизни полагают, что пролетарская революция должна предшествовать сексуальной. Идеи свободной любви находят самый горячий и вполне объяснимый отклик в войсках, но среди мирного населения отношение к ним иное, и особенно острой была реакция на слухи об обобществлении всех представительниц слабого пола.

В марте 1918 года в Саратове у клуба анархистов разъяренная толпа, состоящая в основном из женщин, пыталась ворваться в помещение. Собравшиеся неистовствовали, выкрикивая: «Народное достояние, ишь, что выдумали бесстыжие!». Наконец, двери взломали, и, сокрушая все на своем пути, женщины ворвались в клуб. Анархистов, судя по настроению толпы, могли просто растерзать, но они успели скрыться, убежав через черный ход.

Причиной возмущения обывателей послужил расклеенный по всему городу «Декрет об отмене частного владения женщинами», изданный «Свободной ассоциацией анархистов города Саратова».

Декрет, датированный 28 февраля 1918 года, по форме своей напоминал другие документы советской власти. В преамбуле излагались причины издания этого «исторического» документа. Там говорилось, что вследствие социального неравенства и законных браков «все лучшие экземпляры прекрасного пола» находятся в собственности буржуазии, чем нарушается «правильное» продолжение человеческого рода. Согласно «Декрету», с 1 мая 1918 года все женщины в возрасте от 17 до 32 лет (кроме многодетных — имеющих более пяти детей) изымаются из частного владения и объявляются «достоянием (собственностью) народа». В «Декрете» подробнейшим образом излагались «правила пользования» «экземплярами народного достояния». Распределение «заведомо отчужденных женщин» должно было осуществляться саратовским клубом анархистов. Мужчины имели право пользоваться одной женщиной «не чаще трех раз в неделю в течение трех часов». Для этого они должны были предъявить свидетельство от фабрично-заводского комитета профсоюза или местного Совета о принадлежности к «трудовой семье». Бывшему мужу предоставлялись некоторые льготы: ему сохранялся внеочередной доступ к своей жене, в случае же противодействия исполнению «Декрета», он лишался права на пользование женщиной.

Пользование «экземпляром народного достояния» было бесплатно, но, тем не менее, каждый трудящийся, желающий иметь доступ к женщине, обязан был отчислять от своего заработка девять процентов, а мужчина, не принадлежащий к «трудовой семье», — 100 рублей в месяц, что могло быть значительно больше обычного взноса и составляло от двух до сорока процентов среднемесячной зарплаты рабочего. Из этих отчислений создавался «Фонд народного поколения», за счет которого выплачивалось вспомоществование национализированным женщинам в размере 232 рублей, пособие забеременевшим, содержание на родившихся у них детей (предполагалось воспитывать их до 17 лет в приютах «Народные ясли»), а также пенсии женщинам, потерявшим здоровье.

«Декрет об отмене частного владения женщинами» был фальшивкой, созданной владельцем саратовской чайной Михаилом Уваровым. Он был убит анархистами, которые объявили это убийство «актом мести и справедливого

протеста» за разгром своего клуба и издание от их имени компрометирующего их партию пасквильного и порнографического «Декрета». Цель опубликования «Декрета» и убийства автора осталась невыясненной, но так или иначе саратовская история имела продолжение, а сам «Декрет» с необычайной быстротой стал распространяться по России, вызывая широкий общественный резонанс. Весной 1918 года «Декрет» был перепечатан многими газетами, редакторы которых преследовали двоякие цели. Одни, публикуя этот невероятный документ, хотели просто повеселить читателей и увеличить тираж, другие — дискредитировать анархистов и одновременно пришедших к власти большевиков, с которыми они сотрудничали в то время. Реакция на «Декрет» была разнообразной и неоднозначной. Так, в Вятке правый эсер Виноградов с энтузиазмом воспринял идею «обобществления женщин» и напечатал «Декрет» под названием «Бессмертный документ» в газете «Вятский край».

Вопрос о «бессмертном документе» был признан настолько важным, что его в срочном порядке обсуждали на вятском губернском съезде Советов, где все партии, поддерживающие большевиков, проявив редкое единодушие, резко осудили публикацию. Но ситуация уже вышла из-под контроля, и начали появляться различные варианты «Декрета». Во Владимире, в частности, стал распространяться новый, ужесточенный документ, в котором вводилась «национализация» женщин с восемнадцатилетнего возраста: «Всякая девица, достигшая 18 лет и не вышедшая замуж, обязана под страхом наказания зарегистрироваться в бюро свободной любви. Зарегистрированной предоставляется право выбора мужчины в возрасте от 19 до 50 лет себе в сожители и супруги...» Еще более курьезный характер принимало исполнение «Декрета» на местах — в некоторых забытых Богом поселениях, где должностные лица, приняв его за подлинный, революционный документ, в пылу классовой борьбы (и не без удовольствия), готовы были осуществить предписания документа. Жалобы доходили и до Кремля. В феврале 1919 года В. Ленин получил жалобу на Комитет бедноты некоей деревни, который распоряжается судьбой молодых женщин, «отдавая их своим приятелям, не считаясь ни с согласием родителей, ни с требованиями здравого смысла». Ленин отреагировал телеграммой в ЧК, требуя проверить факты и в случае их подтверждения «сурово наказать мерзавцев и быстро оповестить все население». Жесткая реакция вождя пролетариата была обоснованна. В страшный период голода и разрухи слухи о «национализации» жен и дочерей еще больше настраивали народ против большевиков, которым теперь приписывалось авторство «Декрета». И это было вполне объяснимо. Ведь именно новая власть проводила обобществление всего и вся. Но, несмотря на все жесткие меры, как по отношению к газетам, опубликовывавшим «Декрет», так и тем, кто пытался воплотить его в жизнь, слухи распространялись, а сам «Декрет» обрастал новыми устрашающими пунктами и подпунктами. В частности, во время коллективизации ходили

слухи, что крестьяне, вступающие в колхоз, «будут спать под одним общим одеялом» (идея, нашедшая не только яростных противников, но и горячих приверженцев).

«Декрет об отмене частного владения женщинами» получил широкую известность и за пределами Страны Советов, причем в его достоверности не сомневались даже некоторые известные политические деятели. Основанием этому могли послужить документы времен Гражданской войны. Так, в Екатеринодаре (современный Краснодар) после того, как его покинули красные, в руки белых попали свидетельства о «социализации девушек и женщин», и, в частности, мандат, в котором говорилось, что «предъявителю сего, товарищу Карасеву, предоставляется право социализировать в городе Екатеринодаре 10 девиц возрастом от 16 до 20 лет, на кого укажет товарищ Карасев». В результате «социализации», как установила специальная комиссия, красноармейцами было схвачено более шестидесяти красивых девушек из буржуазных семейств и учениц местных учебных заведений, которые подверглись массовому изнасилованию и пыткам.

В феврале — марте 1919 года в «оверменской» комиссии сената США во время слушания о положении дел в России произошел знаменательный диалог между членом комиссии сенатором Кингом, ссылавшимся на «Декрет», и прибывшим из советской России американцем Саймонсом, который подтвердил его исполнение. Так, родившаяся в провинциальном городе Саратове, легенда пошла гулять по свету. Верят в нее и поныне.

«МЛАДШИЕ МУЖЬЯ» И «ДОБАВОЧНЫЕ ЖЕНЫ»

Полигамия, существующая во всех уголках Земли, зачастую принимала формы, полностью разрушающие традиционные представления о ней как о семье, где муж-патриарх собрал под одной крышей нескольких покорных его воле жен.

У многих народов Африки жены живут отдельно от мужа, каждая ведет свое хозяйство и владеет отдельной собственностью. Даже в кочующих племенах им строятся маленькие хижины или шалаши, ибо, как утверждает пословица: «Две мамбы в одной норе не спят, два грома в одной туче не живут». Муж посещает своих жен время от времени, или жестко соблюдая очередность. Почетное место принадлежит первой жене, но интересы других жен также соблюдаются, во всяком случае пользоваться доходами одной жены в интересах другой запрещено. К представительницам слабого пола (которые работают наравне с мужчинами, а иногда и больше) отношение чрезвычайно терпимое. За ними ухаживают, терпеливо прощают слабости, в том числе и измену, философски уподобляя женщину тропинке, «по которой шагаешь: не обращая внимания на тех, кто прошел по ней до тебя, и на тех, кто пройдет после».

У папуасов Новой Гвинеи жены еще более разнесены во времени и пространстве. В доме мужа живет обычно только одна жена, а вторая и третья находятся на отдельных островах, куда муж ездит один — два раза в год.

Раздельное проживание жен имело место и в некоторых племенах индейцев Северной Америки, где причина устойчивости многоженства была чрезвычайно прагматична. Чтобы стать владельцем крупного стада, мужчина должен был многократно жениться, ибо скот наследовался только по женской линии.

В суровых условиях Севера у чукчей существовал так называемый переменный брак, когда двое или несколько мужчин, связывая себя узами взаимной помощи и защиты, давали друг другу право на своих жен (подобное право получали и таитяне, когда двое из них заключали оборонительный и наступательный союз). Членами союза могли быть до десяти человек, в том числе вдовцы и холостяки, но обычно их количество ограничивалось тремя — четырьмя. Участники переменного брака осуществляли его при каждой встрече — во время приезда в гости, при совместном посещении чужого стойбища и так далее. Если же они жили на стойбище постоянно, то брак принимал форму настоящего многомужества. Переменный брак являлся частным соглашением мужчин, которое заключалось ради их личных удобств, выгод, стремления к разнообразию и желания упрочить дружественные узы с партнером. Женщины же в соглашении участия не принимали, но чаще всего относились к

этому обычаю снисходительно и подчинялись безропотно, в том числе даже русские, вышедшие замуж за чукчей. Случалось, впрочем, что жены, которым муж навязывал сожителя, неугодного по той или иной причине, выражали свой протест, подобно доблестным женам раджпутов, самым радикальным способом — самоубийством.

Обмен женами существовал и у некоторых групп американских эскимосов, он мог совершаться и часто, и всего один раз за всю жизнь. Эскимосы Берингова пролива имели две формы брака — первичный поселенческий и добавочный, включающий обмен супругами между двумя супружескими парами. Кроме добавочного брака у некоторых групп эскимосов отмечалось и многоженство. Вожди и хорошие охотники имели двух и более жен, между которыми происходило разделение труда в хозяйственной сфере, когда первая жена занималась шитьем одежды, а вторая, более молодая, вела хозяйство.

У других обитателей Севера, алеутов*, женщина могла играть в браке весьма активную роль. Ей дозволялось иметь двух мужей, из которых один был главным, а другой — его помощником, или «половинщиком».

Этот союз нисколько не компрометировал алеутку, и среди соплеменников она имела оправданную репутацию наиболее бойкой и расторопной, так как должна была обшивать и содержать в исправности снаряжение обоих своих мужей. Второй муж, помощник, кроме супружеских прав имел и обязанности. Он должен был ходить с первым мужем на охоту и участвовать в содержании их общей жены и семейства. Но при этом «половинщик» не был полным хозяином в доме, и если хотел отделиться, что мог сделать всегда, имел право взять себе только часть (но не половину) всего того, что было в доме. Дети же всегда оставались при матери или при дяде.

Кроме алеутов данный обычай существовал у тихоокеанских эскимосов и у тлинкитов**, имеющих нескольких жен, главной среди которых считалась первая жена. Она могла взять в дом молодого человека для помощи по хозяйству, и считавшегося после этого членом семьи. Мужья-многоженцы снисходительно смотрели на это сквозь пальцы.

Групповой брак приписывал жителям Океании и Иван Крузенштерн***, в своем «Путешествии вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях

---

* *Алеуты (самоназвание — унанган) — народ, коренное население Алеутских островов и полуострова Аляска (США) и Командорских островов (Российская Федерация). Общая численность 3 тысячи человек (1990), в том числе в США 2 тысячи человек. Язык алеутский.*

** *Тлинкиты (самоназвание — тлингит) — индейский народ в США (юго-восток штата Аляска) и Канаде (территория Юкон). Около 1 тысячи человек (1992). Язык на-дене. Верующие-христиане (в основном православные).*

*** *Крузенштерн Иван (Адам) Федорович (1770–1846) — русский мореплаватель, начальник первой российской кругосветной экспедиции.*

«Надежда» и «Нева»» рассказывает о половинщиках, или «огнезажигателях», в семьях жителей Нукагивы на Маркизовских островах. Имелись они, правда, только в богатых семьях или в «королевской фамилии». Главное назначение этих мужчин — «наблюдать» в отсутствие мужа за женой, ибо «нукагивские властители уповательно полагают, что лучше охотно делиться с одним, нежели поневоле со многими, уверяясь, что для избежания сего последнего таковой соучастник необходим».

Великодушно разрешалось иметь «домашних друзей» жительницам Габона. Возможно, это несколько смягчало жестокое обращение с ними. Габонцы практиковали даже не обмен женами, а отдачу их внаем соседу. Иногда женщин оставляли в залог в обеспечение взятых ее супругом товаров*. Не приходится завидовать и бирманкам. В этой стране (с 1989 г. — Мьянма) была строго запрещена полигамия, но количество побочных жен не ограничивалось. Они находились в подчиненном положении у законной жены, принижаясь до уровня служанок, а в случае смерти мужа, если только он не успел дать им свободу, становились рабынями вдовы. Остается только догадываться, каково приходилось оказавшимся в ее власти любимицам умершего супруга.

Вынужденную терпимость к своим женам проявляют индейцы Бразилии, где нарушенный во время колонизации страны баланс полов привел к изменению форм брачных отношений, так как женщин стало в два раза меньше чем мужчин. Тогда в некоторых племенах возник институт полиандрии «амутехеа». У каждой женщины племени кроме мужа есть еще и амутехеа — мужчина, не связанный с нею экономическими обязательствами. Муж, хотя ему известны амутехеа всех других женщин и личность амутехеа собственной жены не вызывает сомнения, мудро «не знает» об этом, ибо «лучше иметь жену с любовником, чем остаться холостяком». В других племенах нехватка женщин вылилась в формы насильственного перераспределения жен в ущерб самым старым и молодым мужчинам и более широкой трактовки существовавшего издавна обычая обмена женами между женатыми. Теперь в сферу этих связей стали попадать и холостые члены племени, которым не досталось женщин для

---

* *В некоторых африканских государствах женщины выступали в качестве живых денег, и ими уплачивались крупные платежи. Интересна и цена, которую платили за женщин народы, добывающие себе жен покупкой:*

У готтентотов — один бык и одна корова.

У кафров — от шести до тридцати голов скота в зависимости от ранга отца.

У бонго — двадцать фунтов железа или двадцать наконечников для копий.

У того — шестнадцать долларов наличными и шесть долларов товарами.

У азиатских кочевников калым часто был очень высок и составлял девяносто четырехлетних овец, и столько же четырехлетних верблюдов.

У тунгусов девушка стоила двадцать голов рогатого скота, у туркмен — пять верблюдов.

брака. Возможно, из-за нехватки невест перед наступлением половой зрелости девочки помещаются в специальное, тайное убежище в глубине леса, где с помощью старейших женщин племени знакомятся с будущими обязанностями жен и матерей. В родовой дом девушки возвращаются непосредственно перед вступлением в брак, который обычно стабилен, а разводы редки.

Весьма интересна история брака колонизаторов Бразилии — португальцев, которых также не миновало многоженство. Почти столетие с начала покорения страны (1500) они вступали в полигамные, неустойчивые и смешанные в расовом отношении союзы. Иммиграция была преимущественно мужской, и колонизаторы охотно создавали семьи с индеанками. Эталоном красоты у португальцев являлась смуглая темноволосая красавица, и коренные обитательницы страны, яркая красота которых напоминала колонизаторам арабок, вполне подходили под него. Такая широта взглядов объяснялась тем, что у жителей южных районов и Атлантического побережья Португалии в результате длительных контактов с арабскими завоевателями, в том числе и брачных, сложилось крайне снисходительное отношение к межэтническим бракам. При этом не только военачальники, но все те, кто мог содержать большую семью, брали себе в жены нескольких индеанок. Эти браки обычно были недолговечны и легко распадались, а женщины, если были красивы, легко находили себе нового покровителя и не горевали, что объяснялось привычкой к распространенной среди индейцев Бразилии практике смены брачных партнеров. К концу XVI столетия смешанные португальско-индейские семьи составляли 80% от всех семей, существовавших в колониях, дети-метисы становились полноправными членами уже не индейской, а белой группы, а индеанки даже подолгу живущие с мужьями-португальцами, считая их и рожденных от белых мужчин детей чужаками, при случае возвращались в свой род. Ситуация изменилась только к середине XVII века, когда под давлением иезуитов и колониальных властей в Бразилии начали преобладать моногамные браки, а семья из относительно свободной превратилась в жестко авторитарную с подчеркнутой властью отца-патриарха, имеющего право вершить суд не только над своими рабами, но и над непокорными членами семьи (в хрониках того времени часто встречаются сведения об убийствах жен и детей). В семьях знатных португальцев стали строго соблюдаться внутрисемейный этикет и традиции, призванные сохранять «чистоту рода». Со временем в новой стране среди инорасового населения они стали еще более жесткими. Однако сам патриарх, глава семейства, был совершенно свободен, и никакие нормы не мешали ему иметь целые гаремы из рабынь-негритянок, которых с 1538 года стали регулярно доставлять в страну.

Именно рабство способствовало распространению обычая полигамии в колониях. Подобное нарушение норм христианской морали весьма устраивало практичных британских плантаторов, владевших большей частью Вест-Индии,

так как способствовало увеличению численности рабов и удобству их эксплуатации. Возможно, именно поэтому в отличие от колонизаторов-католиков (французов и испанцев), британцы не стремились обращать своих рабов в христианство. В одной анонимной книге автор (не британец) написал: «На острове Ямайка ...позволяли некрещеным неграм жениться на двух и на трех женах для размножения рода». Б. Эдвардс, известный в свое время историк и политический деятель Вест-Индии рубежа XVIII и XIX столетий, дипломатично оправдывает многоженство склонностью к нему рабов: «Доподлинно и хорошо известно, что практика полигамии, повсеместно господствующая в Африке, также очень хорошо принята среди негров в Вест-Индии; и тот, кто считает, что от этого можно найти средство, введя для них законы о браке, принятые в Европе, совершенно не представляет их нравов, пристрастий и суеверий. Считается, что на Ямайке по самым скромным выкладкам не менее десяти тысяч ремесленников и прочих ...имеют от двух до четырех жен каждый». И все же полигамия у рабов носила своеобразный характер. Эдвард Лонг, книга которого вышла в 1794 году, так описывал полигамные семьи ямайских негров: «Объектом постоянной привязанности является одна; остальные относятся к разряду случайных сожительниц или рабочей силы, на чью помощь муж рассчитывает в обработке земли, продаже выращенного и прочее, оказывая им ответные дружеские услуги, когда им есть в том нужда...» Родственные узы, опровергая понятия о рабах-животных были крепки. В их семьях безоговорочно признавалась власть отца, и сыновняя покорность ценилась выше супружеской верности. При этом родные были так «привязаны друг к другу, что молодежь с удовольствием работает, чтобы прокормить больных и слабых ... и они весьма склонны оказывать уважение и почитание старости» (Б. Эдвардс).

В таинственном Тибете, стране снегов, существовало (и продолжает существовать) несколько форм брака, а женщина обладала правами, которые в других странах принадлежат лишь представителям сильного пола. Там не было строго установленного брачного возраста ни для девушек, ни для юношей. Не было ни кастовых, ни сословных, ни имущественных ограничений. Знакомились молодые люди самостоятельно во время праздничных пирушек, а за невесту выплачивался своеобразный выкуп, называемый «цена молока». При выборе невесты потенциальные женихи обращались к гадателям-астрологам, и он был очень не прост, ибо в Тибете достаток семьи во многом зависел от трудолюбия женщин — ни минуты не пребывающих в праздности тружениц. Был выбор осложнен и выяснением, нет ли в семье невесты одержимых или отравителей — «хранительниц яда», о которых в Тибете рассказывали леденящие душу истории. Это волшебное, смертельно действующее зелье передавалось от матерей к дочерям, которые не могли отказаться от рокового наследственного дара. Особенностью яда являлось еще и свойство обращаться против самой отравительницы, в том случае, если жертва отказывалась принять его.

Отравительница погибала сразу же после отказа, даже не прикоснувшись к страшному напитку.

Семья обычно была моногамной. Однако в некоторых областях страны существовало и многоженство, и многомужество. В этом случае несколько братьев, живущих одной семьей, брали себе общую жену. Вопрос решался «коллегиально» всеми братьями, но случалось, что самые младшие, будучи детьми, не могли осознать важности принимаемого решения, и это впоследствии могло привести к серьезным семейным неурядицам. Спрашивали согласие иметь нескольких мужей сразу и у невесты. В свадебной церемонии участвовал только старший брат, который всегда фактически становился главой семьи и полноправным владельцем всего движимого и недвижимого имущества. Существовало и определенное «неравноправие» в семье, где, на приведенную старшим братом женщину, имели права и младшие братья, но практически она оставалась именно его женой. Его она называла «старшим мужем», а остальных — «младшими мужьями». Права на общую жену утрачивались братом сразу же после того, как он покидал отчий дом, отделялся и начинал жить самостоятельно. Полиандрия, распространенная в Тибете, имела, как и все обычаи, вполне реальные корни, основываясь на стремлении сохранить землю и хозяйство в целостности и неприкосновенности и достичь большого достатка в семье, куда приносили заработок несколько мужей. В этой суровой стране, обладающей ограниченными пищевыми ресурсами, полиандрия позволяла избежать голода, не было при ней и оставшихся без мужской поддержки вдов. Обычай многомужества не приводил дисциплинированных тибетцев к нравственной распущенности, поведение всех супругов оставалось очень сдержанным, а женщина-многомужница пользовалась уважением и в семье, и в обществе и считала свое положение очень престижным. Именно она являлась хранительницей домашних устоев и полноправной матерью всех рожденных ею детей, которые называли главу семьи «старшим отцом», остальных мужей своей матери — «младшими отцами» Никого не волновало, кто конкретно дал жизнь тому или иному ребенку, все члены семьи в равной степени были преданы друг другу. Женщины же полагали, что все их мужья, рожденные одной матерью, будучи одной крови и плоти, являют собой единое целое. Так же, впрочем, как и их имущество, доходы и заработок, которыми они могли распоряжаться.

Во Вьетнаме полигамия была искоренена с приходом к власти коммунистов, но при этом сохранилась одна необычная форма брака. Вьетнамцы, в семье которых нет детей «по вине супруги», не ждут милостей ни от природы, ни от достижений современной медицины и нанимают «во бэ» — временную жену, к телу которой супруг, обеспечивающий ее всем необходимым, получает доступ на определенное время. «Новая жена» живет с мужем, пока не забеременеет, но после трех месяцев после рождения ребенка, следуя договору, отправляется

восвояси. Этот брак, не требующий документального оформления, считается очень выгодным для жены и мужа ...если только последний не решит заменить ее на молодую мать, — не частые, но имеющие место эксцессы.

В Австралии среди ее коренных жителей бытовали союзы, шокирующие даже не отягощенных чрезмерной строгостью нравов переселенцев из Европы. Но браки аборигенов, несмотря на всю кажущуюся легкость и свободу их образования, не были беспорядочными, они осуществлялись по установленным правилам и, являясь строго регламентированными, вовсе не свидетельствовали о половой распущенности. Все члены племени от рождения принадлежали к определенному классу (касте), и брак определялся «классовым происхождением» жениха и невесты. Великодушие, с которым жена предоставлялась гостю мужа (обычай, бытовавший также на Цейлоне, Таити, Канарских островах и в Гренландии) являлось, прежде всего, актом вежливости и гостеприимства. Но этот широкий жест мог быть сделан только в том случае, если гость и жена принадлежат к классам, между которыми возможно брачное сожительство. Заботу о госте всего племени проявляли и сами старейшины, давая ему временную жену. Желание женщины при этом не всегда учитывалось. Не имело оно значение, и когда ей давали так называемого добавочного мужа. Этот обычай, существовавший у некоторых племен, состоял в том, что помимо парного брака имелся еще и добавочный, который устанавливался общиной. Мужчина мог иметь сколько угодно добавочных жен, в том числе из чужих племен, и их количество зависело от положения в обществе, богатства и влияния, которым он обладал среди своих соплеменников. Женщина также могла просить своего супруга дать ей определенного мужчину в качестве добавочного мужа, но тот имел право не согласиться, и его отказ не оспаривался. Мужчине ее разрешения не требовалось, и он всегда мог воспользоваться своими супружескими правами на добавочную жену в отсутствие ее супруга (но лишь с согласия последнего).

Австралийцы добывали себе пропитание охотой и собирательством. Они передвигались по определенной местности, питаясь дичью или плодами, зернами, клубнями диких растений. Мужчины охотились, а женщины собирали коренья, дикие злаки, а также мелких пресмыкающихся и насекомых. И чем больше добавочных жен имел мужчина, тем легче и приятнее протекала его жизнь. Он мог меньше заниматься охотой и заботиться о еде: добавочные жены снабжали его частью собираемой ими пищи. Возрастало и влияние этого многоженца в племени, так как он при случае (и за подарки) ссужал своих женщин молодым холостякам. Случалось, что мужья обменивались женами, а иногда их мужская солидарность простиралась до того, что муж бескорыстно давал на какое-то время свою жену приятелю. Так А. Гауитт рассказывал, как один австралиец из племени Курнаи, имеющий двух жен, отдал одну из них своему другу, которому предстоял длинный путь в горы: «Бедный парень, он —

вдовец, а ему предстоит идти долгий путь, и он будет чувствовать себя очень одиноким» (Hovitt A.W Nativ Tribes of South- East Australia).

Женщин использовали и в миротворческих целях. В Новом Южном Уэльсе соплеменники, поссорившись и желая примирения, обменивались ради этого на время женами. Посланцами некоторых племен являлись именно женщины, которые отправлялись в путь в сопровождении своих добавочных мужей. Если цель, ради которой они явились в племя, была достигнута, то все мужчины-хозяева получали этих женщин в свое распоряжение, если же нет — женщины оставались без их благосклонного внимания. Обмен женами осуществлялся даже в религиозных целях, и в племени Вимбайо старики, услышав про одну опасную болезнь, идущую вниз по реке, предложили «на всякий случай» обмен женами, дабы предохранить этой мерой племя от заражения.

Иногда австралийцы отступали от классовых ограничений, которые нарушались на торжественных собраниях, где сообща предавались любви и допускалась полная сексуальная свобода. Представить жену на этот «праздник любви» в общее пользование всех мужчин являлось долгом для мужа. У некоторых племен существовал даже обычай, согласно которому, люди помогавшие жениху при захвате невесты и принадлежавшие к одному с ним классу, имели право доступа к ней, когда муж отправлялся на охоту. Случалось, что в свадебных обрядах жениху приходилось отдавать свою невесту друзьям или родственникам, и лишь после того, как они насладятся девушкой, она поступала в распоряжение своего мужа. Широко практиковался обмен женами, и, хотя преимущественно он происходил между родственниками, могли участвовать в обмене не связанные кровными узами соплеменники. Гауитт писал: «Хотя мужья способны на бешеную ревность, когда жены тайком от них грешат, они, тем не менее, часто ссужают их другим лицам или обмениваются женой с приятелем на ночь. Что касается близких родственников, как, например, братьев, то почти можно признать, что жены у них общие. Последняя практика, признанный обычай, и женщина удостаивает без различия братьев мужа именем мужей…»

Женщинам, которыми так широко распоряжались мужья, не была чужда ревность, и во избежание ссор и соперничества старейшины могли даже порекомендовать ограничить количество добавочных жен одной. Свирепо ревновать могли представители обоих полов, предостерегающие своих добавочных супругов от «внебрачных связей». Особенно тяжко приходилось молодому холостяку, за которым зорко следила его добавочная жена. Во избежание измены женщина требовала, чтобы он становился рядом с ней лагерем, и не смыкала глаз, пока не убеждалась, что тот крепко спит и уже не сможет потихоньку ускользнуть к сопернице. Кара за неверность была жестока: изменника (изменницу) обдавали горячими углями или кипятком, причем иногда только по одному подозрению. Но это не мешало возникновению любовных историй с

нарушением верности, похищениями и уводами замужних женщин и девушек. Подобные драмы возникали из-за условий брака, вступление в который было осложнено классовыми и тотемными ограничениями. Девушки просватывались уже с детства, богатые и влиятельные австралийцы могли иметь несколько жен, а на долю молодых их не доставало. Труд женщин использовался так широко, что холостые и вдовые мужчины могли действительно считаться «бедным парнями». Нуждались в мужском покровительстве и представительницы слабого пола. И именно добавочные браки были призваны восстановить справедливость и урегулировать отношения между полами. Мужчина, у которого не было жены (временно или постоянно), получал доступ к другим женщинам, а женщина, муж которой отсутствует получает в лице добавочного мужа нужного ей временного покровителя.

Так подтверждался вывод, что «нормальной или естественной является та форма брака, которая лучше всего соответствует культурным и в особенности экономическим условиям» (Ф. Мюллер-Лиэр. Формы брака, семьи и родства. М., 1913).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бейер Р. Царь Соломон. — Ростов н/Д: Феникс, 1998.- 320с. (Серия «След в истории») .
2. Бешэм А. Чудо, которым была Индия. — М.: Издательская фирма Восточная литература, РАН, 2000.-614 с.
3. Библейские сказания. — СПб : Респекс, 1997. — 597 с.
4. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. — 357 с. (серия «Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века»).
5. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация: История. Религия. Философия. Эпос. Литература. Наука. Встреча культур. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 495с. (серия «Культура народов Востока»).
6. Брокгауз Ф.А.,Ефрон И.Я. Энциклопедический словарь. — СПб., 1896. — С. 863-867.
7. Вардиман Е. Женщина в древнем мире. — М: Наука, 1990. — 335 с.: ил. (Серия: «По следам исчезнувших культур Востока»)
8. Вигасин А.А. Женщина в древней Индии: [ст] // Женщина в древнем мире / Е. Вардиман. — М.: Наука, 1990. С. 301 -332.
9. Гис Д Ф. Брак и семья в средние века. — М.: Издательство РОССПЭН, 2002. — 381 с.
10. Головина В.А. Жена царева великая Нефертари Меретемнут // Женщина в античном мире. М., 1995, С. 8–43.
11. Гулик Р. ван. Сексуальная жизнь в древнем Китае.- СПб: Азбука-Классика, Петербургское Востоковедение, 2004. — 544с.
12. Гусева Н.Р. Индия: Тысячелетия и современность.- М : Наука, 1971.— 141с
13. Женщина в античном мире : Сб.ст. / отв. ред.: Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин; Рос. акад. наук. — М. : Наука, 1995. — 273с. : ил.,рис.
14. Живая история Востока: сб. / сост. О.Е. Непомнин. — М: Знание, 1996. — 368 с.
15. Кама-сутра .Трактат об искусстве любви. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 400с. (Серия «Антология мудрости»).
16. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова. М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артия, 1986. — 606 с.
17. Королевские дворцы. — М: Апрель, АСТ, 2003. — 300с.
18. Крутье А. Л Гарем. Царство под чадрой М.: Крон-Пресс, 2000. — 252 с.
19. Лау Исраэль — Меир Практика Иудаизма.в свете устной торы. — Иерусалим : Изд-во Масада, 1991. — 460 с.

20. Монте П. Повседневная жизнь египтян времен великих фараонов. М.: Молодая гвардия, 2000. — 461 с.
21. Моргунов М. Честь семьи // Вокруг света. — 2002. — № 7. — С. 124–131
22. Мормоны в России. // Родина. — 2003. — № 9. — С. 19–23.
23. Мормоны: Философия, религия, культура. Научно –аналитический обзор. М.: Российская академия наук, 1994. — 43 с.
24. Морэ А. Цари и боги Египта: — М.: Алетейа, 2001. — 239с.:ил. — (Vita memoriae).
25. Нерваль Ж. Путешествие на Восток.М : Наука, 1989г.
26. Норстрем Э. Библейский словарь. СПб: Библия для всех, 1998. — 517 с.
27. Перепелкин Ю.А. История Древнего Египта. СПб: Летний сад, Журнал «Нева», 2000. — 560 с.
28. Петрова И. Добрые женщины для добрых мужчин// Родина. — 2003. — № 3. — С 18–22
29. Петрова И. Кушать подано.// Родина. — 2001. — № 5.— С. 31–32.
30. Раппопорт. Н В краю, где снимаются вестерны. //Человек. — 2002. — № 2. — С.129–141.
31. Селим Челеби Когда гарем бывал доволен// Родина. — 1998. — № 5–6. — С 47–55.
32. Сема Нильгюн Эрдоган. В дом радости ведет единственная дверь// Родина. — 1998. — № 5–6. — С. 53–60
33. Синха Н.К, Банерджи А.Ч. История Индии. — М: — Издательство Иностранной литературы, 1954. — 437с.
34. Усов В.Н.Евнухи в Китае. М.:ИД Муравей, 2000.-224с. (серия «Историческая библиотека»)
35. Успенская Е.Н. Раджпуты. Рыцари средневековой Индии. — СПб.: Евразия, 2000. — 384 с., илл.
36. Фадин А. Соломон — пращур любви // Домовой. — 2002. — № 1.
37. Цзинь, Пин, Мэй или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4-х т./ Вступит ст. Д.Н.Воскресенского, О.М.Городецкой, А.Д.Дикарева и др. — Иркутск: Улисс, 1994.
38. Швейгер—Лерхенфельд А. Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. М.: Curare, 1998; С.342–355
39. Юрлова Е.С. Женщина в индийской семье / / Этнографическое обозрение. — 1999. — 1. — С 97–106.
40. Юрлова Е.С. Индия: Гендерные проблемы на рубеже XXI века// Социс.- 1998. — № 12. — С .83–88.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. МНОГОБРАЧИЕ — РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ? 3

БИБЛЕЙСКИЕ МНОГОЖЕНЦЫ 7

БУКЕТ ИЗ ЛОТОСОВ И ВАСИЛЬКОВ (ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ) 22

ГИБЕЛЬ ГЕРАКЛА (ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ) 29
Уздечка, намордник и петух 29
Сделай Спарте хороших детей, Акротат! 33
Красота, секс, любовная магия 37

БОЛЬШОЙ СЕРАЛЬ (ТУРЦИЯ) 43
«Дом радости» 43
Распределение ролей 46
Евнухи 59
Дети султана 68
Принцессы 69
Золотая клетка для сыновей султана 72
Развлечения 74
Тюльпаны, соловьи и леопарды 74
Игры у воды 79
Хамам 80
Прогулки 86
Что и как ели и пили в гареме 87
Оправа для драгоценностей султана 89
Звезды Большого Сераля 95
Смешливая злодейка (Анастасия Лисовская) 95
Прекраснейшая (Эме де Ривери) 102

ТАЙНОЕ ОРУЖИЕ ГАРЕМА — «ЖЕНСКИЙ КОРАН» (ПЕРСИЯ) 107

ИГРЫ ДРАКОНОВ (КИТАЙ) 122
«Та, которая внутри» 122
Гармония в женских покоях 126
Хозяйки Запада и Востока 128
Женщины ветра и пыли 131
Великое искусство алькова 133
Запретный город 138

Дракон, птица Феникс и драгоценные любовницы 140
«Снять крышки!» 142

«ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ КРАСНОЙ КИСТЬЮ» (ГАРЕМ ИМПЕРАТОРА) 145
Тайные войны Запретного города 151
Белые лисы и роковые красавицы 153
Игры драконов 156
Господство «дворцовых крыс» 158

ИНДИЙСКИЕ РЫЦАРИ И ИХ ДАМЫ 166
Праздник любви 166
«Теснят меня, как несколько жен одного мужа» 168
Девственность и мужская сила 172
Одна жена пяти братьев 176
Добродетельная жена и ее «высшее божество» 178
«Живущие красотой» 180
Богиня, рабыня, воительница? 184
Индийские рыцари и их дамы 185
Кодекс чести 185
«Правильный рыцарский брак» 187
Дом — крепость 190
«Войди, как стрела в колчан, герой!» 192
Пативрата 196
Смерть в огне 199
Блистательная Нур Джахан 205

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ (МОРМОНЫ) 211

«ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН» (ЕВРОПА) 221
Великие бастарды 221
Продажа жен 232
Крепостные гаремы 234
«Декрет о национализации женщин» 239

«МЛАДШИЕ МУЖЬЯ» И «ДОБАВОЧНЫЕ ЖЕНЫ» 243

БИБЛИОГРАФИЯ 252

Популярное издание

ДМИТРИЕВА ОЛЬГА

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГАРЕМОВ

Директор издательства *Евгений Порогер*
Ответственный редактор *Оксана Кох-Коханенко*
Редактор *Дарья Свешникова*
Компьютерная верстка *Ольги Севрюгиной*
Корректор *Дарья Свешникова*

ООО «Неоглори»
350000, г. Краснодар, ул. Красная, 160
Тел.: (861) 251-66-90
e-mail: info@kwonmaster.ru

ООО «Феникс», 344082, г. Ростов-на-Дону,
пер. Халтуринский, 80
Тел.: (863) 261-89-50, e-mail: office@phoenixrostov.ru
www.phoenixrostov.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.08.2010 г.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Arial Narrow». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 4395

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ООО «Кубаньпечать»,
350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.

В данной книге рассказывается о полигамии в разных странах, у разных народов и в разные периоды истории: в затерянных диких племенах, у американских мормонов, в императорском Китае, крепостях индийских рыцарей-раджпутов и, разумеется, в султанском Великом Серале, ибо полигамия в сознании западного человека — это прежде всего гаремы, в которых со всех сторон света императоры, султаны и принцы собирали прекраснейших женщин.

Плотная завеса тайны окружала эти закрытые, сложно организованные мирки, и лишь познакомившись с их повседневной жизнью, можно понять, почему именно институт гаремов стал основной причиной падения Османской и Китайской империй и как из-за высоких стен сералей и запретных городов их обитательницы «управляли Вселенной».

ФЕНИКС
ISBN 978-5-222-17447-0
9 785222 174470